

sf_humor

Кристина
Юрьевна
Юраш

Семь кругов Яда

Он ядовит и коварен, а еще требует, чтобы я завоевала ему мир! И желательно весь! А поскольку я не придумала ничего лучше, как сделать это при помощи сетевого маркетинга, приходится выкручиваться. Как вы думаете, в другом мире у нас есть конкуренты? Ха! Тут есть и местные трейдеры, и криптовалютчики, предлагающие алхимическое золото и насылающие на меня проклятия. А мой новый генеральный директор мало того что темный властелин, так по совместительству еще и мастер иллюзий, которыми он кормит меня каждый раз. Я понимаю, что влюбляться в него нельзя, ибо он коварен и опасен, но яд его слов уже медленно проникает в мое сердце. Он говорит, что не любит, что у нас ничего не получится, но при этом обнимает меня, гладит и смотрит ядовито-зелеными глазами...

ru

Кауа

FictionBook Editor Release 2.6.7
31 August 2019
C4BEFDB9-E437-4BA3-89A8-9DEA10C38F6B
2.021

1.0 — создание файла (Кауа)

Кристина Юраш «Семь кругов Яда»

Аст
Москва
2019
978-5-17-112650-6

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 Ю64 Серийное оформление — Ольга Жукова Иллюстрация на обложке — Екатерина Петрова Семь кругов Яда : [роман] / Кристина Юраш. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 352 с. — (Девушка без права на ошибку. Звезды юмористического фэнтези). Зав. группой М. Сергеева Руководитель проекта В. Мельник Ответственный редактор М. Тимонина Младший редактор М. Емельянова Технический редактор Н. Духанина Компьютерная верстка Е. Коптевой Подписано в печать 01.11.2018. Формат 84x108 1/32. Гарнитура «OriginalGaramond». Бумага газетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 2 000 экз. Заказ 3633.

Кристина Юраш
СЕМЬ КРУГОВ ЯДА

Глава 1
Кенгуру маркетинга и темный пластилин

Сумка в клеточку, жизнь в полосочку.

— Лю-ю-юди! Ау-у-у! — взвывла я, оглядывая каждый закоулок. — Вы где? Я понимаю, что табор ушел в небо, но вы забыли Будулая! Это уже не смешно! Откликнитесь! Вы куда делись? Ку-ку!

Впервые в жизни мне было так тоскливо и одиноко, как последнему герою на необитаемом острове, еще вчера схарчившему последнего собеседника. Даже пушистые смешные котики на чужих стенах, способные поднять настроение стопроцентно брутальному мачо, казались прибитыми гвоздями беспощадной цензуры. Изверги!

— Нет, ну я так не играю! Где все? — занервничала я, нервно кликая мышкой. — Хоть бы записку оставили, куда ушли! Раз, два, три, четыре, пять... Я иду искать! Кто не спрятался, я не виновата!

Компьютер через VPN работал медленно, а надзорные органы быстро, поэтому я закрыла вкладку и отправилась по следующему адресу, который тоже оказался недоступен.

«После того, как было принято решение заблокировать всеми любимый „Милиграм“ следующим на очереди оказался „Постограм“... В ближайшее время недоступными для пользователей будут „Одноглазники“ и „Кейсбук“».

Моя попа-гурман медленно доедала стул, пока я прикидывала стоимость краски, способной закрасить сто процентов седины за сто рублей. Больше, я так понимаю, заработать мне уже не удастся. Накрылся блокировкой мой маленький и местами прибыльный интернет-бизнес. Покинутые профили выглядели уныло и жутко. На меня смотрела растянутая аватарка Лоры Константиновны — расхитительницы грибниц, которая хвасталась результатами своей тихой охоты, потрясая огромной сыроежкой. Последней новостью на ее странице была фотография ведра грибов с рецептиком «Пальчики оближешь» и фотография ног с подписью: «Протянула уставшие ножки!»

Грустный сорокалетний мальчик-пальчик, облизанный мамой до блеска, порадовал меня последней новостью: «У меня завелась девушка!» Ну да, глистов вывел, а свято место пусто не бывает! Блондинка на сносях сообщала: «Поехала в роддом!», свежая брошенка-страдалица размазывала сопли по всей стене: «Если любит, то простит!» Мертвые с косами стоят. И тишина...

Пока я размышляла о перспективах, мрачно глядя на блокировку привычных страниц, дверь на кухню открылась, и к холодильнику лениво пополз почетный сторож дивана, участник его героической обороны, мастер спорта по «подай-принеси-сходи», Президент, который своим почесыванием мандата способен разбудить даже соседей, и обладатель премии «Есть че пожрать?», которая торжественно вручается ему три раза в день на почти законных основаниях. — «Постограм» заблокировали. «Кейсбук» уже почти не грузится, — всхлипнула я в надежде, что меня подбодрят и утешат. А зря. Судя по взгляду, яйца у нас в семье есть. Три штуки. В холодильнике. И все!

— Наконец-то! — глаза у мужа вспыхнули фанатичным огнем борца за справедливость. Пока мохнатый шмель летел на душистый хмель, одинокий мух нашел пару свободных ух и готовился активно прожужжать их. — Наконец-то у меня будет жена! Ты понимаешь, для чего это делается? Нет? Конечно, ты в политике не разбираешься. Вот Виктор Евгеньевич во вчерашнем выпуске сказал, что наша страна собирается сместить полюса, поэтому теперь нам срочно нужно разрушить планы наших политических врагов и вселенского зла, которое их спонсирует. Экономика рухнет, девальвация инфляции составила шестьдесят четыре процента. А лустрация легитимизации... Это все его происки!

Я смотрела на «политолоха» уже не задумчиво, а скорее грустно. Наверняка так смотрят санитары на вновь прибывшего, прикидывая, чем его обезвредить на этот раз: смирительной рубашкой или кляпом.

— Мир стоит на грани передела власти! Разуи глаза! — вещал с кухонной трибуны политический обозреватель, глядя на меня снисходительно и грозно. Я уже готова была подать объявление в местную газету, в раздел знакомств «Для утех»: «Политически активный ищет политически пассивного. Политически грамотным и незаинтересованным просьба не беспокоить!»

— Богачи снова грабят мирных людей! Зло хочет нахапать как можно больше денег, чтобы... Понятно. Нам снова по секрету поведали теорию мирового заговора, открыли глаза на подковерные интриги, объяснили на загребущих пальцах все тонкости мировой экономики. Может быть, глаза и открылись, но это как-то повлияло на работу мозга, пощадив только основные инстинкты. Ошибочно полагать, что речь идет о размножении. Такие особи размножаются исключительно политическими спорами.

— А все почему? — строго спросил супруг, глядя на меня, как на наивного обывателя, вчера вышедшего из леса и узнавшего сразу две вещи: какой год и кто президент. На счет последнего ничего не изменилось. — Потому, что наша страна четко дала понять, что масонская лажа... Я сглотнула, представляя себе бедных масонов, которые еще не в курсе того, как, собственно, они облажались.

— ...Вынашивает планы по захвату мира. Если судить по политическим процессам, Виктор Евгеньевич все правильно сказал, экономическая катастрофа неминуема. Везде засели политические враги, которые мешают внедрять хорошие законопроекты. Они портят нашу экономику! Понимаешь, они везде! Пропала страна! — распинался муж, осматривая внутренности холодильника. По крайней мере, я точно знаю, что между кефиром и яйцами затесалась целая свора политических врагов, иначе как объяснить то, что вчера пропал сырок? За моей спиной зашуршал пакетик, загрохотали крышки, а из царства вечной мерзлоты появилась банка с недоеденной в прошлый раз аджикой.

— Но мы не сдаемся! Вот ты думаешь, «Постограм» заблокировали для чего? Это политический ход! Умелый и правильный! Виктор Евгеньевич говорил об этом! Ты понимаешь, что это значит? Что это значит? — взвинулся супруг, уставившись на меня, человека аполитичного и практичного, с презрением избранного и просвещенного. — Вот я тебя спросил, а ты не знаешь! Надо было со мной смотреть вторнячные встречи с Виктором Евгеньевичем!

— А работать кто будет? — процедила я, бегло просматривая последние новости. Хорошо, что я уже сижу, а то попа требует добавки. — Виктор Евгеньевич? Он, между прочим, работает! И зарабатывает, хочу сказать тебе, приличные деньги на доверчивых лохах. Видел, сколько у него просмотров на «Юкубе»?

— Ты Виктора Евгеньевича не трогай! Он все для народа делает! Во вчерашнем выпуске он, между прочим, предупреждал о том, что против нас готовят тайный заговор! И мы даже знаем кто! Всемирное зло! — обиделся муж, защищая своего политического гуру. — Всемирное зло работает над тем, чтобы снизить показатели рождаемости...

Санитары! Экзорцисты! Священник! Кто-нибудь! Я понимаю, что «есть я и ты, а все, что кроме, легко уладить с помощью креста!» Так вот, изгнать с монитора Виктора Евгеньевича при помощи креста и бубна пока не получается. Он уже член нашей семьи. Единственный. Член. Еще бы, мы живем с ним втроем! Я, муж и Виктор Евгеньевич! Нет, изначально нас было двое. И мы даже были счастливы какое-то время. А потом запахло изменой. В нашей жизни появилась не блондинка-коллега, не брюнетка-однокурсница, а... затаили дыхание... возник седой очкарик Виктор Евгеньевич в сереньком пиджачке а-ля выпускной шестидесятых. Пиджак сохранился с момента выпускного куда лучше, чем Виктор Евгеньевич. Пока наш «дорогой член» семьи вещал про бегство капиталов и утечку мозгов, его шевелюра показывала наглядный пример побега; пока рассказывал про олигархов с мешками золота, мешки под глазами намекали, что он тоже в деле и в доле; когда речь заходила о патриотизме и отечественных производителях, на столе у него вибрировал «вражеский агрегат», за который не стыдно продать даже совесть.

Не знаю, ходит ли Виктор Евгеньевич в туалет, но есть подозрение, что последнее время нет. Это видно по измученному лицу и количеству выпусков. Еще бы! Вторнячные встречи теперь проходят каждый день.

Апогеем нашего Бермудского треугольника стали попытки исполнить супружеский долг, развернув меня лицом к вещателю о страновой элите, коррупционерах, властных полномочиях, политических врагах и всемирном зле, дабы я получила двойное удовольствие от двойного проникновения. Пока муж присматривался к моим нижним полушариям, Виктор Евгеньевич уже резвым дятлом долбил верхние, рассказывая нам о «политическом доминировании вершков над корешками с подачи вселенского зла, плетущего всемирный заговор».

— И пока действуют санкции, мы воспользуемся моментом и возьмем политический курс на экономический вырост... — я слушала, закрыв глаза, и думала о том, что можно временно переехать на «Одноглазники». Взглянуть на ленты одним глазком, чтобы очнуться от запаха жарящегося супа. — Ты понимаешь, какое значение имеет этот политический трюк для нашей страны?! Мы уже выросли из наших политических штанов!

Если сравнивать падение хрена и курса валют, то у нас все не так плохо. Хотя не на пол. Уже радуется. Я посмотрела на супружеские синтетические штаны на вырост, понимая, что надежда еще теплится, раз ее периодически почесывают и утепляют.

— Вот ты не хочешь со мной разговаривать! А зло, между прочим, не дремлет! Оно строит козни против нас, подбивая элитку ограбить нас еще сильнее! Ты думаешь, почему денег нет? — возмутился муж, ставя пустую банку в раковину. — Виктор Евгеньевич вычислил и раскрыл все его планы!

А ведь где-то сейчас вселенскому злу, страдающему бессонницей, здорово икнулось. Темный властелин заерзал на черном троне, поглядывая в сторону других миров, если таковые существуют. Опачки! Жмем на тапочки! Валить надо! Нас Виктор Евгеньевич рассекретил! Десять лет секретных планов псу под хвост! Сидит себе бедняк зло и депрессирует в одиночестве, кидая на стену в соцсети грустные картинки. Даже статус поменяло: «У меня пропали: сырок, настроение и планы по захвату вселенной. Будь ты проклят, Виктор Евгеньевич!» Я прямо чувствую духовное родство с темным властелином, причем настолько, что готова связать себя узами мрака! Но пока что я почти связана узами брака с томным пластилином, намертво прилипшим к моему дивану.

— Ничего ты в политике не понимаешь! Тупая как пробка... Тебе тут объясняешь, объясняешь все мировые процессы! Знаешь, почему все такие нищие? Потому что темный властелин мира, вселенское зло, отобрал у нас деньги! И будет отбирать, если его не остановить!

Я сглотнула, вспоминая про сто пятьдесят рублей. Жалобные глаза темного властелина уставились на мою мелочь. «Тебе на пиво или как подаяние?» — уныло интересуюсь я, протягивая потную купюру и монетки в сторону простертой темной длани. А он пересчитывает каждый рубль, как особо жадные покупатели сдачу, коварно потирая черные руки. Вот тебе и естественный отбор! Естественно отобрали!

— Мне кажется, что мы нищие не потому, что нас раскулачили, — заметила я, закрывая вкладки браузера и вздыхая при виде надписи «Доступ запрещен». — Просто если бы в семье работали все, то тогда бы...

— Да как ты можешь! Страна в опасности! — по столу стукнул кулак, а моя кружка с недопитым чаем подпрыгнула и зазвенела ложкой. — Работы нет! Темный властелин мира сделал так, чтобы рабочих мест не было!

Судя по объявлениям, которые висят возле подъезда, властелин мира уже подрабатывает уборщицей на полставки, грузчиком на складе, а потом, выжимая тряпку, бежит писать курсовые и рефераты, чтобы по вечерам приторговывать в сигаретном ларьке. Сутки через двое он сидит кассиром в гипермаркете, излучая флюиды зла и страшным голосом, преисполненным ненависти ко всему миру, вопрошает: «Карточка есть? Пакет нужен?» И бейджик у него висит: «Зло Петрович Вселенское. Старший кассир супермаркета „ДобрЯк“».

— ...И если бы я был у власти, то давно бы раздал всем врагам звездюли! — вознегодовал благоверный, сверкнув глазами.

Я смотрела на возмущенный торрент-трекер, готовый раздавать направо и налево не только ценные указания, но и идеологические затрещины, и мучилась от мысли, что в кошельке действительно остались последние сто пятьдесят рублей.

Новости радовали с каждым обновлением. «Блокировка „Кейсбука“ — это только начало. В планах заблокировать „Угл“». Пятый угл, который я как раз собиралась искать, был уже найден и заблокирован, судя по сообщению на загружаемой странице.

Меня ждали и никак не могли дождаться отечественные продукты метания шоколада на пропеллер, в которых можно работать только из чувства жалости и патриотизма, но даже их серверы были перегружены, выдавая ошибку за ошибкой.

— Я тут новости читал, — начал мой туалетный обозреватель, который по примеру всей страны лечит запор информационным слабительным. — Наши наносят ответный удар по дипломатическим позициям... Ты меня вообще слушаешь? Я тебе рассказываю, что в мире творится! Виктор Евгеньевич, между прочим, говорил, что политическая обстановка напряжена до предела.

Я не выдержала, захлопнула ноутбук, напрягшись не хуже дипломатической обстановки, и рассерженно засопела:

— Слушай, нам от этого не легче! Если Виктор Евгеньевич уже вносит свою лепту в семейный досуг, то не мешало бы вносить ее в наш бюджет! Пусть скидывается!

— Не трогай Виктора Евгеньевича! Он говорит всю правду как она есть! — отгрызнулся муж, которого только что ударили по самому святому. Правдой по яйцам. Не его, конечно, но тоже больно. — В стране, между прочим, госдолг растет!

— Это не в стране госдолг растет, а у нас долг растет перед хозяином квартиры! — вспыхнула я. — Тридцатого звонить будет!

— Вот! Это происки мирового зла, — покачал головой «иксперт» мировой экономики, главный «политолох» нашей семьи. — Нам страну спасти надо!

Грязная майка, пузырящиеся на коленях штаны, легкая небритость а-ля бомж, взгляд религиозного фанатика, лохматые волосы и дырявый носок — берите на заметку, создатели фильмов про супергероев! Я прямо вижу слоган к новому фильму! «Пусть в кармане ни шиша, зато чистая душа! Он бежал, роняя тапки, отбивать чужие бабки!» Количество лапши на моих ушах заставляло облизываться всю Поднебесную.

— В магазин сходи, — хмуро вздохнула я, показывая пустую сахарницу. — Сахар, половинку батона. И если денег хватит — макароны.

— Сама иди! — услышала я преисполненный негодования ответ. — Виктор Евгеньевич через десять минут начнет прямую трансляцию.

— Ты с ума сошел? — рассердилась я, отодвигая занавеску. — На улице темно!

— Тогда будешь пить чай без сахара! Я никуда не пойду! Не хочу пропустить свежий выпуск! Иди уже, сетевешка! Вон жрешь как корова, а толку от тебя никакого. Хоть бы с мужем поговорила! — обиделся кормилец меня обещаниями устроиться на работу, шлепая в туалет и шелкая выключателем.

— Такими темпами я скоро открою семейное предприятие «Рога и Копыта». Тебе — рога, а я поцокаю копытами навстречу счастью в личной жизни, — на моих губах пыталась спрятаться нервная усмешка.

Если раньше я честно пыталась понять, что я в нем нашла, теперь вопрос стоит по-другому. Где я его откопала? Подозрения, конечно, были, поэтому мусор стараюсь выносить осторожно, с опаской оглядываясь по сторонам. Двух таких я не переживу.

— Пропади ты пропадом! — заорал супруг, приоткрывая заветную дверь в коридор. — Толку с тебя никакого! Только чай гоняешь! Нет чтобы с мужем рядышком полежать! Посмотрели бы Виктора Евгеньевича...

— Внимание! Прямой эфир! Накаливание политической обстановки вызвано... — уверенным голосом вещал из комнаты Виктор Евгеньевич, пока я обувалась и искала свои ключи.

Из туалета раздалось: «Ох, ничего себе! Как много!» Увы, это не статистика «ожидание — факт» и не положительная оценка моих кулинарных способностей. «Какой большой! Растет, родимый! Растет! — восклицал благоверный из-за стыдливо прикрытой двери. — А сколько будет стоить завтра?»

Как приятно почувствовать себя женой настоящего миллиардера, внимательно и трепетно следящего за фондовыми биржами, курсами валют и акций крупных компаний! Я взглянула на свои гламурные туфли со стертymi набойками, взяла не менее гламурную сумочку с заедающей молнией, накинула норковое манто из Чебурашки средней пушистости и летящей походкой двинулась в магазин, делать из миллиардера скромного миллионера.

Подгоняемая чувством долга за коммуналку, я листала в голове свою жизнь. Некоторые страницы были ароматизированы, но нюхать их можно было только в респираторе. Если говорить по правде, то единственным кормильцем в семье был каталог, торчащий из сумки, на

обложке которого большими буквами было написано: «„Вонэль“ — пердел мечтаний, искусство быть красивой, женственной, утонченной и элегантной!» В приказе на увольнение дизайнерского отдела тоже есть парочка опечаток, но это уже вина кадровиков, которые руководствуются тем же принципом: «Косяки — дело-то житейское!»

Вот так, легким движением руки надзорных органов, превращается гуру онлайн-маркетинга... гуру онлайн-маркетинга превращается... превращаааается... в кенгуру маркетинга! Я не справлюсь. Грузоподъемность у меня маленькая. Вы когда-нибудь видели, чтобы директор ходил с челночной клетчатой сумкой? Нет? Стоптаные по самые подмышки ноги, оттянутые до колен руки, взгляд летчика-камикадзе перед последним боевым вылетом, язык, который, словно шарф, закидываешь поочередно то на одно плечо, то на другое, — вот новый имидж бизнесвумен. И зря мы тогда смеялись над Раисой Георгиевной, которая доказывала, что собака — друг человека, но враг сетеви́ка, показывая... нет, не деревянную ногу, а всего лишь шрамы от укусов после прогулки с сумкой и каталогом по частному сектору. Зря мы не постигали азы подкладывания кирпича под дверь с домофоном, основы маскировки в ближайших кустах и истошных воплей: «Не закрывайте, пожалуйста!» Надо было учиться, как правильно отбиваться от вахтеров и охраны, как караулить жертву, дав фору заправскому маньяку, а потом набрасываться на нее и душить! Душить новой линейкой ароматов! Кто ж знал, что наступят времена, когда будет казаться, что весь город решил переехать, таскаясь по улицам с сумками на колесиках?

При мысли о таком варианте развития событий я ощутила ректальный холодок. Зная нашу продукцию, которая уже прославилась необычайным качеством, я бы не рискнула смотреть в глаза ее прямым потребителям. Меня терзают смутные сомнения, что слово «потребитель» произошло от двух слов «потерпи» и «бить». Поэтому меня уже напрягает наша новая линейка косметики под названием «Бьюти», обещающая незабываемый эффект после первого втирания. Почему-то казалось, что под словом «втирание» понимается слово «продажи», а эффект надолго разукрасит лицо представителя двухнедельным макияжем. Придется делать дырку в трусах для торчащего свернутой трубочкой каталога. «Здравствуйте, вы пользуетесь косметикой „Вонэль“? У нас есть скидка на зубную пасту! А! Вы уже пользовались? Выпали? Все, что ли? Тогда вам отлично подойдет ополаскиватель для укрепления веры в „Вонэль“ и десен!» — чирикаю я, осторожно пяясь к двери. Пусть наша фирменная паста уже обеспечила мне некоторую безопасность от укусов, но крем для рук, судя по их наличию, у нас еще не брали!

Но ведь страдаем не только мы... Скоро появятся объявления: «Бывший юкубер снимет класс для обучения!», «Пишу сочинения на большие темы! Бывший компиздатор!», «Играю на бутылках, на свадьбах и поминках! Могу намазать себя говном!» Я бы предложила в качестве рекламы наш крем, но боюсь, что предпочтения будут на стороне более натурального, безопасного и коричневого. А ведь все не так плохо, если у тебя в сумке лежит пробник духов «Шинель», потный аналог известного бренда, который можно разгрызть, как капсулу с ядом, и прикинуться дохлой, рассказывая на смертном одре про натуральные компоненты и улучшенный состав.

Я выскользнула из подъезда, бросив взгляд на ясное звездное небо и прислушиваясь к гулу машин неподалеку. Желтые пятна окон, чей-то пьяный смех, доносившийся со стороны песочницы, шелест листьев и ветер с едва уловимыми ароматами ближайшей помойки — все такое привычное, знакомое. Не хотелось бы переезжать, а придется.

Магазин на углу уже был закрыт в связи с отключением кассового аппарата за неудобное программное обеспечение, поэтому жажда приключений предложила сходить в магазин через два квартала.

Возле третьего подъезда пахло жареной рыбой, шлепали на ветру мокрые простыни и пододеяльники, мелькал огонек сигареты в черном проеме балкона, а чей-то упитанный кот истошными воплями упорно нарывался на кастрацию совместными финансовыми усилиями всех жильцов. Вдоль поребрика шуршали пакеты и прочий мусор. Зло, а зло? Неужели это тоже твои происки? Ай-ай-ай! Как же так?! Мне всегда казалось, что верх цинизма — отобрать у ребенка конфетку, съесть ее и выбросить фантик прямо под ноги, но работа в сфере продаж показала, что высший пилотаж при этом — облизать пальцы и застонать от удовольствия, рекламируя начинку. Наше руководство такой расклад не устраивал. Они считали, что нужно

при этом вложить кондитерский буклет в детские пальчики и улыбнуться, пообещав, что родители обязательно купят еще.

Свет моего карманного фонарика осветил силуэты металлических гаражей.

— Не бойтесь, я его держу! — заявил пьяный мужской голос, а я слегка занервничала, представив себе истекающего слюной бультерьера, которого выводят на прогулку, чтобы не кормить дома. Однако вместо рычания раздалось журчание. Держи-держи, а то оторвется и убежит!

Миновав местного Пикассо, который разрисовывал угол дома, я брела по дороге, все больше погружаясь в мрачные думы. Позади меня раздался звук клаксона, заставив меня вздрогнуть и шархнуться в сторону от приближающихся фар. Я рухнула вниз. «Люк, я твой отец!» — прохрипел Дарт Вейдер, «Люк, твою ж мать!» — испугалась я, цепляясь пальцами за металлический обод. Мои ноги висели в воздухе, сумка на плече. Я попыталась подтянуться на руках, выдавив из себя сдавленное: «Помогите!» — но мои пальцы, сведенные инстинктивной судорогой, соскальзывали. Судя по запаху и примете, меня ждут все деньги мира. «Мамочки!» — вырвался у меня сдавленный от страха стон. Ноги пытались уцепиться хоть за что-нибудь. Пальцы соскользнули, я закрыла глаза и приготовилась к увлекательному круизу по городским коммуникациям, но вместо этого падала, падала, падала, пока меня не... поймали! Открывать глаза не хотелось, поэтому я ощупывала «спасателя» рукой, не торопясь с выводами. Через секунду меня скинули на что-то твердое, заставив ойкнуть от неожиданности и выругаться от избытка чувств.

Много придя в себя, оглядываясь по сторонам, я обалдела. Передо мной стояла делегация.

Черная одежда подсказывала мне, что они вернулись с похорон, а мрачные и очень недружелюбные лица намекали на то, что они сами же их и организовали.

Огромный лысый детина со шрамом через все лицо, тощий, скрюченный носач, который не только смотрел на меня, как на говно, а еще и умудрялся при этом потирать лапки, и еще пять человек, которых я бы навряд ли добавила себе в друзья в соцсети.

Я потеряла локоть и удивленно обернулась, застыв от изумления. На меня ядовито-зелеными глазами смотрел молодой мужчина с пепельными, я бы даже сказала, почти седыми волосами. Взгляд у него был заинтригованный, поскольку темная бровь удивленно поползла вверх. Его голову венчала черная корона, а сам он восседал, закинув ногу на ногу, на черном троне с высокой спинкой. Ничего себе!

— Здра-а-авствуйте, — услышала я голос, похожий на голос кота Матроскина, который слегка удивил меня. — Это что?

— Лиза! Очень приятно... — я еще раз посмотрела на корону, а потом решила добавить: — Царь, великий князь всяя...

Я невольно залюбовалась красивым, но очень бледным лицом, остановив взгляд на подозрительно прищуренных глазах. «Царь и великий князь» сплел пальцы, поставил локти на подлокотники черного трона и положил голову на руки. В зале стояла гробовая тишина, еще раз намекая мне на то, что мой визит застал их врасплох за чем-то нехорошим. Кто-то напряженно сопел, пока я мысленно пыталась придумать, что сказать в такой ситуации.

— Неловко получилось, — вымученно улыбнулась я, нервно глядя на недружелюбную обстановку.

— Не пережива-а-ай, — сладко мурлыкнул обладатель черной короны. — Сейчас все исправим...

Он бросил взгляд на своих подданных и нежно произнес только одно слово:

— Казнить.

Глава 2

Красота требует жертву, или Маркетинг-плен

Так вперед, за цыганской звездой в сетевой...

— Чего?! Казнить?! — занервничала я, бегая глазами в поисках пресветлого рыцаря, готового вступить за меня. Я так понимаю, что все смелые рыцари друженько убились об драконов, освободив генофонд для мерзавцев и подонков, с которыми судьба непременно решила меня познакомить под девизом: «Любой сюрприз за ваши нервы!» Я звонко чихнула, но здоровья мне никто не пожелал, хотя оно мне ой как пригодится!

— Простите, у меня аллергия на сволочей! — шмыгнула носом я, как бы намекая на близость аллергена.

— Казнить, — повторил венценосный представитель этого бомонда. К нему тут же подлетел носатый, достал бумагу и скрипучим голосом выдал, покусывая обсосанный кончик пера.

— Топор, веревка, кол? Чего изволите?

Задумчивый взгляд зеленых глаз остановился на мне, как бы мысленно примеряя возможные варианты. Я за модой не слежу, поэтому не знаю, что здесь является ее предсмертным писком, но вот уже с минуту ее законодатель пристально следит за мной, не сводя с меня прищуренных кислотных глаз.

— А что у нас было в прошлый ра-а-аз? — лениво поинтересовался темный властелин. — Кол, кажется... Давайте на этот раз топо-о-ор.

— Записал. То-пор. С пытками или без? — приставал «официант» кровожадной кухни.

— Хм... Даже не зна-а-аю, — пожал плечами тиран и диктатор. — Ла-а-адно, обойдемся без пыток. Я сегодня до-о-обрый...

— Как обычно, с брызгами крови? — уточнил носач, делая пометки. Князек отмахнулся.

Причем спокойненько так, словно читал меню.

— Нечего было ставить свой трон под люком! — проворчала я, сжимая содранные кулаки. Мне зачесалось дать ему еще пару советов, которые заставили бы любого впечатлительного ребенка быстро повзрослеть, но, судя по его взгляду, у меня не такая большая задница, чтобы они в нее поместились!

— Занести в список ругательств слово «падлюка»? — подобострастно пристал носач. — Нас так еще не называли! Предлагаю записать его перед «паскудой» и «подонком»!

— За что?! — заорала я, глядя на красоту, которая требует жертв. — Это же несправедливо!!!

— Вот такой пердионокль! — подняло брови и развело руками зеленоглазое чудовище аристократической наружности. Уголок его губ пополз вверх.

— Это произвол! — топнула ногой я, негодуя от такой скорой расправы. — Я требую, чтобы меня для начала осудили!

На меня посмотрели с укором, слегка сдвинув красивые брови.

— Осужда-а-аю, детка-а-а! — мурлыкнул мерзавец, все еще поражая своей манерой разговаривать. — Я доста-а-аточно осудил? Мне кажется, что доста-а-аточно.

— За что?! Объясните мне!!! — психанула я, понимая, что дело плохо. Уж больно нехорошими взглядами на меня смотрели присутствующие.

— Много будешь зна-а-ать, никогда не соста-а-аришься, — протянул коронованный гад.

— За проникновение на закрытое заседание, за шпионаж в пользу... — перечислял носач, почесывая черным пером кончик внушительного шнобеля. — Шпионаж в пользу... В пользу кого? Ты вообще откуда?

Все посмотрели на меня с интересом, а я прикидывала, какой ответ их больше устроит, очевидный биологический или сложный географический?

— Пусть лучше скажет, на кого работает! — неожиданно пропищал котенком огромный увалень со шрамом, хрустя пальцами.

— «Вонэль»! — автоматически ответила я, надеясь, что меня, бесчувственную, зловонную утопленницу, сейчас везут с мигалками в сторону местной реанимации, сражаясь между собой за право не делать мне искусственное дыхание. Есть вероятность, что вызвали еще одну бригаду, чтобы реанимировать первую. Господи, хоть бы это выглядело именно так!

— Внесите в черный список «Вонэль», — зевнул черный принц, лениво подпирая кулаком щеку.

— Там уже писать негде, — посетовал носач, кривясь, как на кресле у стоматолога. Я сразу поняла, что попала к людям дружелюбным и очень коммуникабельным.

— А ты ме-е-елкими бу-у-уквами. Где-нибудь сбо-о-оку, — снова поднял брови темный властелин. — «Вонэ-э-эль»? Я уже по-о-онял, что ты еще та вонэ-э-эль, поэтому сделай два шага назад, чтобы не завонэ-э-эль меня-я-я.

— «Вонэль» — это лучшая косметическая компания! Выбор номер один! — обиделась я, придерживая сумку. От страха мысли сбились в одну кучу, а язык начал заплетаться косичкой. — Интере-е-сно, а кто ее вы-ы-ыбрал? — на меня смотрели с явным интересом, сощуриив кислотные глаза. Он сделал едва заметный знак подступающим ко мне с двух сторон охранникам. Те кивнули и застыли на месте.

Вариантов было много. От оптимистично-демократического «Народ» до мрачно-апокалиптического «Всадники апокалипсиса запустили ее перед своим приходом, чтобы максимально подготовить людей к худшему». Я решила не конкретизировать, отбившись абстрактным словом: «Многие». Совесть требовала заменить его на «некоторые», но я была непреклонна. Обычно в этот момент стараюсь не представлять, что самым популярным запросом в поисковике было не как попасть в нашу компанию, а как выйти из нее.

— Многие! Многие пользуются нашей продукцией! — звонко и наигранно жизнерадостно ответила я, вспоминая, как вела онлайн- и офлайн-встречи. Рука уже автоматически потянулась за каталогом, расстегивая молнию сумки. — Еще бы! У нас аховые скидки!

— Кого-о-о и куда-а-а? — одна бровь опустилась, а другая поднялась, намекая мне продолжать презентацию в том же духе. — В пропасть или в я-я-яму?

— Мы скидываем цены! — терпеливо пояснила я, представляя, как с криками «а-а-а!» летят вниз постоянные клиенты. — Делаем нашу продукцию еще более качественной и доступной. У нас есть линейка для мужчин!

— Теперь мне совсем интересно, что конкретно ею измеря-я-яют? В моем случае ее может не хвати-и-ить, — темный лорд смотрел на меня так, словно я уже снимаю с него штаны, чтобы холодной линейкой прояснить очень важный вопрос: чем наградила его природа, большим достоинством или маленьким недостатком? А потом быстренько заношу расчеты в палату мер трусов.

— Ничего не измеряют! — закатила глаза я, разворачивая каталог и протягивая ему. — Вот, смотрите! Берете мужской парфюм от известного дизайнера Фи Гаро и получаете щетку для пяток в подарок за один рубль. Вам нужно сделать заказ...

— Кого мне нужно заказа-а-ать? — брови игриво приподнялись и тут же опустились. Мне не хотелось представлять, как за наш гель для душа зеленого цвета под поэтичным названием «Морской прибор», который прибило к нашей линейке случайно вместе с другим мусором, гибнут миллионы ни в чем не повинных людей.

— Вот зря вы так! — улыбнулась я, чувствуя, как губы сводит в улыбке, пока тонкие пальцы лениво перелистывали страницы каталога. — Отличный аромат! У меня есть пробник! Он относится к фужерно-фруктовым!

— Выпивка-а-а и заку-у-уска в одном флаконе?

Пока я вздохнула, моя рука нашарила в сумке небольшой флакон. В каталоге под лозунгом «Аромат для сильных духом!» с брутальным мачо на картинке, демонстрирующим кокетливо расстегнутую ширинку и разведенные руки, было написано, что это мимоза, ладан, мускус и спирт. Но, по отзывам счастливых обладателей бесспорно красивого флакона «Для сильных нюхом», там был сандал. Потный, старый сандал, от благоухания которого в полете дохли мухи, комары и прочая мошкара, а тараканы, едва завидев этикетку, жалобно просились к соседям. «Я свободен!» — кричал красавец с обрыва, мечтая обнять руками любое счастье до пятисот килограммов включительно, но странные мысли о том, что к принцу лучше не приносиваться, вполне оправдывали его одиночество. Сознаюсь честно, мне пришло два флакона. Один разбился при транспортировке в заботливых руках почтовой службы, которая впервые мало того что нашла посылку сразу, так еще и отдала без очереди. А вот второй я мечтаю пристроить в хорошие руки!

Стоило мне откупорить крышечку, как раздался ленивый голос.

— Меня и так боя-я-ются, а тут совсем шара-а-ахаться будут, — усмехнулся темный властелин, пока я закрывала крышку. — Продолжа-а-ай. Интересно. А вот э-э-это?

Мельком взглянув на номер страницы и картинку, я увидела бюджетный аналог известного бренда «Мачо», который у нас назывался простенько и со вкусом подворотни: «Ачё». Такими духами даже мужа страшно наказывать на двадцать третье февраля! Не знаю, как он должен провиниться, чтобы получить этот аромат в подарок.

— Сражает женщин напово-а-ал, — прочитал венценосный, а раз венценосный, значит, платежеспособный клиент.

— Лучше не надо, — взмолилась я, представляя, как потерявшую сознание женщину за ногу волокут предаваться любовным утехам. Я его лучше поберегу для пыток. Вдохнула, и все. Делайте с моим бесчувственным телом все, что хотите!

— Вам нужно сделать покупку от пятисот рублей, и тогда вам в подарок придет мыло и... — щебетала я, нервно поглядывая на каталог в чужих руках.

— Вере-е-евка? — деликатно уточнил царек, снова перелистывая страницу.

— Не угадали! Каталог! — возразила я. — Но это еще не все! Если вы закажете продукцию с девятой страницы, то тогда вам придет маска для души с маслом ши!

— Смазка для души? Алкоголь? — обрадовался писклявый голос громилы. Я мельком взглянула в каталог на девятую страницу и увидела линейку шампуней для непослушных волос, а потом перевела взгляд на лысину потенциального клиента, который подал голос в поддержку моей презентации.

— Если вас заинтересовала наша продукция, я могу показать вам... У меня шесть блесков для губ осталось... — занервничала я, ощупывая сумку. Я как раз собиралась провести презентацию линейки «Бьюти», которой сама пользоваться не рискнула. — Мы несем красоту в мир! Мы сделаем вас красивыми, вне зависимости от того, чем наградила вас природа! Вы не хотите попробовать преобразиться?

По губам мерзавца поползла нехорошая улыбка. Я по привычке осмотрелась по сторонам в поисках какой-нибудь девушки, которая уже тянет руку, но компания была сугубо мужской.

— Я могу разукрасить кого угодно, — икнула я, не понимая, почему все разразилось дружным хохотом.

— Ценное ка-а-ачество для столь хрупкой де-е-евушки, — мурлыкнул темный властелин, откинувшись на спинку трона и упершись взглядом в лысого со шрамом. Его губы снова дрогнули в гаденькой однобокой улыбке. — И кто тут у нас недавно провини-и-ился? Кто-о-о у нас рванул в атаку без прика-а-аза, проявив ужаса-а-ающие слабоумие и отвагу?

— Простите, такое больше не повторится! — пропищал громила. А я уже настроилась разукрасить мурчащего кота в короне, чтобы вознегодовали все зоозащитники. Жа-а-аль! Мы, между прочим, никогда не тестируем продукцию на животных! Для этого есть бьюти-блогеры. Самое интересное, что еще ни один защитник не пришел под стены нашего главного офиса с одиночным пикетом в защиту их прав.

Провинившийся детина смотрел на меня так, словно его зубы, пусть и не в полном составе, но вот-вот отправятся болевым приемом на боевой вылет.

— Приступа-а-ай, — мурлыкнул темный властелин, подложив кулак под щеку. — Мне просто интере-е-есно...

Громила посмотрел на меня с опаской, нервно дергая левым глазом. Я заглянула в лицо жертвы и ужаснулась. Черная, стриженная борода делала любое его фото похожим на интимное... Да... Тут будет непросто! Ничего, справимся!

— А вы не могли бы присесть! — вежливо предложила я, вываливая содержимое сумки на стол, поверх расстеленных карт.

— На колени, — приказал царек, ухмыляясь незабываемой улыбкой Чеширского Кота, а громила с грохотом упал перед троном, с мольбой глядя на своего хозяина.

— Смотрите! — прокашлялась я, пытаюсь придать себе наглости и взять не только в дрожащие руки флакон-пробник, но и себя. Тональная основа чавкала, размазываясь по чужой физиономии. — Вот так мы маскируем шрам! Пусть природа была к вам не совсем благосклонна...

— Это не природа, а враги, — пропищала полузадушенным котенком жертва красоты, пока я пыталась стереть тональный крем с чужой бороды. Первого слоя показалось мало, чтобы прикрыть все дефекты кожи, поэтому я решила работать по принципу маляра-штукатура. Не хватало только ведра и шпателя!

— Не переживайте, главное, что мы сейчас все исправим. Вас мать родная не узнает! Вы станете такой красавицей... извините... красавцем! Таким красавцем, что у вас от девушек отбоя не будет... Потерпите немного!

Я еще раз взглянула на результат, понимая, что это ложь, звездех и промоакция!

Физиономия, по которой я усердно растирала тональный крем, скривилась от ужаса. Крем был желтоват и ложился комочками, но я втирала его так усердно, что через минуту на меня смотрело «утро китайского пчеловода с перепоя». Бугристый шрам, вместо того чтобы

закраситься, стал еще рельефней, поэтому моя рука потянулась за пудрой. Я ужаснулась полученным результатам, понимая, что круглое и голосистое хлебобулочное изделие наконец-то обросло телом, и теперь у него руки чешутся стряхнуть с себя муку из сусеков.

— Сейчас я нанесу бронзатор! — нервничала я, пытаюсь ногтями открыть коробочку.

Правильней было сказать, я все исправлю, но, судя по цвету румян, природа только что купила путевку в кругосветку, мечтая хорошо отдохнуть, благословляя меня на прощание.

На меня жалобно смотрел слегка поджаристый колобок. Лиса уже открыла пасть и сломала зубы о хрустящую корочку. Нет, ну, возможно, стало чуть лучше, но я пока не уверена, поэтому потянулась за лайнером.

— Только не глаза! Не надо их выкалывать! — взмолился несчастный колобок, пока я демонстрировала единственный перепахавший мне лайнер зеленого цвета. Главное, заказывала черный, поэтому дальтонику-кладовщику слегка икнулось. Я дрожащими руками вела жирную стрелку по сморщенному веку, чтобы тут же достать увесистую тушь с суперпушистой щеточкой.

— Продолжа-а-ай! — подбодрил меня темный властелин, глядя на результат с интересом.

— А теперь откройте рот, чтобы я смогла подкрасить вам реснички! — нервничала я, высунув язык от усердия. — Они приобретут тройной объем и эффект нарощенных ресниц!

Чужие ресницы тянулись ко мне мохнатыми лапками паука, пока я нервно пыталась сделать из трех ресничек ну если не пушистый веер, скребущий противоположную стенку, то хотя бы четыре! Я ведь многого не прошу. Четыре! Ладно. Раз, два, три... Итого семь... На два глаза.

— Иголочка у вас есть? — поинтересовалась я, прикидывая, как разлепить получившийся результат. — Просто нужно расковырять немного...

Жертва заверещала так, что перекричала бы даже активистов, которым створками закона защемили конституционные права. Я слотнула, вспоминая, что в сумке лежат новые восковые полоски для эпиляции. Боюсь, что после такого фраза «А чтобы во всем сознался, проэпилируйте его хорошенько, включая зону бикини!» станет наводить куда больший ужас, чем ржавые приспособления для пыток.

«Колобок спрыгнул на пол...» — нараспев звучала в голове детская сказка. Вот только с полом он еще не определился.

— Сейчас наносим тени! Чтобы глаза казались выразительней! — комментировала я. Панда и енот рисовали транспарант: «Добро пожаловать в наши ряды!» Природа прислала мне с отдыха открытку в виде моей вымирающей от ужаса и негодования жертвы на фоне Красной книги.

— Правильней всего подбирать блеск под цвет волос! — заявила я, глядя на свой арсенал и на потную блестящую лысину. — Девушки бывают разных типов внешности. Весна, лето, осень и зима...

Я слотнула, глядя на лысого круглогодичного мужика, понимая, что можно брать любой.

— Растяните губки! — попросила я, нависая с блеском морковного цвета и запахом клубнички. В душе теплилась надежда, что именно этот штрих тут же исправит все ошибки. —

Улыбнитесь! Ы-ы-ы!!! Он подчеркнет вашу белоснежную улыбку!

Жирный блеск с эффектом увеличения губ «Ментол и красный перец» уже разрушил не одну семью, которая решила разнообразить свои постельные приключения. Потрескавшиеся губы растянулись, обнажая черные пеньки, которые некогда были зубами.

— Та-а-ак! — оживился темный властелин, подбадривая меня не останавливаться на достигнутом.

— Сейчас немного пощиплет, зато губки у вас будут с пушап-эффектом! — нервничала я, вытирая пальцем окрестности чужого рта и припудренную бороду, стараясь для сохранения нервной системы в первозданном виде не вглядываться в конечный результат. — А теперь сделайте губки бантиком и чпокните! Вот так! Чпок!

На меня смотрели, как на чпокнутую, сплевывая на пол мой блеск.

— Последний штрих! — улыбнулась я, шаря рукой по пробникам. Половину из них можно было использовать в качестве газового баллончика, но одни духи мне нравились. Я в прошлый раз заказала целый флакон, сильно сэкономив на освежителе воздуха в туалете.

— Не волнуйтесь, я сейчас буду вас душить! — заявила я, доставая любимый аромат.

— Я служил вам верой и правдой, хозяин, — всхлипнул громила, проверяя тушь на водостойкость скупой слезой верного слуги.

— Интере-е-есно, а чем же ты его душишь будешь? — осведомился главный зритель, пока я открывала крышку флакона с желтоватым содержимым.

— Туалетной водой «Розовый оргазм», — сообщила я, демонстрируя всем красивую надпись. Радовало то, что наш оргазм еще не запретили ни Киотским протоколом по выбросам, ни Женевской конвенцией по степени ядовитости. Пока не запретили, но уже подумывают. Однажды на онлайн-сборищах по поводу новинок наш генеральный поинтересовался у всех: «Все ли получили оргазм?» Пока женский коллектив отвечал, что таки да, получили, одна я возьми да ляпни: «А я симулировала!»

— Не-е-ет! — жертва завопила при виде флакона так жалобно, что у меня дрогнула рука.

— Как интере-е-есно! Туалетная вода? — едва заметно усмехнулся чеширской улыбкой темный властелин. — Откуда, я уже понял. Но можно поконкретне-е-ей?

— Хм... — озадачилась я, рассматривая флакон. — Пишут, что по французской технологии, а... Короче, местные... Но, поверьте, они старались! У них теперь это получается не хуже! Зеленые глаза с интересом уставились на меня, брови удивленно приподнялись.

— Вот зря вы так! — обиделась я. — Наша фирма давно работает по проверенной годами методике! Да, может быть, мы и подражаем, но мы делаем это профессионально! Мы долго следили за тем, как это делают другие, нарабатывали опыт, иногда подглядывали... Так что теперь мы тоже умеем! Мы мало того что сами производим, так еще и сами разливаем!

— А почему так ма-а-ало? — на меня смотрели как на умалишенную.

— Как мало? Нормально! — я оценила вместимость флакона. — Между прочим, над этим флаконом работали известные парфюмеры Кит Плевок и Бензо Цикада. Они потратили на него два года!

— Боле-е-еют, наверное, — посочувствовал венценосный ценитель прекрасного. Я брызнула духами вокруг несчастного, принохиваясь. «Разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт!» — сморщился булгаковский кот Бегемот, стараясь не дышать.

— Ты как? — на всякий случай поинтересовалась я у получившегося чудовища, нахлобучивая крышку на флакон.

— Еще не как, но очень хочется, — занервничал образец, подозрительно принохиваясь. Я посмотрела на темного властелина, который тоже подозрительно принохивался.

— Этот пресветлый рыцарь-эстет с розовым оргазмом завтра пойдет в первых ряда-а-ах! — ухмыльнулся чеширской улыбкой темный властелин. — Обеспечит нам молниеносную победу.

— Поймите! Мы продаем не продукцию! — закончила я свою презентацию, содрогаясь от плачевного результата. — Мы продаем образ жизни!

— Нездоровый, я так понима-а-аю, — властелин посмотрел в глаза несчастному эталону красоты. — Зато решим вопрос с дезертирством. В таком виде спиной к врагу поворачиваться опа-а-асно. Мне очень интересно, нет ли у вас традиции после такого показа выкалывать глаза зрителям? Если нет, то это надо сро-о-очно исправля-я-ять.

— Зря вы так! — обиделась я еще сильнее. — Мы предлагаем заработок без вложений, без стартового капитала! Компания «Вонэль», между прочим, завоевала весь мир!

— А с этого места поподро-о-обней, — мурлыкнул подонок, давая знак страже не спешить с выводами и выводом меня навстречу неизбежной.

— Да! Мы сумели завоевать весь мир! — гордо ответила я, понимая, что численность населения Земли и численность любителей «Вонэль» слегка отличаются. Нулей на пять. В пользу Земли. И не то чтобы по всему миру заседают фанклубы, скорее, тихо скребется подполье, как в анекдоте уточняя, кто такой «скр»?

— У меня остался один вопро-о-ос, — зеленые глаза сузились, а властелин подозрительно принохался. — Вы завоевывали мир, чтобы заставить людей стра-а-адать, потому что добровольно страдать они почему-то не хотя-я-ят?

Я сразу представила, как целые орды с каталогами рыскают в поисках жертв, свирепо поглядывая по сторонам, а потом вытаскивают из подворотни несчастное тело, мажут, красят, душат! Лежит себе бедная жертва красоты в луже косметики, вздрагивает, плачет, растирая тональную основу, и принохивается к новому антиперспиранту. По улицам тем временем разъезжают автомобили с колонками: «Внимание! Сдавайте всю косметику конкурентов! Тех, кто не сдал, ждет жестокий расстрел из пульверизатора нашим новым ароматом!» «Тише! — шепчутся люди, переглядываясь. — У меня тут еще старый крем остался! Нормальный!» И пока космические корабли бороздят косметические просторы, наши бывшие конкуренты сидят и

трясутся в бессильной злобе в глубоком подполье. Миллионы телевизоров по всему миру вещают: «Недавно была выпущена новая серия кремов с кокосовым маслом! Улучшенная формула позволит вашей коже стать еще более упругой! Еще одна новость. Объявлены скидки на зубные пасты! Успейте приобрести две по цене трех! Это все новости к этому часу. За дальнейшим развитием событий следят наши корреспонденты». На втором канале идет двадцатый сезон сериала «Крышка». «Смотрите в этой серии! Кто пользовался гелем для душа и почему не завинтил крышечку! Расследование тысячелетия! Кто эта подлая и мерзкая тварь?» На третьем канале — бьюти-тренды сезона, на четвертом — политические дебаты: «Из какого места должны расти руки, чтобы им подошел наш новый крем?» В школах тем временем на манер азбуки используют наш каталог, а вместо стихов учат состав на этикетках. Единственный великий человек, чей портрет висит в каждом доме, — Дмитрий Менделеев. «Аква... Цетеарил Алкоголь... Силика...» Дьявол роняет скудную слезу, понимая, что ему срочно требуется секретарь, дабы ответить на все вызовы. А пока что ему приходится громко орать: «Я занят! Вызовите попозже! Прекратите читать состав!»

— Ну почему же страдать? — совсем сникла я, отгоняя мысли о тоталитаризме с элементами косметического терроризма. — Мы делаем мир лучше! Мы украшаем его!

— Я тоже хочу сделать мир лу-у-учше, — мурлыкнул темный властелин, поднимая брови. — Укра-а-асить его собой. А для этого его нужно завоева-а-ать...

— Проще простого! — отмахнулась я, поглядывая наверх и рассчитывая на быстрый карьерный взлет и моментальное карьерное бегство от столь мрачных перспектив. — Сейчас все расскажу... Дам, так сказать, готовую схему, в обмен на то, что вы меня посадите и... мм... помогите выбраться... Я, честно, не скажу, в каком органическом отстойнике заседает... хм... ваше тайное общество с ограниченными способностями...

Моя рука нащупала в сумке телефон, заставив воровато осмотреться по сторонам. Сейчас попробую позвонить, пока меня не успели заподозрить в порочных связях с внешним миром. И накроются их планы металлической крышкой с надписью: «15 кг» и заводской маркировкой. Впервые в истории супергеройства три шлакоблока и несколько кирпичей спасут мир от этих черепашек-ниндзя. Прав был Виктор Евгеньевич. За нами действительно следят. Смущало лишь то, что, судя по месту дислокации шпионов, нас знают далеко не с лучшей стороны. В лицо, короче, не опознают, но стоит снять штаны... Зато они точно знают, у кого из какого места растут руки... Я едва сдерживала улыбку, понимая, что слегка похудела в том самом ключевом месте. И за меня должны порадоваться от всей души.

— Ну что ж... Давай попро-о-обуем, — улыбнулся темный принц, развалившись на троне. Я украдкой набирала номер полиции, прокручивая в голове фразу: «В канализации обнаружена банда опасных субъектов, угрожающих мне физической расправой! Они планируют захватить торговый центр „Мир“! Срочно нужна группа захвата с аквалангами!» Но вызов не проходил. Следующей на очереди была «Скорая помощь». «Алле, в канализации заседают опасные психопаты! У вас из дурдома никто не сбежал? Посчитайте, пожалуйста, всех Наполеонов! Срочно проведите перепись Македонских! О результатах сообщите немедленно по этому номеру! Если у вас никто не сбежал, у меня для вас есть хорошая новость!» И снова вызов не проходит! Ладно, давайте пожарных! «Алле, в канализации возгорание! У меня тут сильно подгорает после слова „казнить“! Тушите и гасите всех!» Опять? Да что такое! Газовщики? Пусть будут газовщики: «В канализации утечка газа, которым надыхалась группа неопознанных лиц!» И снова нет связи? Я так не играю!.. Что происходит?

— Хорошо, — я изобразила милейшую улыбку, пытаюсь позвонить мужу. Трубку он не поднимал. Даже гудки не шли. Обиделся. Это именно тот самый случай, когда перед походом в магазин на всякий пожарный бросаешь на бесплатные доски объявление: «В связи с предстоящей командировкой возьму в аренду двадцатилитровую кастрюлю!» Черт! Зато я буду знать, что он

кушал

и

что

он кушал! Нет, это действительно похоже на бред!

Ладно, раз позвонить не получается, то придется рассказывать о маркетинге. Интересно, им ликбез с примерами или без?

— Для начала нам нужны профили. Чем больше, тем лучше! — деловым голосом сообщила я. — Мы делаем красивые шапочки на профили, желательно в одном стиле, а потом занимаемся постами. Продающими постами. А еще нам нужны лайки на каждом посте! Чем больше лайков, тем лучше! Помимо этого нужен канал. Канал вообще легко сделать. Тут пара минут, и все готово! Вот по такой простой схеме завоевывается рынок!

— Завоевание рынка — это уже интере-е-сно! — улыбнулся венценосный гад фирменной улыбкой и взмахнул рукой.

Рядом со мной появилось зеленое облако, которое всосало меня с причмокиванием, чтобы через пару мгновений выплюнуть в месте мне неизвестном. Вокруг меня сновали странно одетые люди, поглядывая на меня с явным интересом и опаской. На грубо сколоченных прилавках лежала какая-то заветрившаяся снедь. Санэпиднадзор, глядя на эту стихийную торговлю, не просто закрыл, а молча выколол глаза, стараясь не смотреть на рой мух, облепивших свиную голову. Я стояла посреди площади, проседающая под тяжестью массивного черного доспеха, и сжимала в руках шипованную дубинку, как бы намекающую, что эволюция обошла меня десятой дорогой.

— Э... ы... — нечленораздельно удивилась я, как бы давая понять, что эволюция обрекла меня не столько на вымирание, сколько на офигевание! — Это что за...

— Ну, чего сто-о-оим? — раздался гаденький голос возле моего уха. — Кого жде-е-ем? Вот рынок. Завое-е-сывай!

Я обернулась, выронив свою дубину, но рядом никого не было!

— Ну-у-у? — снова раздался насмешливый голос, а кто-то из прохожих стал показывать на меня пальцем. — Получа-а-ается? Если получится, то я, так и быть, поду-у-умаю над твоим предложе-е-ением.

Что-то мне подсказывает, что мне просто ездит по ушам один водитель лапшевоза.

— Я же сказала, что начинать нужно с профилей! — нервно выкрикнула я, глядя на какой-то средневековый базар, за который никто, включая меня, не хочет брать ответственность. Что вообще происходит?

Облако снова втянуло меня в себя, заставив мои внутренние органы вспомнить парк аттракционов и посочувствовать друг другу. У меня уже на кого-то формируются вполне музыкальные планы, когда один удар в бубен обеспечивает арфу и крылья. Неожиданно для себя я очутилась в мрачной пещере с киркой в руках и сумкой на плечах. Кирка? Зачем она мне? Что тут вообще творится?

На меня смотрела огромная серая глыба, а тусклый свет свечи, спрятанной в фонарь, освещал черный туннель, уходящий в бесконечность. Мне под ноги что-то упало, заставив наклониться и присмотреться. Среди камней лежала золотая монета с изображением такого профиля, благодаря которому фраза «Главное, что человек хороший» звучит как приговор. Огромный нос, выпирающий подбородок и глаз, который природа натянула не по инструкции.

— Это что? У вас — навар, у нас — капец? — удивилась я, оглядываясь по сторонам и вслушиваясь в собственное гулкое эхо, многократно отражающееся под сумрачными сталактитами и сталагмитами. Сейчас один, с позволения сказать, гондольер огребет на своей гондоле по полной программе.

— Это — про-о-офиль, — снова раздался насмешливый голос, заставив меня подозрительно осмотреться и замахнуть киркой в пустоту. — Нам ведь нужно много профилей? У нас их нет. И с этим явно нужно что-то де-е-елать!

— Да прекрати ты, наконец! — закричала я, содрогаясь от звука собственного голоса, который эхом разносился по всей шахте. — Ты меня неправильно понял! На профили делаются посты с лайками!

Зеленое облако с утробным чавканьем всосало меня, а потом смачно выплюнуло возле какого-то мрачного мужика, держащего целую упряжку собак. Особей двадцать — двадцать пять. Псы тянули бедолагу в разные стороны, рычали, выли и лаяли. Один пес пытался сожрать другого... Третий активно мочился на ноги собаководу, который, судя по глазам, уже сделал свои собаководы, пытаясь сохранить не только физическое, но и душевное равновесие. «Лишай! Сидеть! Тузик! Нельзя! Барбос! Фу!» — орал мужик, пытаясь удержать всю свору.

— По-о-осты и ла-а-айки, — сладенько протянул знакомый голос. — Как ты думаешь? Ла-а-аек достаточно? Или нужно больше? Я беру по ма-а-аксимуму!

— Да что ты, в самом деле!!! Я же тебе объясняю! Нужен канал... — заорала я, шарахаясь от оскаленной пасти особо наглого пса, который в нашем знакомстве решил пропустить стадию обнюхивания и сразу перешел к стадии «беги, Форест, беги!».

Меня дернуло назад как раз в тот момент, когда зубы щелкнули прямо перед моим носом. И вот я почему-то стою с лопатой, недалеко плещется какая-то река, а вокруг никого. И тишина...

— Что это? — нервно спросила я, разглядывая девственную природу.

— Копа-а-ай! — сладко заметил голос, заставляя меня нервно сглотнуть.

— Что копать? — удивилась я, глядя, как по травинке ползет огромный жук. Где-то вполне жизнерадостно щебетали птички.

— Кана-а-ал! — снова сладенько заметил голос, явно издеваясь надо мной. Я посмотрела себе под ноги, радуясь, что не имею проблем с дикцией и буква «к» прозвучала достаточно четко и членораздельно. Не думаю, что мне будут в случае чего компенсировать производственную травму седалища по вине врожденного дефекта речи.

— Да что б ты всему миру твиттер-аккаунты заводил! Ты меня вообще слушаешь? Я сейчас тебе по шапке надаю! — сплюнула я, бросая лопату на землю, а меня снова засосало облако, чтобы бросить на каменные плиты.

— Совсем забы-ы-ыл, — ехидно протянул мой невидимый и оттого еще живой и здоровый оппонент, пока я осматривалась по сторонам.

Я встала, злобно ругаясь, попыталась отряхнуться, но в моих руках были вязальные спицы и моток какой-то пряжи. Вся комната была завалена клубками и нитками, напоминая комнату отдыха паука.

— И ша-а-а-апочка, — сладенько мурлыкнул голос.

Глава 3

Выбор гада номер один

— Я хочу победить зло!

— Не переживай, я занесу тебя в мой список знакомых идиотов.

Я закрыла глаза и покачнулась от неожиданной слабости и головокружения. Мареву спало, меня встретили уже знакомый тронный зал и почти знакомые, но уже успевшие не понравиться лица. Надо мной все дружно смеялись, а в моих дрожащих руках все еще были невидимые спицы, которыми я что-то собралась вязать, вспоминая изнанку и лицевую. Съежившаяся, рано поседевшая бабушка в моем лице подозрительно, с прищуром посмотрела на свои руки, переводя взгляд на окружающих. Мне сильно захотелось связать кому-то колочий чехольчик для самонения. Или в качестве альтернативы презентовать наш гель для интимной гигиены. А то недавно нас забрасывал гневными отзывами некий сорокалетний Михаил, раздраженно заявляя, что у него после геля там все чешется, его жена отлучила от тела и выгнала из дома, но самым страшным было то, что гель стал причиной увольнения с работы, ибо сосредоточиться на работе Михаилу стало совсем непросто. Набирать на компьютере нужно двумя руками, а двумя у него никак не получается! Он присылал фото «пострадавшего органа», требовал сатисфакции, угрожал подать жалобу в Гаагский трибунал по защите прав потребителей. Ну не подошел Михаилу женский гель для интимной гигиены! Не подошел! Мы предложили ему отказать от геля, но он обиделся и ушел на другие форумы парафинить нашу продукцию. Судя по периодичности и частоте гневных откликов, Михаил, как и большинство авторов эротического чтива, приловчился набирать одной рукой, поэтому мы за него спокойны. Одна рука при деле, другая при теле, а кое-что в геле. Гармония...

— Это была иллюзия, — раздался писклявый голос жертвы красоты, который пытался смыть с себя макияж, медленно, но верно превращаясь в лысого, облезлого джокера.

Иллюзия? Ха! Иллюзия — это: «Отпишись и отдышись! Вам больше не будет приходиться новостная рассылка с этого сайта!», «Похудей и офигей! Ложка в день позволит вам усохнуть до хребетика...», «Отрасти или прости! Увеличение корнишона от бедра до капюшона!» Или: «Я люблю тебя и буду любить всегда!», а в самом низу мелкими буквами подпись: «Под словом „всегда“ понимается промежуток времени, покуда меня не стошнит от твоей рожи, пока не найду красивей и пригожей и пока ты не будешь мешать мне бухать с Сережей».

— Итак, что мы име-е-ем, — сладенько улыбнулся принц гадский фирменной улыбкой, делая едва заметный жест. — Ничего. Никакой конкре-е-етики... Просто слова... Все, что мне сегодня предложили, — ерунда. Казните ее. Пото-о-ом...

Меня схватили за плечи, пытаюсь вывести из комнаты навстречу смерти, которую я пыталась отсрочить, упираясь всеми руками и ногами.

— Ах так! — взвизгнула я, пока меня пытались дотащить до двери. Ладно! Через секунду провожатый выл, протирая глаза, а я любовно рассматривала новый дезодорант «Незабудка» с распылителем от известного кутюрье Оли Гоффена. Особенно мне импонировала надпись: «Прекрасно борется с потом!» Согласна, с п

о

том не очень, а с пото-

о

-ом — просто отлично! Надо будет по возвращении сказать девочкам, чтобы взяли на заметку. И через пару месяцев все маньяки будут стыдливо заправлять в штаны орудие труда, едва почуяв запах незабудки.

— Не подходить ко мне! Я вооружена и очень прекрасна... опасна! — заявила я, глядя на состав и понимая, что на моей стороне вся таблица Менделеева, за исключением радиоактивных изотопов. Не потому, что людей жалко, нет. Дорого.

— Ла-а-адно, — улыбнулся гад, и вокруг меня появилась зеленая клетка со светящимися прутьями. Это что-то новое! — Вернемся к нашему разгово-о-ору. Нам нужно более трех миллионов золоты-ы-ых, чтобы собрать армию. Но сначала нам нужно собрать три миллиона. На стене рядом со мной висела карта, которая заставила бы поправить очки и прищуриться любого учителя географии, пропившего атлас мира. Не знаю, кто и в каком состоянии придумывал эти названия, но урок географии по такому наглядному пособию автоматически превращался в школу коррекции дефектов произношения. Я вчитывалась, подозрительно поглядывая на зловещий консилиум. Странные мысли лезли с навязчивостью словоохотливых подруг, мечтающих поделиться на ночь глядя прогнозом погоды на личном фронте. Так! Мой взгляд скользнул наверх, изучая мрачные своды черной комнаты и какое-то потолочное убранство. Хм... Это ж надо, как меня угораздило! Нет, ну нормально так сходила за хлебушком... Я раньше не относилась к категории людей, которые уходят за хлебушком или в туалет со словами: «Я на минуточку», чьи родственники после этих слов ставят на комод рамочку с фотографией, чтобы не забыть, как выглядит дорогой и любимый человек, а потом сидят на передаче «Жди меня», нервно поджимая мочевой пузырь. Даже не знаю, что и думать... Мобильный Интернет молчал, страницы не грузились, связи не было.

— Грабеж! — громко постановил Носач, приюхиваясь к воздуху, где все еще витал запах женской самообороны. — Предлагаю занять основной торговый путь.

— Хорошие герои всегда идут в расхо-о-од, — мурлыкнул венценосный подонок, глядя на карту. — И в обход. Не вари-а-а-ант!

— Тогда мы пойдем на север, ограбим несколько поселений! — заявил бородатый качок, пытаясь протереть глаза после очной ставки с незабудкой. — Они даже пикнуть не успеют, а мы уже тут как тут!

— Я прямо представля-я-яю, — усмехнулся принц гадский. — «Здра-а-авствуйте, это снова мы-ы-ы! Второй раз за ме-е-есяц!» Итого добыча составила... Три коро-о-овы, три курицы-

несушки, шуба кроличья... три... А нет, нет... Тут еще яйца... Снесли... Срочно нужны деньги на цели-и-ителя...

Пока шло горячее обсуждение моментальных способов обогащения, я подумывала прикоснуться к прутьям клетки, но не решалась. Не нравилось мне, как они выглядят... Есть у меня подозрения насчет того, что сегодня муж будет хлебать супчик без хлебушка.

— Нет, ну а что вы предлагаете? — рявкнул Бородач, явно обидевшись на то, что гениальную стратегию не оценили. — Я предлагаю действовать как раньше. Ограбил одно поселение — набрал рекрутов и денег, потом пошел на второе... Мы всегда так делали! Проверенная стратегия! Жги, насилуй, убивай, разрушай и отнимай! И люди в страхе, и денег куры не клюют!

— А если не мы, а нас? — снова принюхался Носач, бросая на меня недовольный взгляд, мол, кто испортил воздух?

— Вот это уже плохо! — озаботился Бородач, растирая покрасневшие глаза рукой.

Еще бы! Меня бы тоже не устроил такой вариант, если бы я с дубинкой наперевес вломилась в город с конкретной целью насиловать и отжигать, а потом бежала, заправляя дубинку в штаны, понимая, что не я одна додумалась до такой гениальной идеи!

— Обалденный план! — мрачно буркнула я, садясь на сумку и прикидывая, который час. Куда я попала, в упор не знаю, но почему-то уверена, что меня здесь быть не должно! — Просто гениальный! Свежо, а главное — оригинально!

— Зна-а-аешь, ты мне уже надое-е-ела, — мурлыкнул принц гадский, бросая на меня нехороший взгляд и откидывая длинные волосы за спину. — Убить ее!

— Я предлагаю вариант! — закричала я, отчаянно отползая подальше от желающих выполнить приказ. Что бы это ни было и где бы я ни находилась, умирать мне категорически рано! — Я обещаю, что завоюю тебе мир! Без кровопролития, без войны, без насилия! Я завоюю тебе этот мир! В обмен на мою жизнь! Обещаю!

— Ка-а-ак интересно! Ла-а-айками и поста-а-ами? — поднял брови принц, однобоко усмехнувшись.

— Нет! Есть еще один способ! — сглотнула я, снова бросая взгляд на карту. — Я предлагаю вам работу! Всего лишь пара часов в день, без отрыва от основной деятельности... Я имею в виду грабежи и насилие... обеспечат вам стабильно растущий доход!

Я вспомнила машинку нашего бриллиантового и завистливо вздохнула, вспоминая, как он увел у меня половину моей структуры.

Несколько минут сомнений и колебаний, которые отразились на симпатичном лице. Ну? Давай же! Соглашайся!

— Ла-а-адно, я дам тебе ша-а-анс! Даю тебе день, чтобы ты доказала мне, что действительно чего-то сто-о-оишь! — смилостивился принц гадский, закатив глаза. — Ита-а-ак, излагай! Ага, сейчас, нашли дуру! Сейчас я радостно расскажу ему о схеме, а через минуту мое бездыханное тельце за ногу потащат в сторону ближайшей помойки. «Спасибо, я обяза-а-ательно рассмотрю вашу идею», — заметит темный властелин, глядя, как меня трамбуют в мусорный пакет.

— Да вы что? — подняла брови я, насмешливо глядя на заинтересованных романтиков с большой дороги. — Чтобы по окончании презентации меня торжественно отправили на тот свет? Нет.

— Зна-а-ачит, я дам тебе ровно три попы-ы-ытки. Если я не увижу результа-а-ата, то увы, — вздохнул принц, подарив мне грустный взгляд. — Учти, помогать тебе никто не бу-у-удет. Гла-а-авное, детка, не расстраивайся, если не полу-у-учится...

По его губам поползла очень нехорошая и многообещающая улыбка.

— Я тебя из-под земли доста-а-ану, чтобы туда же и верну-у-уть, — ядовито заметил он. — Просто чтобы убедиться, что ты там останешься надо-о-олго. Приступа-а-ай, де-е-етка.

— Итак, — прокашлялась я, оглядываясь по сторонам и вспоминая, как вела вебинары. Путья клетки таяли в воздухе, и мне на секунду показалось, что это тоже была очередная иллюзия. — Для начала мне нужно кое-что выяснить. Что вы предлагаете людям? Например, вступайте в наши стройные ряды и получите...

Я выразительно посмотрела на присутствующих, прикидывая, как буду рекрутировать новобранцев.

— Что? — подняла брови я, дожидаясь ответа под задумчивое мычание и почесывание. — Что вы им даете за то, что они вступают? Ну я не знаю, деньги, например? Хорошо! Что получает человек, когда становится частью вашей... хм... шайки, банды, коллектива?

— Ничего, — вполне спокойно ответили мне, явно не понимая, что я от них хочу добиться перед тем, как меня добьют!

— Как так ничего? Это плохая новость! Как же вы собрались вдохновлять людей?

Мотивировать? — оторопела я, понимая, что если когда-нибудь у меня будет дохлый конь или авто отечественной сборки, то я назову его Маркетинг Темного Властелина, ибо на нем далеко не уедешь.

— Неприя-я-ятностями, — улыбнулся принц гадский, сложив пальцы. — Те, кто отказывается к нам вступить, сразу же получают неприя-я-ятности. Большие смертельные неприя-я-ятности. Как тебе такая мотива-а-ация?

— Ну, да... — я слегка прозрела, понимая, что, в принципе, маркетинг очень даже неплохой. Я бы даже сказала жизненно выгодный. «Вступайте в стройные ряды и не получите... хмы-хмы!» Нет, ну по-своему интригует, но я бы не была столь прямолинейна.

В голове уже мелькал вариант объявления: «Срочно требуются воинственные люди, которые любят жизнь и имеют активную жизненную позицию сверху!»

— Хорошо, а целевая аудитория у нас кто? — поинтересовалась я, пытаясь выяснить, где конкретно агитировать этих очень жизнелюбивых граждан.

— Все, в кого целимся, — заржал Бородач, поглядывая на остальных, которые дружно закивали, соглашаясь.

— И в кого иногда попада-а-аем, — мрачно заметил принц, с укором поглядывая на ветерана косметических процедур.

— Я так понимаю, что целевая аудитория те, кто громче всех орет: «Я хочу победить зло»? — на всякий случай уточнила я, прикидывая, как бы так пообещать, чтобы потом не убегать. — Хорошо, что у вас с карьерой?

— Разраба-а-атываем, — успокоил меня темный властелин, глядя ядовитыми глазами. Ну хоть с карьерой вопросов нет! Отлично! Есть за что зацепиться!

— Итак, — потеряла я ручки, понимая, что наконец-то добилась чего-то вразумительного и оптимистичного. — Каковы перспективы карьерного роста?

— Тебе в ширину или в глубину? Я не измеря-я-ял, — промурлыкал принц. — Присоединя-я-яйся. Лишние руки с лопатой никогда не помеша-а-ают. Я бы сказал, даже уско-о-орят процесс копания карье-е-ера.

— Извините, у меня руки-крюки, — отказалась я от заманчивых перспектив. Не думаю, что протянуть ноги в карьере считается карьерным ростом!

— Камни поддевать будет ле-е-егче, — рассмеялся принц гадский, пока остальные подобострастно подхихкивали.

В голове мельтешило: «Присоединяйтесь к нашей карьере! Закапывайте свой талант в землю, откапывайте полезные ископаемые! Приятная компания, веселые песенки, и каждому по печенке, точнее, по печёнке!» Н-да-а-а... Рекрутировать с таким маркетингом можно только прицельным ударом киркой по голове.

— Хорошо, попробуем по-другому! — горестно вздохнула я, понимая, что прожила недолгую, но крайне интересную жизнь. — Вот человек приходит к вам простым рекрутом, а потом... ну... мм... месяца через два, например, он должен подняться выше!

— Да-а-а, у нас есть моментальный взле-е-ет, — задумчиво посмотрел куда-то вверх и поднял брови принц. — Грустненький, но е-е-есть...

Где-то в голове маршировали: сапфировый солдат, золотой солдат, платиновый солдат, дружно отдавая честь и часть награбленного. «Моментальный карьерный взлет» тоже заставил меня тоскливо посмотреть под темные своды зала собраний любителей быстрого обогащения.

— А процент от награбленного полагается? — уцепилась я за последнюю спасительную мысль. — Ну, например, награбил солдат... мм... я не знаю... тысячу золотых... И получает... хм... ну, половину, например? А остальное — в казну! Такого у вас нет?

— За такое я не просто ка-а-азну, — усмехнулся принц гадский, подарив мне пристальный взгляд. — Я за такое сразу ка-а-азну, без разговоров.

— А маркетинг-план у вас обрезной? — вяло поинтересовалась я, прикидывая, что в случае обрезного маркетинга поймею зарплату только с того, что унесла сама, отбив у других

желающих. Чисто гипотетически это можно считать личным награбленным оборотом, включая добычу высшего командного состава. А мне бы очень хотелось, чтобы все рядовые тоже скинулись мне процентом от награбленного. Мелочь, а приятно... —

С недавних пор обрезаю-о-ой, — протянул властелин, глядя на меня с прищуром. — Мы стали обрезать ли-и-ишнее тем, кто плохо себя веде-е-ет... Ли-и-ишнее выбираем на наше усмотре-е-ение...

Отрывов, надеюсь, у вас нет? — простонала я, понимая, что дело дрянь. Еще бы! В какой-то момент я представила, как протягиваю руки к чужому награбленному, требуя свой процент... Да... Есть у меня подозрение, что за такое мне точно что-то оторвут...

Почему же нет? Голову отрыва-а-аем! — просветили меня, приподнимая брови. Про преломление по веткам я даже не заикаюсь. Об коленку такое преломление!

Мысленно прикидывая всю картину, я думала, что будь я художником-пейзажистом, то просто размазала бы соплю по мольберту, обозвав этот шедевр «Грусть, тоска и гробовая доска!» А с другой стороны, три попытки — это вполне неплохо! Я и с первой справлюсь, причем профессионально. Недаром я первый чек компании «Вонэль» и почетный член Привилегированного Совета.

Хорошо, а я могу просить о помощи? — начала торговаться я, прикидывая, что помощь мне не помешает. — Например, если мне что-то будет нужно, мне это предоставят?

Не зна-а-аю, — уклончиво заметил принц, глядя на меня так, словно я уже нависаю над ним и его престолом, как бабка в автобусе, громкими стонами и оханьем намекая, что «молодой исчо! Постоишь!». А потом в качестве аргумента достаю клюку. После первого возражения начинаются такие игры престолов, что слабонервные быстро сходят. Кто на остановке, а кто и под сиденье. — Если только в разумных пределах. Мне самому интере-е-сно, чем дело закончится.

Отлично! — потеряла я руки, сдувая прядь волос. — Мне нужна бумага! Много бумаги и чем писать! Желательно побыстрее! Сейчас все сделаем!

Ита-а-ак! Первая попы-ы-ытка! — зевнул принц гадский, давая знак кому-то из присутствующих. Мне притащили бумагу, перо и чернильницу. Так! Если они думают, что я собираюсь писать завещание, — не дождутся! Во-первых, мне завещать нечего, во-вторых — некому. Так что в случае чего требую похоронить меня по древней традиции с дорогими мне вещами, которые указывают на мой статус и ремесло! На секунду перед глазами повисла картинка, где ученые будущего вскрывают скромную гробницу, трепеща от волнения. Рядом мнутя журналисты, потирая ладошки в предвкушении сенсации. Весь мир внимательно следит за этим эпохальным событием. Крышка поддалась, обнажив усохшую мумию, в руках которой лежат полуистлевший и уже нечитабельный каталог, несколько фирменных украшений по девятисто девять рублей со страницы шестьдесят, пара тюбиков с кремами, тоник «Рюмашка», гель для душа «Ананас», помада, тушь и духи «Мля, Костя». «Найдена хорошо сохранившаяся мумия древней принцессы!» — облетает весть все новостные ленты. Еще бы! Крем от возрастных изменений сделал свое дело! «Вы только посмотрите, с какими почестями ее проводили на тот свет!» — радуется старый археолог, фотографируясь на фоне гробницы. «Сенсация! Древняя принцесса умела читать!» — быстро стенографируют журналисты. Нет, ну вполне логично, в гробницу положили каталог не с тайной надеждой, что у меня наконец-то будет время освоить грамоту! «Судя по ряду захоронений, принцесса принадлежала к какому-то древнему культу богини красоты Вонэль!» — строчат журналисты, сопя от восторга. Ага! И, скорее всего, ее принесли в жертву! «Да нет! Это — сетевик!» — разочарованно вздохнул копатель, показывая мой логин и пароль от личного кабинета. «Закапывайте обратно!» — буркнул старый археолог, понимая, что на своем веку видел уже с сотню таких захоронений. Нет, ну а если меня похоронят в этом мире? В этом мире сетевиков нет... Слу-у-ушайте! Да тут собрать команду — пара пустяков! Никакой конкуренции! Тут даже понятия «спам» еще не придумали!

Мысль о том, что все не так плохо, как показалось на первый взгляд, заставила меня взбодриться, расправить плечи, потереть руки и приняться за дело. Сейчас я вам покажу, как нужно завоевывать мир!

Уточните ближайший район, где я могу это расклеить, — мои глаза задумчиво шарили по карте в поисках подходящего населенного пункта.

— Где хо-о-очешь, — усмехнулась зеленоглазая дрянь, совещаясь со своими соратниками, пока Носач, человек-калькулятор, проводил какие-то расчеты, тыкая их всем под нос с энтузиазмом главбуха ООО «Банкрот».

— Я не знаю, какую ссылку указать, — я уже дописывала первый вариант, сажая вереницу клякс на карты и бумагу.

— Пиши сразу — на рудники-и-и или на ка-а-аторгу! — ответил терпеливый гений маркетинга, с интересом глядя на то, как я пытаюсь вытереть кляксы.

— А других ссылок нет? — тяжело вздохнула я, понимая, что «Если вас заинтересовало наше предложение, то перейдите по ссылке!» звучит очень многообещающе.

— Можно и в карье-е-ер! — предложили мне заманчивую и тревожную альтернативу, пока остальные тихо ржали. Есть у меня подозрение, что Судьба заготовила «удодов» еще минимум на две моих реинкарнации.

— Как тебя зовут хоть? — поинтересовалась я, понимая, что черный список нужно знать по именам и в лицо. А поскольку в школе мне твердили, что знания в моих руках, то знакомство лица и любых подручных «знаний» пройдет отнюдь не академически.

— Перед тобой — магистр Эврард! — торжественно, как на линейке, заявил Носач, раздувая ноздри от гордости. Остальные подняли головы, преисполненные подобострастного восторга.

— Все с вами понятно! Пойдем по-другому, — буркнула я, высунув язык от усердия и стараясь зарисовать слово «ссылка». — Адрес у вас есть? Почтовый индекс? Понятно. Нет у вас ничего! Ладно... Выкрутимся! Даже электронной почты нет?

Это был именно тот случай, когда я мечтала увидеть именную электронку, чтобы долго и с наслаждением перечитывать: «Эврард. Собака и так далее». Я бы с гаденьким удовольствием диктовала бы ее всем, зажав деньги на визитки.

Итак, у меня готово первое объявление! Как гласит народная мудрость, тренироваться в сетевом лучше на кошечках и родственниках, а поскольку родственников у меня здесь не было, то придется идти в поля.

«Здравствуй! Я предлагаю вам заработок без вложений! Дружный коллектив единомышленников, чуткое руководство, привалы, песни у костра, увлекательные сражения, возможность посмотреть мир за счет компании! Лидерские бонусы! Конепрограмма! Меч!» Полнобовавшись первым корявым объявлением, я отложила его сушиться и села за второе. Пошекетав себе нос кончиком пера, задумчиво покусав губы, я с энтузиазмом начала выводить вензеля, словно подписываю поздравительную открытку. «Если вы хотите заработать...» Слово «заработать» меня слегка смущало. Хотя заработать можно не только деньги! Есть много вещей, которые можно заработать: нервный тик, близорукость, лишний вес, больное сердце! Оставляем! «Если вы хотите заработать, присоединяйтесь! Никаких вложений! Быстрый рост, понимающее руководство...»

Понимающее руководство смотрело на меня с непониманием, пока моя рука выводила: «Приключения, совместные походы!» Честно, я даже не знаю, что писать, но нужно пробовать все! «Если вы хотите прокормить семью, если хотите заработать денег, приходите к нам!» Хм... Тут обычно по сценарию были: «Дружный коллектив, кофе-брейки и печенки».

— А печенки у нас есть? — на всякий случай уточнила я, понимая, что проголодалась.

— Сейча-а-ас пойду испеку-у-у, — гаденько ответили мне. — Книгу реце-е-ептов доста-а-ану...

— Ну, правильно! Откуда у бомжей печенье? — хмыкнула я, прикидывая, сколько копий мне нужно. Рука отваливалась, а прописи не заканчивались. В итоге у меня было целых пятьдесят объявлений, которые я любовно прижала к груди.

— Перенесите меня! — скомандовала я, горя решимостью и тыкая в точку на карте. Нет, ну раз здесь магия есть, то деньги на такси просить не обязательно. — Сюда!

— Детка-а-а, я тебя уже на дух не переносу-у-у, — заметил гад, явно издеваясь. — Поэтому пешко-о-ом, милая, пешко-о-ом...

Ах так! Хорошо! Я гордо вскинула голову.

— Сколько до ближайшего поселения? — поинтересовалась я, внимательно изучая карту и пытаюсь выговорить попадающиеся названия. Мой речевой аппарат был явно не приспособлен для того, чтобы работать в местной школе учителем географии.

— Примерно тысяча шагов, — просветил меня Носач, глядя на меня с раздражением. — Через лес — шагов пятьсот! Дверь — там!

— Учти, мила-а-ая, я тебя из-под земли доста-а-ану! — послышалось благословение мне в спину. — Пропустить ее!

Черные коридоры тянулись бесконечно, сумрачными окнами, вытянутыми, как солдаты в стойке «смирно», намекая на то, что свет в конце туннеля близок. Цитадель зла срочно требовала если не капитального ремонта, то, по крайней мере, таблички «На реконструкции!».

На выходе можно было смело ставить кассу и водить экскурсии. Причем вход бесплатный, а вот за вы-ы-ыход не распла-а-атятся.

Свежий воздух заставил меня расправить плечи и вдохнуть полной грудью.

— Эй ты! Куда идешь? — мрачно буркнула охрана в черных доспехах, пригревшаяся на солнышке. Пока все дистрофики где-то жались друг к дружке, с ужасом читая название фильма «Унесенные ветром», эти амбалы нависли надо мной, как бы намекая, что Джеки Чан, в случае чего, из меня не очень. Интересно, чем их кормят, что они вымахали под два метра? Судя по злобным и недовольным взглядам, они сидели на диете из «завтраков» и обещаний.

— Куда послали! — не растерялась я, шурясь на яркое солнце и пытаюсь понять, который час и в какую сторону двигаться.

— А куда послали? — не отставала охрана, прикидывая на глазок, куда меня могли послать. Ага, еще скажите, что если на три буквы, то мне нужно вернуться обратно, а если на пять, то весь новый, технически отсталый, но магически одаренный мир лежит у моих ног!

— В пешее эротическое. А так, куда дойду, — огрызнулась я, выдвигаясь в сторону утопанной дороги. То, что круг узок, а от народа мы далеки, стало понятно, когда у меня начали отваливаться не привыкшие к долгим прогулкам ноги! Еще бы! Я, как истинная леди, ковыляю на каблучищах. Дорога широкой лентой тянулась в сторону леса, а я брела, чувствуя себя той самой гоп-моделью, которая обязательно разоденется в поход так, словно идет не культурно жрать шашлыки, а эпатировать светский раут. Пока все нормальные девушки в кроссовках и мокалинах скачут по тропинкам горными козочками, наша гоп-модель с кислой и разукрашенной миной намекает, что вообще-то ее звали на яхту к миллионеру, а не в ближайшую посадку. Ее сломанный каблук уже лег непомерным грузом на совесть тех, кто решил украсить свои посиделки такой неземной красотой. «Понесите меня!» — скулит она, поджимая губки, пока другие только и делают, что поносят ее со страшной силой. Местные дороги были далеки от ворсистых реалий красных ковровых дорожек, ослепительное солнце — от вспышек папарацци, а шелест унылых кустиков — от перешептываний восхищенных зрителей, поэтому я мысленно раздавала автографы чужим самооценкам и вспоминала игру в доктора, щедро и обильно распределяя диагнозы. Меня утешала мысль, что однажды я встречу своего патологоанатома, который их тут же проверит. Ноги отваливались и гудели, сумка тянула к земле, и я примостилась на ближайший камень, чтобы передохнуть. Пока я медитировала, рассматривая местные красоты, перед глазами пролетела яркая зеленая бабочка, оставляя за собой светящийся след из пыльцы. Ух ты! Бабочка сделала виток над моей головой, заставив меня умилиться до глубины души. Хотелось хлопнуть в ладоши и уйти в добрые девочки! Бабочка подлетела к моему лицу, сделала несколько взмахов крыльями, вызывая на губах непроизвольную улыбку.

— Ты перепутала меня с цветочком? — умилилась я, пытаюсь прикоснуться к волшебству. Бабочка взмахнула крыльями и обернулась огромной зеленой навозной мухой, с противным и назойливым жужжанием делая круг почета над моей головой, как бы намекая, что с выводами я слегка поторопилась.

Глава 4 Гениальный директор

Если фирма из двух человек, то один из них по-любому — генеральный.

Я ковыляла в сторону леса, икая и постанывая. Уцелевшие нервные клетки можно было пересчитать по пальцам одной руки токаря-неудачника. С каждым шагом я убеждалась в том, что послали меня на пять букв, а именно в глушь.

— Скажи мне, милый ребенок, — всхлипывала я сама себе, пытаясь отогнать назойливую муху, которая радостно пикировала на меня, а потом ловко отлетала, стоило мне замахнуть каталогом. — В каком ухе у меня жужжит? А вот и не угадал! У меня жужжит в обоих ухах! Лес становился все ближе. Ой, не нравится мне он. Совсем не нравится. Муха присела на замшелый ствол первого дерева, я гаденько усмехнулась и резко прилепнула ее каталогом! «Бейте мух, сдавайте шкуры!» — промелькнуло у меня в мыслях в сладкую секунду расплаты за бесконечное и надоедливое «бзззз». Нет у меня привычки разглядывать и изучать результаты убийства насекомых, но на этот раз душа требовала исключения из правил, поэтому... Я смотрела как слегка недоумевающий детектив разглядывает место преступления, где только что лежал труп. И пока в душе теплится надежда, что это чья-то злая шутка, в штанах теплеет при мысли о том, что за спиной капает слюной оголодавший мертвец, решивший показать чудеса воскрешения. Я точно знаю, что прилепнула ее, но мухи не было!

— Ай! — взвизгнула я от неожиданности, чувствуя, что меня что-то укусило за плечо. Я отмахивалась каталогом от бессмертной мухи так, что если бы в моих руках был лазерный меч, меня бы без очереди приняли в джедаи со словами: «Как же ты нас замахала!»

Но уроки фехтования кончились в тот момент, когда я неожиданно споткнулась о корягу, потеряла равновесие и упала на спину, сведя на нет все рыцарские потуги. Пока я лежала, постанывая и крихтя, неподалеку раздались шуршание и топот, заставившие меня насторожиться. Сомневаюсь, что это со всех концов спешат рыцари со словами: «Девушка, вы не ушиблись?»

— Стоять! — послышался хриплый и резкий голос, заставивший меня напрячься. — Ты что здесь делаешь?

А что? Не видно? Пресс качаю! Хотела подкачать пресс, а он слегка подкачал меня!

— И-и-и! Баба! — обрадовался кто-то таким гнусавым противным голосом, что даже оператор интима по телефону стала бы экстренно одеваться, одной рукой натягивая свитер и дубленку, а другой подписывая заявление на увольнение. После шапки-ушанки и «Алле! Алле! Здесь кто-нибудь есть? Меня кто-нибудь слышит? Я уже разделся!» бедная девушка с приятным голосом уже вострила бы лыжи в сторону ближайшего центра занятости.

— И кто это у нас тут? — я увидела, как надо мной склонились гнусные, заросшие лица. Если это лесники, то я уже прикидываю, что буду беречь природу со страшной силой.

Мою сумку неожиданно дернули с плеча, чуть не вывихнув мне руку, каталог шлепнулся на землю, пока я тянула сумку обратно, успев ухватиться за ручку и привстать. Еще чего! Я вырвала сумку из рук разбойников! У меня там, между прочим, ключи и банковская карточка! — Деньги гони! — в мою сторону протянулась грязная рука. — Иначе худо будет!

Я обиженно протянула заросшим хамам сто пятьдесят рублей, ссыпая мелочь в грязную ладонь. Зато теперь я точно знаю ответ на загадку: «Пушистый народ в лесу живет!» Разбойники! Разбой-ни-ки! Исправьте, пожалуйста! Я удивляюсь, как их не переловили! Их по запаху найти можно, даже не привлекая к поисково-розыскным работам собак!

— Это что такое? Где деньги? — возмутился самый лохматый, подозрительно глядя на купюру и мелочь.

— А что, для вас сто пятьдесят рублей уже не деньги? — процедила я, осматриваясь по сторонам. Хорошо живут, однако! Зажрались, романтики с большой дороги! А это, между прочим, хлеб, полкило сахара и дешевый чай-мочай.

— Ты что? Денег не видела? Они золотые, серебряные или медные! — заржал бандит, выбрасывая купюру и рассматривая монеты. Я так надеялась, что сейчас сюда прилетит обиженный Центральный банк и устроит такую эмиссию, что ремиссия будет светить бедолагам только через пару месяцев интенсивной травматологии. Да так, чтобы индекс инфляции светился под каждым глазом, а дрожащие руки зажимали отбитую ставку рефинансирования!

— Других нет! — возмутилась я, показывая содержимое сумки.

— Ба! Что это? Микстуры? — недоумевали дружелюбные ребята, удивленно переглядываясь. — Ты что? Целительница? Ведьма?

— Да-а-а! — неизвестно почему протянула я гаденьким голосом, вспоминая одну заразу. Я так понимаю, что это о-о-очень заразная манера общения. Передается воздушно-капельным на мозги путем. Муха тут же превратилась в бабочку, красиво и сказочно порхая надо мной, осыпая меня искрами магии и волшебства. Ах так? Ладно!

— Так! Куда руки тянете! — возмутилась я, чувствуя, как у меня снова пытаются вырвать сумку. — Она заколдована! Если ее отберут, то магия перестанет действовать! Ну если вы так хотите, то могу кое-что показать!

Моя рука шарилась в сумке в поисках чего-то подходящего. Оп! Нашла! Пробник духов! Правда, тут чуть больше половины, но...

— Вы знаете, это очень секретное зелье! Новейшая разработка, — я понизила голос до шепота и осмотрелась по сторонам, словно за деревьями спрятались все спецслужбы мира. — Каждая капля этого зелья стоит миллионы! О нем почти никто не знает! Но!

И тут я запнулась, пытаясь придумать новые свойства духов «Шинель», с запахом ношенной в сорокоградусную жару солдатской шинели и легким оттенком градусов «для сугреву». В голове мелькали сотни вариантов, и тут я вспомнила спину мужа, уткнувшегося в очередную «Линейку для интеллекта», который, громыхая доспехами и ударяя по клавишам с талантом заправского пианиста, зазывал всех пойти и надрать задницу какому-то мирному чудовищу, ни разу не покидавшему родной пещеры! Я понимаю, если бы это был дракон, ежедневно ухудшающий демографическую ситуацию в ближайших поселениях!

— Это зелье дает невероятные способности! Оно повышает силу во много раз! — я взглянула на флакон. Капля «Шинели» не убила еще ни одну лошадь исключительно потому, что не позволили зоозащитники. Смотрю, глаза у потенциальных покупателей загорелись! Отлично!

— Сколько? — просипел седой мужик с космами длинных редких волос, протягивая жилистую руку. — Сколько стоит?

— Мм... Ну, если для вас... Для вас будет большая скидка... Очень большая... Думаю... Мм...

Я его продавала за... мм... сто золотых, но только сегодня и только сейчас вы можете купить его за пять золотых! Представляете, какая выгода? Девяносто пять золотых! — я снова посмотрела на духи, но уже с таким благоговением, словно их разливали не в обычном цеху под плакатом с Эйфелевой башней, а в секретной лаборатории. — Только учтите! Оно действует ровно десять минут!

— А давайте отберем! — предложил самый молодой, вихрастый и рьяный, нехорошо улыбаясь и потирая загорелые руки.

— Ну тогда все напрасно... Не подействует! — пожала плечами я, понимая, что впервые за всю историю продукцию «Вонэль» у меня отрывали с руками!

— Держи! — седой неохотно протянул мне деньги и жадно выхватил флакон, пряча его от остальных. — Приберегу на особый случай! Будет облава, тогда я покажу этим собакам, кто в лесу хозяин!

— Но это еще не все! — я подняла брови, входя во вкус. Моя рука шарилась по сумке и нащупала гель для душа. — Волшебная настойка! Ее секрет знают только те, кто ее создал! Понюхайте, как пахнет! Невероятно, да? Во-о-от! Это лекарство от простуды! Стоит его выпить, так сразу все как рукой снимет!

Особенно штаны! Прямо сплю и вижу, как бедолаги чихнуть боятся!

— Для вас — особая цена! Мм... Три золотых! Держите, не чихайте и не кашляйте! — голосом доброго доктора заметила я, принимая деньги. Отлично!

Вот так блеск для губ превратился в средство для чистки ушей благодаря своей мягкой кисточке, тушь для глаз — в средство для маскировки, гель для умывания с ментолом — в панацею от зубной боли. У меня такое чувство, что добрый доктор Айболит — реальный альтруист-зоофил, ибо в лесу можно смело открывать частную клинику! Это прямо напомнило мне родные чаты. Открываешь «Милиграм», а там в корпоративных чатах поддержки в разделе «Продукция» заседает лепрозорий, с наслаждением смакуя, у кого чего болит и чешется и чем это гипотетически лечится. Да и лечится ли это вообще? Тихо почесываясь, я захожу в чат «Помощи в рекрутинге», а там все дружно полощут какого-то местного маньяка, которому икается через каждый пост. Зато в чате для новичков мусолят правильный цвет детских какашек, особенности кормления грудью и выбор коляски.

— Это что такое? — спросил местный, слегка поддатый Робин Гуд со шрамом на носу, глядя на то, как я вытаскиваю из сумки гель от целлюлита и растяжек. Вот конкретно сейчас я хочу понять, добрый я доктор или нет, потому как клятву Гиппократа я не давала. А еще мне очень не нравились их взгляды. Есть у меня подозрение, что как только лавочка прикроется, меня тут же ограбят обратно. А еще мне очень не понравилось, как они перешептываются, отвратительно

улыбаясь. Я бы не была такой мнительной, если бы не слышала романтическое: «Если че, я первый!»

— Зелье для увеличения хрена! — нежно улыбнулась я, понимая, что более молниеносный результат мог предложить только пчелиный улей с дырочкой нужного диаметра. Когда я впервые решила опробовать на себе это чудодейственное средство от целлюлита, об этом узнал весь дом! Никогда я еще не была такой спортивной девочкой, наворачивающей круги по залу, визжа задорной свинкой. Спасенье в виде душа, которое должно было принести мне облегчение, вызывало у соседей неподдельный интерес, который выражался в концерте по батареям. Как только я намочила исстрадавшуюся часть тела, начался такой «горижоп», что я всерьез задумалась о бодипозитиве. Я готова была не просто вступить, а даже возглавить его, дабы все дружно зализывали мне полученные в результате битвы за идеальное тело раны. Нет, не родился еще такой мужик, ради которого я согласна повторить такую процедуру!

— Не понял? — кустистые брови облезлого разбойника сошлись на переносице.

— Втираешь в своего змея, Чингачгук! — закатывая глаза, пояснила я, прикидывая, как бы деликатно намекнуть, во что именно нужно втирать. — Ну чего ты не понимаешь! Грибочек свой мажешь, ежик! Бабы будут просто пищать от восторга!

— А-а-а! — усмехнулся черными зубами догадливый разбойник. — Ну мне это не надо! У меня и так ого-го! Еще ни одна не жаловалась! Да я всю ночь могу на сеновале!

— Да кому он нужен? Тут все мужики ого-го! — засмеялись остальные, толкая друг друга локтями. — У нормального мужика с этим все нормально!

— Я вон сколько тогда... — мечтательно хвастался подвигами на личном фронте молодой разбойник в серой заштопанной рубахе. — Я рассказывал! Снимаю штаны, а она плачет! Еще бы! Напугал!

— Хорошо. Положу его здесь. Просто положу... Вдруг мимо будет проходить какой-то грибник с ма-а-аленьким грибочком, — вздохнула я, замечая, с каким вниманием собравшиеся следят за тем, на какой конкретно пенек положили сие чудодейственное средство.

— Зря ты! На ней бы и испытали! — толкнул локтем соседа самый молодой хромосомный олигарх, бросая украдкой плотоядный взгляд на меня. О, нет! Спасибо! Я воздержусь. Ваш новый девиз — «Смирение», мой девиз — «Воздержание». И вообще, где здесь ближайший монастырь? Фригидная монашка с непроходящей головной болью будет молиться за вас денно и ночью!

— Ой! А что это такое? — стали присматриваться разбойники, когда я достала красивый флакон «Розового оргазма». Еще бы! Тут флакон дороже стоит, чем содержимое.

— Это зелье, которое исполнит любое желание! — таинственным голосом произнесла я, осматриваясь по сторонам так, словно нас подслушивают все спецслужбы мира. — Но только одно! В состав входит... мм...

Что бы такое придумать? Спирт? О! Придумала!

— Экстракт плавательного пузыря золотой рыбки! Волосы из подмышек старика Хоттабыча, джин с тоником и... мм... вытяжка из цветика-семицветика! — импровизировала я, прикидывая, как бы так половчее улизнуть.

— Мне! Нет, мне! — ко мне потянулись руки, заставив шархнуться в сторону, любовно прижимая к груди пузырек.

— У вас что? Одно желание на всех? — я отдернула флакон от загребущих пальцев, понимая, что в следующий раз эти руки потянутся ко мне примерно с тем же требованием. Правда, список желаний будет не таким большим, но для меня морально неподъемным. — Тут порция только на одного! Оно просто бесценно!

— Сколько? — завопил обладатель медвежьей лапищи, которая чуть не заехала мне по носу.

— А сколько дадите? — поинтересовалась я, предусмотрительно отодвигаясь подальше.

— Три золотых! — заорал седой оптовик, выворачивая карманы в поисках денег.

— Пять! — перебил его молодой в серой рубахе, протягивая мне грязные монеты.

— Шесть и зуб! Золотой! — вопил облезлый, отталкивая других желающих, пока я чувствовала себя ну очень доброй зубной феей.

— Десять! Десять и побрякушку! — пошел ва-банк обладатель огромной волосатой и давно не мытой конечности.

— Десять и побрякушка — ра-а-аз! Десять и побрякушка — два-а-а! Десять и побрякушка — три-и-и! — протянула я, принимая оплату и вручая флакон победителю аукциона. — Продано!

Держите, счастливец! Как же вам повезло! Да вам просто сказочно повезло! Я прямо сама завидую...

— Дай сюда! — раздался противный голос, и в руках облезлого сверкнул нож. — Живо! Кому говорю!

— Эй ты, полегче! Гони зелье! — усмехнулся черными пеньками старик, доставая свой самодельный нож.

— Руки убрали! — возмутился счастливый обладатель неприятностей, демонстрируя свое оружие и прижимая попку к груди.

Тем временем я тихонечко отступала в глубь леса, пока надо мной порхала огромная зеленая бабочка. Несколько неуверенных шагов по сухой листве и острым сучьям, сброшенные на ходу туфли, и я уже мчусь резвой ланью по дороге в мрачные лесные чащобы за зеленым огоньком. Я бежала, задыхаясь и охая, когда нога попадала на острые камни. Через минут десять мое вымотанное быстрым бегом тельце медленно стекало вниз по большой сосне, пока я мысленно уверяла себя, что ни шагу не сделаю, пока сердце не поднимется обратно в природой задуманное место. Сделала кассу не отходя от трассы! Отлично!

Бабочка снова превратилась в муху, делая круги почета над моей головой и намекая мне, что как человек я — не очень. Да и как марафонец — так себе.

Бзззз... Бзззз... Зеленая муха развлекалась на полную катушку, я затаилась под сосной, переводя дух. Бзззз... Бзззз...

Немного приди в себя, отогнав назойливую дрянь, я поковыляла, хватаясь за бок, дальше по тропинке, которая вывела меня в небольшое поселение.

Если сравнить это с олимпийской деревенькой, то народ здесь явно злоупотреблял допингом, поскольку в канаве валялись пустые бутылки и даже один мастер спирта по фигурным рюмкам. Мрачные, суровые и оборванные обитатели сверлили меня фирменными взглядами: «Ты кто такая?» А старенькая деревянная табличка «Добро пожаловать» как бы намекала на то, что с барского плеча не помешала бы спонсорская помощь в виде дорог. Дураков, судя по повальному пьянству, здесь и так хватало. Не знаю, кто тут главный, но есть у меня подозрение, что правят этим оплотом стабильности Безнадега и Безработица, причем делают это уже не первый год и с переменным успехом. Таблички «Власть — дровосекам!», «Никакого короля!», «Власть — охотникам!», «Никаких правителей!» намекали на то, что я нашла то место, где пролетарии всех стран объединились, но строительство светлого будущего пока отложили из-за банальной нехватки оптимистичных стройматериалов.

Подозрительно щурясь по сторонам, я прикинула потенциальные места расклейки своих драгоценных объявлений. И тут меня осенило, что клея-то у меня нет. Совсем нет. Нет, конечно, можно было бы распустить сопли, развесить их гирляндами по всем заборам, а потом приклеить на них мои путевки в лучшую жизнь, но гордость не позволила. Мой взгляд упал на старую сосну, которая сочилась смолой. Природный магазин канцтоваров работал без перерыва и выходных, давая мне возможность быстро облепить все близлежащие поверхности заманчивыми предложениями. Кто молодец? Я молодец! Дело сделано! Осталось немного подождать!

Мрачный народ сновал по своим делам, с подозрением шарахаясь от бумажек. Но вот какой-то мужик с топором подошел поближе, прищурился и оторвал объявление! Ура! Первый клиент почти созрел! Сейчас придет домой, подумает, мол, а что это я тут за копейки гнусь? Ведь есть же легкий способ обогатиться! Тем более топор у него уже есть! Нам же дешевле! Я прямо вижу, как он сидит и обсуждает с женой перспективы карьерного роста в темном воинстве. «Опять добычу задерживают? Да? — горестно вздыхает супруга. — Пойду к соседке, займу десять золотых до добычи! Со следующего грабежа отдадим!»

А если они, например, ипотеку хотят взять? «Перед смертью распишись, пожалуйста, сколько я у тебя забрал! Да не смотри ты на цифры! Мне справка о доходах нужна», — вздыхает новобранец, любовно поглядывая на стопку окровавленных справок о доходах от доходяг. «Заплати налоги с грабежа — пусть будет чистая душа!» — появился транспарант в голове вместе с суровой теткой главбухом, которая высчитывает процент от награбленного для уплаты подоходного налога. Мысли уже докрутились до декретных, правда, я еще не была уверена, кому их следует давать. Не хватало, чтобы под замком выстроилась очередь женщин с младенцами, предоставляя справки, что налет превратился в залет. И пока у деток болтаются на

резиночке варежки, у темного войска на резиночке будет болтаться что-то другое. В целях экономии бюджетных средств.

Пока я рассуждала о прелестях бухгалтерского учета по статьям «Грабежи», «Насилие» и «Мародерство», какая-то женщина в сером платье с потрепанным и грязным подолом подозрительно ковыряла пальцем мою бумажку. Отлично! А вы говорили, что не получится! Еще как получится! Все, теперь они знают, что если их заинтересует заработок без вложений, они могут пройти к черному замку, что, в принципе, не так уж и далеко, зарегистрироваться и начать зарабатывать!

— Кто молодец? — снова самодовольно спросила я вслух, ковыляя обратно тем же маршрутом. — Я молодец! По-любому, одна-две регистрации будут! Еще бы! Работы здесь нет, а у нас заманчивые перспективы.

Тропа петляла между сосен, а я боялась пропустить то самое место, где меня, как наивную Белоснежку, ждало наглое и очень платежеспособное пушистое зверье. Ошибиться мне не хотелось.

— А-а-а!!! — завопил один голос вдалеке, а потом к нему присоединилась возмущенная подпевка. — А-а-а!

Завывание хора мальчиков-зайчиков сливалось в жуткий унисон, который иногда перемежался всхлипываниями и хриплыми ругательствами. Зайчики страдали, а судя по воплям, подумывали оторвать себе хвостики...

— Ы-ы-ы! — перешла на новый репертуар лесная опера, но я знала, что в данный момент они еще слегка и балет. И чем дальше в лес, тем ближе балетная труппа, мечтающая сделать из меня труп, поэтому я предусмотрительно стала искать обходной путь. Нет, ну а что? Результат-то будет! Главное — не мочить!

— Ой-е-е! — заревел кто-то в лесу, задыхаясь. — Больно!

— И-и-и! — вторили остальные. А вы что хотели? Я же не матушка-природа. Почему я должна исправлять ее ошибки? В последний раз мне было так грустненько, когда я получила СМС от благоверного: «Я уже дома. Кончик смотрю и лижу!» Пока акробаты пытались повторить этот трюк, проклятый Т9 похлопывал по плечу бедную учительницу русского языка, я грустно поглаживала когнитивный диссонанс, понимая, что просмотр кина, именуемого «кинчиком», в позе лежа — не такое уж и страшное преступление с точки зрения общественной морали. Бабочка порхала рядом со мной, осыпая сверкающим порошком, как фея Динь-Динь Питера Пена, заставляя на мгновение почувствовать себя счастливым ребенком. Охрана, до которой я благополучно добралась, посмотрела на меня с еще большим подозрением, чем в прошлый раз. — Пять букв послали меня на три. Так что я вернулась! — радостно отчиталась я, глядя, как при виде бабочки мордovorоты расступились, аки воды перед Моисеем.

В зале, куда меня торжественно проводили, было прохладно, ибо встретили меня не с караваем и кокошником, а с короной и вопросительным взглядом.

— Ига-а-ак, как успе-е-ехи? — поинтересовался принц, приподнимая брови, пока стоящая по периметру охрана тихонько давилась от смеха, пытаясь скрыть улыбки. Огромное круглое зеркало, почему-то стоящее в самом центре зала, было при мне накрыто черной тканью. Пока свита исполняла приказ, его высоко-очество смотрело на меня так, словно только что сделало большую гадость. Странно, но я не видела спутниковой антенны на сто пятьдесят восемь каналов.

— Это твоя работа? — возмутилась я, ища глазами бабочку, которая только что порхала рядом со мной. Но бабочки, как ни странно, не было. Ни бабочки, ни мухи, ни волшебной пыльцы. Хм...

— Что име-е-енно? У нас zde-е-есь даже му-у-уха не пролетит! — на меня посмотрели очень выразительным и коварным взглядом.

— Бабочка! Зеленая! — я подозрительно сощурила глаза. Вместо ответа брови снова вопросительно приподнялись.

— Коне-е-ечно, не-е-ет, — широко улыбнулись мне, разводя руками и изображая негодование. — Ка-а-ак ты могла такое поду-у-умать? Я здесь соверше-е-енно ни при чем! Наверное, она подумала, что ты цвето-о-очек и привяза-а-алась к тебе! А сейчас взяла и улете-е-ела! Мухи о-о-очень любят цветы! Я же говорил, что наш цветочек — к деньгам, а вы мне не верили! Как вам не сты-ы-ыдно!

— Ладно, — задумчиво отозвалась я, пока мрачная охрана тихо похрюкивала, стараясь сохранить непроницаемость лиц и суровость взглядов. — Отчитываюсь. Объявления расклеены. — Раскле-е-ены? Надеюсь, что везде-е-е? — переспросили меня, подпирая голову кулаком и глядя на меня с такой надеждой, словно именно мне выпала честь бросить ему спасательный круг. — По всему ле-е-есу? На каждом де-е-ереве?

— Нет, не на каждом! Кстати, люди очень ими заинтересовались, — авторитетно сообщила я, скидывая голову. Просто, как все гениальное! Пришла, напамила, сбежала!

— Ты хочешь сказать, что виде-е-ела надежду в их глазах? Это очень хорошо-о-о. Ты о-о-очень помогла людям! Молоде-е-ец! Тут тебе и де-е-ерево, и бума-а-ажка...

У меня такое чувство, что, если он еще раз так на меня посмотрит, мне срочно понадобится противоядие!

— Ты издеваешься? — нахмурилась я, стараясь не отводить взгляда. Я уже хотела скакать веселым зайчиком, занюхивающим радость ромашкой, а надо мной тут глумятся.

— Да ты что-о-о? Ни в коем слу-у-учае! Я в тебя ве-е-ерил! Какая же ты молодчинка-а-а! Кто бы мог поду-у-умать! — нежно улыбнулись мне, выражая взглядом всю вселенскую признательность. — Не-е-ет, ну вы только посмотрите! Во-о-от! Во-о-от как нужно рабо-о-отать! Ты просто пре-е-елесть, детка!

Нет, ну я все понимаю, но... Черт, сердце екнуло, а я даже непроизвольно смутилась и покраснела от такой неожиданной похвалы. Предательский румянец покрывал мои щеки, а смущение требовало, чтобы я скромно опустила глаза.

— Я про-о-осто поражен! — хлоппали мне, а потом отдали приказ охране: — Скажите, чтобы не закрыва-а-али ворота! Сейча-а-ас зде-е-есь будет це-е-елая толпа-а-а! Нет, ну ты просто сокро-о-овище!

Я чувствую, что сейчас непроизвольно замурчу от удовольствия. Как странно! Меня похвалили, а я тут уже растекалась кисельной лужицей по паркету... А все почему? Потому, что хвалят редко. Все воспринимается как должное! Приготовила новое блюдо мужу, убилась об плитку, потратила три часа, а потом спрашиваешь: «Ну как, вкусно?» И думаешь, что сейчас тебе выдадут восхищенное: «Это просто божественно, дорогая моя! Я никогда такой вкуснятины не ел! Ты ведь так старалась! Какая же ты молодчинка! Я тебя так люблю!» И если «угу» с набитым ртом считается всем вышеперечисленным, то судьба осчастливила меня мужем-междометием, знающим только предлоги ничего не делать и местоимение в виде дивана. Совет да любовь. Не знаю, как насчет любви, но совет мне точно нужен. Желательно, квалифицированного юриста по разделу имущества.

— Ну... — заерзала я на месте. Любая похвала в женской душе превращается в пахлаву. Медовую. С орешками. — Не целая толпа, конечно. Но минимум человек пять — семь... Для первого дня это вполне приличный результат, между прочим! Нет, ну может получиться и больше!

— Ка-а-ак я мог в тебе сомнева-а-аться! — восхищенно вздохнул венценосный гад. — Охрана! Скажите, чтобы поставили побольше сту-у-ульчиков в коридоре! Чтобы посетителям было комфо-о-ортно! Или мы сра-а-азу будем на них цеплять доспе-е-ехи, выдава-а-ать мечи и показывать, где можно гра-а-абить? Как ты ду-у-умаешь, детка? Ты же у-у-умница, мне о-о-очень важно твое мнение!

— Нет, ну я думаю, что сразу грабить — не вариант. Может, попробовать их обучить для начала? — нет, ну действительно так приятно, что меня хвалят. В последний раз меня хвалили, когда я со стульчика читала стихи в глубоком и дремучем детстве.

— Нет, ну ты скажи мне, зо-о-олотце, — мурлыкнул принц не такой уж и гадский, как показалось на первый взгляд. — Людям понра-а-авилось наше предложе-е-ение?

— Конечно! У них были очень заинтересованные взгляды! Наверняка сейчас они перечитывают, взвешивают, так сказать, все плюсы и минусы, советуются с родными...

— Еще бы, менять сферу деятельности — это очень ответственный шаг! — усмехнулась я, наслаждаясь лучиками славы и мысленно даря лучи добра этому чудесному миру.

— У меня есть роско-о-ошная идея! А почему бы нам не сделать та-а-абличку! И не написать на ней: «Добро пожа-а-аловать!» — сладко мурлыкнул принц, мечтательно глядя в сторону окна, слово там уже собралась целая очередь. Ласкающий мир взгляд скользнул по молчаливой охране, а потом остановился на мне. На губах его гадостного высочества расплзлась потрясающая, сладкая улыбка. — Жаль, чита-а-ать они не уме-е-ют...

— Как? — офигела я, не веря своим ушам.

— Вот такой пердионокль! — брови игриво поднялись, а руки снова развелись в стороны, словно мечтающая меня обнять. — Ла-а-адно. Ты сильно проголода-а-алась?

Пока наивное воображение рисовало ресторан, полумрак, легкую музыку, томные взгляды и винную карту в руках учтивого официанта, хроническое разочарование, возникшее вследствие неудачного общения с братьями нашими сильными, намекало на общественную столовую с тарелкой гречки, компотом и «с вас сто двадцать рублей» за жирную алюминиевую вилку. Был еще вариант беляша, «где начинки ни шиша», хот-дога, который по вкусу мало отличается от бумажной салфетки, в которую его завернули, и бутерброда с колбасой. Как бы грустно это ни звучало, но пока моя гордость фыркала в сторону «бюджетного меню», возмнив себя аристократией духа, аристократия брюха уже мысленно урчала от подливочки и сербала компотиком. «Вы обещания здесь будете есть или вам с собой завернуть?» — миловидно улыбается судьба. «Желательно с собой! И салфеточку, пожалуйста! Ой, а можно в жизнь добавить две ложки сахара? Или три! Подсластите, короче!» — отвечаю я, тяжело вздыхая. «У нас сахарок кончился! Все просят подсластить жизнь! Зато есть яд, он тоже сладенький!» — равнодушно и мило улыбается судьба. Я посмотрела в глаза «сладенькому» и «ядовитенькому».

— Есть немного, — гордо ответила я. Где-то из глубин памяти поднимались лобстеры, омары, вереница соусов и целый арсенал вилок и ножиц.

— Это хорошо-о-о, — выразительно взглянули на меня, кивая охране. — Но кто не рабо-о-отает, тот не ест! Меня о-о-очень заинтересовало твое предложение. Но первая попытка провали-и-илась. А я могу и передо-у-умать... Много всякого и ра-а-азного. Так что продолжа-а-ай, детка... Даю тебе время до темноты... Ита-а-ак, вторая попытка!

Что-то я упустила тот момент, когда звезды стали считаться мотивацией по умолчанию! Вспомнил мне один судак, не в обиду рыбе будет сказано, который несколько дней пытался доказать мне в соцсети, что он не судак, а человек с тонкой душевной организацией, богатым внутренним миром и своей точкой зрения. И пока мне в личку вываливался весь богатый внутренний мир, кишущий разнообразием комплексов, пока мне в лицо тыкали своим атавизмом, доказывая все прелести эволюции, я внимательно смотрела на фотографию с его главной страницы, где дружно слиплась счастливая семья, способная успешно отрекламировать как стиральный порошок, так и зубную пасту.

— Ах так? — возмутилась я, польхая праведным гневом уставшего сотрудника, впервые услышавшего о сверхурочных. Еще бы имя новоявленного директора, готового премировать и кремировать меня с миром, выучить. Эв... Вспомнила! Эвард! Я должна знать, кто возглавит мой черный список!

— Да-а-а! А как ты хотела? — развел руками бог обоснуя, критично осматривая меня со всех сторон. — Жа-а-аль, но мне начинает казаться, что ты не так уж и хороша-а-а...

В последний раз меня так втоптала в грязь новая социальная сеть, не пропускающая мои фотографии, отклоняя одну за другой. Когда битва с системой перешла в стадию поминания незлым и тихим словом разработчиков, добрый бот решил помочь мне с определением пола: «Подтвердите, что вы женщина!» По гортани медленно катилась слюна. Карманное зеркальце тихо запотевало. «Не женщина — богиня! Гений чистой красоты!» — успокаивали меня классики, а в голове мысленно составлялся список свидетелей. «Вам точно тридцать?» — интересовался бот, а я мысленно открыла охоту на белых медведей, которые слишком быстро вертят земную ось, да так, что вся жизнь мелькает перед моими глазами. Значит, у продавщицы в магазине, когда я покупала сигареты, ко мне возникали вопросы по поводу паспорта, а тут мне еще десяток накинуть хотят? Или он думает, что я — юное создание, дорвавшееся до прелестей ночной жизни любого города в виде полуночной переписки? Последний вопрос решил добить мою самооценку окончательно, чтобы не мучилась. «На фотографии точно изображено лицо? Да или нет?» Легкий холодок пробежался по нежностям.

— Как рабо-о-отник... — подытожил принц гадский широко и обольстительно улыбаясь. Сначала берут на принцип, потом на приступ. Сердечный. Но я действительно очень разозлилась.

— Хорошо! Сегодня у тебя будут люди! — процедила я, пока меня провожали ядовито-сладким взглядом и многообещающей мужской улыбкой. Звеня монетами, как свинья-копилка, я отправилась рекрутировать. А почему бы и нет? Я запустила руку в сумку, чувствуя, как заработок ласкает мои пальцы. Нет, тут, конечно, не квартира в центре... «Жаль!» — икнуло

внутреннее собрание акционеров, именуемое внутренними органами. Хм... Сколько сейчас стоит тройская унция золота? Калькулятор в голове отчаянно пикал, пока я решительно шагала, к счастью, по знакомому маршруту, обходя стороной, к несчастью, знакомые заросли. Если не считать пореза на ноге от ветки, то добралась я без приключений. Лесная деревенька шевелилась вялым ульем трутней. Алкоголик перевернулся в канаве на другой бок. Это были все новости к этому часу! А теперь — прогноз погоды!

Я окинула взглядом потенциальных жертв, пытаюсь на глазок определить подходящую кандидатуру. На отшибе мой наметанный взгляд заметил несколько самых нищенских лачуг. Отлично!

Мой липкий взгляд остановился на оборванном дровосеке, который вышел из одной лачуги и понуро поковылял в сторону леса, закинув на плечо старенький топор. Еще бы! Кто, как не он — работник тяжелого физического труда, согласится изменить свою жизнь к лучшему, если я великодушно предложу ему эту с ног сшибательную возможность?

— Здравствуйте! — приветливо улыбнулась я, подойдя поближе и глядя на грязные лохмотья потенциального партнера. — Я провожу социологический опрос! Уделите мне пару минут!

На меня посмотрели странным взглядом, словно я набивалась к нему в любовницы, а он, верный семьянин, всячески поощрял, но сопротивлялся.

— Меня жена провожает! — гордо ответил дровосек.

— Вы меня не так поняли. Я хочу спросить вас, устраивает ли вас ваш уровень дохода? — пояснила я, все так же вежливо улыбаясь.

На меня посмотрели, как на статистику средней заработной платы по региону, а потом преспокойненько подошли к ближайшему дереву.

— Меня устраивает. Жену — нет! Что она не отбирает, я пропиваю! — мечтательно причмокнул дровосек, судорожно сглатывая.

— Отлично! А хотите пропивать еще больше? — широко улыбнулась я.

— Здоровье уже не то, — погрустнул дровосек.

— А как бы вы хотели жить? Как выглядит ваша жизнь в ваших мечтах?

— Чтоб жена не пилила, детей поменьше было, деревья помягче, — вздохнул трудяга, доставая из-за пазухи какую-то бодягу, выпивая и крикая от удовольствия.

Несколько ударов, и в сторону полетела прелая кора, заставив меня отшатнуться.

— Я так понимаю, что вы работаете дровосеком? Вас устраивает ваша профессия? — снова поинтересовалась я, глядя на летящие щепки. Где-то рыдал Капитан Очевидность, глядя, как трясется несчастное дерево, роняя сухие ветки и листья.

Пара глотков, и на меня уже не обращали никакого внимания.

— А не хотели бы вы сменить работу на более легкую и доходную? — снова очень вежливо поинтересовалась я, вытаскивая из волос хвою.

— Как деревом привалит — пойду подаяние просить, если насмерть не зашибет! — ответил захмелевший мужик, размахивая топором так, что каждый удар приближал его карьерный рост.

— Я предлагаю вам заняться бизнесом, — деловым голосом сообщила я. — Я вас всему научу. Вы лично будете работать подо мной.

— Ишь ты какая! — усмехнулся дровосек, почесывая бороду и подмигивая. — Лады, пойдем, займемся. Вот словечек напридумывали! Раздевайся, красавица, пока жена моя не видит!

Заниматься я люблю!

Вокруг моей головы зудела муха, намекая на то, что я еще та ромашка, которую нужно отскрести от подошвы.

— Я не это имела в виду, — я стала пятиться подальше от любвеобильного товарища, который уже доставал свой «маркетинг-план» из дырявых штанов.

Я бросилась к лачугам, утешая себя приметой о том, что пока сто «факушек» не увидишь, директором не станешь. Судя по сообщениям, которые мне иногда присылают, скоро я могу обратиться за дипломом проктолога, сжимая в руках присланное мне «портфолио».

Дверь той же лачуги, откуда ранее вышел любвеобильный друг, открылась, и на пороге появилась замученная, многодетная, почти полностью седая мать в обносках с вереницей отпрысков-оборванцев. Отлично! Я когда-то специализировалась на аудитории мамочек. Ради этого мне пришлось выучить все цвета детской неожиданности, все параметры колясок и мочепроводимость всех видов памперсов. Сейчас-сейчас!

— Здравствуйте! — вежливо поздоровалась я, глядя на обтрепавшиеся лохмотья и чумазые лица. — Какие у вас чудесные ребятишки!

«Чудесные ребятишки» смотрели на меня волчьими взглядами. Самый младший грыз сухарь, поглядывая на меня с затаенной ненавистью.

— Просто лапочки, — приторно улыбнулась я. — Я так понимаю, что вы — домохозяйка? Скажите! Вам на жизнь хватает? Ваш муж достаточно зарабатывает, чтобы прокормить семью? На меня смотрели как-то странно.

— Вы сможете стать успешной бизнес-леди и добиться успеха! Вы сможете сами спокойно прокормить своих детей! — приветливо заулыбалась я, поглядывая на затянувшийся декретный отпуск.

— Пошла вон! Не трогай своими грязными руками моих детей! — заверещала мать, прикрывая собой свой стерильный выводок.

— Да что вы! Успокойтесь! — занервничала я, оглядываясь по сторонам. — Никому ваши дети не нужны! Кроме вас, разумеется! Да что вы, в самом деле? Я же хотела вам просто предложить..

— Сколько? — внезапно осеклась мать, деловито осматриваясь по сторонам. — Учтите, задешево не отдам! Сами понимаете, времена тяжелые! Всех не прокормить. За сухарем в ручонках тянулась детская слюнка, старшие переминались с ноги на ногу.

— Вы что? Серьезно? Хотите продать своих детей? — оторопело прошептала я, глядя на эту идиллическую семейную картину. — И вы что? Думаете, что я их куплю?

— Детей воруют! Детей воруют! Опять воруют! — внезапно заверещала мать, заставив меня отшатнуться еще дальше. — Смотрите на нее! Ведьма за детьми пришла! Она превратит вас в послушных мертвецов! Вы будете рыскать в поисках непослушных детей и тащить их к ней! Сухарик выпал из детских рук, лес содрогнулся от истошного детского крика, а я, пятясь, понимала, что если страшилка — правда, где-то в лесу засела бриллиантовая директриса! Детский вой стал еще невыносимей. Откуда-то из леса летел знакомый пьяный дровосек с топором, захлебываясь воинственным криком: «Бъыыыааа! Задущу!» Любопытство требовало притормозить и уточнить, как меня собираются душить топором, но страх орал, что без разницы! Перед глазами мелькали мушки и огромная зеленая муха, которая умудрялась размножаться с мушиной скоростью. Забившись за какое-то дерево и переводя дух, я жадно ловила ртом воздух, пытаюсь унять перепуганное сердце. Вроде оторвалась!

Противно жужжащая муха вела меня по лесу. И вот на горизонте показались знакомые стены черной цитадели — нашего главного офиса.

— И снова здрасте! — кивнула я расступившейся охране. Решительно и по вытопанной тропинке, на ковровой дорожке, я прошла в тронный зал.

— Ка-а-ак ми-и-ило! — мурлыкнул принц, поймав мой разъяренный взгляд фурии. — Это была вторая попы-ы-ытка! Предпоследне-е-дня!

— Водичка есть? — перевела дух я, откидывая волосы за спину и вспоминая свой первый день работы. Перед глазами мелькали все форумы и группы, где меня дружно закидывали продуктами жизнедеятельности, стоило мне робко икнуть об «образе жизни» в комментариях к чужой новости.

Мне принесли кубок с водой, который я тут же всосала с жадностью насоса. Обведя глазами зал, я остановилась на каких-то деревяшках, сваленных в углу под предлогом многолетнего капитального ремонта.

— Краска есть? — поинтересовалась я, сопя от возмущения. — Щитки я забираю! А еще нужны доспехи! И молоток с гвоздями!

— Не-е-ет, но вы только поглядите! Последняя попы-ы-ытка! Если у тебя получится, то я тебя озолочу! — сладко мурлыкнул принц гадский, закусив губу, пока я прикидывала, что буду рисовать.

— Реально озолотишь? — поинтересовалась я, прикидывая, сколько мне могут насыпать за посильную помощь.

— Договор, — улыбнулся Эврард. — Сколько унесе-е-ешь!

Это был именно тот случай, когда грузоподъемность измерялась моей жадностью. Сначала мне принесли огромный молоток, который много лет пролежал в паутине, не догадываясь, что станет первым рекламным инструментом. Я пыталась сколотить свой рекламный щит, двумя руками забивая ржавые и корявые гвозди.

— Ничего-о-о себе, — глаза у темного властелина моей нервной системы округлились. Еще бы! Если бы не я, то в наш семейный туалет мы бы еще год ходили с фонариком! Чувство гордости сменялось чувством жалости к себе. — Внима-а-ание, внима-а-ание! Все сюда-а-а! Смотри-и-ите, как пра-а-авильно нужно забива-а-ать... на рабо-о-оту! Де-е-етка, могла бы и попроси-и-ить, чтобы тебе помогли-и-и...

— Помощи от вас! — фыркнула я, пытаюсь добить несчастный гвоздь, который посмел поднять на меня шляпку.

— Как хо-о-очешь, — почему-то обиделся главгад, а я уже проверяла на прочность результат. Мне через весь зал тащили целый набор доспехов на тряпичном манекене и черный плащ. Хм... Неплохо! Я взяла кисть и решила нарисовать что-то жизнеутверждающее и жизнеутверждающее, но черные и красные цветочки смотрелись как-то совсем не радужно.

— Другой краски нет? Голубой? Зеленой? — на всякий случай поинтересовалась я, сосредоточенно выводя траурный орнамент. Рядом со мной появилась тарелка с чем-то похожим на печенье. Я удивленно подняла глаза, поймав заинтересованный взгляд. Appetit решил взять отпуск до лучших времен.

— У меня вста-а-ал вопрос, — наконец-то, нарушив тишину, задумчиво протянул принц гадский, скептически посмотрев на мою подготовку к великим свершениям.

— Бери его в свои руки и начинай нежно решать! — огрызнулась я, дорисовывая наши «радужные» перспективы на щите. Через полчаса, измазавшись краской, я полнобовалась на свою работу. На черных доспехах красовалось алое сердечко, на досках — букет для графа Дракулы. Сейчас-сейчас! Я им покажу!

— И ру-у-уки по локоть в крови! — промурчал Эврард, с интересом смотря на мою будущую презентацию.

— С дороги! — рывкнула я, вытирая о плащ алую краску и таща образцы в сторону выхода. Прислонив муляж и рекламный щит к стене, я вернулась за печеньем.

Охрана молчала. У одного бугая подергивался глазик, пока я, сопя, громыхала своей презентацией вниз по ступеням.

— Куда? — спросили меня на выходе, глядя, как я, словно труп, тащу за собой манекен.

— Хоронить вашего работодателя! — прорычала я, сдувая волосы с лица. Манекен был не тяжелым, но очень неудобным. Плащ постоянно цеплялся за все подряд, приходилось останавливаться и отцеплять его. Потом мне надоело, и я просто дергала куклу на себя, пытаюсь не выронить рекламу. Темные века! Умственно отсталый народ! Какой сетевой? О чем вы? Тут мыла нет, а вы про продажи! Тут до первой рекламы еще лет триста маркетинговой эволюции! Муха назойливо кружилась над «трупом», а я, кряхтя, тянула его за собой, как мужа в магазин одежды со словами: «Живу как в раю! Хожу голой, прикрываюсь фигой, ем только яблоки, мешок которых ты привез от своей мамы!»

Со стороны я выглядела ну очень одинокой женщиной, которая безумно рада любому, даже самому заваливающемуся мужичку. Судя по мухе, неустанно кружившей над ним, мужик очень завалился. Еще немного, и завоняется. Почему-то вспомнилось, как нас торжественно и открыткой пригласили на свадьбу друзей. Бывших друзей. «Не-не-не! Я чучуточку!» — скромно заявил муж, глядя на заставленный алкоголем стол. Через полчаса Чучуточка затмил собой не только тамаду, но и невесту с женихом. Создавалось впечатление, что это лично его юбилей, но, судя по лицам гостей, которых он умудрился обрызгать шампанским, до следующего юбилея ему дожить было не суждено. Я никогда не забуду, как во время танца молодых тамада отгоняла ногой моего супруга, который мало того что плясал рядом, так еще и пел! Он был уверен, что Уитни Хьюстон сама никак не справится. Ей обязательно нужно помочь. И молодые тоже ни фига не умеют танцевать, поэтому он норовил примоститься третьим, намекая мне, что у него есть другая семья, где его любят больше, чем в первой. Мои попытки оттащить озорную свинью успехами не увенчались, поэтому я лихорадочно вызванивала такси. Монтекки и Капулетти быстро бы помирились, глядя на такой танец, закатывая рукава с целью зазвездить одной звездой. Я взглянула на манекен и сплонула на траву. Втащив образец по пыльной дороге в деревню, словно охотник, хвастающийся добычей, я прикрыла глаза рукой, высматривая подходящее место для проведения презентации. Через минуту я заприметила колодец. Быстренько дотащив свой громыхающий стенд, я прислонила его к камням. Выглядел мой презентер чуть более чем полностью уныло, напоминая мне крестonosца, которого отравили на досуге подлые сарацины. Или героя с

перепоя, который решил не отползать подальше от источника воды, дабы в нужный момент всосать в себя все ведро. Не пойдет! Я приподняла свою куклу, прислонив к гусаку, и в этот момент мне на глаза попала веревка со старым ведром. Я отвязала ведро, привязала за плечи манекен, поставила две таблички. Прокашлявшись как следует, я торжественно встала и выдала:

— Хотите стать успешными? Хотите заработать себе не только деньги, но и славу? — бодро вещала я, глядя на смурные лица-демотиваторы. — Вступайте в темное воинство!

Мимо меня шли два тощих и унылых паренька, при взгляде на которых я мысленно прикинула, что мы вполне сэкономим на доспехах. В одни доспехи поместятся сразу двое. Представляю ужас противника, когда на него из дырки смотрят сразу две головы.

— Мальчишки! Открою вам секрет! Девочки любят подонков! Лишь они оставляют здоровых потомков! Причем многочисленных и географически разбросанных! Кому нужны слащавые принцы? Никому! А вот мрачные, загадочные и сильные герои навсегда покоряют женские сердца! К тому же богатые! — игриво заметила я, глядя, как ребята ускоряют шаг, не желая переходить на темную сторону силы.

Мимо шла тощая девица, в сереньком заштопанном платье, неся в руках старую корзину с шишками. Тяжело вздыхая, она пинала впереди себя камень.

— Девушки! Неужели при виде красивого героя в черных доспехах, настоящего мужчины, у вас не дрогнет сердце? Особенно когда он принесет к вашим ногам роскошную добычу! — подняла брови я, пытаясь зацепить ее взглядом. Остановилась. Уже хорошо.

Народ постепенно стекался, глядя на мой перформанс, как на гастроль цирка.

— Представьте себе, мы даем вам шанс... Уникальный шанс заработать деньги, славу и уважение! Честный дележ добычи, красивые доспехи, боевой конь, меч! Девушкам это нравится! Черные рыцари, овеянные легендами, жестокие и сильные! — распиналась я, глядя на скуку в глазах обывателей. — Вы знаете, что вас ждет, если вы перейдете на нашу сторону? Вот, угощайтесь! Печеньки! Мы заботимся о своих сотрудниках! Еще ни один не умер с голоду! Берите-берите, не стесняйтесь! Но это еще не все! Вас ждет...

Позади меня что-то гроыхнуло. Я обернулась и увидела, как мой образец для женского обожания и мужского подражания мало того что съехал, так еще и угодил головой в петлю.

Алое сердце растеклось кровавым подтеком, как бы намекая на то, что жизнь опасна и трудна, а работу в темном войске сразу стоит занести в списки опасных для здоровья и свободы профессий.

— А ну брысь! — прошипела я, отгоняя муху, возмнившую себя музой.

Я стала вытаскивать манекен из петли, уронив в колодец табличку.

— Ступите на путь сильного героя! Качественные доспехи, конепрограмма, мечебонусы! — вещала я, глядя в сумрачные и абсолютно незаинтересованные лица принципиального «добра». — Отличный стартап для начинающих! Никаких вложений!

В голове назойливо вертелось: «Наша компания предоставляет все необходимое оборудование для грабежа и насилия!» Люди зевали, быстро теряя интерес, который я всеми силами пыталась удержать.

— Вот вы! Да-да! Я к вам обращаюсь! Не хотите ли примерить доспехи? — я ткнула пальцем в плюгавого парня с рытвинами оспин на лице, который тут же сверкающими пятками продемонстрировал всю доблесть и все мужество. Подчеркивая перепуганным криком свой статус «военно ничем никому не обязанный». — Есть отличный шлем! Да, вот вам он будет как раз! В наших доспехах любой выглядит настоящим мужчиной! Мы специально разработали уникальный дизайн, чтобы наводить страх и ужас на врагов и приводить в трепет красавиц. Ни одна женщина не устоит против такого темного героя!

Не помню, чтобы я произносила слово «призыв», но, как ни странно, местное мужское население искренне считало, что они — не из тех, кто убегает! Они те, кого не догоняют! Женщины и старики пожали плечами и молча поплелись по своим делам.

— Переходите на сторону зла! У нас есть печенька! — в отчаянии крикнула я, протягивая людям кондитерку.

Нет! Это просто капец какой-то! Отсталый век, отсталые люди! Какой сетевой? Тут еще мамонты от какашки тиранозавра не оттерли свои подошвы! Вы только взгляните на этих доходяг! Какой заработок? Темные века! Какая презентация? Ага, еще бы проектор притащила! И слайдики бы сделала! Ну кто виноват, что они такие непроходимые, как лес, в котором

обитают? Тьфу на них! Главное — не расстраиваться, я сделала все, что могла. Если кто-то может лучше, то пусть первый бросит в меня камень!

Внезапно в воздухе что-то заискрилось, завертелось, а потом раздался громоподобный голос: — Я... Великий Маг Корнелис! Великий Алхимик! Я открою вам секрет, как стать настоящим богачом!

Вихрь рассыпался золотым песком, повергая в восторг и детей, и взрослых. Дети подпрыгивали, ловили золотишки, взрослые стояли с открытыми ртами, а в самом центре воронки появилась тройка мужиков в золотых хламидах. На них было столько золота, что я удивилась, как это их по дороге сюда не утащили сороки. У самого старого даже борода была покрыта золотой пылью. Один из магов выбросил вперед руку, расставив пальцы, и на весь поселок пролился настоящий золотой дождь! Монеты исчезали, не долетая до земли, но люди смотрели алчными глазами на сверкание и блеск иллюзии.

— Великий Маг Корнелис приветствует вас! — снова раздался громоподобный голос, а над магами появилось огромное облако. В этом облаке было видно, как за столом сидит сгорбленный старик и проводит какие-то эксперименты из серии «Химия. Пятый класс». Что-то бурлило в колбах, что-то дымило на огне, что-то шипело в ретортах.

— Давным-давно я, Великий Алхимик, искал истинные сокровища-знания, — вещал голос, пока комната превращалась в пещеру, освещенную вереницей факелов. — Я искал следы древних везде, где только можно... И однажды, преодолев темные коридоры, мастерски расставленные ловушки...

Ага, отгадав загадку и выпив двадцать литров зелья, я замочил штаны и босса... Ну-ну... В облаке тем временем шло что-то похожее на прохождение игры «Марио». Я даже заперезживала, глядя, как шустрый старикан перепрыгивает через пропасть, карабкается по скалам и отбивается посохом от жутковатого «чезтовыползло» и «даненунафиг». Не хватало только тревожной музыки и линии здоровья в верхнем углу экрана.

— Я нашел истинное сокровище! — перед глазами появился сундук, который открывают дрожавшие от волнения старческие руки. — Знания!

Из сундука хлынул поток золотого света, чтобы тут же погаснуть в темноте.

— Я увидел свет истины, способ сделать всех счастливыми, секрет, которым решил поделиться с людьми... Я нашел способ, как из особого камня, который добывается в местных горах, сделать настоящий золотой слиток!

Народ застыл с открытыми ртами, не переставая смотреть на кучу книг и склянок.

— Этот свиток был написан на древнем языке, который, увы, стерся из людской памяти! — вздохнул голос, но тут же достаточно бодренько продолжил: — Древние письмены приоткрывают свою завесу лишь умелым и знающим. Мне удалось расшифровать половину свитка... И я сумел создать золото, но... Я не могу удержать его! Оно со временем снова превращается в камень.

В руке чародея был зажат булыжник, который светился, как смартфон в темноте подъезда перед фразой из темноты: «Закурить не найдется?»

— Я близок к истине! Я почти у цели! Но мне не хватает денег, чтобы снарядить еще одну экспедицию в древние гробницы и найти то самое слово, которое превратит камни в золото! — горестно вздохнул голос. Камень в руке померк, старик приуныл, а потом посмотрел куда-то за горизонт. — Одно слово... Я не хотел раскрывать миру свой секрет, но моих денег не хватает, чтобы отправиться в путешествие по древней карте. И тогда я решил, что те из вас, кто поможет мне, будут достойны узнать великую тайну Великого Алхимика. Я поделюсь с вами своими знаниями. Я сделаю вас богачами. Мне не нужно золото. Мне нужна наука, ради которой я живу...

Оп! И все погасло, разлетаясь золотым песком. Муха сидела у меня на плече и гаденько потирала лапки.

— У меня есть такой камень! — внезапно протиснулся из толпы какой-то мужичок, протягивая камень золотобородому магу, который демонстративно стал осматривать камень со всех сторон. — Он тоже станет золотом? Я стану богатым?

— Не может быть! Где вы его взяли! — удивился коричневому куску породы эксперт.

— Купил в городе пять дней назад! За пять медяков! — похвастался мужик, показывая всем камушек. Толпа приглядывалась и перешептывалась.

— А вы знаете, что сегодня он стоит уже не пять медяков, а серебряный! — схватился за сердце другой маг, приглядываясь к камню. Толпа охнула. — Пройдет еще немного дней, и его цена поднимется до золотого!

— Я могу его продать? — занервничал мужик, поглядывая на зрителей.

— Можете! Я готов купить его! — встрял третий маг, с залысынами, протягивая монету. — Я сам куплю его! Я не верю в королевские деньги! В них уже почти не осталось золота! Золхимы — вот истинное, чистейшее золото высочайшей пробы!

— У меня еще мешок есть! — мужик демонстративно показал всем монету и спрятал ее себе в карман.

Что тут началось! Мужика чуть не растерзали вместе с мешком какой-то щепенки.

Через десять минут мешок щепня превратился в мешок денег. Народ бегал в дома, нес все, что было, от украшений до пернатой живности, которая своими воплями добавляла драйва! Люди стояли, прижимая к груди булыжники, с завистью смотрели на тех, у кого их больше, и улыбались.

Золотой дождь снова лился на головы участников вакханалии. Глаза людей блестели, улыбки не сходили с их счастливых лиц. Маги тем временем исчезли. Самое интересное, что они прихватили с собой мужика и мешок денег. Лучше бы они забрали мой нервный тик. Глазик дергался, рассеянный взгляд смотрел в пустоту. «Бз-з-з!» — звенела муха прямо над ухом, вполне справедливо намекая на то, что я как бы уже не ромашечка, но что-то созвучное.

Доспехи завалились в колодец, а я чувствовала себя унылым говном. А раз я унылое говно, то пора смываться. Если здесь есть маги, то я думаю, что найду способ вернуться обратно. Дав деру в лес, я бежала что есть силы. Муха превратилась в огромного зеленого шершня, который преследовал меня. Резкий укол под лопатку и... ай! Голова закружилась, в глазах потемнело, и я почувствовала, как в порыве слабости оседаю на землю...

Глава 5

Добро с радикальными методами

У нас с тобой свободные отношения.

У меня — свобода. У тебя — отношения.

Вот такой пердюмонокль!

Во рту было гадостное чувство, как будто сердобольная бабушка вынесла кошечкам тухлую рыбку. В голове мелькали подозрительные мысли, что сейчас на мне в кои-то веки попытаются исполнить супружеский долг, пользуясь моим беспомощным состоянием, причем с такой скоростью, словно я на последнем издыхании, а некромант очень не хочет стать некрофилом. Успеть, так сказать, пока тепленькая. И, судя по скорости, делать прогноз дольше чем на пять минут фактически бессмысленно. Не может быть! Это категорически исключено! В мире же столько всего происходит! Курсы ценных бумаг и валют скачут, как бешеные белки по веткам новостей, террористы взрывают не только бомбы, но и общественность, вооруженные конфликты вспыхивают на карте мира точками возмущения народных масс. Как можно в такой тревожный момент думать о любви?

Я требую, чтобы мой муж был героем боевика с эпическим взрывом в конце и кучей трупов, приходящейся на минуту экранного времени. Да-да, именно тем героем, который в финале должен засасывать возлюбленную, как вантуз раковину, намекая на то, что, пока вверх ползут титры под решительную музыку, где-то ритмично скрипит ближайшая койка. Я хочу видеть, как в ответственный момент, когда красивые губы героини тянутся к нему для контрольного поцелуя, он скривился, как последний инквизитор и девственник, брезгливо отодвигая развратницу на безопасное для игривой части тела расстояние. «Как ты можешь сейчас думать о любви! — гневно восклицает он, сурово устыдив прелестницу. — Когда в мире такое творится!»

До сих пор не могу понять взаимосвязи между цунами на далеком побережье, куда мы никогда не поедем отдыхать, скачками валют, которые мы даже в руках не держали, и направлением, куда меня посылали после кокетливого заигрывания.

Я разлепила глаза, ощупывая все вокруг и пытаюсь сориентироваться. Красивая комната, мягкая кровать, смятая подушка, которую я уже отметила своей сезонной линькой как свою. Протяжно и с наслаждением зевнув, подтянувшись, как удав, расправив плечи и сплевывая волосы, я честно пыталась восстановить события, которые предшествовали мутному утру и состоянию «Не будите лоха! Ему и так плохо».

Я всегда была уверена, что последний полноценный отпуск был у меня в детском саду, а следующий будет описывать патологоанатом, поэтому местный санаторий меня слегка удивлял. Но еще больше меня удивляло кольцо с зеленым камнем, лежащее на столике.

Мозг обрабатывал несколько вариантов, склоняясь к мысли, что, пока я лежала без сознания в лесу, мимо проезжал прекрасный принц. Его высочество увидело меня, обрадовалось дохлятинке, оттащило в свой дворец, заочно для меня познакомило с родителями, махнув моей безвольной рукой, выслушало мнение, что дохлый голубь, дохлый кот и прочая снулая живность, которую стаскивали во дворец ранее, — это было в какой-то степени даже мило по сравнению с дохлой невестой. Но принц-некромант был настроен решительно и требовал, чтобы нас как можно быстрее сочетали узамы брака. Смерть, которая должна была нас разлучить, задумчиво почесалась косой. «Она же вонять начнет», — скривилась будущая свекровь, предугадывая будущие трудности совместного проживания. «Зато молчаливая!» — обрадовался свекор, поглядывая на жену.

Все тело ломило так, словно на церемонию бракосочетания бессовестный принц тащил меня за руку по ступенькам, но гул в голове свидетельствовал, что все-таки за ногу, как машинку на веревочке.

Странные мысли роились вокруг уже не такого пресветлого образа принца. Хотя бы потому, что, вместо постижения тонкостей государственного управления, он бесцельно шлялся по лесу. Я сползла с кровати, понимая, что принц на радостях даже не удосужился меня раздеть, пошлепала босыми ногами по каменным плитам, подползла к зеркалу, из которого на меня сонно взглянуло лохматое чудовище. «Самка!» — обрадовалось чудовище, душераздирающе зевая. Тушь текла по щекам, во взгляде читалось: «Сижу, грущу, как Хатико. Мечтаю, чтобы меня забрал Ричард Гир!» Пригладив волосы и одежду, я вышла за дверь, чувствуя, как за мной крадется плохое настроение, чтобы покусать меня как следует. Эх, не раскрыла я тему печенек, не раскрыла! Надо было на вкусовые качества напирать! Пальчики облизать! Нет, я, конечно, знаю пару семей, в которых мужик за печеньку душу дьяволу продаст, но... В моей голове мысленно маршировало черное воинство под девизом «Хотим печенья!». Моя фантазия уже рисовала картинку, как черные рыцари влетают в каждый дом, заставляя хозяев прикидываться мебелью. «Печенье есть?» — рывкает гора доспехов и мускулов, шаря по сусекам в поисках очередной дозы кондитерки... Госнаркконтроль прищурился и погрозил мне пальчиком. — Сюда! — рывкнул какой-то постовой, несущий почетный караул возле двустворчатой двери. Я вошла в тронный зал, понимая, что принц-некрофил катается не по лесу, а по кладбищу, в поисках целевой аудитории. Поэтому мы с ним не встретились.

— Бе-е-едненькие. А помыться пробо-о-овали? Просто водичкой? А с мы-ы-ылом? — подпирая рукой щеку, протянул Эврд, пока перед ним чесались восемь несчастных, но очень злых и нервных бомжей знакомой наружности. — Но убить ее я вам не да-а-ам. Она — моя-я-я. Моя-я-я детка...

— Вообще-то, я сама по себе девочка! — фыркнула я, привлекая всеобщее внимание. Нет, можно было бы пустить скупую слезу от того, что начальство меня так ценит, но я собираюсь написать заявление на увольнение и вернуться к голодному «политолоху», ибо, когда видела во сне похожие приключения, всегда старалась проснуться в холодном поту. Я повела плечом, вспоминая, что у меня была сумка, но сумки не было. В комнате ее тоже не было... Та-а-ак! Его гадостное высочество встало с трона и подозвало меня.

— Челом бью, царь, великий князь! Не вели козлить, но оставаться здесь не планирую. Схема работает, так что вперед! Завоевывай! А теперь вопрос! Где моя сумка? Отвечай! — рывкнула я, представляя некое ООО «Корсика» и ее генерального директора Наполеона, предлагающего портрет императора в каждый дом.

— В надежном ме-е-есте, — негромко заметил Эврард, улыбаясь, как котенок по имени Гав. — Я ее спря-я-ягал. Не мешало бы извиниться за опозда-а-ание.

— Простите за задержку! — ядовито ответила я, отвечивая нарочито демонстративный реверанс. Если я и плачу дать вежливости, то пусть она предоставляет мне какие-то льготы.

— Так быстро? — удивленно поднялись брови. — Я ду-у-умал, что подожда-а-ать придется ме-е-есяц. Наверное, я даже подумаю взять вину на себя-я-я...

Я шла к этому гаду с горячим желанием прикончить на месте, если не физически, то морально. И честно взять вину на себя! Да так, чтобы тараканы подхватили его упавшую самооценку и поволокли под плинтус! Да чтоб его ежики унесли за такие шутки!

— Су... — шипела я, приближаясь к герою не моего обмана, — мку сюда! Быстро!

— А щито поделать? — развел руками и, судя по всему, меня этот принц гадский. — Де-е-етка, а ты что хотела? Но если хо-о-очешь бросить начатое, позорно отступить, сбе-е-ежать и трусливо спря-я-ягаться, тогда я тебя не держу. Я вообще тебя не держу. Ты мне больше не нужна. Я увидел то, что хоте-е-ел... Но если настаиваешь, то мы договоримся. Причем догова-а-ариваться со мной будешь ты.

— Сейчас ты у меня договоришься! — рывкнула я, негодуя и мысленно разрывая его на сувениры.

Пока я задыхалась от негодования, раздался пронзительный крик: «Мечь ведьме!» Через секунду меня резко дернули в сторону, сердце ухнуло вниз, я покачнулась, чувствуя, как тело резко и неожиданно поменяло место дислокации в пространстве.

Я стояла за чужой спиной, пока охрана нежными ударами укладывала на пол страдальцев от похудения и увеличения, больно обезоруживая их в процессе укладки.

— У них еще и ру-у-уки чешутся! Какая пре-е-елесь! Ру-у-уки им связать! Чтобы не чеса-а-ались! — послышался нежный голос. — За спи-и-иной. Да-а-а...

Чесотка оказалась заразной, поэтому я слегка почесывала свой когнитивный диссонанс, глядя на высокую фигуру, вставшую между мной и опасностью. Моя логика с размаху и вдребезги разбилась об стену.

Почему-то вспомнилось, как к нам в гости заглянул пьяный сосед с монтировкой, с целью выяснить отношения, ибо ему показалось, что именно мы стали теми стукачами, которые слили его номер телефона и номер его мамы коллекторам. В тот момент, когда скандал готов был перерасти в рукоприкладство, я в пылу словесного сражения не заметила, как мой муж осторожно дезертировал с поля боя в туалет, в котором просидел час, пока я успокаивала возмущенного должника. Как только опасность миновала, благоверный выполз как ни в чем не бывало и начал рассказывать, что если бы не внезапный порыв несварения, то он бы ему зарядил! По коридору прыгал, роняя тапки, Джеки Чан, демонстрировал бицепсы Арнольд Шварценеггер, готовясь тут же открыть охоту на Хищника, а потом Чак Норрис показывал на примере воздуха, как правильно наносить удары. «Да я его! Да тут с одной подачи! Да пусть только попробует сунуться! Нет, ну ты слышала, как я сказал: „Вон отсюда!“ Да если бы не ты, я бы ему все лицо разбил! Да! Нас в армейке как учили...» Дальше он вел себя как спецназовец, рассказывая о горячих точках... Но я-то знала, что единственная горячая точка, в которой был мой благоверный, — это душ, поэтому устало сидела на тумбочке, поглядывая на дверь. В прихожей снова раздался требовательный звонок.

— Мм... э... — послышался знакомый голос. — Монтировку верни...

Я посмотрела на прислоненную к стене монтировку — результат моих красноречивых переговоров и прислушалась к шороху тапок и хлопку туалетной двери.

Но сейчас я смотрю на спину, которая заслонила меня от опасности... Один жест, одно движение сняли многолетнее напряжение с моих плеч, заставив их опуститься и расслабиться. Внутри меня подняла голову маленькая, нежная и послушная девочка, удивленно осматриваясь по сторонам. Какая-то странная спокойная слабость пробежала теплой волной по всему телу, оборачивая меня невидимым одеялом. Как же так? Мои кулаки разжались, а теплое невидимое одеяло расслабляло тело, скованное холодом постоянной боеготовности. Шальная мысль пролетела свистящей пулей. Может... Может, и вправду... остаться?

На меня смотрели зеленые, ядовитые глаза, заставляя тонуть в странном, томном болоте.

Медленно и со странным наслаждением какого-то сиюминутного импульса.

— С тобой все в поря-я-ядке, детка? — послышалось тихое мурчание. Этот голос завораживал, заставляя что-то внутри сладко перевернуться. Я смотрела на него, как кролик на удава. — Сильно испуга-а-алась, ма-а-аленькая?

Сердце глухо стучало, прохладная рука осторожно прикоснулась к моей щеке, а я почувствовала, как чужие пальцы медленно заправляют мои волосы мне за спину. Тум-тум-тум-тум... Я боялась даже вздохнуть, чтобы не спугнуть это наваждение. Стыд заливал мои щеки, в груди что-то теплело, вызывая новый порыв мучительного стыда.

— Ну чего ты? — я снова слышала шепот, но мои глаза напряженно смотрели в одну точку. — Испуга-а-алась? Не бойся. Я ко-о-ому сказал!

Нет, не ножи в руках разбойников напугали меня до ступора. Нет. Я впервые испугалась себя. «Лиза! Соберись!» — твердила я себе, снова пытаюсь сжать кулаки и разбудить бурю негодования по поводу того, как против воли стала вкладчиком сомнительного банка.

— Пойди умо-о-ойся, детка, — шептали мне, обволакивая этим спокойным и сладким шепотом. — А не то я поставлю тебя в первых рядах армии, наводить стра-а-ах и ужас на окрестности... Шучу, де-е-етка, шучу...

— Неважно, — попыталась отмахнуться я, предпринимая попытку сжать кулаки и вернуть то изначальное негодование со смесью горячего желания восстановить справедливость.

— Ты права-а-а. Выгля-я-ядишь нева-а-ажно, — прохладная рука легла мне на лоб. — Нет, не заболее-ела... Ты молодец. Ты просто молоде-е-ец... Я верил в тебя, де-е-етка...

— Ты что себе позволяешь? — задохнулась я от вялого возмущения.

Вялое возмущение пожало плечами и заметило, что это все, на что оно способно в данный момент. Что-то мне подсказывало, что сначала на него бабы вешаются, а потом от него вешаются.

— Мно-о-огое, очень мно-о-огое, — загадочно ответили мне, убирая прохладную и нежную руку с моего лица. На лице цвела широкая улыбка Чеширского Кота, медленно исчезая. Зато глаза не давали мне отвести взгляд, притягивая его к себе и удерживая непонятной, магнетической силой.

— Прекрати! — прошипела я, приходя в себя. — Я на тебя все еще очень злюсь! И все эти нежности...

— Да-а-а, вот такой я нехороший, — усмехнулись, оставляя меня в покое. — А теперь марш приводить себя в порядок. Нам нужно мно-о-огое обсудить.

Я выходила из тронного зала, чувствуя, как ко мне возвращается прежнее негодование.

Искушение бросить гневный взгляд напоследок было настолько сильно, что я остановилась в дверях.

— Смотрю я на этих червя-я-ячков и понять не могу, — услышала я задумчивый голос. Эврард сидел на троне и с интересом поглядывал на лежащие на животе и расплзающийся с глухим стоном бомжеватый контингент со связанными за спиной руками. — Или они так че-е-ешутся, или пыта-а-а-ются уползти... Понаблюда-а-аем... Интересно, не так ли?

Охрана молча смотрела, как разбойники с кляпами во рту мычали, рычали и дергались на полу.

— Не-е-ет, я так не могу. Во-о-обще-то мы — добро, просто методы у нас радика-а-альные, так что... — Эврард украдкой взглянул на меня, сощурил глаза. — Переверни-и-ите их на спину.

Не могу смотреть, как они страда-а-ают...

Выкупали, и все! В комнате, куда меня отвели, ждал бассейн с теплой водой. Меня похитили с целью выкупа. На бортике лежал суровый, сточенный о чье-то экономное и чистоплотное тельце обмылок. «Ручная работа!» — вздохнула я, понимая, что на таком даже поскользнуться стыдно. Не говоря о том, чтобы наклоняться за ним. Я брезгливо взяла в руки склизкий гель для душа, шампунь, бальзам, гель для интимной гигиены, скраб для лица с эффектом нежного очищения в одном флаконе, принюхиваясь к запаху. Хозяйственное мыло. Очень хозяйственное. Все никак не кончится. Экономится.

Отмывалась я водой, глядя на обмылочек, который заискивающе мечтал спутать мне не только планы, но и волосы. Мыться этим раскисшим чудовищем я не рискнула. Глядя на него, уже сама была готова выкупить обратно свой гель для душа! Как можно жить в такой антисанитарии? Замотав мокрое тело в простыню, отряхивая длинные волосы, которые в последний раз видели парикмахера на картинке, ибо «дорого» и семейный бюджет не переживет такого потрясения, я нацепила предложенное местным гардеробом черное платье, понимая, что сейчас будут играть реквием по мечте.

В зале, куда меня отвели, было достаточно многолюдно. Охрана стояла вдоль стен и рядом с тронном, нависая над ним пафосными глыбами. За круглым столом собрались господа, которые вряд ли пройдут фейс-контроль в приличное общество, поскольку приличный дворецкий насмерть забьет их канделябром. Огромный и уже знакомый детина со слезами макияжа, носач, который шмыгал своим достоинством, как профессиональный плакальщик на похоронах, облезлый старикан, который постоянно потирал руки, словно замыслил какую-то пакость. Он еще нервно похихикивал, подозрительно глядя на своих соседей. Остальные тоже сошли со стенда «Их разыскивает полиция» с маленькой подписью: «Но без рвения и усердия, ибо стремно!» Такое чувство, что вчерашний смысл питья плавно перешел в поиск смысла бытия, а сейчас норовит стать смыслом бития. Мрачные и угрюмые физиономии смотрели на меня, намекая, что прекрасные и вежливые рыцари вымерли раньше драконов. Ничего, я за себя постою. А постоять придется, ибо свободных стульев, кресел, лавочек, скамеечек, табуреток не было.

— Бли-и-иже, — услышала я знакомый мурлыкающий голос. Я посмотрела на три ступеньки, ведущие к черному трону, и на товарища, который устроился лучше всех. Ладно, вспомним детство, посидим на ступеньке, мысленно натирая канделябр, глядя на тотальную вежливость.

— Пра-а-авильно, — снова мурлыкнул Эврард в тот момент, когда я приземлилась на нижнюю ступень своей карьерной лестницы. — Ну что-о-о ж... Начне-е-ем...

Пока мои заслуги и достижения полоскались сначала в режиме деликатной стирки, потом в режиме интенсивной, чтобы прийти к выводу, что выжать из меня можно довольно много. Но вот выживу я или нет, этот вопрос мало кого волновал. Мне уже составили список населенных пунктов, куда я в качестве бродячего цирка направлюсь с гастролями. Так сказать, пустили по миру... Фернандо Магеллан и Джеймс Кук соглашались с тем, что этот мир — не то место, куда я бы купила путевку на последние деньги.

— А ничего, что бизнес — это умение оказаться в нужном месте и в нужное время? — вздохнула я, закатывая глаза и стараясь не смотреть на моего нового рукоразводителя.

— Это именно то самое место, куда тебя всегда все посылает-а-ают? — осведомился Эврард, заставив меня обернуться и засопеть, выражая все негодование от лица всех ежеиков.

— Я не знаю, куда посылали тебя, но там, куда меня посылают, я бываю только по большой любви! — огрызнулась я, фыркнув и одарив его гаденькой улыбкой.

Мне уже было понятно, что на мне что-то хотят сколотить. Судя по разнарядке, где-то задумчиво чесался плотник, прикидывая, как сколотить подходящий ящик под мое стабильно-тяжелое состояние.

— А ничего, что это пирамида? Финансовая пирамида? — фыркнула я, вспоминая шикарную презентацию конкурентов, на которую точила зуб и облизывалась внутренняя акула бизнеса. — Люди любят, когда могут пощупать продукцию. А мы что? Доспехи будем щупать? Или будет стоять мужик-образец, который будет содрогаться при мысли о том, что к нему тянутся любопытные женские руки? Вы это так видите? Гордость темной армии?

— Мы не торгаши! — огрызнулся мрачный лысый мужик за столом, нахмурившись.

— Конечно! Да у вас даже мыла нормального нет! Мыла! Я не говорю про шампунь! Ничего у вас нет! Антисанитария! — вспыхнула я, вспоминая, что чистота — залог здоровья. Но что-то в хмурых и недовольных лицах намекало мне, что залогом здоровья является вежливость. — Ходите все грязные! Моетесь обмылками! Тьфу! Ни духов, не дезодорантов, ничего!

На меня снова посмотрели так, словно приличному мужику мыться не полагается! Такое чувство, словно я посягнула на их единственное конкурентное преимущество, которое укладывало женщин на лопатки. А если легкий шлейф не подействовал, то умопомрачительное поднятие руки вверх, чтобы помахать красавице, сразит наверняка даже самую стойкую! Один особо рьяный нелюбитель гигиены рванул в мою сторону, опрокидывая стул. И если сейчас за ним не бросится злобный ревнитель чистоты — Мойдодыр, пытаясь задушить полотенцем пушистым и промыть ему пасть мылом душистым, дабы избежать оскорблений в адрес моей тонкой душевной организации, то меня ждет головомойка.

Гору мускулов силой усадила за стол охрана, которая встала между мной и обиженной. А ничего, что я маленькая и кашляю? Причем кашляю так, что потом все бегут на флюорографию, а потом дружно жмутся под кабинетом доктора в ожидании бацилльного возмездия?

— Нам нужно что-то, что люди могут подержать в руках! Реальная вещь! — продолжила я, развивая мысль. — Мыло, например... А почему бы и нет? С мылом здесь беда. С шампунем тоже... Маски для лица, средство для стирки, духи...

— А почему бы и не-е-ет? — задумчиво протянул Эврад, прищурившись, а потом растекшись в широкой улыбке. — Молоде-е-ец, детка! Можешь сесть на ступе-е-енечку повыше!

— Тогда нужно организовывать ООО! — фыркнула я, не обращая внимания на его слова. — Общество с ограниченной ответственностью...

— И безграницы-и-ичными возможностями. Хорошо, мы поду-у-умаем. Я да-а-ам задание некроманту, чтобы он что-нибудь приду-у-умал, — Эврад кивнул, а из-за стола вышел сутулый и мрачный мозговой центр, двинувшись к выходу. Вот тебе и мозговой штурм. Мозги ушли, а воинственный штурм остался.

— А еще мне нужен проектор! Маг, который будет показывать картинки! — вздохнула я, понимая, что не собираюсь бегать с двумя тряпками и склянкой за людьми, вламываясь в их дома со словами: «Сегодня у нас операция — щелок или само отвалится!» На меня уже смотрела счастливая семья, которая показывала, как удачно отвалилась грязь!

Через полчаса унылые вояки были со мной солидарны. Они молча проклинали тот день, когда меня сюда занесло.

— А еще мы можем в качестве рекламного хода заняться благотворительностью, — мечтательно заметила я. Шайка посмотрела на меня так, словно сирот мне обеспечат.

— Благотвори-и-ительность — это замеча-а-ательно! — заметил Эврад, потирая лапки. — Благо я — еще та тва-а-арь! Да, зо-о-олотце?

— Это ты мне, что ли? — напряглась я, закатив глаза, переползая на верхнюю ступень карьерной лестницы, подальше от низшего и очень агрессивно настроенного звена. — Золотце — когда не ценят, солнышко — когда не светит, заюшка — когда есть что на уши вешать, крошка — на столе, а рыбка — только к пиву! Так что прекрати немедленно!

— Хорошо-о-о, я подумаю, как бы тебя назва-а-ать. Так, чтобы не бана-а-ально, — зевнул Эврад, подпирая кулаком щеку. Глядя на дружелюбный оскал, я понимала, «обласкал».

— Готово! — просипел белообрый некромант, втаскивая целый ящик с какой-то зловонной пакостью. Запах опережал события.

— Ду-у-умаю, что надо на ком-то испыта-а-ать, — оживился принц гадский, обращаясь к охране. — Тащите сюда живо-о-отных!

— Только не на животных! — возмутилась я, готовая отдать долг матушке-природе. Без фанатизма, конечно. Не такая уж я и красавица, чтобы стоять грудью за несчастную живность. Так, повозмущаюсь ради приличия...

В зал втащили «червячков»-разбойников, уложив их рядочком, как паркет.

— Присту-у-упим! — оживился уже гениальный директор ООО и БВ «Яд».

Гордый некромант прокашлялся, достал брусок, похожий на мыло, ткнул пальцем в среднего товарища, который норовил трусливо отползти.

— Чахлый. Вряд ли выживет! — просипел мойдодыр, оценивающе прищуриваясь. — Этот тоже... Но у этого шансов больше... Вон какой резвый!

После этого заявления среди разбойников началось этакое оживление. Они пытались с глухим мычанием расползтись в разные стороны.

— Пря-я-ячьтесь быстрее! — ехидно заметил мой новый генеральный директор, глядя на то, как бедолаги толкаются, пытаясь спастись. — Ты куда намы-ы-ылился? Да-да, ты-ы-ы... Шустренький... С него и начина-а-айте...

— Итак, — потер ручки сумрачный гений, требуя принести ушат воды. — Мое первое изобретение! Мыло, которое избавляет от гнойников, прыщей и прочих проблем! Как и просили!

Я оживилась, вспоминая, как рассказывала о нашей линейке антибактериального мыла.

— Эффект просто поразительный! Снимает кожу до кости! Нет кожи — нет проблем! — как-то уж слишком жизнерадостно заметил некромант, любуясь своим изобретением.

— Нет! — возмутилась я, жалостливо глядя на несчастных.

— Все, я больше ничего показывать не буду, — буркнул производитель, готовясь отойти, судя по скорбному взгляду, в мир иной.

— Я имела в виду, что... не надо испытывать, — занервничала я, понимая, что теряем основного поставщика. — Но вещь полезная! Мало ли кому нужно отбелить кости? Оставляем пока что... Что-нибудь придумаем...

— Следующее мое изобретение — маска для лица. Попробуйте кожу! Мягкая, как у младенца, — мрачно заметил некромант, доставая какую-то кожаную, наскоро сшитую маску. За такой маской уже выстроились в очередь все режиссеры кошмариков, наскоро выписывая на коленке сюжет в стиле: «Вдруг из маминой из спальни, с тесаком наперевес, выбегает это нечто и орет: „Вам всем писец!“»

— Мм... — я вспомнила, как долго описывала эффект нашей маски, после которой кожа становится мягкой, как попка младенца. Не хотела бы я быть тем самым мужем, который внезапно вернулся домой и увидел новую маску супруги. Удивительный эффект на лице и на полу гарантирован.

— А вот д

у

хи! — гений от косметологии показал нам ядовито-зеленый флакон. Никогда не слышала, чтобы плутоний был в жидком состоянии, но все бывает впервые. Он откупорил крышку, а по комнате пополз такой запах, после которого каждый вдох — это тяжелый компромисс с нюхательными рецепторами.

— Яд, — скривилась я, понимая, что с такими духами можно спокойно разгуливать ночью по парку в гордом одиночестве, пока в кустах тихо сблевывает в рукавичку серийный маньяк. После демонстрации геля для душа, который приходилось отскребать с тела жертвы, еще одного мыла, от которого у разбойника вылезли все волосы, трех флаконов духов, которые и мертвого приведут в чувство, Эврард с интересом посмотрел на меня.

— А ведь не все так плохо, — усмехнулась я, снова поглядывая на мыло — эпилятор и прочие чудо-изобретения. — Знаешь, продать можно все, что угодно... Многие говорят, что спрос рождает предложение, но это неправда. Правильное предложение рождает спрос. Бриться опасно, мало ли... порежешься... А тут наше мыло! И никакой бороды! Вы только посмотрите, какая кожа после нашего геля для душа! Главное, говорить, что в нашей продукции есть магия. А то цветочки-травки здесь растут на каждом углу...

— Подо-о-ойди сюда, — промурчал принц, пока некромант складывал все опытные образцы обратно, нумеруя их и что-то выписывая на лист.

— А что это мы такие ласковые? — подозрительно спросила я, вставая со ступеньки и делая шаг к трону.

— Еще-е-е бли-и-иже... — его глаза цвета хаки смотрели в мои цвета хаки.

Хорошо, ладно...

— Приса-а-аживайся, цвето-о-очек, — мне нежно указали на подлокотник.

— Я не собираюсь сидеть, как птичка на жердочке! — возмутилась я, глядя на освобожденный для моего седалища подлокотник. — Учти, я — цветок прерий!

Меня резко дернули и усадили на жердочку.

— Тепе-е-ерь это твое ме-е-есто, — мурлыкнули мне сладко-сладко прямо на ушко, слегка прихватывая его губами. — Кто у меня молоде-е-ец? Цвето-о-очек у меня молоде-е-ец!

Кто ж знал, что карьерная лестница заканчивается суровым подлокотником!

— Мне кажется, ты слегка опережаешь события, — заерзала я, порываясь к разжалованию. На мои колени легла рука.

— Так намно-о-ого удобней, — рядом послышался довольный голос, обеспечивший себе и подушку, и подружку в одном лице.

— Ты что творишь! — я попыталась скинуть чужую руку со своих колен, но меня нежно погладили, подарив волнующий и томный взгляд.

— Я творю исто-о-орию. Не волну-у-уйся, — пальцы снова провели по моей коленке, а голос опустился до шепота. — Я уже все просчита-а-ал. Рабо-о-отайте!

Глава 6
Прочие приятности

В критический момент,
когда его тело зависло на одной руке над пропастью,
я бы обязательно протянула ему ручку помощи.
И договор.

Если бы раньше мне кто-то сказал, что я буду украшением чьего-то подлокотника, я бы, наверное, возмутилась до глубины души. Еще бы! Я всегда честно предпочитала работать на результат, ненавидеть начальство, провожая его уставшим взглядом трудоголика.

Та-а-ак! Это что он делает? Кто позволял ему гладить мою коленку? Я, между прочим, как бы замужняя женщина! Мне мой гражданский супруг категорически запрещает массаж коленок! Разрешен только физиотерапевт в крайне запущенных случаях ревматизма! Тонкие пальцы осторожно, едва касаясь сквозь ткань, рисовали нежные, задумчивые узоры, похожие на цифры. — Не не-е-ервничай и не ерзай, — мурлыкнул задумчивый математик. — Я на тебе рассчитываю. И на тебя, кста-а-ати, тоже... Мага я тебе наше-е-ел... Во-о-от он сидит... Скро-о-омничают...

Я посмотрела на тощего, вихрастого юнца, который слишком рано перешел на темную сторону силы, поскольку не успел отъестся на светлой стороне. Теперь я знаю, чем его сманили. Печеньками! Прямо представляю, как он облизывается, урча голодным желудком, а потом пальчиками собирает крошечки с тарелочки, глядя на мир большими голодными глазами вечного нищоброта.

— Ты же понима-а-аешь, что между на-а-ами есть непреодоли-и-имая сила притяже-е-ения, — мне на коленку легла стопка бумаги, — денег. Догово-о-ор...

Я взяла стопку и начала вдумчиво читать каждое слово. Волосы на висках сначала седали, а потом стали шевелиться. «Лиза, она же Цветочек, обязуется...» — икнула я, поглядывая в бессовестные глаза составителя договора. Ломовая лошадь, читая такой договор, попросила сигаретку, чтобы тихо сдохнуть от капли никотина.

— А что значит «и др.» в списке оказываемых мною услуг? — прищурилась я, глядя на ровный почерк.

— И дру-у-уг, — сладенько ответили мне, заглядывая в глаза. Ломовая лошадь поперхнулась табачным дымом, затравленно глядя на меня. — Я предусмотре-е-ел множество вари-а-антов дру-у-ужбы...

— Постой, — я еще раз просмотрела сомнительные листы. — А «и пр.»? Приятельница? Или прости...

— И прочие прия-я-ятности, — снова кротко и сладко улыбнулись мне.

— Никаких прочих приятностей! Я как бы замужем! — обиделась я, тяжело вздыхая и представляя свою дебильную улыбку на будущих свадебных фотографиях.

— А где «как бы му-у-уж»? Дава-а-ай его позове-е-ем? Когда-а-а он узнает, сколько я собира-а-аюсь тебе заплати-и-ить за эту скромную услу-у-угу, лично поддержит све-е-ечку, — снова улыбнулся Эврд. — Над рабо-о-очим столо-о-ом... Чтобы тебе видно было лу-у-учше... Не смотри-и-и на меня так. А дава-а-ай прове-е-ерим! Как бы му-у-уж! Ты где-е-е?! Не отзывается. Стра-а-анно... Или мне призва-а-ать его сюда-а-а?

— Нет! — рефлекторно дернулась я, а потом испугалась внезапного порыва. Я представила, какой содержательный диалог с пеной у рта состоится между местным темным властелином и моим политически подкованным и хронически безработным «как бы супругом».

— Та-а-ак вот откуда но-о-оги растут, — мурлыкнули, снова глядя на меня своим ядом глаз.

— Гладить место произрастания ног не обязательно, — сурово ответила я, понимая, что кто-то уже с интересом поглаживает то самое место встречи двух конечностей. У кого-то нижних, а у кого-то еще и верхних! Но делают это так осторожно, как бы невзначай...

— А ка-а-ак же и др.? — вкрадчиво поинтересовались у меня, глядя на договор. Но тут же рука исчезла, а голос изменился. — Подписывай. У тебя нет выбора.

Уважаемый дьявол, закрывайте свои курсы по договорным отношениям, потому что события моей жизни принимают прескверный документооборот! А с другой стороны, шансов заработать себе на жизнь у меня не так уж и много. Я представила себя изысканной женщиной со своим винным погребом в подвале роскошного особняка, вся в «Шанель» и своей личной арт-галереей. Я еще и засвечусь автором книги «Как стать миллионершей. Советы бывшей Золушки», написанной в соавторстве с Капитаном Очевидностью и выпущенной под редакцией Генерала Ясенпень. Я убедительно буду рассказывать про мотивацию, подсознание, про жизненные цели и психологию неудачника, чтобы наивные дурачки, которые ничего не хотят делать, сидели на протертом диване и видели себя новыми Рокфеллерами, притягивая к себе денежную энергию, убеждая свое подсознание найти работу за десять миллионов в час. Сбережения в трехлитровой банке превращались в мечты в активы международных банков... Никто никогда не узнает, как мне удалось сколотить состояние... Мысли о том, сколько сейчас стоит золото на рынке, меня ласкали куда больше, чем жалкое бляение оправданий заблудшей овцы, которое непроизвольно вырывается после вопроса: «Ты где шлялась?»

Я скривилась, вспоминая этот цирк под вывеской «Бей своих, чтобы чужие боялись!» в исполнении лучшего актера второго плана. Мне до сих пор вспоминают ту прямую трансляцию, в которой я рассказывала, что пора переходить на формат успешной женщины, забыть о философии домохозяйки, не бегать за мужем с котлетой и кротко не заглядывать в глаза! Когда меня основательно занесло в дебри феминизма, раздалось шорканье тапок. На экране позади меня появились чьи-то дырявые, застиранные штаны, волосатая мужская рука оттянула резинку штанов, деловито нырнула в трепетные недра и провела ревизию самого ценного. Следом смачно отлипла дверца холодильника, звякнула крышка от кастрюли, и задний план стал полноценным задним крупным планом в дырявых спортивных штанах, сквозь которые просвечивались фрагмент пушистой ноги и вылинявшие трусы.

— А пожрать че есть? — раздалось недовольное бурчание. — Нет, ты че, мать? Ничего не приготовила? Это че у нас? Гречка? Фе! Не буду гречку! Слышь, сетевощка, ты, это, сваргань че-нибудь! Муж от голода умирает!

Я предельно четко и очень доступно объясняла, что, когда записываю видео-урок, веду трансляцию и так далее, в доме все друженько превращаются в динозавров и торжественно вымирают на полчаса. Но по закону подлости внезапно и незаметно для меня раздается сигнал к действию: «Пора! Врубай! У нее вебинар!» Сосед достает свой перфоратор и начинает бурить стену, его кошка решает именно сегодня мучительно и громко родить минимум десять котят, даже будучи стерилизованной, ко мне приходят свидетели всех религий, газовщики, старушки за солью. Этажом выше начинается дискотека восьмидесятых, за окном начинает буксовать дядя Витя на своей «газели», кого-то насилуют, кто-то бьет посуду, у кого-то резко просыпается маленький горлопан, пытаюсь переорать все это безобразия. Чтобы довершить картину «Лиза пишет вебинар» у меня на телефоне высвечивается незнакомый номер троюродной тетки, которую я в последний раз обделала, будучи грудничком, и с тех пор больше никогда не видела. Мне безумно хочется повторить этот подвиг двадцатидевятилетней давности, слушая, как у недалекой во всех смыслах родни начинается вечер воспоминаний, плавно переходящий в коллективные поминки и символические зазывы в гости туда, куда меня коврижкой не заманишь.

Со временем идею тихого часа усвоили даже тараканы и комар по кличке Дракула Заковровый, неуловимый и легендарный вампир, которого даже убивать жалко. Дошло до всех, но не до жизненно задвинутого и политически продвинутого жирафа. «Обреченный стать звездой» жаждал своей минуты славы. Он мог весь день не подавать признаков жизни, прикидываясьдохлым электоратом, но стоило мне только настроить веб-камеру, как мой спортсмен уже был тут как тут. «Бонусный балл в нашей компании составляет...» — бодренько вещала я, показывая графики и таблицы. И тут прямо мне на грудь ложилась рука, сжимая мою страдалицу с деликатностью питекантропа и урчанием пещерного медведя. Обучающее видео превращалось в видео для взрослых.

— Мне че? Нельзя жену свою помазать? А потом дуешься, что не пристаю к тебе! — искренне удивлялся супруг. Он обижался и уходил в свою комнату, обозвав меня напоследок сетевощкой. Однажды во время вебинара после долгой разъяснительной беседы снова появился непризнанный актер второго плана, жалобным голосом заявляя, что у него на заднице вскочил прыщ! Он бежал из ванной со спущенными штанами, роняя тапки и округлив глаза, словно

случайно присел на унитаз, а там была голодная акула, откусившая ему половину мозга. Или добрый доктор Вампиесц при виде прыща грустно покачал головой, давая пациенту от силы пять минут жизни.

Так закончилась работа в приличной компании на приличной должности и началась работа в «Вонэль», куда брали всех, кто мог сделать копеечный личный товарооборот.

— Хорошо, подписываю, — выдохнула я, ставя свою подпись на каждом листе, вспоминая комментарии к вебинару и густо краснея. «А я че? А я — ниче! — удивлялся „мужичок-мозжечок“, натягивая штаны и разводя руками. — Откуда ж я знал, что там другие сетевочки? И что с того, что ты предупреждала? Я че? Все должен помнить?»

Я сидела на черном подлокотнике и вспоминала этот позор, уставившись в одну невидимую точку. Вспомнилось все: слезы, пролитые в подушку, сопли, намотанные на кулак, нервы, которые беспощадно накручивались вместе с просмотрами и язвительными комментариями.

— Не расстра-а-ивайся, моя де-е-свочка. Нельзя обща-а-аться с людьми в плохом настрое-е-ении, — по моей спине осторожно скользнула рука, как бы утешая и подбадривая меня. — А теперь — ма-а-арш рабо-о-отать! Бессовестный Цвето-о-очек си-и-идит, цвете-е-ет... А нужно рабо-о-о-тать... И я порabo-о-отаю...

* * *

— Флаконы должны быть брендовыми! Узнаваемыми! — пояснила я, глядя на унылые склянки и какую-то туалетную бумагу, исписанную и разрисованную со всех сторон кругами для вызова дьявола. — И красивыми! Ленты есть? Краска есть? Несите! Сейчас будем делать упаковку для первой партии!

Кружок «Кривые ручки» вошел в преступный сговор с глазомером, пока я резала на ленточки зеленую ткань и пыталась присобачить корявые бантики к флаконам. Как выяснилось, один образец мыла клеился лучше настоячивых мужиков, в связи с чем был использован как универсальный суперклей. Нарядные зеленые бантики украшали каждый флакончик и сверточек.

Итак, что мы имеем? Ой, а чем это так вполне неплохо пахнет? Я принялась к невзрачному флакону, поглядывая на смурного некроманта, который возился со своими склянками.

— Я этим протираю стол после экспериментов! Чтобы не воняло! — фыркнул мрачный гений, одарив меня взглядом «че пристала?», пока я прикидывала, как назову новые духи с запахом дешевой зубной пасты. «Вьюга-нос» — промелькнуло у меня в голове, а рука уже фирменным корявым почерком выводила новое название. «Духи для успешных мужчин», — дописала я, уныло глядя на корявую этикетку. Нет, мужик определенно уже везде успел, вспотел, а тут мы предлагаем освежиться! Срочно нужен каталог, этикетки и... художник!

— Эвра-а-ард! — крикнула я в тронный зал, приоткрывая дверь. Мне никто не ответил. — Эвра-а-ард!

И снова тишина. Мне что? Пора ходить со списком и мешочком: «Скидываемся на похороны генеральному директору?»

— Эврард!!! — заорала я голосом ленивой мамы с балкона. Ноль эмоций.

— Эвущка-а-а-лапу-у-ушка, — нежно проворковала я так, словно уже разлеглась на кровати в новом роскошном белье. Обычно действовало.

— Аиньки? — протяжно и сладко отозвался принц гадский.

— Мне нужен художник! Срочно! — я тут же сменила тон с полового на деловой.

Через минут сорок передо мной стоял местный Да Винчи вида не очень живописного.

Настолько неживописного, что на его месте от автопортретов или масляных себяшечек я бы воздержалась. Плюгавый старикан с редкими клоками седых волос, длинным носом, напоминающим клюв дятла, и круглыми рыбьими глазами, несмотря на почтенный возраст, раздевал меня взглядом, как натурщицу.

— Кого рисуем? — спросил он возвышенно и пафосно, доставая кисти и мольберт. — Могу коллективный портрет!

Я посмотрела на мрачную компанию, понимая, что висельники на Доске почета распугают всех потенциальных клиентов.

— Мне нужно на вот такой бумажечке нарисовать лошадь и всадника! Вот тут! Здесь мне нужна девушка... хм... принцесса, — я понюхала какой-то флакон со стойким сладким запахом, который, судя по уверению некроманта, являлся неудачным результатом одного неудачного эксперимента. Судя по тому, как наш гениальный друг потирал костлявые ручки, лучше просто

наслаждаться результатом, не вдаваясь в подробности. Но пахнет флакон вполне приятно — розами. «Ля кости», — написала я черновик этикетки.

— Здесь нужно нарисовать красавицу с таким видом, будто она только что удачно вышла замуж, — я черкала пером на бумаге, составляя техническое задание к каждой этикетке.

— Всем все понятно? — начальственным голосом уточнила я, пододвигая новым сотрудникам бумагу. — И таблички себе сделайте, чтобы я вас по именам знала. Вот образец.

На бумажке было написано: «Лидер: Имярек».

Я решила отдохнуть и перекусить, чтобы потом с видом начальственным и важным проверить получившийся результат. Я ела, удивляясь факту, что безвестному повару еще не оторвали руки, и параллельно выписывала приблизительную численность каждого населенного пункта, найдя какие-то старые записи «дочумной» переписи. Через два часа я решила навестить мою новую структуру.

На меня смотрели недовольные лица, а с груди каждого отсвечивал бейджик.

— И где же мои лидеры? — бодренько спросила я, чтобы поднять командный дух.

— Кто? — переглянулись бугаи, пожимая плечами.

Я присмотрелась к первому попавшемуся бейджику, а потом мельком взглянула на художника, который уже заканчивал свою работу над этикетками. Надо мной сопел тот самый бородатый детина с подтеками макияжа, а на груди у него красовалась небольшая табличка, вызывающая больше вопросов, чем ответов. То, что их всех зовут Имяреками меня слегка расстроило. Но это было не самым страшным. Мучительно покраснев, я снова посмотрела на свой образец, где черным по белому было написано: «Лидер», а потом тоскливо осознала, что буква «л» и «п» бывают так чертовски похожи, «...идеры» посмотрели на меня, мол, так? Оставалось только грустно кивнуть. До «лидера» надо еще дослужиться!

— Вот! — гордо заявил художник, демонстрируя мне образцы. Ему только египетские пирамиды расписывать! Все, что было в профиль, выглядело прилично. А вот анфас... На меня смотрел загадочный коричневый блин с торчащими в хаотичном порядке конечностями с многострадальной мордой, на которой было написано: «Щито я такое?»

— Это что? — осторожно, чтобы не ранить тонкую душевную организацию непризнанного по вполне понятным причинам гения, поинтересовалась я, вглядываясь в рисунок. Нет, такими темпами жить ему осталось совсем немного...

— Это лошадь! — горделиво ответил творец со всем презрением, на которое может быть способен создатель нетленки. Я задумчиво отложила листок, прикидывая, что меценатом местного искусства мне быть не суждено. В моей мысленной арт-галерее эта лошадь Доживальского пыталась втиснуться между шедеврами мировой живописи, но пока что я склонялась к мысли, что «конячке на раскорячку» место на стене в детской изостудии для самых маленьких.

Следующий рисунок должен был занять место на конкурсе в детском саду, но был дисквалифицирован воспитателем за то, что никто не смог угадать, что это. Зеленый, унылый блин с аналогичной мордой и лишними запчастями умолял меня прекратить его мучения одним милосердным ударом.

— Это дракон! — самодовольно вздохнул гений, нанося контрольный штрих.

Принципиальной разницы между страдающей живностью, кроме цвета, я не обнаружила.

Зверюшки как бы переглядывались с соседних листов, лежа рядом. «Ты кто?» — грустно вопрошала лошадка. «А ты кто?» — смотрел на нее растерянный по частям дракон. Я мысленно пыталась найти не только отличия между рисунками, но и оправдания на случай, если оторву этому Ван Гогу ухо.

— А вот принцесса! — поверх несчастного зверья легла девушка с четко обозначенной рабочей стороной. Легкое косоглазие вполне можно было списать на радость при виде прекрасного принца, а вот по поводу остального даже матушка-природа прикрыла лицо рукой. Камбала как бы слегка завидовала принцессе. Рядом лег ее брат-близнец — принц. Если бы такой принц убежал, я бы его не догоняла!

Художник явно ждал похвалы, пока я мечтала закапать себе в глаза первое попавшееся под руку средство гигиены, чтобы избавиться от повторной возможности лицезреть это.

— Между прочим, это новое направление в живописи! Я его сам придумал! — просветил меня творец голосом, которым рассказывают провинциалке о прелестях столичной жизни. Хорошее направление! Есть куда теперь послать!

— Вы еще книгу не видели! — высокомерно заметил гений, пока я вспоминала некоторых мультипликаторов, от фильмов которых восторженно визжат дети и седеют раньше времени родители. — Смотрите и преклоняйтесь перед великой силой искусства!

Если когда-нибудь археологи раскопают могилу великого гения и обнаружат следы насильственной смерти, включая проломленный череп, то пусть не удивляются. Надо бы на всякий случай положить парочку его работ в гробницу, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, как и за что закончил свою жизнь великий художник всех времен и уродов. Перед моими глазами лежала книга в черной обложке. Я прямо представила, как со строгим взглядом, единожды узревшим истину сквозь замочную щель небес, прижимая к груди сей опус, я кочую от порога к порогу, задавая вопрос: «Вы верите в возможность быстрого заработка?»

Обложка раскрылась, я даже сглотнуть не успела от неожиданности. На меня скорбно, с укором, как на матушку-природу, смотрело создание ориентировочно женского пола, с сероватой кожей, с малюсенькими глазками поросенка, круглыми щечками и кудрявыми волосенками. Раз... два... три... четыре... Десятью, чтобы быть точнее! Нос-пяточок намекал на то, что Фунтик закабанел со временем, женился на Обезьянке, и они стали счастливыми родителями этого чуда. Это чудо умудрилось дожить до пенсии, выступая в цирке. А каждое выступление начиналось словами: «Родила макака в ночь..»

— Это кто? — спросила я, подозревая худшее — где-то есть натурщики. Я осмотрелась по сторонам на всякий случай. Не хотелось бы лечь спать, а потом проснуться от того, что надо мной склонился тот самый принц-камбала с явным намерением облобызать меня.

— Не узнаете? — горделиво спросил гений, прищурившись и подсовывая мне под нос живопись.

— Светка? — прищурилась я, вспоминая более-менее знакомых девушек, до которых никак не могут дотянуться модельные параметры.

— Это вы! — выдал художник, всем своим видом показывая, что обидеть гения может каждый, а похвалить — только люди с крепкими нервами.

Ком тошноты подступал к горлу, холодная изморозь летним душем волной пробежала по всему телу. Зеркало, оставшееся в ванной далекого города далекого мира, всячески протестовало.

— Я вас даже слегка приукрасил, между прочим! — поставил меня в известность не признанный по понятным причинам гений, а перед глазами промелькнула биография этого, с позволения сказать, таланта. Комиссия Художественной академии осторожно заметила, что такому дарованию нечего делать в их скучных и убогих стенах, а разобитый портретист решил отомстить и перешел на темную сторону силы.

— Слушайте! — возмутилась я, понимая, что от такой живописи живо описался бы любой натурщик. — Вам никогда не жаловались? Слово «непохоже» никогда не звучало в разговоре с клиентом?

— Нет! — захлебываясь гневом художник так, словно его работы украшают местный Лувр. — Как вы смеете критиковать то, в чем не разбираетесь! Сперва научитесь рисовать, а потом уже...

Что ж ты вгоняешь меня в пучины женской депрессии? Дайте мне шпатель, чтобы я могла осторожно отскрести свою раздавленную великой силой искусства самооценочку от пола!

— Дальше, — процедила я голосом, от которого должно замерзнуть все в радиусе километра. — Листай! Ой! Ай! Э! Нет! Хоспади! Это что за?..

На меня смотрели грустные лица — серо-зеленые и синеватые. Вокруг них были какие-то цветочные узоры. Весь каталог навевал ту самую экзистенциальную тоску о чем-то вечном, непостижимом и недостижимом.

— Это ужас! Кошмар! — протестовала я, снова листая страницы с набросками и ужасаясь все сильней. Синеватая костлявая девушка мутным взглядом смотрела на меня с очередной страницы, держа в руках флакон с новыми духами «Ля кости». «Нежный аромат с нотками розы подарит вам умопомрачительную улыбку на весь день!» Если от улыбки хмурый день светлей, то от ее оскала откуда-то, вопреки всем прогнозам, набегают грозовой фронт. Мужик на коне получился чуть лучше, почти полностью сливаясь с лошадкой. Если я и разбираюсь в пропорциях тел, то это не кентавр, это понтавр. Эдакие понты на пони. Рядом с ним бы вполне искусно изображен флакон с бантиком и этикеткой: «Горлен». У понтавра был такой мятый вид, словно он уже с утра вкусил аромат, занюхивая рукавом и конем, а потом поскакал

борются с зеленым змием, неожиданно возникшим на горизонте после пятого флакона. Остальные были не лучше. Я всегда искренне полагала, что выражение «Великое искусство может выдавить слезу даже из самого черствого человека» — фигуральное. Но сейчас в уголке глаза затаилась та самая скупая слезинка, которая намекала на то, что ничего у меня не выйдет с такой командой.

— А где скидки? — простонала я, снова листая страницы и не видя знакомых стикеров.

— Я все сделал, как вы и просили! — снова обиделась ранимая творческая личность. — Скидка на возраст, скидка на вес, скидка на рост... Все сделано в лучшем виде!

— А распродажа? — глаз снова дернулся от первой картинки. Мужчины, в свое время положившие на меня глаз, явно страдали близорукостью!

— Вот! — меня ткнули, как котенка в результате бурной кошачьей жизнедеятельности. — Один раз я написал слово «Даже». Как и договаривались. Раз про «даже»! Вы просто пролистали...

На меня хмуро смотрели «...идеры», один из которых протяжно и громко зевнул. Маг-проектор тренировался показывать приличную иллюзию, размахивая руками так, словно отгоняет стаю озверевших таежных комаров. В маленьком облачке мелькали какие-то парализованные, которые двигались так, словно уже познакомились с энцефалитным клещом. Ладно, по сравнению с некоторыми презентациями, которые были сделаны в студии «На коленке я лепила, спать хотела и тупила», это еще куда ни шло. Несколько глубоких вдохов и выдохов вернули мне самообладание.

— Мальчики! — приветливо окликнула я новых «...идеров». — Рассядьтесь, пожалуйста. А ты, Проектор, иди сюда! Показывать будешь то, что я говорю!

Проектор поплелся в мою сторону, несколько раз споткнувшись о чьи-то вытянутые ноги. Судя по запаху, идущему от сапог, падение означало верную смерть.

— Друзья мои! — бодренько и жизнерадостно начала я, обводя взглядом лица тех, кого вычеркнула бы из френдзоны сразу же. — Мы продаем не продукцию, а образ жизни. Вы — первые чеки компании, поэтому на вас лежит огромная ответственность! Как я уже объясняла, мы предлагаем людям работу по продаже нашей продукции. Они могут не продавать ее самостоятельно, а взять на работу друга, который будет продавать вместо них.

Раздался протяжный зевок. Понимаю, слушатели всегда зевают, когда им интересно.

Мальчик-проектор, слегка обделенный фантазией, крутил мультик про каких-то трясущихся мужиков, которые внезапно начали обниматься.

— Ну вы же сказали, что «друг»! — ответил он мне, глядя на мой изумленный взгляд. Ладно.

— Итак, вам придется собирать свою структуру и вербовать новых рекрутов, которым предстоит не только понять суть нашей работы, но еще и сделать заказ нашей продукции. Без этого никак. Помните, что некоторая часть денег от каждого заказа и каждого человека, которого вы приведете, станет вашим вознаграждением за труд, — я посмотрела в скучающие лица. — Потом вы научите их вербовать, и они будут вербовать людей для себя. А вы при этом будете иметь деньги со всей цепочки! Давайте попробуем!

Я обвела взглядом аудиторию, выискивая подходящую жертву.

— Вы, — я показала рукой на квадратного мужика с непропорционально маленькой головой, — как бы вы уговорили меня купить... мм... например, наше новое мыло? Вставайте, не бойтесь... Судя по взгляду, бояться должна была я, поскольку работаю в сугубо мужском коллективе.

Стул отодвинулся, а ко мне молча, вразвалочку двигалось будущее пособие. Я даже пикнуть не успела, как меня схватили, приставили к горлу нож и сипло-сипло произнесли:

— Видишь нож? Покупай, а то умрешь!

Я уже была близка к тому, чтобы стать оптовиком, но презентация требовала реакции, поэтому я сдавленно выдохнула: «Еще варианты есть?»

— Покупай, кому сказал! Или выколото глаза! — прорычал демонстратор, пока я задыхалась от запаха чужого пота.

— С людьми нужно быть вежливыми, — ответила я, поглядывая на острие ножа, которое мелькало перед глазами. — Тем более что у них с собой может не оказаться нужной суммы денег.

— Денег нет — полезем в драку! Пусть подохнут, как собаки! — подсказывал кто-то из зала.

— Выворачивай карманы! — снова прорычали мне на ухо, но тут же добавили волшебное слово: — Пожалуйста!

Все хорошо! Нет повода для паники!

Меня резко отпустили и двинулись на место. Где-то переглянулись заплывшими глазами побитые зайцы, чиркая спичками о коробок, цирковые медведи сделали круг почета по арене, лев прыгнул в горящее кольцо, как бы мотивируя меня тем, что терпение и труд в порошок сотрут!

— Неправильно, — отдышалась я, приходя в себя. — Ножи и прочее оружие доставать нельзя. Вы пугаете людей. Вам нужно быть вежливыми, улыбчивыми, доброжелательными. А ну-ка, все дружно улыбнулись!

Когда говорят про улыбку на тридцать два зуба, имеют в виду не коллективную фотографию, где суммарное количество зубов всех участников равняется примерно тридцати двум. Нет, не все потеряно... Их просто нужно немного подучить... Все возможно, если очень захотеть...

Битый час я рассказывала про принципы работы, про вежливость и умение общаться с клиентами, показывала примеры, делилась личным опытом со скидкой на средневековый интеллект. И — о чудо! — сработало! Взгляды были прикованы ко мне, внимательно следя за каждым моим движением. Вот! Учитесь! Главное в работе учителя — умение заинтересовать аудиторию! Они даже шелохнуться боятся!

— Вот теперь вы понимаете, что значит работа, которая доставляет удовольствие? — довольным голосом спросила я, глядя на блаженные улыбки.

— Хороша! — вздохнул бородач, заставив меня самодовольно смутиться от мысли, что мне удалось завоевать авторитет среди столь специфического контингента.

— Не то слово! — согласился одноглазый, цыкая зубом. Спасибо, я стараюсь.

— Продажная женщина! — закивал детина со шрамом. Нет, а вы что думали? Ха! Я — отличный продажник, и еще не то мо...

Я повернулась к Проектору и увидела то, что заставило меня закашляться. В облачке иллюзии была я в костюме Евы и в позе игривой кошечки. Тряся грудью и остальными подарками природы, включая рыжие локоны, я зазывно выгибалась, обсасывая не пойми для чего свой палец. А потом, встряхнув головой, облизав губы, я стала играть в игру «сам себе маммолог»...

— Ты что творишь?! — закричала я, хватая со стола первый попавшийся флакон. — Ты с ума сошел! Да как ты смеешь!

Проектор встряхнул головой, едва успев увернуться от флакона «Ля кости».

— Простите... мм... замечтался! Непроизвольно! — заблеял он под дружный свист и ржание. Зрители требовали продолжения, топая ногами и колотя руками по столу!

Отлично выступили! И я, и слезы праведного гнева. Но у слез получилось лучше. Они это сделали произвольно...

Я превратилась в фурию, пытаюсь достать паршивца, но тот спрятался за спинами «...идеров», которые дружно ржали. Кто-то даже похлопал юношу по плечу, мол, молодчага, не дрейфь. Крики становились все громче и громче, а потом все резко стихло. Позади меня стоял Эвхард всей своей двухметровой персоной.

— Сидеть! — произнес он страшным голосом, от которого все присели. Не знаю, считаются ли прогнувшиеся коленки попыткой присесть? Если да, то я тоже присела. Вокруг «...идеров» появились языки зеленого пламени, а на шеях — зеленые светящиеся удавки, заставившие всех молодчиков не только притихнуть, а еще и побледнеть. — Рты закрыли! Еще один смешок, и я не просто огорчусь. Я разозлюсь. Очень разозлюсь. А вы знаете, что бывает, когда я злюсь. Впервые он не тянул слова с присущей ему кошачьей леню, а говорил жестко и четко. У меня даже ноги похолодели в предвкушении белых тапочек.

— Если сами ничего не можете, то учитесь! — мне было даже страшно оборачиваться назад. — Вас учат, как нужно работать! Это вам не мечами махать!

Позади меня послышался глубокий вдох, следом второй. Я даже боялась шелохнуться в этой внезапно воцарившейся тишине.

Мне на плечо мягко легла рука, а голос как ни в чем не бывало промурчал:

— Продолжа-а-ай, Цвето-о-очек. Они теперь хоро-о-ошие ма-а-альчики. Послу-у-ушные. Кто молоде-е-ец? Я — молоде-е-ец!

Я смотрела на руку, которая лежала на моем плече, чувствуя, что сейчас больше всего на свете хочу домой. Мне не только чихать на договор! Мне еще и сморкаться в него!

— Верни меня домой! — процедила я, скидывая его руку со своего плеча. — Немедленно!

Глава 7
Ломовая лошадь

Я — маленькая лошадка,
Я стою очень много денег,
На спине ташу я работу,
В меня никто не верит...

Все сидели так, словно старательные первоклассники, сложив ручки на парте, глядя на меня внезапно просветленными глазами. Хор пай-мальчиков-зайчиков быстренько перестал теревить хвостики и готов был всецело погрузиться в учебу. От такого рвения к наукам пустил скупую слезу даже дедушка Ленин, глядя на свое завещание: «Учиться, учиться и еще раз учиться!» Только мне уже как-то не хотелось учить. Я не рыбка в аквариуме, для которой каждый третий круг превращается в: «Вау! А где я? Тут все такое новое!»

Рука снова осторожно легла мне на плечо, проводя осторожную, успокаивающе-нежную линию. Раздражение росло с каждой секундой, несмотря на ласковые поглаживания.

— Нет, — твердо ответила я, вспоминая, как перед некоторыми учебными роликами появлялась реклама, от которой у любой тетки-цензора встанет дыбом химическая завивка.

Настроение было настолько испорчено, что даже если сейчас ко мне на всех парах прискачет принц — мечта на белом коне, с лучезарной улыбкой, золотистыми локонами херувима и глазами, в которых утонули Офелия, «Титаник» и Муму, с предложением руки, сердца и перца, есть большая доля вероятности, что ему придется несладко. Я так понимаю, что до «Горько!» дело не дойдет. Зато все будут знать, что некоторые принцы умудряются без коня развить скорость сто километров в час с криками: «Да за что мне все это! Я же к тебе с самыми чистыми намерениями!» Извини, милый, ты просто попал в горячую голову, потом под горячую руку, а финальным аккордом стала горячая нога, провожающая тебя по направлению к сказочному замку. Нет, потом я, конечно, буду горько плакать, понимая, что упустила тот самый шанс, но это будет потом. А сейчас я просто поинтересуюсь у принца, сколько он весит, чтобы придать ему нужное ускорение, поделив силу на массу. Я буду долго провожать взглядом убегающий букет полевых цветов, которые легким движением моей руки станут половыми и растоптанными.

А если кто-то думает, что нежные поглаживания моего плеча и шеи меня успокоят, то глубоко ошибается! Хватит! Надоело! Резким движением я сбросила с себя не только чужие руки, но и груз ответственности, а потом быстрым шагом двинулась к двери, толкая ее вперед. Вздогнула охрана, которая чуть не пала смертью замешкавшихся прямо на боевом посту, едва ли не прибитая насмерть к стенке внезапно и душевно распахнувшимися створками.

— Где моя сумка? Где мой дерматин? — возмущалась я, требуя обратно свой багаж из камеры хранения. Если мне сейчас не выдадут мой багаж, то получат ногой по багажнику!

Никто не собирался возвращать мои скудные пожитки, поэтому я, пройдя в свою комнату, закрыла дверь и упала на кровать.

Нет! Так работать невозможно! Дайте мне учебник по жизни, чтобы я как следует подготовилась к уроку! Это мне напомнило тот день, когда я в последний раз вела вебинар. Я чувствовала себя великим профессором, лауреатом всех премий, почетным академиком и очень ценным специалистом, которым новая компания должна гордиться по умолчанию. До конца вебинара оставалось буквально шесть минут. Ничто не предвещало беды. Соседская кошка передумала рожать, драндулет соседа заглох окончательно, у султана с четвертого этажа весь гарем, бывающий в его скромной серали поодиночке и набегами, объявил забастовку в связи с красными днями календаря, соседского крикуна отправили к бабушке. Тишина... Даже муха убила об стекло еще до начала прямой трансляции. Но внезапно дверь на кухню распахнулась так, словно в комнате начался пожар, со всем пафосом и дешевыми спецэффектами обшарпанный коридор явил великого актера второго плана. Непризнанный гений полыхал от праведного гнева голодного самца, который не может продержаться шесть минут без еды.

Моему возмущению не было предела! Такое ощущение, что я решила записывать вебинар в туалете, оставив всю семью поджигать стеночку возле санузла исключительно потому, что там плитка красивая и акустика классная!

То, что голод не тетка, а злой, страшный диктатор банановой республики, я поняла, когда у меня отобрали микрофон и стали читать лекцию о том, как жены должны уважать мужей, кормить их, холить и лелеять, как завещал пока еще живой Виктор Евгеньевич, лоббируя интересы махрового патриархата. Доморощенный диктатор, подтягивая штаны, вещал о том, что хомячки со своим жизненным кредо «пожрать, поспать и сдохнуть» должны вдохновить женщин на подвиг: «Готовь, работай, молись, рожай!» — ибо с бабы больше взять нечего в силу ее скудоумия, а я позорно пыталась вернуть себе бразды правления. Но все уже знали, что именно из-за нас, слабого пола, экономика дала такую слабину! Именно наша любовь к импортным шмоткам хоронит отечественного производителя с его унылым дизайном! «А правят вами олигархи! Вот! Владелец вашей компании — вор! Наворовал денег у простых людей, а теперь компанию сделал! Пирамиду! Секту! И директор ваш — вор! Олигарх и вор! Коррупционер! Он рубит бабло на лохах, таких, как вы!»

— Че не так? — злобно удивился благоверный, чувствуя себя героем-освободителем от гнета рабовладельца. Даже горгона Медуза смутилась бы под тяжестью моего взгляда, а он нет. — Правда глаза колет? Я их разоблачил! Наворовали! Страну обокрали! Простых людей ограбили! А теперь жируют!

Вождь диванного пролетариата посмотрел куда-то в окно взглядом супермена, прислушался к шуму отъезжающей соседской роскоши, нам финансово недоступной даже в случае, если дьявола заинтересуют наши души.

«А ничего, что ты тоже моешься нашей продукцией?» — стали писать в чате.

— Я объявил войну вашей секте, поэтому не моюсь! Принципиально! — стукнул кулаком по столу почти супруг, грозно глядя на врагов народа.

Он потом побежал на политический форум делиться своим подвигом с другими политически подкованными, финансово обиженными, мозгами обделенными пролетариями, как спасал сожительницу от цепких лап подлых сектантов, как я отнесла все деньги из дома в сомнительную контору и теперь целыми днями страдаю ерундой. Нет чтобы я стояла у станка, утирая пот, и пилила детали! Или сидела кассиром на кассе! Есть много хороших профессий с минимальной зарплатой и гарантированной дьявольской усталостью к вечеру. Тем временем я с ужасом ждала терминации, но ее не последовало. Вместо этого мне запретили вести вебинары раз и навсегда, поставив крест на моих заработках и карьере.

И вот теперь еще один неудачный вебинар... А я, между прочим, готовилась к нему! Кто бы знал, скольких усилий над собой стоит произнести фразу «Всем привет! Сегодня мы поговорим о...» после того, как давно не вела прямые эфиры.

По моим волосам плавно скользнула рука, заставив оторвать заплаканное лицо от подушки. В комнате было темно и тихо.

— Не но-о-ой, — услышала я вкрадчивый голос, чувствуя, как кто-то снова проводит по моей взъерошенной голове спокойную линию, путаясь пальцами в волосах, чтобы терпеливо разложить их на пряди и снова пройтись по тому же самому маршруту, но уже без зацепок.

— Я ко-о-ому сказал! Не но-о-ой! — снова послышалось в тишине, нарушаемой моими горестными вздохами-всхлипами.

Не Ной? Черт! Потоп-то я уже наплакала! Вот как раз досматриваю видео-уроки по строительству ковчега и тварей по парам сортирую! Вот эта тварь пока что в единственном экземпляре, так что с легкой руки природы обречена на вымирание!

— Я не ною! Я плачу! — огрызнулась я, отмахиваясь от «руководителя» по моей голове. — Я уже не могу поплакать в одиночестве?

— Не мо-о-ожешь, Цвето-о-очек, — спокойненько ответили, стирая слезы с моей щеки. — Пока ты вне зоны моей видимо-о-ости, я уже сто шестьдесят четвертый сценарий твоей смерти прокручиваю. Пережива-а-аю...

Я что-то не заметила Хичкока, Спилберга и Стивена Кинга, стоящих под тронем в ожидании новых сценариев с элементами ужасов, которые рисует чужое воображение. Где драка за самый кроважидный, душераздирающий и кассовый?

— ... За свои де-е-еньги я пережива-а-аю, — в голосе чувствовалась улыбка, а холодные пальцы снова поймали слезу, скатившуюся из уголка моего глаза. — Все-е-е идут к своей мечте-е-е. Вот

только большинство спотыкаются о чужие мнения, па-а-адают и больше никогда не поднима-а-аются. Между мечтой и тобой всегда стоит что-о-о? Пра-а-авильно! Чужо-о-ое мнение! И мне интересно, поднимешься ты или нет? Если не поднимешься, то ты не сто-о-оишь моего времени...

Обычно для таких тараканов заводят целый канал на «Юкубе», демонстрируя их всему миру и в фас, и в профиль.

— Отстань со своими нравоучениями! Иди с миром, проповедуй где-нибудь в другом месте! — фыркнула я, рассерженно отворачиваясь и сопя в подушку.

— Ты меня-я-я не слу-у-ушаешь! — возразил знакомый голос. — А зря-я-я! Я тут тебе пра-а-авильные вещи говорю-ю-ю!

— Я тебя внematочно слушаю! — огрызнулась я, зная эти правильные вещи наизусть.

— Я настолько глубоко мыслю, что ты меня внematочно слу-у-ушаешь? Не ожида-а-ал! — ядовито заметил Эвхард, усмехнувшись и повернув меня к себе. — И о чем я сейчас говори-и-ил?

— Что-то вроде того, что мы с тобо-о-ой одного поля я-я-ягоды, — выдохнула я, подражая его интонациям и закатывая глаза.

— Одного пола я-я-ягодицы! Не слу-у-ушаешь ты меня-я-я! Все с тобой поня-я-ятно! — зевнул принц гадский. — Я зря-я-я теряю вре-е-емя!

— Еще бы, сытый голодного не понимает! — возмутилась я, выдыхая всю горечь последних лет моей жизни. — Ты хоть знаешь, как я жила? Ты знаешь, что на двести рублей можно неделю семью кормить? Нет, куда тебе! Корону надел, уселся на трон и рассказывает мне тут прописные истины. Я тоже могу рассказывать прописные истины, кушая деликатесы, купаясь в золоте и одеваясь как королева! Изменение сознания, избавление от философии нищетограда! Больше трать — больше заработаешь. Ни в коем случае не экономь! Бла-бла-бла...

— Де-е-етка, — рука легла мне на щеку, а по губам Эвхарда, поползла нервная и недобрая улыбка. — Я поднима-а-ался из такой нищеты-ы-ы, что тебе и не сни-и-илось. Ты хоть ела кажды-ы-ый день, а я — не каждую неделю. У меня даже о-о-обуви нормальной не было! Ни жилья-я-я, ни оде-е-ежды, ничего!

— И что? — удивилась я, глядя на дорогой камзол, обшитый по бортам зелеными камнями. — Не верю! Вот не верю, и все!

— Не ве-е-ерь, — почему-то обиделся принц, подняв брови и демонстративно вздохнув.

Я немного слукавила, когда уверяла всех, что мне запретили вести вебинары. Да, мне действительно запретили их вести, но не руководство, а стыд и совесть. Столько раз пыталась записать видео, но у меня ничего не получалось. При виде камеры, микрофона и шкалы записи, у меня тут же пересыхало в горле, и я не могла выдавить из себя ни звука. Заработки упали, на жизнь стало едва хватать. Я зарылась лицом поглубже в подушку.

— И что-о-о? Тебе нужно, чтобы тебя пожа-а-алели? Погла-а-адили де-е-етку? Сказа-а-али, что она молоде-е-ец? Уте-е-ерли сле-е-езки? — насмешливо протянул знакомый голос, все еще преисполненный обиды. — А смы-ы-ысл?

Я рассерженно засопела, понимая, что надо мной просто издеваются.

— Те-е-ебя надо утешать потому, что тебя посчитали привлекательной же-е-енщиной? Ты но-о-оешь поэ-э-этому? Да друга-а-ая уже цвела бы, пользуясь своей вла-а-астью, а тут целое озеро сопле-е-ей! — усмехнулся Эвхард. — Ду-у-ура... И я на тебя оби-и-иделся... Фисе! Прише-е-ел уте-е-ешить, а она-а-а...

Я оторвала голову от подушки, едва различая в полумраке силуэт. Ага! Хотела, чтобы меня укрыли одеялом, а вместо этого укрыли матом!

— Ты хочешь сказать, что... — подозрительно спросила я, но вместо ответа на мою щеку легли холодные пальцы, вызывая нервный и сладкий озноб неожиданно нежного прикосновения и достаточно умелой ласки.

— Я? Я ничего не хочу-у-у сказать, потому что ты меня не слы-ы-ышишь и не хо-о-очешь слу-у-ушать, — пальцы гладили мою щеку, вызывая чувство настороженности от таких внезапных теплоты, заботы и нежности. В какой-то момент я почувствовала, что едва заметно покачиваюсь навстречу, глядя на сумрачный силуэт, словно опьяненная. — Мы-ы-ы заключили догово-о-ору... И по догово-о-ору, я настоя-я-ятельно рекомендую не привя-я-язываться ко мне... Про-о-о-чие прия-я-ятности могут быть, но привя-я-язанности я не потерплю... Ни лю-ю-

любви, ни привя-я-язанности, ни со-о-оплей... Учти-и-и... У нас контракт на три-и-и месяца. И после этого мы расста-а-анемся навсегда-а-а. И за три ме-е-есяца я хочу тебе помо-о-очь... Пальцы ласкали мою щеку, большой палец нежно поглаживал шею, вызывая тот самый пьянящий озноб, пробегающий горячей волной по всему телу. Хотелось отпрянуть, оттолкнуть, но... Меня так давно никто не гладил... Так гладят желанных женщин, любимых и дорогих... А я уже давно нежеланная, нелюбимая, забывшая себе цену ломовая лошадь. Та самая лошадь, на которой выезжает один ленивый принц, перебирающий харчами и работами. Но я еще помню это чувство, когда к тебе прикасаются, как к чему-то бесценному, я еще помню взгляд, который ласкает тебя, заворачивая в покрывало нежности и неги. Я даже помню послевкусие первых сладких поцелуев... Рука скользнула, словно невзначай задев мою вздрогнувшую от волнения грудь, чтобы лечь мне на талию. Пальцы собирали платье складками, притягивая к себе мягко, но настойчиво. Я сглотнула, чувствуя чужое дыхание близко-близко. В этой трепетной тишине, нарушаемой лишь нервным биением моего сердца и нервным вздохом, который вырвался из еще разгоряченных рыданием губ, я чего-то ждала и боялась. Я не знаю... Не знаю... Я не... Как поступить? Я бы не стала рисковать... Это неправильно...

В растревоженной моими мыслями тишине раздался негромкий и сладкий голос. Таким голосом восхваляют красоту, клянутся в вечной любви и обожании.

— Между про-о-очим, я на тебя оби-и-ижен... И сейчас буду руга-а-аться...

— За что? — оторопела я, слегка отодвигаясь. Чем дальше я была от него, тем мне было спокойней.

— За то, что назвала-а-а меня «дерьмом» при все-е-ех, — обиженно мурлыкнул Чеширский Кот, которого хотелось почесать чем-нибудь тяжелым.

— Когда? — мои глаза округлились, а я корила себя за то, что мало того что забыла этот незабываемый момент, но еще и не насладились им как следует!

— Когда уходи-и-ила из комнаты, — вздохнул Эвхард. Странно, но в голосе я, эксперт по мужским обидкам, не чувствовала обиды. — Как ты там сказа-а-ала? Дерьмоньтин?

Непроизвольный смешок вырвался у меня из груди. «Дерьмоньтин!» Это надо ж было! Слезы просыхали, уступая место тихому хихиканью. Это ж надо было! Перед глазами появилась жирная морская корова — ламантин, подняла глаза на меня и заявила: «Я ли — не я ли? Дерьмо в одеяле!» — а потом поползла в сторону одеяла, пытаясь в него обиженно завернуться.

— Вообще-то дерматин — это дешевый заменитель кожи! — давилась смехом я, чувствуя, что не скоро забуду эту шутку.

— По-о-оздно, — раздался коварный голос, отпуская меня. — Я все равно оби-и-иделся... Я моргнула и тут же странная темнота развеялась. В комнате никого не было.

Это была иллюзия! Немного полежав, набравшись мужества и гнева, я сползла с кровати, швырнула подушку в стену, подошла к зеркалу, сжала кулаки и тут же, гневно сопя, вернулась обратно в класс.

Если школьники обычно радовались перемене, то в этом случае перемене моего настроения не обрадовался никто. Судя по глазам, тревожный звончок уже прозвенел, как бы намекая, что перемена была явно для учителя!

— Слушать меня внимательно! — голосом главнокомандующего рыкнула я, глядя на притихшую банду. — Сейчас будем учиться бороться с возражениями! Человек не всегда готов купить у вас то, что вы предлагаете, иногда ему нужно подумать. Зачастую он уже наслушался о компании очень нелестных отзывов, поэтому будет вам возражать! Будьте готовы к тому, что с вами будут спорить и доказывать, что вы выбрали неправильный жизненный путь и ремесло... Даже родственники иногда против того, чем вы занимаетесь... Вот кем вы были раньше?

— Убийцей! Наемником! Банду возглавлял! Выбивал долги из должников! Грабил в подворотнях! Палачом! Тюремщиком! Похищал людей и требовал выкуп! — раздалось со всех сторон, намекая на то, что их родственники точно не будут против сетевого. Это будут первые родственники, которые всеми руками окажутся за, даже не зная, что такое сетевой. В моей жизни доходило до абсурда. «Проститутка? — переспрашивает престарелая тетка. — Фух, а я боялась, что в сетевой тебя занесло! Не пугай так!»

— Вопрос осуждения снимается с повестки! — радостно выдохнула я, но где-то в глубине души все равно оставалось сомнение, что очень скоро проше будет взять на себя пару трупов, чем признаться в том, на каком проценте и в какой компании сидишь. — Итак, ситуация: вы предложили, а человек отказался! Просто сказал: «Нет, спасибо!»

— Не будет брать — открутим глаз! — рявкнул боевым голосом одноглазый, Повязка на глазу намекала, что он уже имел дело с местным сетевым и о методах слегка наслышан.

— Привяжем! А потом... — потер ручищи бородастый мордovorот, зловеще улыбаясь щербатым ртом. — Нет, а что не так-то?

Два часа я объясняла принципы вежливого общения с клиентами, а потом не выдержала, схватила со столика канделябр и вооружилась им на манер дубинки. Результат появился раньше, чем я предполагала! И вот передо мной стояли два бугая, один из которых изображал упрямого клиента, а второй — вежливого продавца.

— Здрасьте! Меня зовут Мясник! Не соизволите ли вы, уважаемый Трупоед, — мялся вежливый бородастый продавец, перетянутый черными ремнями, искоса поглядывая в сторону приоткрытой двери, — посмотреть наши продукты... Уж больно они хороши!

Я утвердительно кивала в такт словам, пристально глядя на парочку, которой очень хотелось попасть в институт благородных девиц, исключительно с целью сделать девиц неблагородными. Если я Повторение — Мать Учения, то где-то в соседней комнате слышалось вкрадчивое и тихое мурлыканье Звездюля — Отца Любой Науки. Нет, ну хоть не мать-одиночка. И то хорошо.

— У нас есть... — мялся продавец, снова бросая взгляд на меня, а потом в шпаргалку. — Ентот... Как его... Бользам для морды...

— Катись ты со своим бользамом! — рыкнул покупатель, потирая щетинистый подборок. — Я пошел! Мне некогда! С дороги! У меня уже все есть! Засунь себе в задницу свой бользам!

— Сейчас я тебе покажу! — зловеще ответил Мясник, злобно прищуриваясь и сжимая кулаки. — Мало не покажется!

— Полегче! — предупредила я, потрясая уже погнутым канделябром в уставшей руке.

— Да я показать ему хотел! Наше мыло для задницы! Средство для интимной гигиены! — огрызнулся Мясник, свирепо сопя, а потом снова глядя в шпаргалку. Я посмотрела на него очень сурово! — Простите, не буду задерживать! Всего хорошего! Шоп ты содох, как собака на дороге!

Последние слова были сказаны так, что даже мне захотелось бы прибавить шагу, а потом перейти на резвый бег, пытаюсь убраться подальше от «вежливого» продавца.

— А почему-у-у бы тебе не показа-а-ать приме-е-ер? — послышался голос позади меня, а на стол легла бумажка с ценами. Руководство опять взялось за старое, принимаясь руководить по моей талии! Где-то ржали и вылизывались все интимные гигиены.

— Я с тобой не разговариваю! — процедила я, вспоминая жестокую иллюзию.

— Отли-и-ично! Молча-а-аливая и поко-о-орная! Прямо как я люблю-ю-ю! — сладенько мурлыкнули мне в ухо, прихватили его губами, заставив слегка вздрогнуть от приятного щекочущего ветерка чужого дыхания. — Молчи-и-и и покоря-я-й!

— Я же сказала, что с тобой не разговариваю! — уже не таким уверенным голосом повторила я, сжимая покрепче канделябр, осиротевший на один подсвечник в процессе обучения. — Иллюзия — это мерзко!

— Весь ми-и-ир иллюзия, Цвето-о-очек, — снова прошептали мне, усмехаясь в тот момент, когда я слегка приподняла свою указку для нанесения тяжелых телесных руководству. — Деньги — это иллюзия бога-а-атства... Охра-а-ана — иллюзия защи-и-иты... Дворец — иллюзия до-о-ома... Сочу-у-увствие — это иллю-ю-юзия понима-а-ания... Доброта-а-а — это иллюзия эгои-и-изма...

— А любовь? — усмехнулась я, опуская на стол свое воспитательное оружие.

— А любо-о-овь — это просто иллю-ю-юзия... — я почувствовала смехок в своих волосах. — И щито поде-е-елать? Та-а-ак мы бу-у-удем мириться?

— Я что-то не услышала волшебных слов! — подняла брови я, осторожно снимая чужую руку со своей талии. Ученики, которые репетировали и обсуждали все пройденное, его почему-то не смущали. — Где «прости, пожалуйста, я больше так не буду»?

— Я говорю мири-и-иться! — сладко мурлыкнул голос. — Причем мири-и-иться со мной приде-е-ется тебе... Просто смири-и-ись. Вот такой пердюмонокль!

Меня звонко поцеловали в ухо.

— Слышь, — раздался сиплый голос очередного продавца, который перегородил дорогу такому же внушительному и мускулистому клиенту. — Купи своей бабе! Она тебе тогда точно даст...

Я зыркнула на парочку, те поймали мой взгляд.

— ...Мм... что-нибудь пожрать! Вкусненькое! Бабы любят, когда им на морды что-то намазывают! Бальзамы и прочие вонючки... Мм... — тут же исправилась ребята, продолжая свой великосветский раут под присмотром канделябра.

Я молча взяла со стола прайс, пробежалась глазами, понимая, что цены у нас далеко не заоблачные... Я бы даже сказала, что доступные. Сначала я написала цену на три монеты больше, а потом зачеркнула ее и поставила реальную. Мы еще не открылись, но уже распродаемся!

— Мне нужно отлу-у-учиться, — достаточно громко произнес принц гадский, глядя на несчастных, заучивающих наизусть написанные мною фразы. — Ненадо-о-олго! Дела-а-а! Цвето-о-очек остается за ста-а-аршую! И са-а-амую краси-и-ивую!

С галерки донесся недовольный ропот, перерастающий в возмущенный рокот по залу. Кто-то смачно сплюнул на пол в знак протеста против рыжего матриархата.

— Мое реше-е-ние не оспа-а-аривается! — вздохнул Эврард, опустив ядовитые глаза и поглаживая пальцем изувеченный мною канделябр. — Я понима-а-аю, что вы расстро-о-оены... Канделябр перекочевал в его руку. «Бабу? За старшую?» — бушевала банда, стуча кулаками по столу и топя ногами.

— Опеча-а-алены, — перебивая рокот возмущения, среди которого раздавалось: «И чтобы нами баба командовала? Да ни в жисть!» — Огорче-е-ены...

С той же самой галерки снова раздался плотоядный голос: «Цыц, ребята! Мы с ней быстро поладим!» — перекрываясь довольным ржанием, которому позавидовал бы табун лошадей. Я даже моргнуть не успела, как тяжелый канделябр прицельно точным движением устремился через весь стол с ускорением, которое здесь сумеют рассчитать по формуле лишь через пару-тройку столетий.

Принц гадский спокойно отвернулся, изучая глазами черный, облезлый барельеф.

— Попа-а-ал? — осведомился Эврард, поднимая брови. Бух! Кто-то с галерки завопил и заревел. Послышались звук падающих стульев и выть!

— Попа-а-ал! — сладенько улыбнулся принц гадский, закрывая глаза. — Кто молодец? Я молоде-е-ец! На будущее, Цвето-о-очек... Лучше-е-е не уворачива-а-айся... Будет намного ху-у-уже...

Лысая жертва красоты, явно имевшая на меня зуб, и возможно даже не один, с момента нашего знакомства, выла, прижимая руку к лицу. Судя по результатам полета, зубов на меня стало меньше. Голос Эврарда тут же изменился.

— Я же сказал, без глупостей! — спокойно, холодно и страшно произнес Эврард, поворачиваясь и глядя нехорошим взглядом на притихшую публику. — Мне повторить? Девочку не трогать! Руки к ней не протягивать!

— Поняли! — коротко и кротко ответили все, опустив головы. Канделябр снова очутился в руке мага, а тонкий палец нежно скользил по его изгибам и вензелям.

— Потому, что это мо-о-ой Цветочек! — сладенько заметил принц гадский, положив руку мне на талию. Пусть этот мастер настроения уже доделывает мой вечер! — Вы не име-е-ете права срывать и срыва-а-аться на мо-о-о-оем Цвето-о-очке! Но Цвето-о-очек име-е-ет полное право срыва-а-аться на вас! Вот поэтому Цвето-о-очек останется за ста-а-аршую! К вечеру мне нужен результа-а-ат!

Охрана учтиво поднесла кресло, на котором развалился Эврард, притягивая меня и усаживая на подлокотник.

— Да-а-а... С тобой много пробле-е-ем. Но иногда-а-а ты еще и поду-у-ушечка, поэтому оно того сто-о-оит, — улыбнулся он каверзной улыбкой, привалившись ко мне. Цветочек? Подушечка? Проблема? Если моя бабушка поучительно говорила, что с «проблемой нужно переспать», то сомневаюсь, что она имела в виду то, к чему меня так явно склоняют!

— Послушай, — я закатила глаза, глядя, как по моим сведенным коленям скользят пальцы, выводя какие-то цифры и иногда задумчиво замирая, пока очередная пара «продавец — покупатель» обменивалась любезностями. На коленях у Эврарда появилась целая стопка бумаг, которые он внимательно изучал, изредка бросая взгляд на выступающих. — Я так не могу! Я требую стул! Меня категорически не устраивает подлокотник! У меня скоро останется неизгладимый отпечаток от нашего сотрудничества! Вмятина, так сказать! Во-первых, он неудобный! Во-вторых, я категорически против такого обращения! В-третьих, как-то ты больно шустро проявляешь инициативу!

Бумагу отложили в сторону. На меня смотрели зеленые глаза, причем как-то странно, пристально, с прищуром. Таким взглядом обычно ставят диагнозы по аватарке и оценивают интеллектуальный уровень собеседника по статусу на страничке, подсчитывая количество ошибок в слове «привет».

— Де-е-етка, ска-а-ажи мне? Ты уме-е-ешь колдовать? — Эврард не сводил с меня спокойного взгляда. Я представила, как сова с бейджином «Почта России. Доставим вовремя!» убила о двойной стеклопакет, неся мне старинный конверт с сургучовой печатью, который должен был прийти мне лет двадцать назад.

— Колдовать — нет, но отфеячить могу, — усмехнулась я, глядя на свои пальцы.

— Моя ж ты фе-е-ея. Хорошо, а как обстоят дела-а-а с вла-а-адением мечо-о-ом? — поинтересовался Эврард, терпеливо ожидая мой однозначный ответ из трех букв.

— Просто отлично! Целыми днями мечусь как белка в колесе, — скривилась я, понимая, что средневековое резюме у меня будет состоять исключительно из прочерков. Мне на коленку легла рука с массивным серебряным перстнем. Ядовито-зеленый камень поигрывал красивыми отблесками на свету, а черное серебро оттеняло бледность руки, сочетаясь с тонким черным кружевом манжеты.

— И-и-и? — на меня вопросительно посмотрели, подняв брови. — К че-е-ему мы пришли? Не знаю, к чему мы пришли, но мой внутренний туроператор усиленно выбирал подходящие туристические маршруты для всей этой затеи и компании.

— Де-е-етка, ну ты же не глупенькая? Поду-у-умай хороше-е-енько, почему лу-у-учше всего сидеть именно зде-е-есь? — мурчали мне на ухо, пока два первых чека со звучными именами Топор и Рыло готовы были схватиться за оружие, отстаивая качество нашей продукции.

— Отве-е-ег про-о-ост, — мою коленку сжали, а потом отпустили, сверкнув красивым камнем. — Ты мне нужна-а-а...

Я не верю в любовь с первого взгляда, а вот в отвращение с первого взгляда очень! Эти слова, словно яд, растекались по моей душе, снова даря невидимую теплоту одеяла с примесью какой-то подозрительности и горечи.

— Не обольща-а-айся, де-е-етка. Это всего-о-о лишь иллюзия... Как и все остально-о-ое... Ты должна-а-а знать про иллюзии все, ведь ты их продае-е-ешь... — мурчали мне на ухо, пока я рассеянно смотрела на то, как Гнилой по слогам читает текст со шпаргалки, потея и нервно поглядывая в нашу сторону.

— А тепе-е-ерь, пока меня не бу-у-удет, Цвето-о-очек вам пока-а-ажет, как пра-а-авильно нужно рабо-о-отать! Она-а-а отправится рекрути-и-ировать! Все, мне пора, — громко произнес Эврард, останавливая репетицию, вставая с кресла и сгоняя меня с подлокотника легким шлепком по тому самому месту, в котором я видела всю эту затею.

Посреди комнаты появилось огромное зеркало, вокруг которого порхала знакомая бабочка. Меня взяли за подбородок, нежно поглаживая его пальцами. На меня смотрели все те же глаза, вот только голос был совсем другим. Тихим и холодным.

— Терпи, если не хочешь сдохнуть. Поверь мне, с тобой церемониться не будут. И доходит до них, увы, не с первого раза. Ты наверняка это заметила.

Этот голос, эти интонации и ледяной взгляд подействовали на меня не хуже внезапного отключения горячей воды в разгар моего душа. Взгляд тут же поменялся, по губам поползла знакомая улыбочка.

— Я ве-е-ерю в тебя, де-е-етка. У тебя все полу-у-учится, — ласково заявили мне, погладив по щеке. — Ты же у нас кто-о-о? Пра-а-авильно, молоде-е-ец!

Внезапно Эврард посмотрел на красивые часы, усмехнулся и исчез.

— Переносить умеешь? — нервно спросила я у своего Проектора, который прятал глаза, боясь ко мне подойти. Юнец покраснел и посмотрел на меня взглядом, красноречиво свидетельствующим о том, что в основном ему приходилось переносить невзгоды и тяготы, пинки и лишения, а потом кивнул.

— Короче, показываю, как правильно нужно работать с людьми! — твердо заявила я, тыкая на ближайшую жирную точку на карте. — Сюда! Смотрите и учитесь!

Экономистика

— Смо-о-отри, звезда упа-а-ала!
Я загада-а-ал желание завоевать весь ми-и-ир!
Я сча-а-астлив!
— Это точно не альфа Центавра?
Я так надеялась туда переехать...

Проектор стоял и смотрел на меня, боясь даже подойти близко. При этом он переливался всеми цветами радуги — от мертвенно-бледного до пурпурно-красного.

— Мне придется вас обнять, — промямлил Проектор, пока я трамбовала образцы в холщовую сумку. Все сидели и потешались над сконфуженным «оборудованием», которое проявляло ко мне пубертатную симпатию. Объект его мечтаний в моем лице подошел к нему, положил его вспотевшую ладошку на свою талию. Было у меня такое чувство, что сейчас за мной пристально следят строгие портные по защите прав ребенка, прикидывая, с какой стороны мне пришить педофилию.

Через секунду нас закружило в голубоватом вихре, который я в последний раз видела в рекламе ментоловой жвачки. Запах озона, головокружение, один неуверенный шаг в сторону — и стало понятно, что мы очутились в каком-то огромном городе. Над какой-то лавкой с огромной витриной мелькала и рассыпалась искрами магическая надпись: «Обуем всех!» Над соседней лавкой кружил волшебный дракон, полыхая призрачным огнем, рекламируя таверну «Голодный дракон». Мне в глаза попала какая-то искра, заставив зажмуриться и заморгать со страшной силой. Внезапно передо мной появился brutальный мачо, с урчащим рыком надгрызающий огромный запеченный окорок так, словно только что расстался навсегда с почетной диетчицей и веганшей. Я отшатнулась и моргнула, увидев надпись: «Трактир „Путник“ Лучший окорок на вертеле!» Я водила рукой перед собой, пытаюсь понять, что происходит. «Нищевродский обед от трех медяков! Похлебка и хлеб!» Передо мной стояла глиняная миска с какими-то очистками и краюха хлеба, которой можно отбиваться в темном переулке. Я моргнула, замахала руками, и надпись исчезла. Передо мной снова были улица и унылое лицо Проектора, который грустно смотрел на вывески и светлячков, назойливо цепляющихся к прохожим.

— Это что было? — ошарашенно спросила я, пытаюсь проморгаться и протирая уголок глаза.

— Это зазывальщики. Маги называют их спамками, — вздохнул Проектор, пока я видела рой светлячков, атаковавших какого-то знатного и толстого господина в очень дорогой одежде. Он отмахивался от них, как от роя назойливых мух, и кого-то звал. На зов к нему прибежал какой-то худой и небритый мужик, сделал одно-единственное движение рукой, и светлячки испуганно разлетелись. Толстяк поносил все вокруг на чем свет стоит, проверяя кошель на ремне, а худой маг надевал ему на шею какую-то тесемку с блестящим медальоном.

Ко мне снова подлетел светлячок, а я замахала рукой, пока эта зараза облетала вокруг меня. Внезапно откуда-то выпорхнула зеленая бабочка, оставляя сверкающий след. Светлячки тут же отпрянули и полетели донимать других прохожих. Возле каменной стены какого-то дома по стойке «смирно» стоял какой-то бородатый, бедненько одетый мужик с открытым ртом. Его руки проверяли размер чьей-то невидимой груди, по блаженному лицу растекался экстаз. Но счастье было недолгим. Его схватила квадратная баба в драном платье, чихвостя на чем свет стоит.

— Прелестница! — стонал кому-то невидимому мужик, размахивая руками, пока его волокли дальше по улице.

— Я тебе дам прелестницу! — ругалась баба, сплевывая волосы и бульдозером рассекая толпу. Судя по ее вспотевшему и гневному лицу, как только мужик отойдет, она тут же превратится в экскаватор. И по результатам раскопок станет понятно, что это было — работа над супружескими отношениями или потенциальное вдовство.

— Спамки? — спросила я, глядя, как моя хищная бабочка разгоняет целый сонм таких светлячков.

— Ага, — вздохнул Проектор так тоскливо и горестно, что мне стало его жаль. — У нас отпугивателя нет. Его обычно на въезде в город продают!

— И что? Защищает? — уныло поинтересовалась я, замечая, что возле некоторых прилично одетых прохожих роилась целая туча, но пробивались к телу лишь самые большие, жирные. — Они разные, — зевнул Проектор, пряча руки в рукавах облезлой куртки. — Их же сами маги и делают! Те, которые спамков создают. Смотри!

Меня внезапно дернули за рукав, показав пальцем на солидного колдуна, который выпускал из ладони больших оранжевых светлячков. Рядом стояла женщина в дорогой одежде, осматривая слегка выцветшую вывеску. Безголовая девушка-иллюзия размахивала руками и дергалась, как паралитик. Рядом с ней появлялось привидение.

— И вывеску обновите! На месяц! — командовала мадам, поджимая губы и глядя на супруга Всадника без головы.

— Может, на два? — поинтересовался маг, потирая окладистую бороду и разглядывая конвульсии иллюзии. — На два дешевле выйдет! Вы экономите три золотых!

— А мы таких можем надеть? — прищурилась я, глядя на то, как у принцессы снова появляются голова и корона, а вместо блеклого привидения — роскошный наряд, который приводит волшебную девочку в такое восхищение, что с нее чуть не слетает корона.

— Патент нужен, — буркнул Проектор и нахмурился, провожая взглядом роскошно одетого колдуна, подсчитывающего выручку. Мальчишка недовольно сопел, бросая влед коллеге завистливый взгляд. — А он дорогой. Жаль, что я не доучился...

— Экзамены завалил? — осведомилась я, разглядывая вывески и понимая, что судить о мире по одному заброшенному поселению было слегка преждевременно.

— Хотел я быть боевым магом, но ликвидировали факультет... Мы же ни с кем не воюем. А об экономистиках и иллюзионерах даже мечтать не приходилось, потому что обучение невероятно дорогое. Некроманты тоже не в чести. Скоро уберут и их... Так что я пошел на целителя! В магическом правительстве как раз была сильная партия целителей. Они и протасили закон о запрете мыльного корня, закрыли все мыловарни. А потом стали рассказывать, что мыльный корень — это источник всех болезней! Еще бы! Чем меньше моются, тем больше болеют, а чем больше болеют, тем богаче целители! Люди всегда верили магии! — надулся Проектор, сутулясь и засовывая руки в карманы. — Я ушел, потому что нас учили не исцелять болезни, а обманывать людей! Продавать подкрашенную водичку как лекарство...

— Так ты умеешь делать светлячков? — прищурилась я и посмотрела на расстроенного паренька, который ковылял рядом, пиная драными ботинками впереди себя мелкий камушек.

— Конечно, умею! Раньше маги отправляли друг другу такие послания! Очень надежный способ! Его сложно перехватить, а открыть еще сложнее! — вздохнул паренек, дуясь на весь несправедливый мир. — Он же предназначен конкретному человеку и другим секреты не выдает! Только немногие маги могут расшифровать чужие письма и перехватить послание. Я бы даже сказал, единицы. А потом, во время второй магической революции, один маг додумался делать такие послания для толпы. Никто даже опомниться не успел, как в крупных городах появились целые рои таких посланий. Видишь эти большие? Знаешь, почему они к нам не пристают? У нас просто денег нет! И одеты мы бедненько! Вот если ты будешь красиво одета, а в карманах у тебя будет полным-полно золота, то тогда они от тебя не отлипнут!

— Поня-я-ятно, — протянула я, задумчиво шурясь на тучи спама. — Я думаю, что сейчас мы покажем всем, как нужно работать!

— Ничего у нас не получится, — буркнул Проектор, претендуя на звание пессимиста года. — Ерунда все это. Дохлый номер.

— Что-то мне не нравится твой настрой! — резко остановилась, дернув паренька за рукав. Он посмотрел на меня серыми глазами из-под хмурых бровей. — Все у нас получится! Поверь мне, скоро мы заработаем столько денег, что все девушки будут бегать за тобой! Ты еще выбирать будешь!

Проектор опустил глаза на облупившиеся носки ботинок, стряхнул жука, который полз по нему.

— Ничего не выйдет, — тяжело вздохнул Проектор, продвигаясь в рейтинге знакомых пессимистов ближе к пальме первенства и утешительному призу «кокосом по голове». — Я тебе говорю, это пустая трата времени. Бред все это. Ничего у нас не получится.

— Выйдет! Все так говорят, пока реальные деньги в руках не подержали! — рявкнула я, показывая на удачное место в центре столпотворения в виде каменного пьедестала. — Мы прямо сейчас устроим презентацию!

— Что ж я такой бедный? — скулил мой спутник. — Как же задолбала эта нищета! Ни поесть нормально, ни одеться. Я — неудачник. Всегда им был, навсегда им и останусь! Ни денег, ни жилья...

— Конечно, останешься, — фыркнула я, ненавидя, когда взрослый мужик ходит и ноет, вместо того, чтобы что-то предпринимать. — Если ты будешь постоянно повторять себе, что ты неудачник, что у тебя ничего не выйдет, то ты действительно навсегда им останешься!

— А что я не так сказал? — обиделся Проектор. — Даже с девушками у меня не получается!

— Еще бы! Кому охота слушать бесконечный скулеж неудачника?

— Почему мне не повезло родиться в богатой семье? Вот если бы мои родители... — бухтел парень, засунув руки в карманы и выворачивая их, чтобы продемонстрировать всему миру огромные дырки.

Я ловко взбежала по лестнице, таща за собой сумку и унылого Проектора, который сумрачно встал за моей спиной.

— Ну? — вопросительно взглянула я в глаза, преисполненные вселенской печали и скорби. Мое расстроенное оборудование взмахнуло руками, и у меня по щеке чуть не потекла скупая слеза при виде короткометражки в стиле «Кино для самоубийц. Мир — дерьмо. Вы ничего не теряете!». Пока известные режиссеры, сидящие в жюри фестиваля «Безнадега», аплодировали стоя, оценив всю глубину страданий, я даже не знала, с чего начать после такого вступления. В воздухе висела одинокая, страшная, как я после трех часов в пробке на сорокаградусной жаре, девушка с куском мыла. Появился текст, который я написала для заучивания: «Мы знаем, что вам нужно!» Хм... Мне одной кажется, или она сейчас побежит за веревкой?

Через пару секунд в руках кентервильского привидения женского пола очутился зеленый флакон, на который героиня нашей короткометражки смотрела таким взглядом, что сомнений не оставалось. «Ваши мечты скоро сбудутся!» Бледное привидение подняло глаза, а потом с грустью посмотрело на флакон с надписью: «Яд».

— Остановись! — я пнула Проектора, глядя, как на нашу мелодраму собрались недоумевающие зрители. Ойкая и потирая рукой место удара, он бурчал что-то невразумительное про «а что ты хотела?», пока собравшиеся зрители удивленно переглядывались и пожимали плечами. Надо было срочно выкручиваться!

— Понимаю, вы мечтаете о многом! — громко заявила я, пытаюсь удержать внимание толпы. — И не все мечты сбываются! Жизнь — это тяжелая и непредсказуемая штука. Иногда хочется взять и выпить яда, но...

Я взяла паузу, слушая недовольное бурчание Проектора и понимая, что беру его с собой в последний раз!

— Скоро... — я понизила голос, обводя взглядом толпу. — Очень скоро все изменится. Я знаю, что ты мечтаешь быть самой красивой и выйти замуж за принца!

Я ткнула пальцем в худую, замученную светловолосую девушку с корзинкой в руке и блестящим медальоном на тесемке.

— Ты мечтаешь, что однажды приедет принц, пленится твоей красотой и заберет тебя во дворец! Ты больше никогда не будешь работать! Не будешь горбатиться и мыть посуду! Но я знаю секрет, как мало того чтобы стать красавицей, так еще и заработать столько денег, что принц уже не понадобится. А вы, господин? — я прищурилась, переключая внимание на какого-то обрюзгшего мужика в фартуке, который уже собирался уходить.

— Вы же мечтаете о том, что у вас будет столько денег, сколько не снилось вашим соседям! Я расскажу секрет, как сделать так, чтобы не вы работали на кого-то, а все работали на вас!

Проектор дернул меня за рукав, но я отмахнулась, входя в раж.

— Нет! — возразила я нарочито громко, шепотом требуя отцепиться от меня. — Мы должны рассказать об этом людям! Они должны знать!

Меня снова дернули за рукав, что-то бубня про то, что это ниже его достоинства — работать каким-то иллюзионистом. Я дернула плечом, одарив гневным взглядом его руку. Проектор опасливо оглядывался и что-то бурчал про «пойдем отсюда, давай не будем позориться».

— Помнишь, как мы договаривались? — громко возмутилась я, видя, что толпа передумала расходиться. — Люди должны это знать! Мы с тобой как договаривались? Как только нам удастся вырваться, мы всем все расскажем! Ты думаешь, они уже пришли за нами? Тогда нужно торопиться!

Я взволнованно осмотрелась по сторонам, вспоминая Виктора Евгеньевича и его прогрессирующую манию преследования.

— Люди! Мы расскажем вам о возможности не только стать здоровыми и красивыми, но и покажем способ, как зарабатывать на красоте и здоровье! Все правительство в сговоре! Оно прекрасно знает об этом способе, зарабатывает на нем, но вам об этом не рассказывает! Мы раскроем вам тайну мирового заговора! Девушка! Да, вы! Подойдите сюда! — я показала пальцем на грязненькую и какую-то замученную зрительницу в зеленом штопаном платье, которая несколько раз осмотрелась по сторонам в надежде, что зовут не ее, а кого-то другого, а потом отрицательно покачала головой, прячась за спины людей. — Вы когда-нибудь стирали? Все рассмеялись, а кто-то выкрикнул: «Целыми днями! Прачка она!»

— Хотите, чтобы вам больше не пришлось тереть руками пятна? — поинтересовалась я. — Чтобы отстирывались сразу? Если хотите, то поднимайтесь сюда! Я вам покажу волшебное средство, которое избавит от лишней работы!

Робко осмотревшись по сторонам, девица поднялась, смущаясь и опуская взгляд.

— Смотрите, у вас на рукаве пятно! — заметила я, понимая, что пятна у нее не только на рукаве. Я нашарила брусок нового мыла, который показал себя в клинических испытаниях как средство, разъедающее любую грязь. Я потерла им пятно, мыло запенилось какой-то серой и неприятного вида пеной, а потом, когда все пузырьки лопнули, пятно стало почти незаметным, обнажая островок изначального цвета платья, который на фоне общей грязи и изношенности выглядел травяным пятном. Напомните мне, чтобы мы переименовали средство от веснушек в «Новое стиральное средство»! Через минуту я уже мазала девушку отбеливающим гелем. Грязь с лица исчезала на глазах!

— Никакого мыльного корня в составе нет! Зато есть настоящее волшебство! — громко заметила я, показывая девушку после того, как гель испарился. Проектор закатил глаза и создал зеркало, в которое жертва недоверчиво смотрелась. Я обрызгала ее из флакона «Ля кости». — Теперь ты пахнешь, как принцесса!

— Сколько стоит? — закричала какая-то полная женщина, всей грудью пробиваясь вперед. Я назвала цену. Наш образец сошла со ступеней, давая обнюхать себя всем желающим.

— А что так дорого? — цена поумерила пыл потенциальной покупательницы, поэтому она застыла в раздумьях.

— Никакого мыльного корня! — развела я руками, поднимая брови. — Зато есть экстракт из щитовидной железы дракона! Поверьте, дохлые драконы на дороге не валяются! Вообще-то рецепт держится в секрете, поэтому я не должна была говорить вам про состав!

Народ долго сомневался, но кто-то все-таки решил купить. Какой-то потный мужик взял наши духи «Вьюга-нос» и вылил на себя полфлакона. К нему стали одобрительно принохиваться. И тут через всю очередь бежала наша прачка-принцесса, таща за руку упирающуюся темноволосую и смущенную подругу.

— Хочу купить два таких мыла! — прошептала отмытая красавица, протягивая мешочек с деньгами. — Себе... И подруга попросила... Она тоже прачка!

— Вот тебе мыло, а вот мыло для подруги! Но! Поскольку ты привела подругу, тебе полагается за это... — я сделала театральную паузу и вручила в протянутые руки два медяка! — Ты даже заработала! Вот если бы ты привела не одну, а десять подруг, то тогда бы получила двадцать медяков с покупки, сделанной каждой!

Проектор дергал меня за рукав, как звонарь колокольни. «Это бред какой-то! Зачем я на это согласился! Это позор! Чтобы я, выпускник магической академии...» — стонал он, требуя, чтобы я прекратила «весь этот балаган».

— Да что такое? — прошипела я, оборачиваясь. Сумка была уже наполнена медяками. — Писать хочешь? Раньше надо было! Потерпи пять минут!

— Я-то потерплю, а вот они — нет! — испуганно прошептал Проектор. И тут нас снесло заклинанием с подмостков и больно ударило о брусчатку. Я слотнула, чувствуя, как в голове звенит от удара и как дыхание перехватило от внезапности.

— Расходимся, чернь! Сейчас состоятся торги! — надменно прокричал голос, а над нами развернулась огромная иллюзия. На фоне голубого неба виднелись сверкающий дракон и пламенная линия, которая стелилась за ним так, словно бедолага работал на реактивном топливе. Закрадывалось подозрение, что съеденный намедни рыцарь оказался слишком

тяжелым либо дракон был слегка нездоров, но летел он так, словно недавно выпал из гнезда и теперь в экстренном порядке учится летать!

Судя по скачкам линии-кардиограммы, тянущейся за драконом, у кого-то сейчас будет разрыв сердца.

Набежавшая толпа чуть не затоптала нас. Какой-то импозантный господин в синем камзоле и с аккуратной бородкой с проседью в сопровождении красивой дамы в развратной одежде цвета кордебалет брезгливо обошли нас.

— Драконьи сердца растут в цене! Золхимы падают, но скоро снова будут расти! Золхимы стабильней! — покачала головой женщина, показывая в руке золотую линию и тут же убирая ее. — Сейчас лучше брать золхимы. Драконьи сердца скоро упадут...

— Хм... — поглаживая бороду, заметил господин. — Запутала ты меня! Ты же сама говорила, что, как только налоги поднимают, золхимы падают. Тем более что драконьи сердца принадлежат государству! Покупай двести драконьих сердец! Я кому сказал! Видишь, растут! Значит, надо брать!

С губ женщины слетел тяжкий выдох, а с руки светлячок, который, миновав головы, улетел куда-то в сторону иллюзии и приземлился на линии. Сотни светлячков летели на огонек кардиограммы. Сразу десяток уместился в одной сверкающей точке. Казалось бы, линия уверенно пошла вверх, но внезапно дракон рухнул, а по толпе прокатился рокот возмущения и ужаса! Драконьи сердца обвалились и неуклонно поползли вниз искать свою линию плинтуса. Охи, ахи, вздохи и крики сопровождали каждый момент падения. Сотни людей следили за тем, как дракон, словно подбитый летчик, неуклюже снижался.

— Драконы всегда снижаются, чтобы потом взлететь! — послышался чей-то тонкий голос, преисполненный надежды. — Драконы всегда снижаются...

Маленькими скачками дракон из последних сил пытался набрать высоту, но потерял управление и окончательно рухнул вниз, оставляя за собой горящую, скачкообразную линию, еще раз доказывая, что рожденный ползать летает редко. Оставалась надежда, что он еще может заползти на вершину, но, судя по тому, что дракон потерялся из виду, ящер все-таки выбрал плинтус.

— Пошла вон, тупица! Ничего дельного посоветовать не можешь! — заорал господин, отталкивая от себя магичку, которая усмехнулась, щелкнула пальцами, и тут же над ней появилась надпись: «Научу, как правильно зарабатывать деньги! Драконьи сердца, золхимы». Я поднялась и отряхнулась, растирая ушибленный и гудящий локоть. Проектор обиженно сопел, глядя на огненную кардиограмму последнего полета. В толпе раздался протяжный и душераздирающий вой отчаяния, ибо кто-то просто пролетел, а кто-то вылетел в трубу. Неподалеку стояли люди победнее, отдавая записки и мешочки какому-то магическому комитету, бросая нервные взгляды на иллюзию. А вдруг? Нет, ну а вдруг? Вдруг дракончик просто устал, а сейчас как взлетит, как расправит крылья...

Мне удалось выбраться из толпы, отряхнуться и сплюнуть, выискивая глазами свое разнесчастное оборудование. Проектору тоже удалось вырваться, спотыкаясь о чью-то ногу. Он подошел ко мне, обиженно сопя, и стал бубнить: «Я же говорил! Там висело объявление! Я же говорил! Здесь идут драконьи торги! Я тебе знак подавал, что пора уходить... Но ты меня не слушала... Я же говорил... Вечно мне не везет! Да что за жизнь такая!»

Издали послышался уверенный и бодрый голос: «Настоящие рыцари зарабатывают себе на коня и доспехи на драконьих сердцах! Настоящие принцессы зарабатывают себе на шпильки и булавки на драконьих сердцах! Присоединяйтесь! Мы собираем новый стол!»

Инструкция по сборке в помощь! Крутите, как хотите, а я, пожалуй, забью!

— Хочешь разбогатеть? — пристал ко мне молодой и наглый колдун, перегородив дорогу, когда я увидела просвет среди все прибывающих людей. — Или всю жизнь собираешься ходить замухрыжкой с сумкой и торговать, как базарная баба? Видали мы твоё выступление! Сооруди себе лоток и ори громче! Авось пять медяков на похлебку заработаешь! Но если ты хочешь зарабатывать большие деньги, мы можем научить тебя продавать драконьи сердца!

— Что продавать? — ехидно поинтересовалась я, разводя руками. — Воздух? Слушай, столько драконов нет, сколько вы сердец продаете! Да тут весь мир в шесть слоев должен быть покрыт драконьими тушками! Или драконы плодятся, как хомяки? Вот только не говорите, что мне придется самостоятельно с голой попой на дракона ходить! Как вы думаете, есть надежда, что

для меня остался еще один, завалившийся, старый, слепоглухонемой, парализованный дракон на последнем издыхании?

— Ребята! — крикнул маг, глядя на меня черными глазами с холодной яростью извечного конкурента. Нас обступила целая толпа разобитых трейдеров.

— Перенеси меня, — прошептала я, пытаясь нащупать позади себя свой Проектор. Моя рука шарилась в воздухе. Я резко обернулась и увидела, как вечно ноющий маг испуганно исчезает.

— Понятно! — усмехнулся черноглазый трейдер, нехорошо улыбаясь. — В нас тут посмели усомниться!

— Да ладно тебе. Она ошибается! — возразил кто-то, оттягивая излишне ретивого конкурента от меня. Вижу, тут умеют бороться с возражениями, причем в буквальном смысле. Нет возражающего — нет проблем!

— Я ей сейчас быстро ошибальник закрою! Да чтоб тебе всю жизнь не везло! Пока не станешь продавать драконьи сердца, будешь неудачницей до конца!

Вокруг меня появился серый дым, от которого я закашлялась, придерживая сумку. Дым щипал глаза, а я наугад прорывалась, раздвигая все разрастающуюся толпу.

— Поосторожней! Не видишь — меч! — возмутился мужской голос, а меня пихнули локтем. Я дернула холщовую сумку, зацепившуюся за что-то, и услышала, как рвется ткань, а на землю со звоном падают монеты.

Мне еле-еле удалось выбраться и отдышаться. Положив руку на сумку, я увидела, что на ней красуется дыра. Сквозь разорванное дно на землю падала вся дневная выручка. Я чувствовала себя проворовавшейся кассиршей, с сожалением глядя на жалкую горсть медяков, которые удалось собрать.

— Драконьи сердца поднимутся в цене! — послышалось вдалеке. — Правительство издает новый указ! Сердца будут расти! Смотрите! Дракон взлетает!

Я стояла, опираясь на угол дома, а вокруг меня жужжала надоедливая зеленая муха. Понятное дело, чувствовать себя ромашечкой среди удобрений не так-то просто после того, как тебя прокляли. Рядом со мной висел портрет женщины, которая была чуть красивей самки питекантропа. «Насильница. Маг. Зверские нападения на одиноких мужчин!» Я чуть не прыснула, представляя, как одинокие мужики боятся ходить по темным переулкам, ибо эта мадемуазель держит в страхе всю округу! Хотя в слове «страх» «с» явно лишняя. Трепещи, о сильный пол!

— Эй! — заорал пронзительный женский голос с истерической хрипотцой. — Держите ее! Я ее узнала! Смотрите все! Это она!

— Где? — я осмотрелась по сторонам, на всякий случай прижимая к себе остатки выручки. Если меня выгонят, то пойду в инкассаторы!

На меня тут же обратили внимание три молодчика в одинаковых доспехах. Если с таким рвением здесь ищут понятых, то можете смело, меня не спрашивая, ставить крестик напротив моего имени!

— Это ее разыскивают за изнасилования! — снова кричала женщина, которой бояться, по сути, нечего! Да наоборот, она должна радоваться тому, что, благодаря неуловимой обольстительнице, ночью все мужики трижды думают перед тем, как шагнуть за порог навстречу внезапным любви и ласке!

— И убийства! — снова заверещал тот же самый голос.

Я уже начала уважать эту мадемуазель, которая взяла дрожашую и вялую инициативу в свои крепкие женские руки!

Пока верхние полушария соображали, что к чему, нижние приняли решение шевелить произрастающими из них конечностями. Я бросилась в какой-то переулок. Жизнь явно намекала, что мне пора заняться спортом, правда, каким, она еще не решила, поэтому предусмотрительно надумала проверить, что у меня лучше всего получается.

Сначала я чуть не попала в сборную по конькам, поскольку застряв на каких-то помоях, несколько раз падая и поднимаясь. «Не-а!» — вздохнула жизнь, понимая, что в олимпийскую сборную меня не возьмут. Бег с препятствиями тоже как-то не задался, ибо по сравнению со мной, асфальтоукладочный каток — бог маневренности. Как вариант рассматривалось плавание, когда на меня сверху вылили целое ведро. Переулки сменяли друг друга, заставляя метаться на перекрестках. «Может, прыжки в высоту?» — поинтересовалась жизнь, с интересом глядя на забор, который вырос прямо передо мной. Карабкаясь по какому-то мусору, я сумела

перелезть через него и снова очутиться на широкой улице. Споткнувшись пару раз, сплевывая мокрые волосы, я понимала, что меня действительно прокляли.

«Перенос! 10 медяков!» — мелькнула табличка, к которой я устремилась на всех парах, пытаясь выскрести всю мелочь на проезд. Как назло, в сумке было только девять! Опять не везет!

— За девять перенесешь? — спросила я, подходя к престарелому магу в белом костюме.

— Только за десять! — ответил он, брезгливо отодвигаясь. — У меня и так самые низкие цены в городе!

— Поня-я-ятно! — протянула я, шмыгая носом и пытаясь пересилить боль в боку. Эта улица переходила сразу в две. В начале одной улицы стояла скучающая девица в двусмысленной позе, зазывно провожая взглядом прохожих-мужчин. Чуть поодаль подпирала стену еще одна уже слегка не красавица, которая демонстрировала свои прелести каждому представителю мужского пола и улыбалась плотоядной улыбкой. На соседней улице густо сидели попрошайки, протягивая руки и жалостливо кланя мелочь на пропитание.

Назойливая муха сделала круг, а потом намекнула, что красотой мы не блещем, и в целом как женщина — так себе.

Я опустила руку в сумку, ощупывая дыру, достала оттуда перо и маленькую чернильницу, которые чудом не вывалились после пробежки, зацепившись за нитки. Если жизнь — собеседование, то самый продаваемый товар в мире — это ручка.

Я уже обсыхала на солнышке, приглядываясь и прислушиваясь к прохожим. По улице шел какой-то импозантный тип с бакенбардами и залысинами, в зеленом камзоле, обсуждая с каким-то тощим и скуластым товарищем в мантии результаты торгов по драконьим сердцам.

— Нет, ну я знал, что они поднимутся! — горделиво замечал буржуа, похлопывая по кошельку, висевшему на ремне. — Дураки скинули, умные этим воспользовались! Как говорят: «Драконы всегда взлетают!»

— Ага, линия поползла вверх после того, как стало известно, что через три дня будет принят новый указ... — поддакивал колдун, заглядывая в глаза хозяину. — Я вам всегда говорил, что, прежде чем паниковать, нужно оценить ситуацию. На панике легко сыграть.

— Все, свободен! Завтра в это же время! — добродушно махнул рукой любитель биржи, отсыпая вознаграждение профессиональному трейдеру.

— Не может быть! — ахнула я, когда маг исчез из поля зрения. — Не может быть! Это же вы! Я столько о вас слышала!

Пока господин оглядывался по сторонам, я уже была тут как тут, изображая преданного и восторженного фаната.

— Невероятно! Один из самых успешных игроков по драконьим сердцам! — прошептала я, запрыгав от радости и захлопав в ладоши. — Кому расскажешь — не поверят! Я вами так восхищаюсь! Вы... Вы для меня просто... кумир! Такое терпение! Такая выдержка! Вы знаете, я тоже играю... Но у меня плохо получается!

— Дитя мое, — благодушно ответил господин, глядя на меня снисходительно. — Тут нужно иметь не только выдержку, но и ум!

— Да, — кивнула я, чувствуя себя первоклашкой на первом уроке. — Такой, как у вас! Вы же все просчитываете наперед! А я только учусь! Сегодня сделала ставку и...

Я скривилась, как сушеный абрикос, спрятала глаза и шмыгнула носом.

— ...Проиграла... Испугалась. Дракон все падал, падал... И я испугалась, — жалобно заметила я, поднимая глаза на «жертву», которая великодушно убеждала меня, что все в жизни бывает в первый раз. — Ой, а вы не могли бы расписаться у меня на руке. Я ее даже мыть не буду!

Господин посмотрел на меня с недоумением, оглядываясь по сторонам.

— Мой герой, лучший из лучших, распишется у меня на руке! Это самый счастливый день в моей жизни! — прыгала я, заглядывая ему в глаза и протягивая ладошку. — Так вы распишетесь? Для меня это так много значит!

— Мм... — вздохнула «жертва», разводя руками. — Было бы чем... Письменный набор у меня дома...

— Ой, — смутилась я, тут же погрузив и опустив голову. — А я и не подумала! Балда! Такой счастливый день и так испортить! Хотя... Постойте! Придумала!

Я опустила руку в сумку и достала, как заправский фокусник, перо и чернильницу.

— У меня сестричка болеет, поэтому я играю на драконьих сердцах! И вот проиграла, поэтому приходится продавать вещи, чтобы оплатить целителя! Представляете, как повезло, что у меня с

собой оказалась чернильница! Вы верите в совпадения? Я не верила! А сейчас верю! — лепетала я, восторженно глядя на «жертву», которая тоже была редкостной тварью, напроочь игнорируя благотворительность. Хм... Нет чтобы помочь бедной девочке! Пока я держала чернильницу в одной руке, а вторую подставляла под жирный крестик, который могла нарисовать сама себе в любой момент, позади меня послышался крик: «Поберегись!» — а какая-то зараза толкнула меня в спину. «Я же говорил! С дороги!» — рывкнул кто-то, волоком таща по земле огромный ящик.

Чернильница упала на брусчатку и разлетелась вдребезги, оставляя черное пятно на камнях. Этого я как-то не предусмотрела!

— Ой! — охнула я, зажимая рот освободившейся рукой. — Ой! Что будет! Меня убьют! Мамочки!

— Эх ты, растяпа! Тебе не то что ставки, тебе даже чернильницу доверять нельзя! — бурчал господин, осматривая свои штаны и туфли. — Ладно, не реви, дуреха! Так и быть! Сколько она стоила? Да не реви ты! В самом деле!

— Пять медяков, — всхлипнула я, утирая несуществующие слезы. — Я хотела продать ее за пять медяков, чтобы купить сестренке покушать!

— Тю? Всего лишь пять? Держи! — мне в руку сунули горсть какой-то мелочи, а сами удалились. Раз, два, три, четыре, пять! Муха сделала надо мной круг, а я показала ей язык. Муха бросилась на меня с целью укусить, а я шла походкой победительницы, пока не споткнулась и не растянулась прямо у ног брезгливого мага.

Через полчаса я уже была на подступах к «офису», грязная и злая. Не было такого камня, о который я не споткнулась, ветки, которая не хлестнула меня, и грязи, в которую я не наступила, как бы ни пыталась обойти. Однажды я, пытаюсь сократить дорогу, пробиваясь через кусты, наступила на ежика. Через секунду об этом узнал весь лес! Не то чтобы ежик — сплетник, скорее, дело во мне!

Я сильно переживала насчет «кассы» и репутации, понимая, что придется занимать до получки. Но что-то мне подсказывало, что получка будет очень скоро. И получу я по полной программе. Если вокруг замка и обещали солнечную погоду, то синоптики ошиблись. Сейчас, ломая кусты, к нему движется самый настоящий грозовой фронт!

— Не перебивай!!! — заорал Трупоед, зыряка на «свободную и независимую женщину» со связанными руками, силуэт которой виднелся из кустов. — Терпеть не могу, когда баба перебивает мужика!!! На чем я остановился? А! Женщина должна быть свободной, уметь зарабатывать на жизнь самостоятельно... Даже с этим... как ее... С лялькой, короче! Я вылетела из кустов, глядя на целую рабовладельческую ярмарку, которая развернулась под стенами замка.

— Давай сюда этого! Меняю на двух этих дохляков! У него руки сильные! Много утащить сможет! Потаскун! Теперь твоя новая кличка — Потаскун! Становись в строй! Сейчас я тебя свяжу, чтобы не сбежал! Один дурак по дороге уже сбежал! Зарабатывать не захотел! Эти, как его... Преспе... Какие-то там... ктивы... не оценил! Мы предлагаем всем возможность заработать! Вы уже заработали, раз пришли к нам!

Судя по унылым лицам структур, единственное, что они заработали, так это неприятности! А в карьерной перспективе они отчетливо видят горб и гроб.

— Скоро вы будете богатыми! — шмыгнул неоднократно сломанным носом Мясник, поглядывая на тех, кто еще не слышал о журнале «Форбс». — Щас как заработаем! Чего нос повесил! Наша компания всегда находит подход к людям, отличается вежливостью и индивидуальным подходом! Тьфу ты, подходом, шоб ты подох!

— Пустите, а? — взмолилась белокурая девушка, стыдливо прикрывая грудь и оглядываясь по сторонам в поисках прекрасного рыцаря с розовым оргазмом, который, глядя на моих первых чеков, решил бы тихонько отсидеться в кустах, негодую от произвола. Шепотом, чтобы не услышали. — Не надо меня бесчестить! Я умоляю вас!

Я на секунду представила первую брачную ночь, выпадающий на простыню каталог: «Так ты сетевочка? Лю-ю-юди! Она обесчещена!» — вопит жених, хватаясь за голову, а родня уже мажет ворота невесты дегтем, пока невеста рыдает в простыню, измазанную образцами косметики! «Не женись на ней! Это же сетевичка, — поучает мать непутевого сына. — Будет по домам шастать с сумой! Как говорят, от сумы не зарекайся!» Скупая профессиональная слеза скатилась по моей щеке, но я тут же спохватилась:

— Вы что творите? — заорала я, вспоминая, что мне делегировали не только хрен, но и полномочия к его использованию! Не знаю, как яблоко от ветки яблони, но от моего крика какой-то слабонервный покачулся и упал. Еще бы! Он — часть невольничьей структуры. Куда он из сетевого уже денется?

— Строим ветку! — гордо ответил Трупоед, давая затрещину рыжему босому парню, который попытался развязать свои руки. — Я кому сказал! Улыбаемся! Людям нравится, когда им улыбаются! А ну быстро улыбаться!

Невольники переглянулись и стали улыбаться кисло-кисло и натужно.

— Прекратите! Кто вам разрешал? Вы еще не готовы к тому, чтобы строить структуру! Мы не закончили обучение! — заорала я, пытаюсь развязать узлы. — Что о вас подумают люди?

Люди решили не озвучивать свои мысли, трусливо прижавшись друг к другу.

— Зачем же насильно людей тащить? — у меня даже во рту пересохло от негодования.

— Так они по-хорошему не захотели! Мы тут даже эту... как его... еркламу нарисовали!

Правда, разбили ее об вот эту дурную голову, — мужик с бородой, в каких-то лохмотьях, с кровавой корочкой на голове, получил затрещину от Рыла. — Он не хотел зарабатывать деньги! Я к нему, такой, подхожу, достаю меч...

Я посмотрела снизу вверх на двухметровый квадратный шкаф, понимая, что в его случае — индивидуальный подход сродни угрозе.

— ...И говорю: «Нет денег? Жить не на что? Сейчас мы все решим!» — хвастались мне, положив руку на рукоять меча. — Ну мы решили, как ты сказала, «бить еркламой». И мы сделали несколько ерклам. Короче, разбили все! Надо железные делать! На щитах! Ерклама на щитах — то, что нужно!

— Вот этого мы вообще волоком тащили сюда! За ногу! К заработку! Не хотят люди деньги зарабатывать! Ой не хотят! — горестно вздохнул Трупоед, а все остальные «...идеры» грустно закивали. — Мы им шанс даем! А они, трутни, не ценят!

Где-то есть некая сила, которая вовремя подвернулась автору бейджиков, ибо подметил он очень и очень тонко и точно!

— Развязать и выпустить! — процедила я, сопя, как ежик.

— Мы их даже мотивировали! Как ты и говорила! «Заработай себе на дом!» Мы им говорим, что мы поможем заработать на дом! А они отвечали, что дома у них есть. Пришлось сжигать всю деревню! Теперь они мотивированы как следует! — вздохнул Мясник, глядя на меня взглядом «кто молодец?».

— Мы их столько ловили и собирали! Знаешь, как они резво бегают! — вмешался Трупоед, почесывая шрам. — Но мы были умнее! Мы согнали всех в одно место, взяли в кольцо и стали вежливо здороваться! Мясник вообще язык стер, объясняя, что сейчас будем учить их зарабатывать! Кричит он вежливо, что «зарубите себе на носу, мы не продаем всякие болзамы! Мы торгуем образом жизни! И вы должны это понимать!» Не все поняли. Трех пришлось зарубить! Ты сама сказала, что непонятливые нам не нужны!

— Хоспади... — я схватилась за сердце, сползая по ближайшему дереву вниз. Кто-то вдалеке пронзительно и отчаянно закричал.

— Это что за крики на конце цепочки? Я вам покажу карьерный рост! — прикрикнул Рыло, хмурия брови.

С горем пополам я сумела, угрожая всеми карами, кармаами и пустыми карманами, освободить невольников. Люди бежали без оглядки, спотыкались, падали и снова бежали... Сетевой всегда нравился людям! Особенно в таком аспекте.

Я решительно вошла в замок, споткнувшись несколько раз и растянувшись на последней ступеньке. В гулком и просторном холле стояли трое наших «...идеров» и целая кучка людей. На полу валялись медяки, пуговицы и какие-то безделушки.

— ЛТО делаем! — отрапортовали мне, а потом повернулись к какой-то женщине. — Снимай кольцо! Я же сказал — ЛТО! Что же тут непонятного?

— ЛТО — это личный товарооборот! — вознегодовала я, глядя, как кольцо летит на пол в общую кучу «сокровищ». — При чем тут люди? Это вы должны покупать за свои деньги! Вы точно не путаете его с оборотом структуры?

— Погодь! — успокоили меня, выставив вперед волосатую руку. — Сейчас по второму кругу будем оборот структуры делать! Мы еще до него дойдем! Куда прячешь! В ЛТО!

Если бы идиоты решили вдруг собраться вместе и создать свое правительство, то эти ребята его возглавили бы путем демократических выборов, обогнав других кандидатов как минимум на сотню голосов! У меня очень сильно заболела голова. Но я знала, что скоро она болеть не будет. Ее просто оторвут. Вы точно не видели здесь хрен? Я сглотнула и посмотрела вокруг. Может, под стол заглянуть? Точно нет? И за гобеленом нет? Кто-нибудь видел хрен, который я уже положила на работу?

Внезапно позади меня раздался сладкий голос.

— Рабо-о-ота, вижу, иде-е-ет полным хо-о-одом, — нежно мурлыкнул Эврард. — Теперь осталось узна-а-ать куда? «В» или «на-а-а»?

Я тихо всхлипнула, понимая, что оборачиваться мне совсем не хочется.

— Де-е-етка, а ты почему не встреча-а-аешь? — протянул принц гадский, зевая и постанывая.

— Тебя, что ли? — негромко осведомилась я, кусая губы.

— Не-е-е-ет, меня встречать не на-а-адо! — снова зевнул Эврард. — Звездю-ю-юли... Их так мно-о-ого, что они слегка растеря-я-ялись...

— Надеюсь, что по дороге? — у меня хватило сил и мужества повернуться и посмотреть правде в ядовито-зеленые глаза.

— Наде-е-ейся, — улыбнулись мне. — Де-е-етка, а ты почему такая гру-у-устная?

— Меня прокляли! Сними с меня проклятие! — взмолилась я, бросаясь к нему. Была у меня надежда, что он сейчас щелкнет пальцами и все сразу станет хорошо.

— И что-о-о из оде-е-жды мы назове-е-ем прокля-я-ятием? Я предла-а-агаю белье-е-е! С ним больше всего моро-о-оки! — рассмеялся Эврард, подняв брови.

— Проклятие невезения! — всхлипнула я, понимая, что мне и до этого тоже не сильно везло, а сейчас вообще хоть на спину ложись и свечку в руках держи. — Это все из-за него! Меня прокляли! Маги!

Эврард подошел ко мне, глядя на меня с такой нежностью и лаской, что у меня что-то даже шевельнулось внутри. Аппендицит, наверное...

— Ты такая краси-и-ивая де-е-еточка, — сладенько и негромко протянул он, убирая пальцами волосы с моей щеки и заправляя их за ухо. — Такая ми-и-илая, ры-ы-ыженькая, сла-а-аденькая...

Что-то в груди моей странно теплело, а в животе переворачивалось. Согнутые пальцы осторожно и трепетно гладили мою щеку, глаза смотрели ласково-ласково, а я даже боялась сглотнуть, чтобы не развеять это чудное наваждение.

— Прямо украшение ми-и-ира... И глаза-а-а у тебя краси-и-ивые... Правда-правда... Краси-и-ивые... — мурлыкал Эврард, не сводя с меня своих кислотных глаз. По его губам медленно ползла улыбка.

— Только ответь мне на один вопро-о-ос, — его брови поднялись. — Как же ты живешь без мозгов-то?

Глава 9

Проклятый яд, или Внимание, я плету интригу!

Шоб ты жил на одну зарплату,
Шоб хозяин поднял квартплату,
Шоб проценты кредита бежали,
Шоб знакомые в долг не давали!
Шоб наушник узлом в кармане,
Шобы трещина на экране!
Шоб летела всегда материнка,
Шобы отпуск был на картинке!
Шоб ремонт был во всех туалетах,
Шоб живот отрастал только к лету!
Шоб копил на айфон, затянувшись потуже,
В день покупки вдруг выронил в лужу!

Шобы фотки твои с «Инстаграма»,
Одиноко пролайкала мама!
Шоб успел в ипотеку ввязаться! —
Так что лучше со мной не ругаться!

Я стояла и смотрела в ядовитые глаза, закипая от гнева. Почему-то вдруг мне захотелось увидеть их на моих ногтях, но эти бессовестные глаза осторожно указали мне на ораву первых чеков, ужасно расстроенных своей первой неудачей в рекрутинге. Они искали крайнего. Крайней географически была я, поэтому они стали искать самого рыжего. Самой рыжей физиологически тоже была я. Так что, глядя на нашу с Эввардом тревожную идиллию, «...идеры» решили найти самого лысого, и нашли! Пока разбирались с автором возгласа: «А что это мы, как лоси, сидим? Ай да рекрутировать!» — я жала кулаки и посмотрела в глаза самому бессовестному человеку на свете.

— Чего ты смо-о-отришь так на меня, Цве-е-еточек! Проклятие у тебя в голове-е-е... Ты, гла-авное, не расстра-а-аивайся, Цвето-о-очек! Жить без мозго-о-ов намного проще! И засыпать ле-е-егче, — улыбнулся Эввард, пока я размышляла о том, что слово «засыпать» имеет несколько значений. Физически меня бы устроили подушка и одеяло, а вот морально — чужая могила и лопата.

— Так что ты мо-о-ожешь легко прове-е-ерить мою дога-а-адку, мой впечатлительный Цвето-о-очек. Просто лечь и отдохнуть. А я пойду порабо-о-отаю... — меня взяли за подбородок, приблизились, словно для поцелуя, сказали: «Ам» — и отправились по своим делам. Несмотря на то, что я мысленно искала кнопку «Delete», чтобы удалить из жизни половину людей, а этого товарища в первую очередь, он удалился сам, оставив меня наедине с предстоящей разборкой. Впервые я видела, как потный и полуголый энтузиазм получал по основному двигателю прогресса.

Внезапно в центре зала из ниоткуда появился Эввард, одарив всех гаденькой улыбочкой.

— Внима-а-ание! Я плету интригу! — торжественно заявил он, глядя, как все застыли на местах. — Пе-е-ервым, если мне памя-я-ять не изменя-я-яет, идею подал Топор!

Лысый шмыгнул разбитым носом, одноглазый сплюнул, остальные тоже перевели взгляд на бородача, который пятился к стенке, занимая оборонительную позицию.

— Спаси-и-ибо за внима-а-ание! — раздался сладенький голос, а принц гадский исчез.

Бородатый инициатор уже получал благодарность от остальной инициативы, а я решила не дожидаться, когда инициатива начнет иметь инициатора в грубой и очень извращенной форме, и пошла спать.

Уснуть я не могла, ворочаясь с боку на бок и рассуждая тем, чего у меня, по мнению начальства, гипотетически нет. Проклятье, которого якобы нет, меня очень сильно тревожило. Не то чтобы я всю жизнь выигрывала в лотерею, встречалась с одинокими олигархами, и при этом каждый день находила полный кошелек денег по дороге в магазин. Как ни крути, такого невезения, как сегодня, у меня еще никогда не было! А если это действительно самовнушение? Мысли складывались как пазлы, рисуя очень интересную картину мира. Я даже приподняла голову от подушки, потому что где-то в воздухе витала гениальная идея. Кто у нас первая целевая аудитория? Крестьянин, ремесленник, рабочий, нищий настолько, что церковные мыши скидываются ему на краюху хлеба, грязный, ободранный, тупой, суеверный, свято верящий и боящийся магии до судорог. Я уже видела хвост гениальной идеи, чувствуя, что она где-то близко. Как только хозяева увидят, насколько выросло благосостояние своего слуги, они заинтересуются способом заработка. И никакой магии не надо! Никакого волшебства! Хотя нет... Оно пригодится... Совсем капелька... Как там сказал один «умник»? Проклятие в голове? — Мы станем чумой, проклятием, черной меткой... — задумчиво прошептала я, привстав на руках и глядя в темноту. — Делаем вид, что накладываем проклятие... Крестьянин верит, что пока не начнет с нами работать, он проклят проклятием тьмы... А как только начинает работать, проклятие как бы перестает действовать... Чтобы избавиться от проклятия, нужно привести как можно больше людей...

Я даже облизнула пересохшие губы, подняв брови и прокручивая перед глазами этот занимательный сюжет.

— Немного внушения, убеждение, игра на суеверном страхе... А потом рекрут уже втянется, обучится и... ни капельки не пожалует о том, что решил стать нашим агентом! Проклятие

оборачивается благословением... Что мы имеем? Проклятие превращается в благословение и начинает приносить деньги...

Мой взгляд скользнул вверх так, словно сейчас на меня вот-вот прольется золотой дождь. Неприятный осадок в душе сменился ожиданием приятных осадков. Я медленно развела руки, подняла лицо вверх, чувствуя себя так, словно только что собрала и оживила Франкенштейна, показав язык доктору, который, как истинный джентльмен, решил дать чудовищу свою фамилию; открыла Америку, насмешливо глядя, как Христофор Колумб и Америго Веспуччи меряются длиной подзорных труб, изобрела велосипед и уехала его патентовать раньше всех. — Кто молодец? — игриво спросила я у своего отражения, улыбаясь себе улыбкой голливудской кинодивы. — Я! Я — молодец!

Идея билась внутри меня, а я мчалась в одной ночной рубашке делиться ею с одним товарищем, так явно недооценившим мои интеллектуальные способности.

— Он работает! — вздохнула охрана, подпирая красивую дверь.

— Я тоже! — буркнула я, забывая, что время позднее. Моя рука легла на ручку. Охрана смотрела как на самоубийцу, тоскливо провожая меня в последний путь.

— Было приятно с вами работать, — не выдержал один, поджимая губы.

— Ага, такая молодая, — вздохнул другой, опустив взгляд.

Я открыла тяжелую дверь и...

— Я рабо-о-отаю, бессовестный Цвето-о-очек! — раздался усталый голос, стоило мне только переступить порог.

— У меня есть гениальная идея! Только скажи честно, на мне точно нет никакого проклятия? — я видела красивый кабинет, где за столом сидел Эвхард, подперев голову рукой. Рядом лежала стопка книг и бумаг, которые он разбирал.

— Ма-а-арш спать! — послышалось со стороны стола.

— Точно нет проклятия? — спросила я, горя желанием проверить теорию самовнушения. —

Мне нужно это знать наверняка!

— Ма-а-арш спать! Я кому сказа-а-ал! — повысил голос Эвхард, одарив меня нехорошим взглядом, пока я мялась на ковре.

— Слушай, это очень важно! — занервничала я, понимая, что теперь точно не усну. — Ну оторвись на пару минут!

— Сейчас оторву-у-усь. И возможно, даже на тебе-е-е, — усмехнулся принц гадский, беря в руки книгу. — Ма-а-арш отсюда! По-о-ол холодный! Ноги босы-ы-ые!

В меня резко полетела книга. Я дернулась в сторону, а потом сообразила, что летит она не в меня, а рядом, но тут же рухнула вниз, споткнувшись о ковер. Сначала я не поняла, что произошло, а потом почувствовала, как медленно теряю связь с реальностью. Я видела, как со стола упали бумаги, рассыпавшись по полу, как в мою сторону метнулась фигура. Лежа на ковре и чувствуя, как гудит голова, удерживая сознание из последних сил, я видела черные сапоги с серебряными застежками, а потом колени. Под голову мне пролазила рука, пока меня чихвостили на чем свет держится. Что-то внутри меня резко качнулось и...

Я очнулась, чувствуя слабость и головокружение. Во рту пересохло, в голове гудел набат, а я никак не могла открыть глаза. Лежала я как-то не очень удобно, на мне или рядом со мной что-то шуршало, а к виску было прижато что-то мокрое и холодное. Меня мутило, мир расплывался перед глазами.

— Не вздумай протянуть но-о-оги, — предупредил меня знакомый голос.

— Я умирать пока не собираюсь, — прошептала я, едва разлепив пересохшие губы. Сумбурные мысли о том, как я очутилась на чужих коленях, не давали мне покоя.

— Там просто сто-о-опочка... Я ее до-о-олго разбира-а-ал. Протянешь но-о-ожки, заденешь сто-о-опочку, — мурлыкнул голос надо мной. Что-то холодное отлипло от моей головы, встряхнулось, а потом снова прилипло. — И не воро-о-очайся!

— Это еще почему? — слотнула я, пытаясь придать картинке перед глазами хоть какую-то резкость.

— Потому-у-у, что на тебе друга-а-ая стопочка. Я ее тоже долго разбира-а-ал, — мурлыкнули мне, убирая липкую и мокрую прядь с моего лица.

Я лежала на диване, моя голова покоилась на чужих коленях. К дивану был придвинут стол. Я привстала, чувствуя, как в голове гудит, но меня тут же уложили обратно. В голове вертелись странные мысли, вызывая у меня недовольное сопение.

— Ты меня внема-а-аточно слу-у-ушаешь? — послышалось возле моего уха, когда мое сопение заставило молча завидовать всех ежиков в лесу. — Так во-о-от, я приношу глубоко-о-окие извинения.

— Что? — поинтересовалась я, снова привставая. Странно, но мне показалось, что на столе лежит перьевая ручка... Хм... Мне кажется, или действительно ручка?

— Непра-а-авильно принимаешь извинения. Зна-а-ачит, забираю их обра-а-атно, — мурлыкнули мне, отслеживая мой взгляд. — Это че-е-ем мы так интересу-у-уемся?

— У тебя что? — спросила я, приглядываясь и пытаюсь понять, ошиблась я или нет. — Ручка?

— Да-а-а, — сладенько улынулись мне. — У меня еще есть и но-о-ожка, которая слегка затекла-а-а... Но ты ле-е-ежи, ле-е-ежи, пусть тебя со-о-оветь доедает!

— Какая совесть? — я посмотрела на стол, но ручки уже не было. Показалось. Вот было бы смешно, если бы там лежал телефон.

— Ой, а тебе ра-а-азве не говорили, что ты бессо-о-оветная? — Эврард посмотрел на меня, приподнимая брови. — Какая неожиданность быть пе-е-ервым! Ты — бессо-о-оветный Цветочек! А теперь не шевели-и-ись...

Несколько попыток встать успехом не увенчались.

— Пусти, — простонала я, скривившись. — И так голова болит!

— Зна-а-аешь, Цветочек, мне известно отличное лекарство от головной бо-о-оли! — сладенько заметили мне, снова укладывая на прежнее место. — Я тебе ее однажды про-о-осто оторву! Тем бо-о-олее голова у тебя болеть не мо-о-ожет... Там боле-е-еть нечему!

— Опять?! — простонала я, закатывая глаза. — Я тут к тебе с гениальной идеей шла!

— А мне каза-а-алось, что тебе просто хотелось спа-а-ать с руково-о-одством. Одной стра-а-ашно, а со мно-о-ой увлека-а-ательно. Я тут тебя увлека-а-аю, а ты все никак, — коварно ответили мне, шурша бумагой. За шелестом последовал тяжкий вздох, а я услышала, что он что-то скрежет пером и тихо ругается.

— Я никогда не спала с руководством! Это ниже моих принципов! Я никогда не делала карьеру через постель! — вспыхнула я, чувствуя, как от внезапного порыва темнеет в глазах. — Тем более что у меня есть муж!

— Видел я твоего мужа-а-а, — усмехнулся Эврард, что-то промурлыкав, хмыкнув и тут же согласившись с какими-то подсчетами протяжным: «Да-а-а...»

— Где?! — снова пыталась приветать я и осмотреться.

— На расстоя-я-янии вытянутой руки и фра-а-азы: «Будешь ей меша-а-ать, у тебя никогда больше не будет боле-е-еть голова-а-а», — мурлыкнули мне, что-то листая. — И если ты ду-у-умаешь, что это ре-е-евность, ты ошиба-а-аешься. Ты, Цвето-о-очек, зарабатываешь мне де-е-еньги. А я не люблю, когда что-то или кто-то стоит между мно-о-ой и моими деньга-а-ами.

— Все с тобой понятно, — зевнула я, выдыхая от облегчения. Еще не хватало мне незваного гостя. — Озвучь, пожалуйста, как ты собираешься к успеху идти?

— За-а-амень, диста-а-анция сокраща-а-ается, — промурчали мне, откладывая на меня несколько листов. — Во-о-от Цветочек лежит на расстоянии вытянутой руки-и-и. И я могу ее в любо-о-ой момент погла-а-адить. И меня это устра-а-аивает!

Я вздохнула, набралась мужества и изложила свою идею. Эврард что-то промурлыкал, а я краем глаза увидела коварную улыбку, которая блуждала по его губам.

Я лежала, отчаянно зевая, чувствуя компресс на голове, который периодически поправляли. Мои глаза слипались, веки тяжелели, и я постепенно засыпала, ерзая на чужой ноге. В мутных грезях я видела свою квартиру, блуждала в маленьком коридоре, внезапно забыв, куда шла и что искала. Меня гладили так, как гладит жадненькая мадам свой битком набитый кошелек. Осталось научиться шуршать... В чужом кармане... Да!

— Долго ты ду-у-умала над этой идеей, — послышался голос, а перед сонными глазами мелькнул зеленый огонек бабочки. — А ведь она давно-о-о витает в воздухе...

* * *

Наутро я проснулась одна. Надо мной возвышались телохранители, с завистью глядя на то, как я развалилась на диване. На спинке кресла висело белое платье, украшенное драгоценностями настолько, насколько себе можно было представить. Оно сверкало, переливалось отблеском тысячи маленьких огоньков и их граней. Я сглотнула, в уме прикидывая его стоимость.

— Сказали, чтобы вы примерили, — заметил крайний мордovorot, сохраняя невозмутимость лица.

— Отвернитесь! — я уже сняла платье с дивана, рассматривая его с восхищением Золушки. К платью была приколота записка, написанная высоким и размашистым почерком: «Невезучие девушки не получают красивые подарки. А раз ты получила подарок, то невезение закончилось!»

— Я кому сказала! Отвернитесь! — вознегодовала я, прикидывая, что с моим невезением платье окажется на три размера меньше.

— Не велено! — заметил второй громила, сурово глядя впереди себя. — Велено с вас глаз не спускать!

Я возмутилась, полезла за шторку примерять этот шикарный наряд. Все! Дешевое платье из магазина «Конфискат», на которое однажды расщедрился мой супруг, померкло перед таким подарком.

Через пару минут возни с застежками, я вышла гордой поступью императрицы, глядя на себя в темный овал зеркала.

— Это кто у нас тако-о-ой краси-и-ивый? Что это за таинственная и зага-а-адочная незнако-о-омка, возникшая из ниоткуда? — услышала я сладкий голос за спиной, слегка покраснев от смущения. Платье действительно делало из меня настоящую принцессу. — Я же сказа-а-ал, никого не выпуска-а-ать и никого не выпуска-а-ать! Где-е-е Цвето-о-очек? А ну быстро сказали мне! Куда делся мой невезу-у-учий Цвето-о-очек?

Я повернулась, встретилась взглядом с бессовестными зелеными глазами.

— А! Это ты! Что ж ты меня та-а-ак обнаде-е-еживаешь? Я уже ду-у-умал, что ко мне яви-и-илась моя мечта-а-а, а это Цветочек! Жа-а-аль... Очень жа-а-аль...

Буря негодования сменилась каким-то странным восторгом и смущением. Руки то сжимались, представляя, как смыкаются на чужой шее, пытаюсь задушить, то разжимались, когда мне хотелось обнять и поблагодарить за подарок. Его умение делать комплименты меня просто поражало!

— Вот смотрю я на тебя, Цвето-о-очек, и гада-а-аю, — ядовито заметил принц гадский, делая театральную паузу и любясь мной в своем подарке.

— Я что, ромашка, чтобы на мне гадать? — возмутилась я, проводя рукой по корсету. — Ты что? Гадаешь, любит — не любит?

— Если бы была рома-а-ашкой, муха над тобой не вита-а-ала бы, — заметил Эвхард. — И я бы тебе давно-о-о лепестки оборва-а-ал... И ответ был бы однозна-а-ачный... Ла-а-адно, шу-у-утки в сторону... Тебе нра-а-авится платье? Просто я хоте-е-ел поговорить с тобой по поводу бра-а-ака...

В этот момент я поперхнулась, глаза мои округлились, а в горле резко пересохло. Я внимательно посмотрела на белое платье, а потом перевела взгляд на Эвхарда.

— Как бы это сделать торже-е-естенно? — спросил он, лениво осматриваясь по сторонам. — Да-а-аже не знаю, с чего нача-а-ать! Все бывает в жизни в первый ра-а-аз... Ладно, скажу как есть... Ты вы-ы-ыйдешь за меня...

— Чего? — прокашлялась я, пытаюсь понять, что вообще происходит.

— Я спра-а-ашиваю, ты выйдешь за меня к некрома-а-анту? У нас первый бра-а-ак. Целая па-а-артия. Просто если выйду я, то убью-ю-ю его случа-а-айненько...

Изумительно. Нет, я правда очень счастлива. Настолько счастлива, что готова задушить кого-то на месте. Ничего, сейчас ответим...

— Боже! — я схватилась за грудь с театральным придыханием, обмахиваясь пятерней. — Ты прав, это... это так неожиданно... Даже не знаю, что сказать! Никогда не думала, что ты скажешь мне это...

— Так да-а-а или не-е-ет? — мою шутку явно оценили. — Внима-а-ание! Намека-а-аю! Правильный ответ «да-а-а»!

Поскольку некромант у нас один, то его нужно беречь. Глядя на меня сумрачным взглядом, намекая на то, что мешки под глазами — это мешки для зарплаты, почетный трудоголик и единственный работник нашего завода-изготовителя уныло демонстрировал мне какую-то красную дрянь в пузырьках. Странно, но пузырек выглядел вполне симпатично, по-новогоднему.

— И что это получилось? — поинтересовалась я, глядя на партию без этикеток. Некромант посмотрел на меня так, словно еще один вопрос, и я лично стану поставщиком ингредиентов для следующей партии. Оставалось понять, что это вообще такое? Я понюхала. Нет, не духи.

— Вода водой. Только красная, — буркнул некромант. — Ошибся в заклинании.

— Что значит вода? — удивилась я, любуясь флаконом при свете свечи. — Раз подкрашенная, значит, уже не вода, а лосьон для сухой, жирной и комбинированной кожи! Скажите, пусть рисуют этикетку и заносят в каталог наш будущий хит продаж.

Когда я зашла в кабинет, чтобы порадовать, что брака не будет, я увидела стоящего на коленях Проектора. Так вот как у нас вызывают на ковер к начальству? Сразу на колени? Перепуганный паренек резко обернулся и съезжился. Над ним возвышался Эврд, глядя очень нехорошим взглядом.

— Цвето-о-очек, — обратились ко мне. — Прогуля-я-ййся немножко. Мы тут поговори-и-им... Я пожалала плечами и только собиралась закрыть дверь, как услышала задыхающийся голос:

— Не убивайте меня... — шептал Проектор. — Я прошу вас... Там был мой однокурсник... Я просто... Пожалуйста...

Убивать? Я бросилась обратно, глядя на то, как Эврд прячет заклинание за спину и ядовито улыбается мне.

— Выход за дверь не счита-а-ается прогулкой, Цвето-о-очек... — тонко и сладко намекнули мне, что гуляла я слишком мало.

— Ты что? — мои глаза округлились. — Хочешь его убить? Ты с ума сошел! Не позволю!

— Цветочек. Я сказал. Тебе. Прогуляться, — ледяным голосом ответил Эврд, а с его лица моментально стерлась улыбка. Шутки кончились. — Я неясно выразился?

— Эврд, — сглотнула я, глядя на то, как дрожит побледневший Проектор. — Я прошу тебя... Пожалуйста... Не причиняй ему зла! А? Ну струсил, ну и что с того?

— Я же говорил тебе, что я нищий неудачник! — скривился парень. — А ты мне не верила! Я говорил, что ничего хорошего не получится!

— Зна-а-аешь, когда-то у меня не было даже кры-ы-ыши над голово-о-ой, но я никогда-а-а не счита-а-ал себя неудачником. Я знал, что все в моих руках! Никто не придет и не принесет мне на блюдечке. Ла-а-адно, отложим наш разговор. Пусть пока сидит под стражей! — холодным голосом произнес Эврд, отдавая приказ телохранителям, которые уже брали под руки неудачника, обвинявшего в своих неудачах всех, кроме себя самого.

Гениальный директор медленно подошел ко мне и тихо-тихо произнес:

— Не советую лезть в мои дела. Ты меня поняла? — на меня смотрели зеленые глаза, но тут же на лице появилась улыбка. — Ма-а-аленький, наи-и-ивный Цвето-о-очек.

— Пообещай мне, что не убьешь его, — прошептала я, поглядывая, как телохранители утаскивают бедолагу из комнаты.

— Краси-и-ивое пла-а-атье, — на меня смотрели бесстыжие и лицемерные глаза. — Тебе иде-е-ет. А ра-а-аз платье тебе иде-е-ет, значит, Цветочек иде-е-ет рабо-о-отать... Я нашел тебе новый прое-е-ектор. Познакомься... Самый лучший маг из всех, кого я зна-а-аю...

В дверях уже стояла мрачная и зловещая фигура в черном капюшоне, которой можно пугать ворон и особо впечатлительных личностей типа меня.

— За него я могу поручи-и-иться, — лениво бросил Эврд, глядя, как я с ужасом смотрю на огромную фигуру в капюшоне, которая нависла надо мной, как смерть. — Это са-а-амый лучший ма-а-аг. Он тебя в обиду не да-а-аст. Только вот он неразговорчи-и-ив, но зато все понима-а-ает...

— Ну что-о-о? Готовы-ы-ы? Иди-и-ите, проклина-а-айте. Посмо-о-отрим, что из этого полу-у-учится! А я порабо-о-отаю... — помахали нам рукой, на которой сверкнул изумрудом дорогой перстень.

— Знаешь, ты иногда меня напрягаешь! — фыркнула я гениальному директору, глядя на огромную сумку, которую держал на плечах мой мрачный спутник.

— Если я тебя напряга-а-аю, то это зна-а-ачит, что ты расслабилась, — заметил Эврд, пересматривая какие-то бумаги на столе. — Так что не расслабля-я-яйся, Цвето-о-очек... Пла-а-атье береги. Буду ругать за ка-а-аждое пятно... За каждую-у-ую ды-ы-ырку... Ты меня поняла?

— Жа-а-адность? — скривилась я, сразу разочаровываясь в подарке и дарителе.

— Это означа-а-ает «береги себя». Ну да ла-а-адно. Я уже оби-и-иделся! — слышалось напутствие перед моим путешествием.

* * *

В незнакомой деревушке, которую мы выбрали для «проклятия», было немногочисленно. Жизнь текла своим чередом, а мы с магом заняли выжидательную позицию в кустах.

— Слушай, — прошептала я, с опаской глядя на молчаливого спутника и шурша ветками. — Ты сможешь создать что-нибудь страшное? Такое, чтобы действительно было жутко! Как бы проклятие... Чтобы все поверили?

Маг тяжело вздохнул.

— Нет, ну если не можешь, то так и скажи. Мы что-нибудь обязательно придумаем, — прошептала я, стараясь не испачкать платье. — Просто нужно, чтобы проклятие выглядело правдоподобно! Иначе Эвхард нам головы открутит...

Маг простонал и вздохнул так тяжело, словно только что схоронил всю свою родню.

Один взмах руки, и небо почернело так, как чернеет в голливудских фильмах перед криками «спасайся кто может!». Над деревенькой грянул гром такой силы, что я сама чуть не вжалась в землю. Небо расчертили молнии, а потом раздался страшный голос из ниоткуда, напоминающий гнев всех богов одновременно..

— С этого момента вы прокляты проклятием Тьмы...

— А злое смех? — прошептала я, чувствуя, как у меня самой бегут мурашки по коже от таких спецэффектов.

— Ха! Ха! Ха! — раздалось троекратное в небе. Зловещему смеху эхом вторили раскаты грома. Впечатляет!

— Ничего себе, — прошептала я, глядя на новый Проектор с уважением. — Да ты просто...

Нет, ну с такими талантами, я не могу понять, что ты тут делаешь! Честно!

Мрачный маг пожал плечами, мол, засосала опасная трясина... Понятно все с ним.

— Все, теперь ждем, смотрим за паникой, а потом... вуаля! Мы спасаем мир! Так, а ты сумеешь убрать эту бабочку? А? — с азартом поинтересовалась я, отмахиваясь от назойливого зеленого огонька. — Надоела! Вечно мельтешит и мельтешит! Только осторожней! Она умеет кусаться!

— Угу, — заметил мой молчаливый спутник. Одно движение руки, и хозяйская бабочка исчезла.

— Как камень с души упал! А то перед тем, как сходить в туалет, я ее полчаса от себя отгоняю! Совсем с ума сошел! Не жизнь у меня, а «я все про тебя знаю». Согласись, это не дело! А еще эта манера разговора... Бесит, честное слово! Хотя нет, прикольно. Гад, но обаятельный, — вздыхала я, понимая, что мне срочно нужно кому-то пожаловаться. Но тут я спохватилась, вспоминая об атмосфере «стукачества», царившей в любом тоталитарном коллективе. — Ты же ему ничего не расскажешь? Это будет нашей тайной?

— Угу, — снова пробурчала моя неразговорчивая жилетка.

— Точно-точно? — я сощурила глаза, понимая, что на душе столько накипело, что ни один растворитель, даже с высоким содержанием спирта, не справится с такой накипью.

— Угу, — снова вздохнул мой спутник. А я мысленно порадовалась, что наконец-то нашла свободные уши.

— Ты немой? — участливо поинтересовалась я, со всей жалостью и нежностью к обделенному судьбой человека.

— Угу, — горестно подтвердил бедный Проектор.

— Понятно, — обрадовалась я, понимая, что он точно никому ничего не расскажет.

Пока в деревеньке царил ужас и крики «за что?», мы выжидали удобный момент.

— Я вот смотрю на него и думаю, — философски заметила я, глядя на панику, которая нарастала с каждой секундой. Люди выскакивали из домов, метались и орали. — Он лицемер. Причем такой, каких надо еще поискать. И жадина! Платье не испа-а-ачкай! Ничего себе заявления! И не продыря-я-явь! Жалко ему платье стало! Жмот, ей-богу! Царь, великий князь жаловал мне с барского плеча наряд! Все! В музей отдам, молиться на него буду! На платье! Паника достигла своего апогея, поэтому я осторожно, чтобы не зацепиться ни за какую ветку, встала, взяла сумку и пошла в сторону криков: «Что делать теперь? Как жить? Мы все прокляты!»

— Не может быть! — громко заявила я, оглядываясь по сторонам. — Деревня проклята! Как же так! И вас тоже прокляли?

— Да! — хором заорали несчастные, тут же обращая на меня внимание.

— Тьма проснулась! Древнее зло экономического кризиса подняло голову! — вещала я, понимая, что «экономический кризис» звучит для местных ушей так, словно я пытаюсь вызвать демона из ада, дабы усугубить и без того грустное положение аборигенов.

— Можно от него как-то спастись? — взмолились люди, оглядываясь по сторонам.

— Хм... Проклятие нищеты! Все с вами понятно! Я знаю, как попробовать с ним справиться! — улыбулась я, глядя на селян с нескрываемым превосходством обладательницы самого классного норкового полушубка на всей остановке. — Я хотела предложить вам уникальные зелья, но вижу, вы в большой беде!

Я взяла театральную паузу, глядя на всех с ехидством самой доброй феи на свете, готовой нафаячить так, что мало не покажется.

— У вас больше никогда не будет денег, если проклятие не снять, — прошептала я, покачив головой.

На меня смотрели такими взглядами, словно я попала на анонимное сборище бывших олигархов, вспоминающих лучшие дни своей жизни.

— Но я знаю, как вам помочь! — прошептала я, оглядываясь по сторонам. — Вот! Это заколдованные флаконы. Смотрите, здесь все нарисовано!

— Их нужно выпить? — спросил облезлый мужик, дыша на меня перегаром.

— Нет! — возразила я, начиная свой ликбез по продукции. Через минуту моя сумка наполовину опустела. Пока все пробовали новую продукцию, нюхали и рассматривали, какая-то лохматая предприимчивость неопределенного пола умудрился сбегать в соседнее село и привести вереницу друзей, которые тут же раскупили все, что осталось. Лохматая предприимчивость внимательно пересчитывал деньги, радуясь, что ему удалось не просто снять проклятие, но и заработать! Все с завистью смотрели на первую зарплату, а потом бросились в соседнюю деревню.

— Если вы хотите заработать, то приходите в черный замок на окраине леса и приводите друзей, — заметила я, понимая, что наконец-то сумела сдвинуть дело с мертвой точки. — Помните, что пока все пользуются нашими зельями, никакое проклятие нищеты им не страшно! Я помахала рукой, пока женщины наперебой разглядывали место, где было выведенное мной в рамках презентации пятно на старой мужской рубашке. Судя по разговорам, это пятно — мой ровесник, и вывести его водой ни у кого не получалось, а тут — чудеса, да и только! Дойдя до ближайших кустов, я триумфально вскинула голову.

— Кто молодец? — спросила я, позвякивая монетами в сумке и улыбаясь своей победе. — Я — молодец! Слушай, давай немного пройдемся пешочком... Я так понимаю, что тут недалеко... Просто мне неохота выслушивать это сладенькое мяуканье... Опять найдет к чему придаться! Безмо-о-озгляя, нужно было по-друго-о-ому... А я говори-и-ил! И дальше в том же духе! Мы шли, а я чувствовала, что в немом Проекторе нашла не только дружеское участие, но и поддержку. Он не просто угукал, но еще и кивал, соглашался, утешал, ободряюще похлопывая меня по спине.

— Нет, ну реально козлина! — самозабвенно ругалась я, стараясь не цеплять колючки новым платьем. — Представляешь, он канделябром в людей кидает! А если насмерть? Пусть только попробует бросить им в меня! Я сразу же ответку ему брошу! Нет, ну бывают же сволочи, но не до такой же степени! Гад он, вот кто он! Просто гад! Ты согласен?

Меня похлопали по спине, а я горестно вздохнула, пожав протянутую в знак солидарности руку.

— Мерзавец и подлец! Я просто не понимаю, когда он настоящий, а когда прикидывается! А еще эти иллюзии! — тяжело вздохнула я, глядя на ясное небо и слушая пение птиц. — Мне вообще в замок возвращаться не хочется. Как представляю, что начнется: «Цвето-о-очек... У тебя мозго-о-ов нет!» Аж зло берет!

Меня снова одобрительно похлопали по плечу, а я поджала губы и покивала, тяжело вздыхая.

— Ну хоть ты меня понимаешь, — улыбулась я, преисполненная благодарности. — Жаль, что ты не умеешь разговаривать. Рассказал бы что-нибудь интересное...

— Да-а-а, — раздался голос из-под капюшона. — Жа-а-аль..

Я прикинула, успею ли отбежать на расстояние, которое посмертно будет считаться попыткой к бегству, или зря мой учитель физкультуры поставил мне четверку по бегу. Судя по тому, что капюшон был снят и под ним была замечена фирменная ухмылочка, нет. Не успею.

— Иди ты! — в сердцах воскликнула я, понимая, что приятного мало, особенно после бурного откровения.

— Цвето-о-очек, у тебя мозго-о-ов нет! — заявил принц гадский, улыбаясь мне улыбкой Чеширского Кота. — Зло-о-о слишком уста-а-ало и никуда не поиде-е-ет.

Чем же я так провинилась перед судьбой? Где же меня так угораздило! Я, между прочим, даже котят кормила! Иногда! Маленькие, неблагодарные комочки шерсти!

— Де-е-етка, — послышался тяжелый вздох, а ко мне потянулась рука. — Я неме-е-едленно начну писа-а-ать жалобы приро-о-оде, как там ее по ма-а-атушке, потому что с тобо-о-ой, Цвето-о-очек, я в разведку не поше-е-ел бы...

— Я бы с тобой, между прочим, тоже! — фыркнула я, хмуро глядя на Эврарда. — Теперь я поняла, почему в замке такие большие двери! Потому что в стандартные не пролазит чужое самомнение!

— Не-е-ет, у меня досто-о-оинство не влеза-а-ает, о кото-о-ором ты говори-и-ила, — язвительно вздохнул принц гадский, рассмеявшись. — Самомнение как раз помеща-а-ается... Смотрю я и ду-у-умаю... Нижние полуша-а-ария у Цветочка-а-а есть. Средние полуша-а-ария есть. А где верхние? Где они? Это что за открове-е-ения? Здесь не-е-ет друзей, Цвето-о-очек. И никогда не бу-у-удет.

Я, конечно, читала умные книжки о том, как правильно заводить друзей. А теперь у меня есть странное предчувствие, что скоро стану автором бестселлера, как вывести друзей из себя!

— С чего ты решил, что у меня не будет друзей? — усмехнулась я, вспоминая количество подписчиков и друзей в соцсетях. Да моей коммуникабельности может позавидовать самый дружелюбный человек на свете!

— Есть пра-а-авило двух «д». Или де-е-еньги, или друзья-я-я, — заметил Эврард. — Выбира-а-ай, пока-а-а есть возмо-о-ожность... Я бы посове-е-етовал выбрать де-е-еньги. Суди сама. Они смогут тебя защитить лучше, чем телохрани-и-ители...

— Ага, как только у меня в кармане будет звенеть, так сразу буду чувствовать себя в безопасности! — перебила я, вспоминая романтиков с большой дороги, которые явно так не считали, пересчитывая при этом чужие деньги.

— Я приду-у-умал для тебя-я-я наказание, — заметил принц гадский, беря меня за руку. — Су-у-удя по тому, что я услы-ы-ышал, са-а-амым стра-а-ашным наказанием для тебя будет... Мы очутились в кабинете.

— Иди в уго-о-ол, бессовестная детка. Посто-о-ой там, пока я порабо-о-отаю, — мне показали на угол, который гостеприимно распахнул две стены.

— Я что? Маленький ребенок? — возмутилась я, вспоминая, как родители ставили меня в угол. — Знаешь, сколько мне лет?

— Мне все-е-е равно, — невидимая сила толкнула меня в спину, и знакомство с углом состоялось. — Только ма-а-аленькие де-е-евочки открове-е-енничают с людьми, которых не зна-а-ают... Так что, бессовестная де-е-етка, дума-а-ай над тем, что и кому говори-и-ишь...

Я попыталась повернуться, но невидимая сила снова развернула мою голову в сторону угла.

— Я тебя ненавижу! — процедила я, упершись взглядом в стену. — Ты сволочь!

— Да-а-а, де-е-етка, — послышалось за моей спиной шуршание бумаг. — Я сво-о-олочь, зато че-е-естная...

Мои кулаки сжимались от негодования. Я сердито сопела, от скуки рассматривая красивые вензеля на обоях. Мой взгляд отслеживал каждый завиток, пытаюсь найти хоть какую-нибудь закономерность. Мне почти тридцатник, а меня поставили в угол, как маленькую девочку! Как пятилетнего ребенка! Отлично! Дожили! Детский сад, вторая четверть, третий горшок слева.

— Я хочу домой! Я сделала все, что в моих силах, и честно отработала приличную зарплату! — твердо произнесла я, вспоминая звук закипающего чайника, мерцание старого монитора, вечный бубнеж из комнаты, утверждающий, что это только политические цветочки... Скоро созреют политические ягоды.

Раздался шелест бумаг, скрип дивана и шаги. Рядом с ухом послышался голос:

— А как же догово-о-ор? На три ме-е-есяца?

— Я разрываю его в одностороннем порядке! Я имею на это право! — гордо ответила я, уставившись взглядом на козла из завитушек.

— Иди сюда-а-а, Цвето-о-очек, — меня обняли, несмотря на то, что я пыталась скинуть его руки, и развернули в сторону зеркала. — Во-о-от твой до-о-ом...

В зеркале, в которое я смотрелась еще утром, появились зеленый туман и очертания знакомой планировки. Я вижу даже старый рисунок на обоях. Прихожая... Мои тапки, ключи мужа на тумбочке поверх каких-то бумаг. Картина двигалась в сторону комнаты, где на диване сидел

мой гражданский супруг. На полу стояли три бутылки пива, рядом валялся мобильный телефон, а в комнате слышался знакомый голос:

— Отвечаем на вопросы зрителей. Сергей из Караганды спрашивает, когда наконец-то зарплату повысят? Ну что вам сказать? Правительство делает все возможное, но среди них много предателей. Вселенское зло, которое руководит экономическими процессами, всячески не желает поднятия зарплат. Чиновники подкуплены, но не все... Вы только посмотрите на нестабильность курса валют! Блокировка «Милиграма» — это только начало! Нам нужно собрать мужество в кулак и бороться! Встать на защиту страны!

Мой супруг, задумчиво почесал молодую щетинистую поросль, откинулся на спинку и сделал глоток из бутылки.

— Нет, ну это да... — согласился он, почесывая «мужество». Проверяя, так сказать, оружие борьбы. Готово ли оно бороться с инфляцией или нет? Встанет ли оно на защиту или как?

— Вы должны положить все свое мужество ради спасения нашей экономики! — после театральной паузы вздохнул политолог. Было у меня чувство, что раньше этот тип интеллигентной наружности с таким же драматизмом играл третью елочку слева в постановке Шекспира.

Что-что, а положить мы умеем! Вдруг пора действовать «решительно и незамедлительно», а мужество не готово лечь на большинство проблем!

На столике валялись пакеты из-под чипсов, была рассыпана шелуха от семечек, стояла пустая банка из-под аджики.

— Дальше будет только хуже! — глаза Виктора Евгеньевича округлились, так что сдрейфил даже Нострадамус. — Следующий вопрос. Петр из Уфы интересуется блокировкой «Милиграма». Правительство делает все, что в его силах, но вселенское зло хочет революций и хаоса! Вы посмотрите на уровень инфляции!

Внезапно у мужа зазвонил телефон. Я не могла оторвать взгляда от знакомой картинки.

— Да... Нет, я не расклеился! Объявления? А! Расклеил... Поспрашивал! Да... Заявление написал о том, что пропала... Да... — вздыхал муж, не сводя глаз с экрана. — Держусь... А что мне еще делать? У нее телефон отключен...

Я отчетливо слышала знакомый голос, видела пузырящиеся спортивные, трехдневную щетину.

— Вы тоже не переживайте так... Я в группе написал, что пропала... — отчитывался супруг, судя по голосу и взгляду, моей маме. — Ну сказали, что будут искать... Да я не знаю, какого она поперлась ночью! Я ей говорил, сиди дома! Нет, поперлась! Да я откуда знаю, что в голове творится у вашей Лизы? Психанула, поперлась на ночь глядя... Не ругались! С чего вы взяли? Нормально у нас все было! Я Лизу очень люблю... Забочусь о ней... Она для меня — все... Честно, у меня даже губы дрогнули в этот момент, когда я услышала признание, которого не слышала уже много лет. Я для него — все! Губы задрожали сильнее... Я готова была броситься обратно, чтобы... чтобы... Я даже не знаю, ради чего, но мне сейчас хочется быть там! Там, а не здесь! В голове мелькали воспоминания о том, как мы гуляли в парке, ели мороженое, как ездили на шашлыки, как фотографировались на природе... Воспоминания застряли в горле горячим комом. Счастливые времена, словно фотографии, мелькали перед глазами, вызывая странную сдавленную улыбку умиления.

И ничего, что у нас с ним любовь по расписанию Виктора Евгеньевича. И ничего, что в последнее время мы не спим вместе, поскольку ему лень помыться лишний раз. Но ведь были же шашлыки, когда меня носили на руках, хвастались мной, гордились, любили, кормили с ложечки. Но ведь была же моя рука в его руке, чувствовала я его губы на своей щеке, терся он об меня щетиной, смеясь над моими шутками... Это же все было... С ним. И сейчас он говорит, что любит...

Трубка легла на стол, Виктор Евгеньевич отвечал на вопрос о международной политике.

Супруг, не отрывая взгляда от монитора, поперся на кухню, зевая и потягиваясь... На кухне стояли мой ноутбук, кружка...

— Как тебя лю-ю-юбят... Убива-а-ается, бедненький... — сладенько протянул мне на ухо Эвхард, обнимая. — Никогда не виде-е-ел, чтобы челове-е-ек так убива-а-ался!

«Убитый» муж распахнул холодильник так, словно рассчитывал на эффект внезапности. Мало ли? Вдруг там есть деликатесы? Просто, когда он распахивает дверь, лобстеры, омары, кальмары, фуа-гра, ананасы, устрицы резко прячутся... Даже снежный краб успевает уползти! Вместо них остаются суп, макароны и кетчуп. «Прикройте нас», — шепчут деликатесы.

Прикрывает в основном только мужественный майонез, потому что содержит яйца! Он — первое, что попадает под руку, когда открывается дверь! Берет удар на себя!

Судя по расстроенному лицу супруга, он опять не успел. Фуа-гра в пакетике успело шустро спрятаться, чем повергло моего мужа в состояние нестояния за родную экономику.

В раковине возвышалась гора грязной посуды в ожидании моего пришествия. Мусор на столе тоже приманивал меня домой. Разбросанные по комнате вещи тоже ждали, пока я не соберу их и не брошу в стирку...

— Ты посмотри-и-и, де-е-етка, как тебя жду-у-ут... — услышала я, глядя на помойку на столе. Грязные кружки собрались в отряд, который почти дошел до ручки. Ручки шкафа.

— Жду-у-ут кастрюльки и ведро-о-о, — мурлыкали мне на ухо знакомую мелодию колыбельной, обнимая и убаюкивая меня. — Кру-у-ужки жду-у-ут и ве-е-еник...

— Заткнись, — процедила я, пытаюсь снова приманить те самые сладкие воспоминания о конфетно-букетном периоде, который незаметно перерос в котлетно-буфетный.

— Жде-е-ет тебя твой дорогой, занимая де-е-енег, — вкрадчиво закончил Эвард, обнимая еще крепче.

— Погоди, — я насторожилась. — Откуда ты знаешь мелодию этой колыбельной? Меня обняли еще крепче, тихо смеясь на ухо, а потом, когда мой муж направился в туалет, шелкая пожелтевшим сломанным выключателем, послышалось тихое и нежное:

— Ведь та-а-ак не бывает на свете, чтоб све-е-ет не горел в туале-е-ете! — пропел жалобно песенку Мамонтенка ядовитый голос. — Я просто наблюдаю за вашим ми-и-и-ром. Иногда-а-а. Вот такой пердюмонокль.

Я стояла, чувствуя себя потерянной. Да, я действительно потерялась. И никто не хочет меня искать... Не знаю почему, но по щекам текли слезы.

— Зна-а-аешь, как говорят про де-е-еньги, — послышался шепот в моих волосах. — Кто-то теря-я-яет, а кто-то нахо-о-одит. Иногда-а-а это каса-а-ается не только де-е-енег. Осталось спросить, кто-нибудь терял неприятности? Кажется, я их нашла. Могу вернуть за вознаграждение.

Глава 10 Доктор кито?

Мы идем к цели, только очень медленно.
Со стороны кажется, что мы лежим на диване, но это далеко не так...

Лучшим лекарством от обычной депрессии для меня всегда была работа. Она всегда могла дать мне повод для еще большей депрессии, при виде которой любая другая депрессия начинала казаться легкой хандрой слабонервного ипохондрика.

Сначала наши клиенты больше напоминали сборище унылых бомжей, которые мялись, осматриваясь по сторонам, и протягивали кровно заработанные, прикидывая, что параллельно можно вынести, кроме мозга.

Потом, смотрю, приоделись, стали держаться посolidней. По крайней мере, часть подсвечников удавалось сохранить до конца аудиенции. Обозы с продукцией ползли в разные города, налаженный конвейер работал, структура росла, как на дрожжах.

Некромант явно намекал на то, что с трупами его связывают не только платонические, но и интимные отношения, ибо он умел задолбать даже мертвого, чтобы тот поднялся и попытался сбежать от не в меру занудного мага. Благодаря его ошибкам наш каталог пополнялся все новой продукцией, качество которой оставалось на совести производителя.

— У меня жалоба! — орал мужик с зелеными руками, протягивая к нам свои дрожащие конечности нестандартного цвета.

В такие моменты я шла отрывать от дела злую, уставшую и мрачную совесть, которая сумрачно следовала за мной, дабы воочию убедиться в последствиях.

— Сделайте же что-нибудь! — орал потерпевший от косметического произвола, в надежде протягивая свои дрожащие руки цвета крокодила.

— Могу отрезать, — мрачно заявил некромант, с интересом рассматривая побочный эффект. — Изучу внимательно, а потом скажу, что это!

— Так нельзя! Мы — клиентоориентированный бизнес! — возмутилась я, глядя на зеленые руки, пока заунывная средневековая баллада про зеленые рукава шарманкой вращалась в моей голове. — Не волнуйтесь. Мы компенсируем вам все! Вы, главное, не переживайте! Вот! Пять золотых!

Зеленые руки пересчитали деньги, благодаря меня от всего сердца.

— Учитесь, господа! — ответила я, гордо вскидывая голову и глядя на свою структуру, больше смахивающую на банду. — Мы должны быть предельно внимательными к претензиям по качеству. У нас молодая фирма, поэтому мы не должны рисковать репутацией. Люди должны чувствовать доверие, они должны быть уверены в качестве нашей продукции. Между прочим, так делают все крупные компании, которые работают на репутацию!

На меня смотрели как на умалишенную, пожимая плечами.

— Все известные бренды так делают! — авторитетно поясняла я, пока некромант крутил пальцем у виска. — Сначала ты работаешь на бренд, а потом бренд работает на тебя.

Мысль о том, что основная часть денег платится за этикетку, огорчала некроманта и радовала художника. Работы было много, времени мало, а я мечтала открыть портал на Венеру, где в сутках пять тысяч восемьсот тридцать два часа.

— Эврард! — заглянула я в кабинет мимоходом. — У нас тут...

— Пошла-а-а во-о-он! — раздалось из-за стола. — Да-а-авно в тебя кни-и-иги не лета-а-али?

— Да какая муха тебя укусила? — возмутилась я, переступая порог. — У нас есть жалобы на продукцию!

— Я сказа-а-ал, — на меня смотрели ядовитые глаза, выглядывая из-за огромных бумажных стопок. — Во-о-он отсю-ю-юда!

— Я что-то не поняла! Я что, по личному вопросу пришла? Или мне теперь у тебя просить аудиенции? — вознегодовала я, глядя на книгу в его руке. — Я, между прочим, хотела погово... Рядом со мной пролетела книга, ударившись о стену.

— Попал? — спросил Эврард, поднимая глаза. — Не попал. Хорошо, что не попал.

— Хватит! Ты поговорить можешь нормально? — я подняла книгу и швырнула обратно. — Попала? Нет? А я целилась! У нас есть проблема, ее нужно решать!

Эврард молча встал, взял меня за шкуру, как котенка, и выставил за дверь.

— Чей коте-е-енок нага-а-адил? — спросил он, осматриваясь по сторонам, а потом резко закрывая дверь.

Ах так! Это так мы решаем деловые вопросы? Отлично! Котенок, значит! Ага, вон кашка, иди макнись! Мяу!

Весь день я ходила и воняла на всех своим пропавшим настроением. Пусть только попробует ко мне подойти со своим: «Цвето-о-очек!» Я ему припомню! Охрана стоически молчала, глядя на то, как я прохожу мимо закрытого кабинета, бросая презрительный взгляд на красивую дверь.

С горя я решила провести презентацию результата очередной бессонной ночи некроманта, пополнив наш каталог новыми товарами. Эврард равнодушно молчал, глядя на все мои старания. Пока люди листали наши книжечки, моя структура читала по слогам названия, пополняя свой словарный запас новыми словами. В нашем каталоге наконец-то появился гель для умывания рук «Понтий Пилатес», крем для сверкающих пяток «Храбрый Потняжка», гель для бритья «Синяя Борода» и много-много других очень полезных в хозяйстве вещей.

— Как видите, — бодро рассказывала я, показывая в руке флаконы. — У нас новая линейка средств по уходу за собой.

Судя по тому, что кто-то на галерке уже валялся пьяным в окружении пустых пузырьков, линейка по уходу за собой и по уходу от себя — это одно и то же. Я утешала себя мыслью, что нашу продукцию наконец-то распробовали.

— А это новый гель для душа, не имеющий аналогов... — продолжала я, показывая увесистую бутылку всем пока еще присутствующим и уже отсутствующим.

В разгар демонстрации в наш зал заседаний вломилась вереница орущих людей.

— Не берите этот яд! — орал какой-то одноногий мужик, уверяя, что еще буквально вчера он прыгал, ножками дрыгал, а потом решил попробовать нашу продукцию, обеспечившую ему пожизненные льготы. Что именно он в себя втер, пояснить страдалец не мог, но его слепой друг оказался куда более шарящим, уверяя, что последнее, что он видел в своей жизни, — этикетка

от нашей продукции. Женщина с лицом, покрытым коростой, клялась всем местным пантеоном, что воспользовалась нашей маской для лица для проблемной кожи. Когорта орала и причитала, пока все присутствующие внимали, приглядывались к увечьям и опасно поглядывая на каталоги и пузырьки, пытаясь выявить стойкую причинно-следственную взаимосвязь.

— Вы только посмотрите, что с нами сделали! — выл отдел подопытных кроликов. — Не покупайте здесь ничего!

Кто-то из присутствующих решил встать, поглядывая на дверь. Я тоже искала выход из сложившейся ситуации в меру своих голосовых связок и находчивости, пытаясь убедить всех, что от нашей продукции еще никто не умирал и даже не рождался.

Пока юридические цеплялись ко всем, пытаясь убедить новоявленную структуру в том, что именно мы, а не государство, должны платить им льготные, я услышала смех позади себя.

— Две-е-ерь закрыть, — послышался знакомый голос.

Часть охраны бросилась к двери, закрывая пути к отступлению армии наглых льготников, а по губам Эврарда поползла улыбка, которую я почему-то жадно ловила глазами. Прошло две недели, а меня ни разу не назвали Цвето-о-очком, бабочка, которую я отгоняла полчаса перед тем, как раздеваться, больше не появлялась. Казалось бы, радуйся, но нет... По границе души хмуρο ходили странные тучки, омрачающие каждую мою победу чужим равнодушием.

— А тепе-е-ерь, — Эврард встал с кресла, глядя на одноногого. — Пока-а-азывай, что ты в себя втира-а-ал... Конкре-е-етней...

Пострадавший ткнул пальцем в стоящий на столе флакон с духами, которые мы только-только решили презентовать широкой публике.

— Сейчас прове-е-ерим... — коварно потер руки Эврард. — Пры-ы-ыщик на по-о-опе — это не оправда-а-ание. А вот когда по-о-опа размером с прыщик — это беда-а-а...

Он скользнул по мне взглядом, а потом добавил:

— Особенно у де-е-евушки...

Гонора у одноногого как-то поубавилось. Он даже перестал воинственно размахивать деревянным костылем.

— Не пережива-а-ай, если что отва-а-алится, мы попробу-у-уем пришить обра-а-атно... — гаденько заметил наш гениальный директор. — Ниточки-и-и выберешь са-а-ам... Так и быть.

— Да не стану я рисковать последней ногой! — заорал одноногий, пытаясь упрыгать к закрытой двери, где уже столпились остальные страдальцы. — Нашли дурака! Люди, не слушайте их! Они вас обманывают! Вы продаете яд!

— Держи-и-ите его, — приказал Эврард, гаденько улыбаясь. — Сейча-а-ас ма-а-азать будем...

Набери-и-ите воздуха в гру-у-удь. Сейча-а-ас мы будем дуть на ва-а-авочку...

Охрана схватила безногого, который скривился и заныл так, что у любого оборвалось бы сердце.

— Нама-а-азать! Сейчас посмо-о-отрим! — Эврард отвернулся, заложив руки за спину и не стирая улыбки с лица.

Охрана тут же выполнила приказ, повторив фокус на здоровой ноге. По залу стал распространяться запах лаванды и тыквы. Убойный аромат, хочу вам сказать...

— Отвалила-а-ась? — поинтересовался Эврард, пока все слушали визгливые крики мнимой боли. — Подожде-е-ем...

Десять минут наш страдалец ползал, извиваясь так, словно в него пытаются вселиться все демоны ада. Он скулил, ныл, изображая мучительные судороги, но нога как-то не спешила отпадать.

— Остальных то-о-оже нама-а-азать... — улыбнулся Эврард, даже не поворачиваясь в сторону орущих. — Перед тем как заду-у-ушить... Духа-а-ами... Потому что воня-я-яют конкуре-е-ентами...

Что тут началось! Визги, вопли, протесты!

— Ра-а-аз... Два-а-а... Три-и-и... — отсчитывал принц гадский, в то время как наша презентация из салона красоты превратилась в избу-голосильню.

Через минут десять Эврард повернулся. Конечности были на месте... Под взглядом ядовитых глаз скулеж моментально прекратился.

— Ну... Мы пойдем? — спросил одноногий, понимая, что сейчас с Эврардом шутки плохи. Я знаю этот взгляд, способный сбить не только спесь и муху на подлете, но даже самолет. Дверь открыли, выпроваживая незваных гостей.

— Продолжай, — бросил Эвхард, проходя мимо меня. Я смотрела на то, как он двигается к выходу в сопровождении охраны.

— Эвхард... — икнула я, но меня тут же оттеснили телохранители. Я что-то не поняла! А как же «Цвето-о-очек»? Охрана не давала мне пройти, а я видела спину Эвхарда, который удалялся с нашей презентации.

— Я что-то не поняла! — возмутилась я, глядя, как надо мной возвышаются трое охранников, перегородив мне путь.

— Тебе запретили к нему приближаться! — хмуро заметил крайний. — Не велено...

— Это еще почему же? — моему удивлению не было предела.

— Тебе запретили к нему подходить. Хозяин запретил тебе к нему подходить сейчас, — повторил охранник. Дверь захлопнулась, а я осталась стоять посреди импровизированной трибуны.

Я обтекала, чувствуя, как внутри собирается грозовой фронт. Настроение падало, как самолет, попавший в зону турбулентности. Не могу понять! Вроде бы и не ругались... Странно как-то... До этого «Цвето-о-очек», а сейчас «пошла вон!». И результаты у нас вполне неплохие! Люди прибывают с каждым днем. Скоро будем делать филиалы в регионах. Меня кто-то дергал за рукав. Передо мной стоял мужик, вертя в руках флакон. Лицо у него было знакомое.

Примелькавшееся.

— Вы уже пробовали нашу продукцию? — на автомате спросила я, понимая, что нужно уделить человеку время. — Ну как? Вам понравилось?

— Вкусно... Особенно утотот! — мечтательно вздохнул мужик. — Плохо, что мало... И дорогой, зараза!

Когда все разошлись, я, вооружившись канделябром, решила осторожно и незаметно выяснить причину недовольства руководства.

— Давайте будем взаимовежливыми, — ласково произнесла я, глядя на охранников. — А ну быстро отвечайте, что здесь происходит?!

Охрана молчала, зато влез одноглазый.

— Пятые сутки пошли! — заметил он, нюхая какой-то флакон с составом, которому позавидует любая сборная. Первый финансовый успех уже чувствовался по запаху, ибо попытки одноглазого полить себя духами были расценены мной, как шаг навстречу людям. Эдакая попытка пойти на компромисс с рецепторами потенциальных клиентов. Авторы книг «Как найти подход к людям» наверняка призадумались бы и написали еще одну главу.

— Куда пошли? — удивилась я, прикидывая, что к чему. — Пятые сутки чего?

— Не спал пять суток, — заметил Мясник, натираясь кремом до блеска. — И не ел трое.

— Че, пора уже прятаться? — загибая пальцы, опасливо поинтересовался Топор. — Раз...

Два... Три... Что там дальше? Четыре? Вспомнил! Четыре!

— То есть он пять суток не спал и трое не ел? — удивилась я, поглядывая на притихший коллектив. — И поэтому он такой злой?

— Он не злой. Он еще добрый. Вот когда пойдут девятые сутки, вот тогда... — и все побледнели.

— Слушай, Цветочек, — на меня посмотрели одиннадцать глаз. — А не могла бы ты поговорить с ним?

— А что, у отряда самоубийц сдали нервы? — осведомилась я, поглядывая на свою структуру, которую за спиной называют подлизями.

— Нас раньше больше было, — как бы невзначай заметил Рыло, потирая тот самый именной орган с уродливым шрамом. Все погрустнели. Не хватало, чтобы мы тут мемориал открыли «Жертвам плохого настроения». Пасть смертью трусливых, пытаюсь увернуться от летящего канделябра, было главной целью моей короткой и яркой жизни. Но у меня уже скопилось столько вопросов, которые требовали безотлагательного начальственного мнения, что выбора не было. Тем более что остальные уверяли, что максимум, что мне грозит, — производственная травма седалища.

А ведь работы действительно много! Нужно делать ребрендинг, нужно полностью менять имидж, ибо наши полуголые подлизы вместо шороха и макияжа наводят страх и ужас. Глядя на мужика два на два сразу становится понятно, что он главный визажист. Чуть не забыла! Срочно заказать рекламные щиты! Я прямо вижу десяток принцев, которые скачут в разные концы,

предлагая нашу продукцию. Эдакие пресветлые рыцари с розовыми оргазмами, на щитах которых красуется наша реклама! Просто сказочные перспективы!

Дел накопилось столько, что я готова была ловить вампира, угрожать ему чесноком и осиновым колом, чтобы он меня укусил и обратил в себе подобного. Это давало мне шанс ко второму столетию решить хотя бы половину проблем. Списки задач, которые я писала, лежали у меня на столике. Совесть тихонько подползла и протянула мне заявление на отгул. Рядом с ней жались инстинкт самосохранения, оптимизм и планы на будущее. «Что? Все сразу?» — усмехнулась я, подписывая заявления и понимая, что идти все-таки придется.

Начальственная дверь начальственного кабинета была закрыта. Рядом с ней возвышалась охрана, провожая меня взглядами, как провожают бойца на фронт.

— Может, не надо? — спросил один тихо-тихо, слегка наклоняясь ко мне.

Ага, я еще молодая, красивая, у меня еще вся жизнь впереди.

— Надо, Федя, надо, — вздохнула я, придерживая свои бумаги с эскизами щитов, униформы для сотрудников и прочего сказочного антуража, который существенно должен повлиять на продажи. Я положила руку на ручку, но левый охранник покачал головой, а потом выставил вперед указательный палец. Он приоткрыл дверь и тут же закрыл. В дверь попало что-то очень тяжелое, заставив меня сделать шаг назад.

— Все, спасибо, ребята... Я пошла... — заметила я, прикидывая, что бы это могло быть?

Ухватившись за ручку, я увидела, как мне снова отрицательно качают головой.

— Рано! У него там два канделябра! Это был первый! — прошептал охранник, потопав, а потом снова повторив фокус. Опять в дверь попало что-то очень увесистое.

Я снова опасливо положила руку на ручку в надежде, что охранники умеют считать. Иначе я требую надпись на моем надгробии, что один плюс один равно три. Чтобы все понимали, насколько важна математика в жизни каждого.

Я осторожно приоткрыла дверь, готовясь закрыть ее снова. В меня полетела книга, но я ловко увернулась. Судя по всему, ее кидали не глядя отточенным годами движением. Я подняла книгу, читая название: «Как сохранять спокойствие и достоинство в любой ситуации. Пособие для начинающих магов». Интересно, читал ли он эту книгу, ибо, когда я оторву кому-то достоинство, ему будет сложно сохранять спокойствие. На полу валялись канделябры с выпавшими и сломанными свечами.

В меня тут же полетела вторая книга с еще более интригующим названием: «Приворот на клиентов, или Как правильно приворожить клиентов к вашей продукции».

— Почитаешь на досуге-у-ге! — послышалось глухое из-за стола. — Поле-е-езные кни-и-иги! Для саморазви-и-ития!

— Канделябры тоже полезны для развития? — огрызнулась я, прикидывая, в какую сторону лучше уворачиваться.

— Это намек на то, что зна-а-ания — све-е-ет! — заорал Эвхард. Голос у него действительно был срывающимся и уставшим. — Я приказа-а-ал охране, чтобы тебя ко мне не подпуска-а-али. Я ведь могу сорва-а-аться...

Я посмотрела на него, понимая, что вблизи он выглядит ужасно. Мне показалось, что он даже пробовал нашу косметику. Кто автор макияжа? Усталость и хронический недосып.

— Что-то не получается? — кротко спросила я, понимая, что мне такой подвиг не повторить. — Эвхард...

Я видела, как его взгляд смягчился. Тяжелый вздох, нахмуренные брови и поджатые губы свидетельствовали о том, что тактика была выбрана верно.

— Цвето-о-очек, я прошу тебя-я-я... — услышала я, глядя, как он встает из-за стола, расправляет плечи и подходит к окну. — По-челове-е-чески... Не трога-а-ай меня сейча-а-ас.

— Эвхард, — я попыталась заглянуть ему в глаза. — Может, отдохнешь?

— Что зна-а-ачит отдохну? Когда подо-о-охну, тогда отдохну-у-у! — вспыхнул Эвхард, сумрачно глядя в окно. — Иди-и-и рабо-о-отай! У тебя что, рабо-о-оты нет?

— Эвхард! Так нельзя! — возмутилась я в надежде достучаться до руководства, которое не спит и видит, как освободить свое кресло.

— Иди-и-и, я сказал! Иди! — повел плечом мой начальник, когда я положила на него руку. — Цвето-о-очек! Не нервуй меня!

— Ну хоть поешь нормально! — настаивала я, сжимая кулаки от негодования. — Понимаю, что здесь не еда, а беда! То пересолено, то недосолено, то сырое, то подгоревшее, особенно в последние дни. Никогда не угадаешь!

— Мне некогда гото-о-овить две по-о-орции! — с усмешкой ответил Эвхард, а под глазами у него отчетливо были видны серые тени. — Я едва одну-у-у успеваю!

— Так чего же ты ее не ешь? — удивилась я, с подозрением глядя на мужика, который умеет готовить. Где-то редакторы Красной книги задержались и занервничали, ибо им не терпелось внести на золотые страницы имя представителя сильного пола, который не умрет от голода рядом с холодным супом, стоящим на плите. Дохлый мальчик со спичками — это не про моего генерального.

— Ее Цве-е-еточек ест! — огрызнулись мне, отворачиваясь. — Иди отсю-ю-юда! Не меша-а-ай! Повисла очень неловкая тишина.

— Чего? — тихонечко переспросила я, скептически поведя бровями. — Ты хочешь сказать, что...

— Отойди к двери-и-и, — заметил Эвхард, теряя терпение. — Я брошу в тебя книгу-у-у о я-я-ядах, противоядиях и первых симпто-о-омах. Будешь прораба-а-атьвать... В нашем дружном коллекти-и-иве это неотъемлемая ча-а-асть корпора-а-ативной культуры!

— Корпоративной культуры? — переспросила я. Ах да, забыла. У него же есть зеркало, через которое можно видеть все, что происходит в нашем мире.

— Пошла во-о-он! Иначе я разозлюсь еще сильнее-е-ей! — крикнул Эвхард, нахмурившись. — Я кому сказа-а-ал! Я тебя сейчас убью на ме-е-есте! Считаю до тре-е-ех! Ра-а-аз! Я не шучу! Так нечестно! За это время я даже не успею добежать до двери!

— Два-а-а! Цве-е-еточек, не выводи меня! — на меня смотрели со всей усталой суровостью, готовая в руке какой-то сгусток зеленого света. — Три-и-и!

Я бросилась, но не к двери, а к нему, обнимая его как родного в тот момент, когда с пальцев слетело заклинание и врезалось в стену, выжигая в обоях огромную дыру.

— Бессовестный Цвето-о-очек! — ругали меня на чем свет стоит, обнимая двумя руками. — Рабо-о-отай на со-о-овесть!

— А я что? Плохо работаю? — пробурчала я, чувствуя, как чужие руки обнимают меня за плечи. Мне не хотелось думать в этот момент ни о чем.

— Я сказал, что рабо-о-отай на совесть! Купишь со-о-овесть, отчитаешься! Пошла во-о-он! — кричали на меня, обнимая и не отпуская. — Бессовестный Цвето-о-очек!

— Сандал? — спросила я, вдыхая чужой запах, пока надо мной бушевала гроза.

— Санда-а-аль, которым я в тебя запущу-у-у, если еще раз так сде-е-елась! — тяжело вздохнул Эвхард, обнимая меня за плечи. — Ла-а-адно, мне нужно рабо-о-отать! Будешь меша-а-ать, поставлю в угол!

— Ты хоть поешь, — вздохнула я, чувствуя, как меня отстраняют. — И поспи...

— Пото-о-ом! Все пото-о-ом! — ответили мне, забирая у меня из рук мои бумаги. — Потом посмотрю.

Я пошла к двери, стараясь не оглядываться. Охрана смотрела на меня, как на последнего героя, которого уже не чаяли увидеть живым. Сделав несколько шагов по коридору, я почувствовала, что мне нехорошо. Я покраснела от удушающего жара мучительного стыда за свой поступок. Как я могла? Это же неправильно! У меня есть муж... Ну или почти муж... Я бы сказала, что без пяти минут и пяти лет супруг... И тут я... бросаюсь на шею... Я ломала себе пальцы, кусала губы, стараясь не смотреть на тех, кто попался мне на пути... Да как же так? Больше этого не повторится! Никогда! Да!

Пока я сидела в своей комнате и высчитывала, как отбелить репутацию нашего многострадального, но пока еще не такого многочисленного общества с органической неперевариваемостью к конкурентам, мое воображение рисовало идиллическую картинку. Я прямо видела чистеньких, отмытеньких, побритеньких и напомаженных принцев в белых костюмчиках, с расчесанными волосами и добрыми взглядами на одухотворенных лицах. Вежливые до по носу канделябром, учтивые, как выходцы из светского общества... Да...

— Интересно, — улыбнулась я, закусывая губу и смущаясь. Моя рука рисовала знакомые черты и модель сюртука с воротничком-стоечкой. Картинку я украсила короной, для которой придется слегка приподнять потолок, ибо не царское дело — наклоняться, а потом, тихонько хихикнув, задумалась, штрихуя одежду.

— Белые тапочки рисовать? — спросила я у «портрета», который имел все шансы взять почетную грамоту на любой выставке детсадовского творчества и гран-при на фестивале современного искусства.

— Рису-у-уй! — послышался голос, заставив меня вздрогнуть. Перед глазами промелькнула зеленая бабочка. — Желательно мя-я-ягкие и пуши-и-истые. Чтобы было чем в тебя запустить, бессовестный Цвето-о-очек.

Я, конечно, не сомневалась в том, что из всего мягкого и пушистого, что есть у Эврарда, единственными, кто претендовал на это почетное звание, были только тапочки. Точно так же я не сомневалась в том, что в списке вещей, которые в меня еще не летали, тапочки займут почетное место.

Отмахнувшись от бабочки, я продолжила считать, сколько времени приблизительно понадобится для того, чтобы завоевать мир. Мне было понятно, что столько не живут. В списке дел значилось найти новое помещение в замке под склад. Каморка некроманта уже превратилась в складское помещение. Самого некроманта добрым и так никто не видел, а сейчас за всеми этими флаконами его вообще не видно. Зато прекрасно было слышно. Бедолага и до этого мир не очень любил, а с такой производственной необходимостью вообще обещал, что однажды он будет нас препарировать. В моем случае со всей нежностью, на которую способен. «Обещал, что я завоюю мир! — бухтел некромант, работая, как весь концерн, и ругаясь, как все портовые грузчики. — Я думал: зомби, мертвецы, а тут... Тьфу!» Я уже предложила Эврарду его премировать. «Креми-и-ировать? Ранова-а-аго», — сладко ответили мне, намекая, что некромант ему слегка должен.

С поиском помещения вполне можно справиться своими силами! Я прошла по коридору, кивнула охране, которая сурово проводила меня взглядами, взяла факел и стала спускаться вниз, откуда носили коробки с продукцией, звеня флаконами. Я вышла в еще один длинный, мрачный и пустой коридор, подсвечивая себе факелом. Так, здесь у нас что за дверь? Ой! Какая-то оружейная! Помещение маленькое, неудобное. Да и сыровато как-то...

А здесь у нас что? Здесь у нас кладовка. Не нравится мне эта дверь, хлипкая какая-то. Да и по размерам не впечатляет. А это что за старая дверь с засовом и решеткой?

— Ой! — взвизгнула я, чувствуя, как по ноге пробежало что-то пушистое и мягкое.

Факел упал на пол, пока я брезгливо жалась к стене.

— Кто здесь? — послышался слабый мужской голос где-то рядом. — Кто здесь?

Откликнитесь... Я прошу вас... Умоляю... Освободите меня... Я ни в чем не виноват...

Я прислушалась, поглядывая по сторонам, поднимая факел, который коптил пол.

Разговоры с политзаключенными как-то не входили в мои должностные обязанности, к тому же я не собираюсь издавать сборник душещипательных историй «Как я докатился до такой жизни».

На секунду мне показалось, что это какой-то новичок случайно заблудился в дебрях нашего обучения, как я когда-то среди присланного мне видеомусора, в котором мне наперебой рассказывали о пользе массовой рассылки.

— Спасите меня, — голос был слабым и безжизненным. Приходилось прислушиваться, чтобы разобрать слова. — Я прошу вас...

Я внимательно посмотрела себе на грудь, не помня, чтобы там красовалась большая буква «С». В Лигу справедливости, в которую входили Отвага и Слабоумие, я обычно не стремилась. Меня подмывало задать стандартный предсмертный вопрос: «Кто здесь?» — дабы перед неприятностями узнать много чего интересного и познавательного.

— Умоляю... — прошептал голос, теряясь в глубинах туннеля. Он показался мне смутно знакомым. Я усиленно пыталась вспомнить, где же его слышала.

— Цветочек! — ко мне сквозь прутья решетки потянулась исхудавшая рука. — Это ты?

На меня сквозь прутья смотрела мужская версия йети — заросший, исхудавший мужчина тянул ко мне конечности.

— Это же я... Проектор... — послышался голос, заставивший меня вздрогнуть. — Не узнаешь меня?

— Ты? — удивилась я, осматриваясь по сторонам, поднося факел к решетке и освещая заросшее лицо.

— Я, Цветочек, — проскулил узник. — Когда ты попросила Эврарда меня не убивать, он засунул меня сюда... Подыхать... Я же говорил, что жизнь ко мне несправедлива! И что из

нашей затеи ничего не получится... А ты мне: «Да все получится! Сейчас зарабатывать начнем! Вот увидишь!» И где я сейчас? Полюбуйся!

— Нет, ну давай начнем с того, что ты бросил меня в беде, — заметила я, стараясь не смотреть на тощую руку, протянутую ко мне с мольбой о помощи.

— Да, я испугался... — опустил лохматую голову узник. — Мне так неловко... Просто раньше я... У меня с этими ребятами были свои счеты... И... Ну меня бы, Цветочек, засмеяли. Мы с ними вместе учились. Они в люди выбились, а я какой-то неудачник. Мало того что с вами связался, в «Яд» вляпался, так еще и позориться надо, выступать при всех! Выпусти меня, а? Будь другом!

На меня смотрели знакомые глаза, жалобно-жалобно, роняя скупые слезинки.

— Эврард хоть и пообещал тебе, что не станет меня трогать, но я здесь скоро сдохну... — простонал Проектор, сжимая руками ржавые прутья своей клетки. — Тут стоит печать, которая запрещает мне колдовать... Если ты сумеешь ее разрушить, я смогу снова применить магию и освободиться...

Совість кольнула меня острой иголкой при виде такого безобразия. Чувство жалости выступило из кровоточащей раны, понимая, что передо мной нищий, оборванный мальчишка, который однажды просто струсил. Да, струсил и сбежал. Нет, он, разумеется, последний человек, с которым я бы согласилась пойти в разведку, только если в нужный момент представится возможность крикнуть: «Это все он!» — и тихонько смотаться.

— Прости меня... — простонал горе-маг. — Я не хочу умирать, Цветочек... Я всю жизнь жил в нищете, всю жизнь мучился... Но я не хочу заканчивать жизнь в этой камере с крысами... Несправедливо... Все несправедливо... И все, что вы делаете, — это обман! Работай, работай, а денег все равно нет!

— Слушай, ты даже не поработал, — возразила я, вспоминая первый дележ добычи в структуре. — Другие уже получили первую зарплату!

— И сколько мне нужно работать, чтобы заработать обещанные горы золота? — горько усмехнулся нытик. — Столетие? Мне обещали быстрый заработок!

— Слушай, ты ничего не сделал, за что тебе платить? — изумилась я.

— Так я и знал! Обман все это! — заныл неудачник.

Снова жалость кольнула меня, пока я оглядывалась по сторонам. Он действительно молодой и трусливый парень... И я, конечно, не адвокат дьявола, но считаю, что проступок как-то слишком жалок для такого сурового наказания.

— Где печать? — выдохнула я, прислушиваясь к шагам в коридоре. — Как ее стереть?

— На двери... Я не могу до нее дотянуться... — прошептал, задыхаясь от счастья, Проектор. — Прощу тебя, Цветочек. Я не хочу умирать...

— Помолчи, — прошептала я, протягивая ему факел. — Держи крепко... Сейчас попробую стереть...

Свет дрожал, пока я пыталась оттереть грани и символы, но они не стирались.

— Сейчас, одну минуту, — прошептала я, чувствуя, как мне машут рукой все отважные и слабоумные, а совесть утирает скупую слезу умиления. — Я попробую одну вещь..

Я метнулась в сторону своих покоев, воровато оглядываясь на предмет хвоста и рогов. Взяв со стола пробник с одной гадостью, которая умела стирать не только макияж, но и черты лица, я бросилась обратно. Бабочки не было, так что надеюсь, о моем акте благотворительности никто не узнает! Добрые дела нужно держать в тайне исключительно потому, что за них можно неплохо огрести!

— Что это? — с надеждой прошептал Проектор, сжимая в ослабшей и трясущейся руке факел.

— Новая продукция. Предположительно — лосьон для лица, — фыркнула я, осторожно выливая белую дрянь на печать. Печать стала загораться, чтобы запениться, потускнеть и померкнуть. — Все! Ты свободен!

— Спасибо тебе! — простонал Проектор, открывая дверь и глядя на меня блестящими в свете факела глазами. — Поверь мне, я буду до конца жизни тебе благодарен... Я спрячусь, меня никто не найдет... Я даже высовываться не буду... Да оно мне и не надо... Поверь, ты даже обо мне не услышишь... Я не скажу, что это ты меня освободила... Никогда и никому... Не выдам...

— Хорошо-хорошо, — прошептала я, опасливо поглядывая в конец коридора. — Давай быстрее... Хватит благодарностей... Шустрее, говорю, шустрее...

— Я тебе так благодарен, что словами не передать, — по щеке Проектора текла слеза. — Я не выдам тебя, Цветочек... Даже под пытками... Помни, что у тебя есть друг! Настоящий друг!

— Все, дуй отсюда, друг! — прошипела я, отмахиваясь от попыток обнять меня.

Проектор вздохнул и исчез, оставив меня наедине с открытой дверью темницы и дрожащим пламенем факела. Я прикрыла дверь, стерла реагент и сделала вид, что так оно и было.

Эврард был занят, панику никто не поднимал, так что я успокоилась. Шли шестые сутки его бессонницы. Медведь-шатун, разбуженный среди зимы, уже слегка побаивался подходить к Эврарду. По уверениям старожиллов и «старовыжилов», еще через сутки в окрестностях даже птицы разучатся петь, а ближайшая стая волков, которая иногда подвывает в тишине ночи, будет делать это тихо-тихо... Шепотом... Собрались стаяй, пошептали на луну под фонограмму и разошлись. Как уверял Рыло, скорбно опустив глаза и вспоминая павших товарищей, на десятые сутки дракон будет вынужден вежливо просить воздушный коридор, дабы не потревожить рабочий процесс.

Я повернулась на бок, зевнула, понимая, что, с одной стороны, моя совесть чиста, как слеза младенца, а с другой... Я даже не поленилась посмотреть на «другую сторону»... меня ждут очень большие неприятности. Неприятности уже притаились неподалеку, пока я накрывала одеялом холодеющую «сторону», которая завтра может легко попасть под горячую руку. Ну хоть согреемся...

Стук в дверь поднял меня с кровати, заставив сонно осмотреться по сторонам.

— Цветочек! Вас зовут! — послышался перепуганный голос. — Собирают всех!

Ничто не заставляет так резко продрать глаза, как крадущиеся проблемы и затаившиеся неприятности.

В тишине, в которой муха кажется соседскими колонками с тяжелым, как жизнь, роком, за столом сидели все мои «подлизники»: Носач с документами, которые он прижимал к груди, и некромант с такими мешками под глазами, с которыми можно спокойно ходить, как с челночными сумками. Охрана сурово и молчаливо стояла по периметру.

В воздухе витал какой-то немой вопрос, ответом на который была гробовая тишина. Все дружно молчали, стараясь не смотреть на черный трон, на котором сидел Эврард. Вид у него был измученный и страшный. Вместо привычной улыбки на лице застыла холодная, непроницаемая маска.

— Итак, — глухо произнес он, вставая с трона. Все опустили глаза, стараясь не смотреть в его сторону. Стол был завален флаконами, бумагами, каталогами, которые даже не успели убрать в преддверии разбора полетов. Три канделябра стояли в ряд. Оплывшие свечи застыли каплями воска на подсвечниках.

— Цветочек! — ко мне протянули руку. Я послушно подошла, чувствуя, что ничего хорошего это не предвещает. На меня смотрели зеленые глаза, подернутые тенью нечеловеческой усталости.

— На подлокотник, — негромко произнес Эврард. Я проследовала на указанное место, пока Эврард повернулся ко мне спиной. Тревожная тишина стала еще тревожней.

— Я. Безумно. Рад. Тому. — отчеканил наш гениальный, делая шаг вперед. — Что. В нашем. Замке. Появился. Как бы это правильно назвать? Гуманист, наверное. Где-то здесь сидит самый добрый человек на свете! Ну же? Кто у нас тут самый до-о-обрый? Кто у нас тут проявляет высоко-о-кие моральные качества?

Я сглотнула, чувствуя, что мне как-то зябко и неудобно.

— Но раз здесь есть воплощение добра и милосердия, то ему должен быть противовес.

Воплощение зла и жестокости. Как вы думаете, кто-о-о это? — произнес Эврард, вскидывая голову и беря в руки наш увесистый каталог. Пролитав его и опустив глаза, он захлопнул каталог с тревожным звуком. — И почему-у-у честность не иде-е-ет по акции с доброто-о-ой? Если бы не то, как он держал каталог в руке, я бы уже создалась.

— Я спрашиваю!!! — закричал Эврард, бросая каталог в сторону окна. Витраж разлетелся вдребезги. В руках уже был флакон с отбеливателем кожи. Правда, судя по бледным лицам, он уже не нужен. Флакон полетел в Топора, просвистев рядом с его ухом, и разбился о стену. Эврард коршуном вился над столом, хватая все, что плохо лежит. Маску для лица попробовал Рыло. Причем, судя по всему, еще и на вкус, ибо ему попало в лицо. Новое средство для роста

волос было разбито о голову лысого, стекая сиреневыми каплями по лицу и бычьей шее моего первого чека.

Некромант со стоическим молчанием подставился под канделябр, понимая, что пример ранее юркого, а ныне лежащего и стонущего на полу с производственной травмой головы Носача, который рефлекторно дернулся от летящего средства для стирки, не очень вдохновлял. Стены были забрызганы продукцией. В некоторых даже были дыры. Разбитые и, как показал опыт, многоразовые канделябры валялись на полу. Каталоги, растрепав страницы летали по залу, заставив всех с ужасом вспомнить, какой у них был тираж. Под столом, насколько я помню, стоял деревянный ящик с сотней каталогов, и все дружно молились, чтобы Эвхард о них не вспомнил.

— Я кому сказал! У нас сейчас не самое лучшее положение! — орал он, запуская флакон с духами прямо в гущу уцелевших сотрудников. — Вы понимаете, что нас сейчас вытесняют с рынка?! И что? Вы выпускаете человека, который тут же пойдет и за деньги сольет кому нужно все, что о нас знает!

Нет, ну за это можно быть спокойной. Проектор обещал, что никому ничего не скажет.

Художественная сборная по гребле в одной производственной байдарке превратилась в дружную сборную по выгребанию.

— Вы понимаете, что мы стоим на пороге войны! Нам не простят успеха! — о стену разбился второй флакон духов, которым мы еще не придумали названия. Зато теперь я точно знаю, чем пахнут неприятности.

Через полчаса кидать было нечего. Растрепанный и злой Эвхард тяжело дышал. Влетело даже охране, которая стоически сносила все удары.

— Вон, — процедил он, заложив руки за спину. — Все вон. И охрана тоже.

Я никогда не думала, что раненые на производстве могут уползть с такой ошеломительной скоростью. Рассосавшись буквально за секунды, они оставили нас одних. Под столом раздался мучительный стон.

— Тебе что? — процедил Эвхард, глядя на вялого Носача с большой шишкой на голове. — Особое приглашение нужно?

Дверь захлопнулась, оставив нас двоих.

Что-то я решила повременить с чистосердечным признанием. Я даже склоняюсь к тому, что проще унести тайну в могилу.

Эвхард подошел к трону, тяжело опустился на него, а потом стянул меня с подлокотника к себе на колени, усаживая боком, положил подбородок мне на плечо, и я почувствовала на своей шее сбившееся, тяжелое дыхание. Он молчал, и я молчала.

Время измерялось его вздохами. Обняв меня за талию, Эвхард просто медленно успокаивался, слегка покачиваясь. Не знаю, сколько времени прошло, но дыхание постепенно выравнивалось.

— Иди, — меня скинули с колен и шлепнули по тому самому месту, которым я думала, когда стирала печать. — Мне работать нужно.

Глава 11

Успех не для всех

Мы были, есть и бу-у-удем есть.

Иногда даже вку-у-усно!

Черные лакированные сапоги, белоснежные костюмы с кучей застёжек, брендерированные щиты, белые перчатки... Казалось бы, вот они — принцы из сказки, прискакавшие на зов прекрасной принцессы. Красивые мечи, золотистая бахрома на галифе, а поверх этого сказочного гардероба, словно украденного с детского утренника, красуются бандитские, небритые рожи. Вот огромный, лохматый Мясник, герой сказки «Красавица и чудовище». Судя по его виду, красавица его недолюбила... «Мм... Ты точно уверен, что проклятие спало?» — странным голосом интересуется красавица, ожидая явно не этот результат. «Да! Ты меня расколдовала!»

— радостно заявляет лохматое нечто, почесывая шевелюру. Еще бы, красавице, которая на него позарилась, нужно давать медаль за отвагу.

— Теперь тебя зовут Алан! Только побрейся и помойся, принц! — заметила я, в надежде, что кусок нашего мыла расколдует похлеще поцелуя канделябра. Кровоподтек на скуле, оставшийся после совещания, намекал о героизме, что будет нелишним, если правильно преподнести.

— Ты должен вести себя так, словно только что сражался за честь прекрасной дамы! — пояснила я, осматривая результат.

— За какую часть? А! За ту! Ну это мы можем! — обрадовался «принц», пока я радовалась тому, что ко мне не прискакало нечто подобное.

Рядом в строю стоял лысый «принц» с париком и гематомой на голове от прямого попадания канделябра. Судя по покрасневшим глазам, он недавно нырял в поисках русалочки на дно бутылки. Любая, уважающая себя русалочка отгребала бы как могла, стараясь не попасть в горячую голову и под горячую руку.

— Тебя зовут Эрик! — командовала я, раздавая имена. «Изыди!» — вопило что-то внутри меня, когдадохнули перегаром.

Одноглазый «принц» стоял следующим и смотрел на меня единственным глазом. Ну тут все просто. Такой и в страшном сне не приснится даже самой Спящей красавице. Я прямо представила, как он мужественно продирается сквозь дебри заколдованного леса, воевал с колючками, прорубал себе путь к замку, чтобы в потемках случайно выколоть себе глазик. И все ради того, чтобы взглянуть хоть одним глазочком на красоту неописуемую!

— Будешь Филиппом! — нарекла я, переходя к следующему. Бородатый, молчаливый, угрюмый, с разбитым носом бугай размером с шифоньер почесал основной поисковик приключений. С таким лицом можно соблазнить только труп недельной давности, поэтому с моей легкой руки он был наречен Фердинандом.

Пока я готовила выступление, прорабатывая каждый выход, демонстрацию продукции, «принцы» категорически отказывались приводить себя в порядок, бухтя и проклиная тот день, когда связались со мной.

Неподалеку художник рисовал плакат. Точнее, перерисовывал буквы, написанные мной. Я посмотрела на деревянный щит, пробежала глазами строчки и сглотнула, осматриваясь по сторонам. «Цветочек и ее команда работают без перерыва и выходных, для того чтобы удовлетворить ваши потребности...»

— Куда делся первый слог «ко» в слове «команда»? — поинтересовалась я, чувствуя, как лютые ежики уносят меня под шкаф.

Нельзя кричать на них. Ни в коем случае. Завтра у нас важное мероприятие, поэтому...

— Как написали, так я и перерисовал! Сами виноваты! Разборчивей надо было! — хмуρο отозвался художник, размахивая листочком и сверяясь с результатом. — Мне еще ваш портрет рисовать, так что не мешайте!

— Вы действительно молодец, — вздохнула я, выдавливая из себя улыбку, перечитывая фразу снова и понимая, что какой-то моей части тела пора давать медаль передовика производства. — Вы настоящий гений! Мне очень нравится, только «ко» перед... хм... добавьте... А так все замечательно!

Первые штрихи будущего портрета были многообещающими...

На столе лежала стопка черных каталогов. Я взяла верхний, задумчиво пролистала, а потом застыла на месте. Пришлось взять второй и проверить свою догадку. Не знаю, как вам, но если мне в руки дадут «Какалог», то я задумаюсь о некрологе.

Глазик нервничал, руки тряслись. Я потом выпишу им именные награды премии Дарвина, но сейчас нужно быть очень терпеливой и доброжелательной. На носу важное событие.

— Исправьте, пожалуйста, — кротко заметила я, пытаясь не спугнуть боевой дух моей... команды. — Очень-очень красиво получилось... Вы просто талант! Я так рада, что вы работаете с нами!

«Принцы» ныли, как маленькие девочки, разглядывая свои костюмы и ощупывая выбритые лица, художник орал, что у него не помещается! Я краем дергающегося глаза увидела в самом низу щита радостную новость: «Члены президентского клуба стоят...» Ну что поделывать? Стоят, и слава богу! Жаль, то, что стоят они выше обычных партнеров, художника не волновало...

— Вы как-нибудь попробуйте дописать, — ободряюще улыбнулась я, чувствуя, как ежики уже пришли по мою душу от таких радостно-эротических новостей. Завтра у нас состоится презентация, которую мы должны провести со всей торжественностью прямо в столице. От этого зависит доверие к нам как к компании.

— Кончил! Любуйся! — заорал художник, тыкая мне под нос деревянный мольберт. С доски смотрела на мир косыми глазами вобла с парезом лицевого нерва. Правый глаз у меня сполз на щеку, зато левый подозрительно прищурился, как бы изучая платежеспособность клиентов. — Отлично, — выдавила я из себя подобие радостной улыбки — благодарности за то, что меня структура родная не узнает.

Несколько магов-новичков делали презентацию, рисуя радужные перспективы сотрудничества с нами. На фоне искрящейся радуги, как тараканы, бесцельно бегали какие-то человечки. Я присмотрелась. Такое чувство, что через пару секунд их накроет огромным метеоритом.

— Какая прелесть! — ележно улыбнулась я, прижав руки к груди. Если у наших конкурентов было полноценное кино-блокбастер 3D, то мы пока претендовали на двухмерную презентацию из рисунков на заборе. Вдоль радуги скакал веселый огурец на ножках-спичках...

— Какой милый огурчик! Да вы просто молодцы! — оскалилась в улыбке я, слушая возмущение художника, который пытался исправить каталоги. Овощ в помощь!

— Это вы! — гордо ответили аниматоры, а я внимательно следила за приключениями деятельного и неумного овоща, который никак не хотел эволюционировать до прямоходящего, несмотря на несколько серьезных попыток.

— Вы понимаете, что это как бы символизирует ваше трудолюбие! — расцвел от похвалы один мультипликатор. — Мы просто подошли к этому вопросу нестандартно... Радуга символизирует будущее... А вы изображены как...

Я кивала и соглашалась.

— У меня опять не помещается! — заорал художник, тыкая мне в лицо «презентацией наших бонусов». «Руководство обещало нам пох...» — красовались красивые буквы в самом низу щита. Да, «походы» отменяются. Надо было писать «в круиз». Мы тоже очень хотим в круиз! Чуткое руководство идею поддержало, послав меня, правда, нежно. И Эвхард изящно подчеркнул, что из того места, которое он выбрал нам для похода, сувениры ему не приносить! Я вышла из зала, вслушиваясь в то, что на этот раз не влезает в предложении, «Идите, находчивые и трудолюбивые, прямиком в мою структуру!»

— А можно я не буду дописывать «...одчивые и трудолюбивые», — послышалось за спиной перед тем, как я осторожно закрывала дверь, чтобы не мешать рабочему процессу. — Люди и так все поймут!

Я быстрым шагом шла в сторону какого-нибудь темного уголка, вежливо улыбаясь и делая вид, что у меня все хорошо. Зайдя в свою комнату, я осмотрелась по сторонам, а потом заорала так, словно на меня бросилось стадо ежей. Схватив с кровати подушку, я остервенело швырнула ее на пол и принялась топтать! Задыхаясь от злости, я пинала подушку по комнате. Да они что? Сговорились? У меня по щекам текли слезы гнева. Ну почему нельзя просто взять и сделать все нормально? Перед мутным от слез взглядом промелькнула бабочка.

И тут я почувствовала, как меня обнимают. Я сглотнула, вдыхая запах и утыкаясь носом в чужую одежду, а потом засопела, как ежик. Меня гладили по голове, а я тихо всхлипывала, стараясь делать это беззвучно.

— Ти-и-ише, де-е-етка, ти-и-ише, — я жадно вдыхала запах, вцепляясь пальцами в чужую одежду.

— Это иллюзия? — прошептала я, впиваясь пальцами в Эвхарда. Я едва доставала ему до груди.

— Де-е-етка, дру-у-ужба — это иллюзия. Сколько мо-о-ожно повторя-я-ять, — я слушала тихий голос и терлась щекой. — Ла-а-адно, мне пора рабо-о-отать...

— То есть мы — друзья? — удивленно спросила я, все еще наслаждаясь неуловимым запахом сандала.

— В како-о-ой-то мере, да-а-а. Положа руку на сердце-е-е, — сладко заметил Эвхард, положив свою руку мне отнюдь не на сердце, а потом слегка проверив прихваченную добычу. — Иногда-а-а очень прия-я-ятно иметь друзе-е-ей...

— Совести у тебя нет! — возмутилась я, хмуро глядя на него. По губам ползла предательская улыбка, выдававшая мой самый страшный секрет. Я не умею злиться на него дольше пятнадцати минут.

— Цвето-о-очек еще не зарабо-о-отала мне на со-о-овесть. Учти, мне нужна больша-а-ая совесть, — усмехнулся Эврард, глядя на меня сверху вниз. — И криста-а-ально чи-и-истая...

Он наклонился ко мне и громко на ухо заявил:

— Внима-а-ание! Я плету интри-и-игу! Если Цвето-о-очек за-а-автра хорошо себя будет вести, то она получит пода-а-арок! Я заинтригова-а-ал? Кто молодец? Я-я-я молодец!

— А если все пройдет... — я слегка замялась, вспоминая находчивого художника, небритых «принцев» и скачки веселого огурчика. — Не очень хорошо... Не совсем плохо, но и не... Как бы так сказать? Скромненько и без пафоса... Средненько...

— Тогда-а-а буде-е-ет путеше-е-ствие... По карье-е-ерной леснице с двумя ве-е-едрами... Туда и обра-а-атно, — сладенько заметил Эврард. — Зна-а-аешь, де-е-етка, ты привыкла к пораже-е-ениям, поэтому бои-и-ишься успе-е-еха...

— Я не боюсь успеха! — возмутилась я, понимая, что он несет какой-то бред, чтобы меня позлить. — Я, наоборот, стремлюсь к нему!

— Не-е-е обма-а-анывай. Ты его бои-и-ишься... Я расскажу тебе, что такое успе-е-ех. Запомни, успе-е-ех — это иллюзия... — усмехнулся Эврард, глядя мне в глаза. — Шесть секу-у-унд дли-и-ится уди-и-ивление, шесть мину-у-ут — эйфори-и-ия и ше-е-есть часов — осозна-а-ание того, что ты молодец, ше-е-есть дней воспомина-а-аний и шесть ме-е-есяцев рабо-о-оты. И все-е-е. Вот и ве-е-еь успех. Ничего интере-е-есного... А теперь иди работай! И другим не мешай!

* * *

В столице яблоку негде было упасть. Никогда не думала, что у нас столько поклонников. В большинстве своем отмытые, чистенькие, ухоженные. наших сторонников легко узнать среди общей грязной и вшивой массы.

Мы стояли на подмостках, на сколоченном столике лежали каталоги, на длинной скамье — новая продукция. Я смотрю, что новые духи «Маразм Вроттердамский», которые разлетаются, как горячие пирожки в школьной столовой, употребили не только наружу, но и внутрь. Причем внутрь понравилось больше, чем наружу.

— Дамы и господа! Я рада, что вы собрались на нашей Первой Ассамблее! — торжественно начала я, глядя на нашу внезапно отбелившуюся репутацию. Побритые, напомаженные принцы вызывали ажиотаж у женского населения даже в те неловкие моменты, когда они легким почесыванием подчеркивали, что они принцы, а не принцессы.

— Штаны узкие, — шептал принц Эрик, поправляя съезжающий с лысины парик.

— Не то слово, — бухтел одноглазый Филипп, пока принц Алан наматывал соплю на рукав, трогая то самое место на морде лица, где раньше были непролазные дебри бороды.

— Мы очень рады вам представить новые каталоги! — улыбнулась я, потрясая гроссбухом. — Давайте вместе сделаем мир чище! У нас есть несколько лидеров по продажам, которых мы бы хотели вам представить!

Рядом со сценой стояла горстка людей, которая неуклюже стала взбираться на подмостки.

— Вы добились внушительных результатов! — сообщила я, глядя на огромного мужика с хмурым взглядом исподлобья. — Поделитесь со всеми секретами ваших успехов!

Мужик высморкался, порадовав мир талантом бить соплю оземь, и что-то как-то засмутился, поправляя на себе лохмотья. Я предупреждала, что одеваться нужно презентабельно...

— Смелее. Расскажите, как вы работаете? — подбодрила я, хлопая в ладоши и улыбаясь публике. Новый лидер открыл рот, я замерла в предвкушении...

— Я... Мм... Э-э-э... — растерялся детина, глядя на собравшихся людей. — Короче, я такой подхожу к человеку и говорю ему...

Рев разъяренного медведя, который прикусил лапу, крик льва, которому туристы отдавили достоинство во время фотосессии в дикой природе, раскат грома и воздушная тревога — все смешалось в единый рык, от которого я согласилась бы купить даже слона, не торгуясь.

Моя выдавшая виды структура вздрогнула от такого крика, толпа съежилась, а я почувствовала, что у меня теплеет. Но не в душе, как полагается при виде талантливого продажника, а где-то пониже... После такого крика отдают не только последние деньги, но и честь, девственность и даже концы, которые едва сводят. Где-то в сценарии должна прозвучать фраза: «Видите,

главное — умение находить индивидуальный подход к каждому!» — но что-то, видно, не судьба мне ее произнести со всем заготовленным пафосом.

— С-спасибо, — растерянно заметила я, снова пытаюсь вернуть себе слух. — А теперь, молодой человек, ваша очередь...

Заросшее чудовище в лохмотьях переминалось с ноги на ногу, пытаюсь что-то сообразить.

— Смелее, — дружелюбно улыбнулась я. — Все жаждут услышать ваш секрет успеха! Как вы сумели стать таким успешным? Расскажите всем!

— Мой секрет успеха, — писклявым голосом и как-то задумчиво заметило чудовище. — Я раньше просил подаяние...

— О! — захлопала я, понимая, что сейчас услышу грустную, но очень мотивирующую историю о том, как был никем, а стал одним из самых успешных продажников нашей компании.

— Я и сейчас его прошу... Только раньше я стонал, что на лечение язвы... — чудовище закатило рукав, демонстрируя причину, по которой я не буду жать ему руку даже под угрозой терминации. — А сейчас прошу на ЛТО! И вы знаете, подают! Правда, кидают издалека, но я сноровистый. Раньше меня гоняли везде, а сейчас у меня есть крыша...

Одноглазый принц скромно покраснел, чувствуя, что успехом мы слегка обязаны ему.

— Он так и сказал: «Если кто тебя тронет, я ему быстро морду снесу!» — радостно закончил свою историю успеха один из будущих лидеров компании. — А эти штуки я покупаю и пью!

— Благодарю вас за доверие к нашей продукции, — сглотнула я, вспоминая, что видела на столе у некроманта. — Мы очень рады, что вы так привязаны к нашему бренду!

— Привязан! Еще как! С утра не выпил — день пропал! — заявил лохматый, расширяя наш ассортимент до ликеро-водочной продукции.

Следующей была женщина в черном, которая подняла заплаканные глаза.

— Как вам удалось достичь такого успеха? — осторожно поинтересовалась я, понимая, что у нее явно не все в порядке.

— Да как вам сказать... Муж был... Бил часто... Гнобил, гнида, постоянно... А ведь меня еще девочкой за него замуж выдали... — вздохнула она. — А потом мне сказали купить яд... Вот я и купила... И подругам посоветовала... Им тоже помогло...

И она маленькими такими шажочками, всхлипывая и утирая платком глаза, двинулась обратно.

— Какой брала? — раздался скрипучий женский голос из толпы. — Тот, что красный? Я зеленый вливала! Не помогло! Скукожить скукожило, но не до конца...

Вдова растворилась в толпе, а к ней потекли ручейком дамы всех возрастов, раздвигая локтями толпу.

— Как видите, — задумчиво заметила я, поглядывая краем глаза на формирующуюся на глазах структуру. — У нас очень многофункциональная продукция.

На подмостки вышел тощий, как жердь, мужик и без напоминания начал:

— Я родился в канаве. Моя мать, на тот момент еще живая, была шлюхой, отца своего не знал... — повествовал герой. — У меня было шестеро братьев и сестер. А потом мать родила еще седьмую. Их звали...

Через пять минут я уже знала об этом человеке все, кроме главного.

— Когда младшая сестра умерла от горячки... — продолжал он, а я нервничала, прикидывая, скольким еще не терпится рассказать свою историю успеха, поэтому решила задать наводящий вопрос.

— А как вы пришли к нам? — вежливо поинтересовалась я, как бы намекая, что первые шаги под стол нас мало интересуют.

— Мать меня лупила целыми днями... — заливался мужик, активно жестикулируя. — Помню, как возьмет прут и как начнет лупить...

— Но все-таки, — я вежливо пыталась перебить филологическую диарею, — как вы попали к нам?

— И лупит, и лупит... Потом была хворостина! Болючая! — делился воспоминаниями герой. Нет, я все прекрасно понимаю, трудное детство, деревянные игрушки, прибитые к полу, недостаток витаминов, низкая розетка, скользкий подоконник, горячий чайник... Но ближе к делу!

— Лежу я, помню, на звезды смотрю... А спина болит... — повествовал наш лидер, горестно вздыхая. — А меня снова хворостиной... Потом кнутом... Потом снова хворостиной...

Я, конечно, никогда не была сторонником извращений, а теперь я точно знаю, что не буду.

— Простите, у нас очень мало времени, — вежливо улыбнулась я, пытаюсь ускорить диарею по максимуму. — Не могли бы вы немножечко побыстрее!

— ...Пешком шел до соседнего села, — задумчиво кивал головой любитель устраивать вечер воспоминаний.

Нет, я бы такому тост говорить не доверила!

— Как вы пришли к нам? — наседала я, глядя, как расчувствовавшийся товарищ выдавил из себя слезу.

— Не мешайте! — отмахнулись от меня. Но тут же рядом появились принцы, которые посмотрели на героя не очень дружелюбно. Принц Алан, например, разминал кулаки, сплевывая на землю.

— А сюда я пришел по нужде! — закончил свою биографию страдалец. — По большой нужде! Теперь у меня есть нужда, но маленькая... Так что если у вас есть нужда, приходите сюда! На этой оптимистичной ноте, когда все дружно обрыдались, я, пожалуй, закончила бы, но у меня оставалась еще одна престарелая передовица продаж, которая тут же заняла место предыдущего оратора.

— Вот этот флакон, — начала бабка, доставая из холщовой сумки початый пузырек. — Помогает, когда зубы сводит... Всегда его пью. Вот этот — от живота лечит! Вот этот я в спину втираю! Вот этот я натошак пью по три капли! Для чего не помню, но помогает! У нас все в деревне так лечатся! Недавно ходила к умирающему, флакон ему дала. Выпить сказала! Как вскочил, как заорал, что сразу помирать передумал. Еще долго по деревне бегал! Потом, конечно, помер, но помогло...

— Спа-си-бо, ба-буш-ка, — сардонически улыбнулась я, глядя на флакон в ее руке. Умереть от «Розового оргазма» — это надо еще постараться. — А теперь перед вами...

Я достаточно торжественно говорю? Маги переглянулись и поставили свою презентацию с веселым огурцом.

— Выступит, — очень торжественно заявила я, поглядывая, как наша презентация мутнеет и превращается в серое облако. — Наш генеральный директор! Он расскажет вам свой секрет успеха, поделится своим опытом, даст напутствие и расскажет о мотивации! Внимание сюда! Облако помутнело, зашевелилось. Я замерла в предвкушение бе-е-елого костю-ю-юма, закусила губу и...

— Рабо-о-отайте! — раздался из облака знакомый голос, а потом воцарилась подозрительная тишина. Маги переглянулись, принцы тоже.

— Это фице-е-е, — снова раздался знакомый голос, а белого костюма я так и не увидела! Что это было? Где речь на полчаса? Где «мы — самая лучшая компания на свете, запомните взрослые, передайте детям»? Где «сетевой — это тяжкий труд, и с него, бывало, мрут»? Где душещипательный рассказ: «Я был когда-то странным, мальчишкой безымянным, к которому на улице никто подойдет! Теперь я с каталогом, продажник я от Бога! А тот, кто не поверил, по ходу, идиот»? А как миллионы и лопата? Где все это? Где?!

— Он закрыл связь, — пожал плечами один из магов, а я почувствовала, как медленно обтекаю. Мне что, больше всех надо? Я же просила, чтобы Эврард сказал что-нибудь полезное! Мы тут вообще-то телеэфир хотели сделать, а не радио!

— Как вы уже поняли, весь секрет, — попыталась сгладить я неловкую ситуацию, — в постоянной, методичной и четкой работе. Он настолько увлечен своим делом, настолько занят работой, что советует и вам не расслабляться... Весь секрет его успеха кроется в работе! Всем спасибо, все свободны!

Народ стал расходиться, что-то интенсивно обсуждая, а я вместе с магами уже стояла в коридоре замка и решительными шагами направлялась к кабинету «работуна». Возле кабинета охраны не было. Я на всякий случай постучала сначала по двери, понимая, что сейчас постучу кому-то по голове! Я что, одна должна разгребать? Я же по-человечески просила выступить перед людьми! Мы же договаривались!

Я чувствовала себя идиоткой, открывая дверь и входя в кабинет.

Эврард в белом костюме невозмутимо сидел в кресле за столом.

— Цвето-о-очек, а не шла-а-а бы ты отсю-ю-юда, — сладко мурлыкнул наш стеснительный гениальный директор. — Я за-а-анят! У меня много рабо-о-оты!

— Так, я что-то не поняла! — возмутилась я, глядя в бесстыжие зеленые глаза. — Мы как договаривались? Ты должен был выступить перед людьми! Рассказать о компании! А вместо

этого что? «Рабо-о-отайте!» Я тебе речь написала! Неужели тебе было трудно ее прочитать? Там всего лишь пять страниц! Пять страниц!

— Цвето-о-очек, я переда-а-ал общий смы-ы-ысл одним сло-о-овом! Зато каки-и-им! — усмехнулся Эврард, взглядом выпроваживая меня за дверь. — Иди-и-и! Или я в тебя чем-то ки-и-ину! Дава-а-ай, Цвето-о-очек! Не нерви-и-ируй меня!

— Ах ты! — задыхнулась я, сопя так, что все ежики в лесу задыхнулись от зависти.

В меня полетела книга, просвистев мимо моего лица.

— Мерзавец! — отклонилась я, не меняя маршрут к столу.

— Не отрица-а-аю! Зато че-е-естный! Кни-и-игу верни-и-и! — ответили мне, показывая рукой на дверь. Я подняла книгу с пола, отнесла и положила ее на угол стола. Она была липкой. Я посмотрела на свои пальцы и увидела, что они алые от крови.

— Я кому ска-а-азал? — мне снова указали на дверь.

— У тебя что? — не поняла я, снова разглядывая пальцы и пытаюсь отследить взглядом руку Эврарда, которую он прячет под столом. — Кровь? Стой!

Я перегнулась через стол и увидела, как на белоснежном костюме расплылось уродливое багровое пятно, которое он зажимал рукой. Охраны не было даже в кабинете. Не может быть!

— Эв... рард, — я сглотнула, с ужасом глядя на его окровавленную руку. — Это что?..

Сердце бешено стучало, в висках пульсировало, в ногах появилась слабость, от которой хотелось тут же схватиться за что-то, чтобы не упасть.

— Как же так? — выдохнула я, глядя на тонкие пальцы с зеленым перстнем, испачканные кровью. Кровь была на полу, на бумагах и на штанах.

— Бри-и-ился, — усмехнулся Эврард, не сводя с меня глаз. — Случа-а-айно поре-е-езался...

— И что же это ты там брил? — икнула я, понимая, что в конкурсе идиотских вопросов я занимаю почетное первое место и уже трясусь грамотой с пьедестала. Грамоты в руках не было, но руки тряслись так, что сейчас я буду просить у бармена двести граммов валерьянки.

— Иди-и-и, Цвето-о-очек, — внезапно подозрительно мягко заметил Эврард, вставая из-за стола и откладывая бумаги, на которые попали капли крови.

— Давай я помогу дойти до дивана? — я нервно сглатывала, оборачивалась по сторонам, глядя на полуприкрытую дверь. — А где охрана?

— Взя-я-яла отпуск гре-е-ехов за сво-о-ой счет, — выдохнул Эврард, заклинаясь закрывая дверь. — Никому не сло-о-ова!

Я присела рядом на колени, схватила кусок покрывала и стала рвать его на части.

— Не смо-о-отри, — усмехнулся Эврард, расстегивая верхнюю пуговицу. — Я стесня-я-яюсь...

Смо-о-отрит на меня незна-а-акомый цвето-о-очек...

Я бы с такой раной уже вспоминала всех родственников, прикидывая, кому и что оставлю в наследство. Поскольку родственников у меня было много, а имущества не очень, кому-то достанутся в наследство звездюли. Не могу же я оставить любимых родственников с пустыми руками?

— Цвето-о-очек, я о-о-очень стеснительный, — сладко заметил Эврард, осторожно отлепляя окровавленную одежду от раны. Я сморщилась и сбегала в соседнюю комнату за водой, а потом стала осторожно все вытирать, чувствуя, как руки трясутся все сильнее. На животе был уродливый надрез, откуда снова потекла темная кровь.

— В столе-е-е лежит зе-е-елье, — заметил Эврард, а я бросилась к столу, выдвигая ящики по очереди. Какие-то бумаги, книги... В одном ящике стояли флакончики, рассортированные в неведомом мне порядке.

— Какой? — спросила я, пытаюсь понять символы на бирках.

— А како-о-ой тебе бо-о-ольше нра-а-авится? — заметил Эврард с дивана, прижимая к ране тряпку. — У-у-учти, больше-е-е трех экспере-е-ентов я не переживу-у-у...

— Ты издеваешься? — простонала я, осторожно рассматривая пузырьки. — Говори какой!

— Четве-е-ертый! — улыбнулся чеширской улыбкой Эврард. — На четвертый экспере-е-ент у меня здоро-о-овья не хва-а-атит! Не смо-о-отри на меня та-а-ак, словно выбира-а-аешь мне бе-е-елье та-а-апочки! Четвертый ряд.

— Их тут всего три! — занервничала я, на всякий случай пересчитывая еще раз.

— Ка-а-ак три-и-и? — спросил Эврард, подняв брови. — Их должно быть четы-ы-ыре!

А вот это уже плохо! Руки дрожали, а я пересматривала каждый.

— Ла-а-адно, я пошутил! Кра-а-асный. Сле-е-ева! — услышался голос, когда я окончательно разочаровалась в математике.

— От меня или от тебя? — проскулила я, понимая, что проще добить, чем спасти. — Вот этот? Точно этот? Точно-точно этот?

— Мне кра-а-асивые белые та-а-апочки! С меховой опу-у-ушкой! Чтобы но-о-ожки не мерзли! — развлекался Эврард, пока я мчалась к нему с флаконом. — У меня сорок семь сантиме-е-етров, если что-о-о!

В этот момент я даже как-то замедлилась, прикидывая, что у него может достигать без трех сантиметров полметра! Где-то погрузился Чингачгук Большой Змей, горестно поглаживая своего ужика.

— Что у тебя сорок семь сантиметров? — занервничала я, откупоривая флакон.

— Размер ноги-и-и. Так во-о-от, я хочу бе-е-еленькие, с опу-у-ушечкой и с ба-а-антиком. А то сни-и-ится буду Цвето-о-очку и жа-а-аловаться, что та-а-апочки жму-у-ут, — заметил Эврард, пока я тыкала ему под нос флакон. — Да-а-ай перо, и я напишу завеща-а-ание! Как твоё имя пра-а-авильно пишется? Напо-о-омни!

— Елизавета! — я снова попыталась ткнуть ему в лицо флакон, чтобы он как можно скорее его выпил.

— А Ли-и-изочке — ничего не оста-а-авлю, потому что зелье нужно лить на ра-а-ану! — веселился раненый.

— Это точно оно? — простонала я, с надеждой заглядывая ему в глаза.

— Сорок седьмо-о-ой... Можно на выро-о-ост, — заметил Эврард, убирая руку с раны, а я набралась смелости и стала лить содержимое сверху.

— Как-то не очень, — я присела, внимательно рассматривая результат и залитые кровью штаны.

— Он перене-е-ервничал, — усмехнулся Эврард. — А так девятна-а-адцать... Ни одни полуша-а-ария ещё не жа-а-аловались!

— Ты что? Совсем с ума сошел? На хрена мне этот анонс? — возмутилась я, глядя, как зелье пенится, а кровь начинает сворачиваться. — У тебя что? Где-то в штанах зашевелилась совесть?

— Ты предста-а-авь, как я вхожу между верхними полуша-а-ариями и начинаю объяснять Цвето-о-очку, как нужно пра-а-авильно рабо-о-отать! Я буду не-е-ежен, — заметил Эврард, а я видела, как рана слегка затягивается.

— Тебе стоит прилечь, — заметила я, облегченно выдыхая.

— Ты на что-то намека-а-аешь? — сладенько заметил Эврард, нежно проводя рукой по моим волосам.

— Я не намекаю, — глубоко вдохнула я, глядя на окровавленные тряпки на полу. — У меня просто глаз дергается!

— А чего это у тебя гла-а-аз дергае-е-ется? — участливо спросили меня, осторожно притягивая к себе и укладывая рядом. Эврард дышал в мои волосы, по-хозяйски положив руку мне на талию. Сердце в груди бешено стучало, вспоминая пережитый ужас.

— Где охрана? — прошептала я, вдыхая волшебный запах сандала. — Почему тебя не защитили?

— Я же сказа-а-ал, что охра-а-ана — это иллюзия защи-и-иты. Одно движе-е-ение руки, и фисе... Нет иллю-ю-юзии... — я чувствовала, как мне с усмешкой делают «рыбку» моими же губами.

— Вот лежит рядом бессо-о-овестный Цвето-о-очек, соблазня-я-яет своими пре-е-елестями, а я тут как раз умира-а-ать собрался! Разве тут спокойно умре-е-ешь? — мои волосы перебирали, освобождая декольте платья для пра-а-авильного угла обзора.

— Да не соблазняю я тебя! С чего ты взял! — возмутилась я, пытаюсь встать.

— А я ту-у-ут умира-а-ать собра-а-ался, — усмехнулся Эврард, проводя пальцами по моей руке, пока я тонула в болоте чужих глаз. Зеленая трясина затягивала меня куда-то вглубь, топила, не давая возможности выбраться. Я хваталась за разные мысли. Моя рука нащупала корягу «Я вообще-то была как бы замужем», но коряга выскользнула из моей руки, оставив меня снова тонуть в глубине чужих глаз. «Ты же хотела вернуться?» — мои пальцы снова пытались ухватиться за корни проблемы, но они обрывались, заставляя меня тонуть еще сильнее. «Но ведь обо мне подумают...» — цеплялась я за пучок травы на кочке, который рвался и заставлял меня тонуть еще глубже... Чем больше дергаюсь, тем сильнее затягивает...

Я подняла руку и молча положила ему на щеку, подведя пальцами понятную одной мне черту. — У тебя хоро-о-оший вку-у-ус. Потому что я тебе нра-а-авлюсь! — заметил Эвхард, а я отдернула руку, засопела, как стадо ежиков.

— Ты невыносимый человек! — обиделась я, сжавшись и нахмурившись.

— Ра-а-азве что вперед нога-а-ами, — усмехнулись мне, снова ловя мой взгляд. — Все-е-е, я то-о-очно надумал умира-а-ать! Те-е-еерь оконча-а-ательно! Я ста-а-ар уже для таких заба-а-ав, которые мне предлагает Свето-о-очек! Предлага-а-аю ввести новое пра-а-авило. Заместителей генера-а-ального хороня-я-ят вместе с генера-а-альным. Чтобы ему на том свете не пришлось-о-ось самому чита-а-ать докуме-е-енты.

Я обиделась, хмуро глядя в зеленые глаза. Мысли о том, что вместе с генеральным хоронят всю фирму, меня мало радовали.

— Мне кажется, — хмуро заметила я, снова бросая на него взгляд исподлобья, — что сотру-у-удники умрут ра-а-аньше.

— Это еще почему-у-у? — улыбнулся Эвхард, поднимая брови.

— Потому что девятна-а-адцать сантиметров, — передразнила я, все еще очень сильно обижаясь.

— Тебя это заво-о-одит? — осведомился умирающий.

— В тупи-и-ик! — огрызнулась я, понимая, сколько бы я на него ни злилась, злость улетучивается моментально, стоит лишь посмотреть ему в глаза.

— Все-е-е, я надума-а-ал! Я уми-и-ираю оконча-а-ательно и бесповоротно! — тяжело вздохнул Эвхард, закрывая глаза. — Ка-а-ак хорошо, что есть кому приня-я-ять мой после-е-едний вздо-о-ох...

В этот момент он прижал меня к дивану и поцеловал. Я не верю. Нет, я не верю... Это мне снится... Я осознаю, что это происходит, но проще списать ощущения на горячечный бред. Кто угодно, но не он. Но я чувствую чужие губы, которые нежно прикасаются к моим, чтобы подразнить меня. И в тот момент, когда я чуть-чуть подаюсь вперед, меня целуют, заставляя мучительно задыхаться и умирать. Я не помню, когда в последний раз так целовалась. Не помню, чтобы я вообще когда-нибудь так целовалась. Не могу понять, что моя рука делает на его щеке, почему сердце разрывается на целую вселенную, наполняя теплотой взрыва мою душу.

Сколько нежности мне хочется вложить в поцелуй, но я чувствую себя неумелой девочкой, пытаюсь забыть обо всем и помнить о самом главном.

— Не надо, — шепчу я, пытаюсь положить свои пальцы на чужие губы в знак неловкого и нежного протеста. — Я прошу тебя... Не надо...

Как будто яд разливается по всему телу, как будто я глотнула смертельную дозу и дни мои сочтены. Он действительно ядовит... Ядовит... Особенно рука, которая без экскурсовода разгуливает по моим личным достопримечательностям! Я отвела его руку, как бы намекая, что раненым рекомендован покой. И если кто-то не успокоится, то быстро упокоится!

В ответ на моей щеке запечатлели самый целомудренный из всех целомудренных поцелуев.

— Ну все-е-е, все-е-е, — заметил Эвхард так, словно ничего не произошло. — Не надо-о-о так не-е-ервничать... А то разнервнича-а-алась тут... Я даже умира-а-ать передо-у-умал...

Я смотрела на него и не могла понять, чего мне хочется больше — просто задушить его или сделать это не-е-ежно.

— Я ре-е-ешил тебя наказа-а-ать, — гаденько улыбнулся Эвхард. — За то, что не дала-а-а...

Я подняла брови, склоняясь к первому варианту с обычным удушением.

— ...Мне умере-е-еть споко-о-ойно, — сладенько закончил после тревожной паузы Эвхард. —

За это ты бу-у-удешь спа-а-ать со мно-о-ой... Про-о-осто спа-а-ать, просто ря-я-ядышком...

Охраня-я-ять меня...

— Слушай, а ты не подумал, как это будет выглядеть со стороны? Что подумают люди? — мои глаза округлились от таких перспектив.

— За-а-автра скажу, что я пина-а-аюсь, а ты храпи-и-ишь, — на меня посмотрели кротко-кротко. — Чтобы им было над чем поду-у-умать. А пока они реша-а-ают, кого жале-е-еть, а кого не-е-ет, ты бу-у-удешь ночева-а-ать где-е-есть.

* * *

Утро встретило меня солнечными лучами добра и одеялом, которое заботливо прикрывало мое сонное, развалившееся на диване тело. Есть маленькая разница между чувствами и порывом.

Вопрос «Где я?», рожденный сонными полушариями, свидетельствует о порыве. Вопрос «Где он?» — о чувствах. Самый бессовестный на свете Цветочек был одет и завернут в одеяло, пытаюсь понять, где его Гла-а-авная Проблема-е-ема. «С проблемой нужно переспать!» — снова намекала на неиспользованную возможность строгая бабушка. Мне кажется, бабушка что-то недоговаривала.

Я поднялась, зевнула и увидела то, что скрасит мне воспоминаниями самый тусклый и мрачный день. За столом сидел Эврард, а на голове у него... ша-а-апочка. Цвет и вид шапочки вызывали у меня много вопросов к изготовителю. Я бы сказала больше! Я бы безошибочно узнала автора этого шедевра в толпе. Отсутствие глаз и руки из попы в любом случае привлекают к себе некоторое внимание. Это порождение дизайнерской фантазии было ядовито-зеленым, прямо в тон глаз. С одной стороны она была похожа на тубетейку, а с другой придавала обладателю некий издевательский шарм.

— А у тебя-я-я такой не-е-ет, — заметил Эврард, снимая свою шапочку и снова надевая на голову. — А где-е-е ее взять — не скажу-у-у... Это моя любви-и-имая ша-а-апочка. Цветочек отказа-а-алась мне связать ша-а-апочку, поэтому ее свя-я-язала друга-а-ая...

— Нет, ревновать к фабрике «Красная Шапочка», которая выпускает зеленые тубетейки, я как-то не буду. Пусть даже там работают самые красивые чесальщицы-мотальщицы! — усмехнулась я, скидывая одеяло.

— Та-а-ак, мотальщица моих не-е-ервов, — зевнул Эврард. — И чесальщица-а-а оче-е-ень ва-ажного у му-у-ужчины места, ты есть бу-у-удешь?

— Чего? — напряглась я, ужасаясь ночным непроизвольным поползновениям моей руки. — Это что я там чесала у тебя?

— А ты-ы-ы что? Не по-о-омнишь? — Эврард поднял брови. — Бессты-ы-ыжий Цвето-о-очек... Ты у меня чесала со-о-овесь... Всю но-о-очь чесала... Ле-е-ежу я, а ря-я-ядом сопи-и-ит у меня на груди Цвето-о-очек, обнима-а-ает меня как родного... Дове-е-ерчиво обнима-а-ает... И Цвето-о-очек не ду-у-умает о том, что пла-а-атье съехало-о-о и обна-а-ажило что-то о-о-очень интере-е-есное. Но Цве-е-еточку показалось ма-а-ало, поэтому он пополз вы-ы-ыше... Цве-е-еточек вознаме-е-ерился штурмовать карье-е-ерную ле-е-естницу во сне. Пла-а-атье было про-о-отив и решило оста-а-аться там, где было... Так что... Как бы это ска-а-азать...

Я смотрела на него в упор.

— Таким взглядом отстреливают все живо-о-ое в радиусе пораже-е-ения. Я не люблю слово «пораже-е-ение». Так что скажем по-другому! В ра-а-адиусе побе-е-еды. На чем я останови-и-ился? Ах да! Я це-е-елую-ю-ю... — продолжал Эврард, сладенько улыбаясь широкой чеширской улыбкой. — Я це-е-елую-ю-ю...

— Ночь? — подсказала я, понимая, что надо мной бана-а-ально издева-а-аются.

— При чем здесь но-о-очь? Я говорю, что целу-у-ую, целу-у-ую то, что мне подставили, а Цве-е-еточку хоть бы хны... — горестно закончил Эврард, поправляя любимую шапочку. — И тогда я поду-у-умал, что, мо-о-ожет, стоит натяну-у-уть?

— Отличные мысли, — шумно выдохнула я, закатывая глаза.

— Пла-а-атье! Натянуть на нее пла-а-атье, чтобы она с утра не пережива-а-ала! — скромно закончил Эврард, сложив руки на груди и кротко глядя на меня, мол, фу, какая ты пошлая! Ай-ай-ай! — А еще-е-е у меня есть две но-о-овости. Но ты сна-а-ачала пое-е-ешь, ибо так рассказывать совсем не интере-е-есно. Тарелка на сто-о-олике...

— Нет, лучше сразу, а то вдруг отобьют аппетит? — я и сама уже не просто заприметила тарелку, а и облизывала ложку после первой пробы.

— Нас заме-е-етили, — сладко улыбнулся Эврард. Нет, конечно, новость отличная! Еще бы нас не заметить! Мы — молодцы! Мы тут продажи подняли! У нас каждый день приходят новички! И столько людей было на презентации! — Насто-о-олько, что планируют нас запретить на высо-о-оком государственном у-у-уровне. Я перехвати-и-ил сообще-е-ение.

— И что? — фыркнула я. — Будем работать подпольно! Мне не привыкать!

Где-то в воображении рисовалась картинка. Темный переулок, случайный прохожий и мрачный тип в длинном плаще, который опасно озирается по сторонам, а потом крадется за бедолагой, не успевшим домой до заката.

— Кто вы? — выдыхает побледневший прохожий, глядя на мрачный силуэт.

— Яд! Порошок нужен? — полы плаща распахиваются, а там пришиты наши образцы.

Картинка помутнела, рождая следующую.

Под окнами обычных людей сначала что-то зарывают странные типы, а потом приходят другие странные типы и что-то откапывают. А где-то сидит подполье, фасуя запрещенную продукцию. — Ничего страшного, — отмахнулась я от первой новости, глядя на Эврарда глазами человека, который уже мысленно приготовился орать: «Не закрывайте!» — подкладывая кирпич под дверь с домофоном. Я даже мысленно заготовила кроссовки, чтобы сдавать кросс с сумками, завидев потенциальную жертву.

— И щито поде-е-елать? — пожал плечами Эврард. — Все-е-е очень серье-е-езно...

Я задумалась и погрузилась. Слово «серьезно», насколько я понимаю, просто лежит и пылится в словарном запасе Эврарда. Сомневаюсь, что он случайно его обнаружил и решил выгулять. А с ним вместе увязалось слово «очень».

Диван показался очень аппетитным для седалищного нерва, поэтому он внимательно к нему присматривался.

— Послу-у-ушай, когда ты начина-а-аешь сражаться, ми-и-ир настроен скепти-и-ически. Он ста-а-авит препя-я-ятствия, чтобы поня-я-ять серье-е-езность твоих намерений. Если уда-а-астся их преодолеть, не потерять прису-у-утствия духа, то мир пойме-е-ет, что ты настро-о-оена реши-и-ительно и протя-я-янет тебе ру-у-уку, — глубокомысленно заметил обладатель зеленой шапочки, которая придавала ему вид если не великого мыслителя, то доморощенного философа. Доморощенность выражалась в том, что в такой шапочке не каждый рискнет показываться в людном месте. Хотя... Шапочка действительно заставляет меня улыбнуться.

— Е-е-есть и втора-а-ая плоха-а-ая новость. Наш бывший прое-е-ектор, — на меня посмотрели выразительно, — примкну-у-ул к на-а-ашим лю-ю-ютым друзья-я-ям. Он очень общи-и-ителен, поэтому о ма-а-агии и прокля-я-ягях тебе лучше не заика-а-аться. Он рассказал все, что зна-а-ает о нас, так что тепе-е-ерь приде-е-ется быть осторожными.

То есть как? Он же обещал раствориться, исчезнуть, спрятаться... Почему он пошел к конкурентам? Я сглотнула, не понимая, что пытаюсь проглотить — ком в горле или еду?

— Результа-а-ат ты ви-и-идела, — закончил свою мысль Эврард.

— А что с охраной? Ты так и не ответил... — занервничала я, стараясь не показывать свои нервы. — Неужели их всех убили?

— Зна-а-аешь, Цвето-о-очек... Меньше зна-а-аешь, дольше прожиге-е-ешь, — усмехнулся Эврард, а потом посмотрел на меня ледяным взглядом, который никак не сочетался со смешной шапочкой. — Я ошибок не прощаю.

Вот теперь попа точно покусилась на диван. Схватила намертво и не отпускала свою добычу. Даже не знаю, как буду выходить, ибо в дверь с диваном не помещусь...

— Иди ко мне, Цвето-о-очек, — позвал меня Эврард. — Ты злишься потому, что плохо ку-у-ушала? Цвето-о-очек голодный, поэтому и зли-и-ится. Я все по-о-онял...

Он страшный человек... У меня дрожали колени и тряслись руки. Сердце нервничало, вздрагивая и настораживаясь. Я опасноливо подошла к Эврарду, который протянул руку, осторожно взял меня за талию, притянул и посадил на колени лицом к себе.

— Так ты ж ранен. Как же твои тяжкие телесные повреждения? — опомнилась я, вспоминая игру в больничку. Если меня вдруг спросят, как меня угораздило, честно отвечу, что все началось с детской игры в доктора.

— Где-е-е мои преле-е-естные поврежде-е-ения головно-о-ого мозга-а-а? — усмехнулся Эврард, прижимая меня к себе и вдыхая запах моих волос. От его дыхания у меня по спине пробирался подлый холодок. Мысли крутились вокруг того, что я видела. Помню, как стоял на коленях Проектор, умоляя не убивать его за такую мелочь. Есть подозрение, что если бы я не вошла и не вмешалась, то несчастного трусишку бы убили. Смущало еще и то, что охрана, которая пережила нападение на хозяина, скорее всего не пережила гнева хозяина за такую оплошность... Списокочек длинный.

На меня смотрели милые, коварные и совсем не злые глаза, игриво приподнятые брови, мол, «а кто у нас тут бессо-о-овестный Цвето-о-очек», на голове была забавная шапочка, и... я бы никогда не подумала, что это один и тот же человек.

Внезапно Эврард снял с себя мой длинный волос, подозрительно разглядывая его на свет.

— Это кто-о-о у нас линия-я-яет? — коварно заметил он, с подозрением глядя на меня, а потом широко улыбаясь. — Это бессо-о-овестный Цвето-о-очек линия-я-яет... Ита-а-ак, Цве-е-еточек собирает деньги на ще-е-етку... Чтобы мы ли-и-иньку пережи-и-или... Буде-е-ет меня-я-я Цвето-о-очек ще-е-еточкой чи-и-истить... Или мне приде-е-ется раздева-а-аться, чтобы бра-а-

ать Цве-е-точка на коле-е-ени. А щито поде-е-елать? И Цвето-о-очку приде-е-ется разде-е-еться...

— И что ты там не видел? А? — поинтересовалась я, вспоминая, как отгоняла муху от себя в тот момент, когда пыталась принять ванну. — И вообще, я еще за муху обижена! Ты меня за кого принимаешь?

— Я просто удобря-я-яю зло-о-ой Цвето-о-очек, чтобы он ро-о-ос над собой, — кротко ответили мне, подарив самый скромный поцелуй.

— Ты ищешь предлог? — осведомила я, тяжело вздыхая и понимая, что сопротивление не просто бесполезно в силу того, что он мне действительно нравится, но и опасно, потому что однозначно нравлюсь ему.

— Нет, я ишу-у-у местоиме-е-ения, — сладко улыбнулись мне.

Глава 12

Держи карму шире

Кто еще не получи-и-ил сандаля,
собирайтесь в ку-у-учку,
у меня ма-а-ало вре-е-емени.

На столе была расстелена огромная карта, где чайным пятном растеклась столица, отпечатками кружки — большие города, над которыми мигали волшебные цифры. О! У кого регистрация! Еще одна! Над небольшим городком циферка менялась с завидной скоростью.

— Так, а это у нас что тут? Почему мы еще не здесь? — поинтересовалась я голосом главнокомандующего, рассматривая какой-то населенный пункт, куда еще не ступала нога сетевого. — И вот еще один... Их несколько таких... Надо приобщать людей к прекрасному! — Здесь никто не работает, — мрачно заметили маги и переглянулись. — И лучше не начинать! Я, когда работал с драконьими сердцами, тоже думал, что неплохо было бы поработать там... Дверь распахнулась, и в комнату вбежал, задыхаясь, одноглазый принц. Его парик съехал, глаз был круглым от испуга, повязка болталась на шее, а костюмчик, в котором впрору оболывать непредвзятых принцесс, был порван и окровавлен.

— Нас разыскивают! — задыхался гонец, протягивая мне порванный и потный лист. — Смотрите!

Я развернула бумагу и увидела свой портрет. Хм! Вряд ли нормальная девушка рискнула бы с такой фотографией регистрироваться на сайте знакомств! На меня смотрела агрессивная мадам с лицом — отпугивателем слабонервным мужиков. Хмурые брови, поджатые губы и взгляд, которым можно высверливать дырки в стенах, — вот то, какой меня увидел безвестный художник. За мной стояла ватага молодцов-головорезов. Вид у них был свирепый и грозный. «Внимание! В окрестностях орудует банда разбойников! — прочитала я, чувствуя, как ползут вверх мои брови от удивления и негодования. — Они похищают людей, детей и животных! Требуют выкуп! Будьте предельно осторожны! Не разговаривайте с ними. При виде их сообщайте страже!» Ага, и дописано: «Пристают к людям с фразой: „Я знаю, как заработать деньги! Могу научить действенному способу!“» В голове играло: «Га-а-аворят, мы бяки-буки... Как выносит нас земля! Дайте каталоги в руки, чтобы мы пошли в поля! Вуаля, вуаля! Завтра мы идем в поля...» Пока в голове играла шарманкой эта песня, брови ползли вверх, рассеянный взгляд искал хоть какое-то внешнее сходство между бандой головорезов и солидной фирмой, я прикидывала, чьих липких от клея рук это дело.

— Они везде!.. По всей... столице! — выдыхала жертва бана, опираясь руками на колени. — Стража... едва завидев нас... бросилась... А потом... Еле отбились... Я троих убил... каталогом... четвертому плеснул в глаза... этим... бользамом... Как он орал! Еще бы! Глаза у него вытекли...

Надо будет добавить надпись, что при попадании в глаза — вытереть их с одежды. Ослепительный эффект гарантирован!

— Мы проводим срочное совещание! Собирайте всех! — приказала я, решительно вставая со стула и упираясь руками в стол. — Будем думать, как отбелить свою репутацию в глазах потребителей!

Судя по лицам и одиноким зевкам, отбелить никто ничего не планировал. В глазах читалось: «Что? Опять?» — намекая на то, что «все пропало, шеф».

— А смысл? — пожали плечами маги. — Зачем проводить совещание? Тут и так все понятно. Нам уже работать не дадут! Страже люди верят! Бессмысленно даже пытаться!

— Я что-то не поняла! — возмутилась я, глядя на зевотный бунт. — Это что? Саботаж? Первая трудность вас испугала? Мы найдем способ! Я знаю несколько способов, которые могут нам помочь!

— Прятаться? Работать из-под полы? — усмехнулся седой маг, глядя на меня, как на капитана тонущего корабля. — Да нас сожрут просто! Драконьи сердца принадлежат государству. У золхимов есть мощное лобби! Я раньше на гномьем золоте работал. Тоже сначала объявили вне закона, а потом все стали вешать! Сокровища древних зажали так, что до сих пор упоминать боятся. Сразу на костер!

— Прекратите панику! Сейчас проведем Вторую Ассамблею! — возмутилась я, глядя на унылые лица присутствующих, которые роптали так, словно единственное, что они заработали у нас, так это геморрой размером с кулак и нервный тик!

— А я говори-и-ил! — раздался позади меня голос Эврарда. — А кто эта краси-и-ивая де-е-евушка на карти-и-инке? Кто это у нас такой гро-о-озный? Неужели это Цвето-о-очек? И когда-а-а это ты успе-е-ела попози-и-ировать? Не подходи-и-и ко мне! Я начина-а-аю боя-я-яться! Стра-а-ашная ты же-е-енщина! А еще и храпи-и-ит!

Так! Есть целый список людей, с которыми я в разведку ни ногой! И возглавля-я-яет его... И возглавля-я-яет его... Кто же это может быть?

На меня все посмотрели загадочными взглядами, как бы намекая, что профессионализм бывает разный.

— Это что за «внимание, я плету интригу»? — я поймала несколько очень заинтересованных моей личной жизнью взглядов. Если у кого-то в этот момент перед глазами мелькает жизнь, то вот в этих бесстыжих зеленых читалась вся Камасутра!

— Да-а-а, Цветочек храпи-и-ит! Я просыпа-а-аюсь ночью от мысли, что сплю с медве-е-едем! — продолжал Эврард, коварно глядя на меня.

— Ты хочешь сказать, — взгляд у меня стал очень тяжелым, а в голосе прозвучал металл, — что я еще и лапу сосу?

— Ну почему сразу ла-а-апу? — Эврард игриво приподнял брови. Зрители затаили дыхание, предвкушая свежие подробности. — Мо-о-озги сосать уме-е-ешь. Професси...

Он вздохнул, нежно глядя на меня.

— ...Она-а-а-ально, — мурлыкнул принц гадский, наслаждаясь звучанием окончания этого каверзного слова.

— Ты что? Издеваешься? — вспыхнула я. У нас даже на собраниях не было такой тишины. — Когда это было?

— Когда ты меня нога-а-ами с дива-а-ана оттолкала! Сплю я, зна-а-ачит, сплю-ю-ю, лежу на кра-а-аешке... А потом чувствую, что по-о-ол поднима-а-ается... Причем бы-ы-ыстро... Ба-а-ац! И мы слились с ним в до-о-олгом поцелу-у-уе! — томно вздохнул гениальный директор. — У меня доста-а-аточно то-о-олстый наме-е-ек?

— Не умеешь ты намекать! Ой не умеешь! — парировала я, понимая, что за такую шутку можно легко кубарем скатиться по карьерной лестнице в подвал безработицы. — Две минуты намек и фисе! Зато пафоса, пафоса! Иногда даже вопрос не стоит!

— Что ты хо-о-очешь от ста-а-арого, больно-о-ого челове-е-ека? — пожал плечами Эврард, ничуть не обидевшись. — Кто хочет подро-о-обностей — пусть прихо-о-одит на собра-а-ание!

— Знаю я этого старого, больного человека! А потом на развалинах часовни... — усмехнулась я.

— Ты хочешь сказа-а-ать, что я — разва-а-алина? Я — разва-а-алина? — зеленые глаза нехорошо сощурились в мою сторону.

Структура сделала несколько шагов назад, освобождая место для будущей воронки.

— Зря ты так, — прошептал мне одноглазый. — Прощай, Цветочек...

Я что-то не поняла? Что значит «прощай»?

— Разва-а-алина... — повторил Эвхард, скорбно поджимая губы. — Все с тобой поня-я-ятно...
— Эвхард, — я вообще ничего не понимала. — Ты чего? Что я такого сказала?

Но он обиделся смертельно и покинул зал.

— Везучая, — принц Эрик похлопал меня по плечу своей медвежьей лапой. — Тут и за меньшее в порошок стирали!

— Собирайте всех лидеров! — глухо произнесла я, гипнотизируя дверь. — Будем решать, как быть!

Я просидела в кабинете, составляя повестку дня и тщетно пытаюсь найти свою вину. Где я только ее не искала, но кристально чистая совесть разводила руками, мол, нет ничего!

— Цветочек! — в дверь бабахнули кулаком так, что чуть не вынесли ее вместе с петлями. — Все пришли.

Я взяла бумаги, расправила плечи и приготовилась поднимать боевой дух команды.

Спустившись по лестнице, я увидела, как в холле раскинулся полевой госпиталь.

Забинтованные тряпками, подволакивающие ноги, показывающие друг другу выбитые зубы и синяки, лучшие представители структуры обильно жаловались на произвол.

— У меня два жуба выбили! — хныкал бородатый мужик с заметными проплешинами, а рядом охала какая-то женщина, баюкая руку в косынке. — Как накинута! Как накинута!

Почему-то в этот момент мне захотелось дать задний ход, но меня уже заметили и посмотрели с некоторой неприязнью.

— Фто проифходит? — возмутился беззубый, размахивая руками. — Фто творитфя! Я уфожу! Мне ждоровье дорофе!

— Разбойники! — выла сиреной женщина с фингалом под глазом. — Так я и знала! Вот как чувствовала, что обманут!

Голоса сливались в один жалобный вой.

— Успокойтесь! — приказала я, чувствуя, как внутренности делают кульбит. — Я прошу вас, успокойтесь! Все в порядке! Все под контролем! Это равносильно народной любви! Просто правительство нас недолюбливает!

— Ы-ы-ы! — возмущались активисты, показывая, где конкретно их недолюбили.

— Вот! — мне показали спину, на которой сохранились следы плети. — Недолюбили?

— Хорошо, конкретно вас — перелюбили! — в горле пересохло. Структура рушилась на глазах, и, судя по уверениям, никаких денег им уже не надо!

— Мне обещали дом сжечь, если я еще раз кому-нибудь что-нибудь предложу! — слышался визгливый женский голос. В меня полетел каталог, от которого я ловко увернулась. Еще бы, сказывалась ежедневная практика.

— ...А потом как хлоп! Очнулся я в канаве! — басил кто-то, пока стоящий передо мной мужик размахивал руками, как таежник, забывший спрей от комаров.

— Успокойтесь! Сейчас все решим! Я придумала, как мы... Эй! — возмутилась я, глядя на то, как народ под руководством какого-то мужика устремляется к выходу. — Сетевой — это образ жизни!

— Нездоровый, надо сказать, — закивал Носач, подходя с бумагами. — Это провал. Я говорил Эвхарду, что ему не дадут выйти на рынок? Говорил! А он мне что? А куда-а-а они де-е-енутся? Я ему говорил, что он начал опасную игру? Говорил! А он мне что? А что-о-о они мне сде-е-едают! Они мо-о-огут упасть и уку-у-усить меня за-а-а ногу!

Я нервно отмахнулась, следя за нехорошими настроениями. Срочно требовался Терминатор, чтобы остановить массовую терминацию.

— А у нас изменилась мотивация! — бодренько начала я, пытаюсь перекричать рокот возмущения. — Теперь с продажи на десять вы получаете не одну, а две монеты! Например, вы продали на десять золотых! Два золотых ваши! А еще у нас скоро появится конебонус! При обороте в пятьдесят золотых вы получаете коня на выбор! А еще у нас появились лидерские бонусы! Если ваша структура делает оборот в сто золотых, то вам сверху дают пять! И путешествия! Мы как раз разрабатываем туристические маршруты! За счет компании! У нас тут будет круиз, в который мы поплывем!

— Лодку свою нужно иметь? — уточнила какая-то женщина под сорок, нахмурившись и пытаюсь оценить наши преимущества.

— Пока да, но мы что-нибудь придумаем! — отмахивалась я, глядя, как все остановились и обдумывают выгоды. Некоторые даже стали загибать пальцы, пытаюсь прикинуть прибыль. Я

слегка подуспокоилась, чувствуя, что не зря просидела три часа над новым маркетингом. Почему-то слово «круиз» всех очень заинтересовало, поэтому, забыв про раны и про боль, меня засыпали вопросами.

— Мы построим корабль и... — вдохновенно описывала далекое будущее я, представляя, как самолично спускаю на воду какой-нибудь «Непотопляемый», разбивая об него все мечты на возвращение.

— Не кора-а-абль, а гале-е-еру! — послышался знакомый голос. — И вы будете выгребать!

Никаких бо-о-онусов! Кому не нра-а-авится — марш отсюда!

— Ты что творишь? — мои глаза округлились. — Эврард, ты что делаешь? Я их еле удержала!

— И никаких побла-а-ажек! А то раската-а-али губу! — продолжал Эврард, окончательно превращая нашу фирму в ЧП «Кидалово». — Совсе-е-ем обнагле-е-ели! Цвето-о-очек не согласова-а-ала со мной все измене-е-ения, так что это не счита-а-ается!

Большинство поползли к выходу, проклиная тот день, когда стали частью нашей дружной и молодой «команды».

— Ты зачем это делаешь? — я занервничала, глядя на Эврарда, который стоял и смотрел на удаляющиеся в сторону двери спины моей структуры. — Ты что? Обиделся? Ты сам мне говорил, что я имею право изменять условия, если это будет выгодно для компании! Это даже в договоре прописано!

— Я то-о-оже уме-е-ею изменя-я-ять условия, если это вы-ы-ыгодно компа-а-ании! — ответили мне, глядя с нехорошим прищуром.

— Ты обиделся на «развалину»? Это шутка. И к тебе она не имела никакого отношения! Ты еще молод и энергичен, так что отдай плед бабушке, очки — бабушке и пошел вон из дома престарелых! — с укором посмотрела я на страдания тонкой душевной организации. Эврард молчал, глядя на меня холодным, директорским взглядом.

— Иди за мной. Сейчас наказывать буду. За самостоятельность. Сейчас тебе прилетит такой сандаля, что мало не покажется! — спокойно и холодно усмехнулся он.

Ага, кажется, я знаю даже, какого размера!

Я хотела взбрыкнуть, но молча поплелась за ним, собирая в голове десяток веских аргументов, которыми буду отбиваться. Я сопела, как стадо ежей, с прищуром глядя на высокий силуэт, шествующий впереди меня. Гордо вскинув голову, как партизанка, которую ведут на допрос, запасшись слюной, чтобы в нужный момент плюнуть в лицо этому гению бизнеса, который одним движением руки разрушил плод моей кропотливой работы, я шла, сжимая кулаки. Сейчас-сейчас! Если меня сейчас собираются макать, как котенка в его авторские продукты жизнедеятельности, то буду котенком до конца. Пусть потом начальство отстирывает свой коврик!

— Проходи, Цвето-о-очек! — передо мной гостеприимно открылась дверь. Где-то среди мебели затаились неприятности, готовые в любой момент броситься на меня и покусать. Я подозрительно осмотрелась, пытаюсь понять, откуда ветер дует.

А ветер дул со стороны стола, где стояли бутылка вина и два бокала. Дверь мягко закрылась, а полумраке вспыхнули свечи.

— Я так понимаю, — хмуро заметила я, осматривая натюрморт, — что на столе рядом с будущим орудием убийства стоит моральная анестезия?

— Как-то та-а-ак, — мурлыкнули мне. — Сейчас у нас будет о-о-очень серьезный разгово-о-ор! Так что гото-о-овься! Я буду мыслить о-о-очень глубоко!

— Послушай, глубокомыслящий, меня глубина твоей философской мысли как-то не прельщает. Ты только что разогнал мою структуру! Ты фактически лишил меня работы! Столько трудов — и все насмарку! — я глубоко дышала, представляя, как прикрываю дверь, за которой покоится с миром мое бывшее руководство!

— Я все сделал пра-а-авильно. Приказы нача-а-альства не обсужда-а-аются. И не осужда-а-аются, — меня усадили на диван и налили полный бокал, который я поставила на стол, отказывая себе в удовольствии сделать глоток. — Я хотел тебе сказа-а-ать, не привязывайся ко мне. Мы все равно-о-о однажды расста-а-анемся. Ра-а-ано или по-о-оздно я уйду-у-у.

— Кажется, я даже знаю куда, — закивала я, глядя на вино, к которому не собиралась притрагиваться. — Могу отправить сейчас, а могу по-о-озже! Думаю, что тебя уже туда неоднократно посылали, поэтому дорогу зна-а-аешь.

— Как насчет того-о-о, чтобы оправда-а-ать слу-у-ухи? — спросили у меня, присаживаясь рядом.

— Какие слухи? — наигранно удивилась я. — Слух о том, что я романтик с большой дороги, промышляющий грабежами и насилием? Ну это мы мигом! Структуры больше нет, так что завтра засяду в кустах и буду грабить прохожих! Надо же как-то делать личный товарооборот. Нет, стой! Есть еще слух, что у меня где-то спрятаны несметные богатства! Вот этот слух, я бы с удовольствием оправдала!

Руководство по моей коленке слегка настораживало. Руководитель смотрел на меня с усмешкой.

— Цвето-о-очек не понима-а-ает наме-е-еков? — брови Эварда вопросительно поднялись.

— Кактус в какус тебе, а не Цвето-о-очек! — фыркнула я, вставая с гостеприимного дивана. — У меня просто сегодня голова болит!

На меня посмотрели так, словно под рукой было отличное средство от мигрени, прямое попадание которого надолго избавит меня не только от угрызений совести, но и от возможности философствовать на тему «добра, зла и одного козла-а-а».

— А если я тебе-е-е ее просто-о-о оторву-у-у? — послышался голос за моей спиной, когда я ускоряла шаг. — В догово-о-оре, между про-о-очим, это предусмо-о-отрено!

— Где?! — заорала я, напрашиваясь на рифму.

— Пункт де-е-еять, — сладенько протянули мне вслед. — Там написано «etc». — Я уже дергала ручку двери. — Да-а-а... Я — ма-а-астер сокраще-е-ений! И не только шта-а-ата! Где-то в коридоре раздалась смешки. Отлично! Дверь под натиском моей руки открылась, но в коридоре было пусто и тихо.

— Я кому-у-у сказа-а-ал! Иди-и-и сюда-а-а! — послышался голос за моей спиной, а я понимала, что «сюда» — это понятие растяжимое, поэтому предложила идти «туда-а-а». Не знаю, знает ли он дорогу, но показывать ее не собираюсь! Было нехорошее предчувствие, но после фразы: «Кто пойма-а-ает Цве-е-еточка и принесе-е-ет ее сюда, получит пре-е-емию!» — сомнений не оставалось. «Я постара-а-аюсь в сле-е-е-ующий раз промахну-у-уться!» А вот это уже серьезно! Я бросилась по коридору, приподнимая подол, а за мной дружной толпой с топотом кавалерии скакали желающие единоразово увернуться от начальственного гнева! Через минуту меня настигли и, водрузив, как туземцы трофейный ужин, понесли вождю.

— Прости, Цветочек, у меня и так с зубами беда, — бухтел кто-то снизу, пока я пыталась выкрутиться.

— А ты думаешь, как я глаза лишился? — оправдывался еще один «охотник».

— Еще скажи, что у меня рука раньше так сгибалась! — буркнул еще один голос. Меня уже заносило в кабинет, несмотря на мои протесты и крики: «Предатели! Я вам еще припомню!»

— Учи-и-ись, Цвето-о-очек, пра-а-авильно мотивировать люде-е-ей, — протянул довольный голос, когда меня сгружали на диван. — Де-е-ешеве и серди-и-ито. Оста-а-альные — вон отсюда! Так и бы-ы-ыть, прома-а-ахнись разо-о-очек!

Дверь с грохотом закрылась за теми, кто в ближайшее время очень не хотел испытывать боль и судьбу. Я села на диване, хмуро глядя на Эварда.

— Внима-а-ание, санда-а-аль! Я не доволе-е-ен твоей рабо-о-отой! Так може-е-ет работать любо-о-ой! Я жда-а-ал от тебя чего-то бо-о-ольшего! — произнес Эвард, глядя на меня, как удав на кролика. — Но ты не оправда-а-ала ожида-а-аний. Я в тебе разочаро-о-ован...

Такое чувство, будто меня прихлопнули пыльным мешком из-за угла. И сейчас я тщательно подбираю слова. Нет, это слишком мягкое словечко! Его мы брать не будем! А вот это вполне нормальное! Сейчас-сейчас!

— А что ты хотел? Ты хотел, чтобы я за месяц подняла фирму на своих хрупких женских плечах? — возмутилась я, внутренне негодуя. — С нуля?

— Я дал тебе для э-э-этого все необходи-и-имое! — ответил гениальный директор. Не знаю, какая муха его сегодня укусила, но мне ее искренне жаль. Сдохла, бедная, поди!

— Сандалии не считаются мотивацией априори! — огрызнулась я, обидевшись не на шутку. Моя рука потянулась к бокалу, и я залпом его осушила.

— Сла-а-абая и трусли-и-ивая структу-у-ура, которая пасу-у-ует перед незначительными тру-у-удностями. Люди, которы-ы-ым даже де-е-еньги не нужны-ы-ы. Лю-ю-юди, которые рабо-о-отают исключи-и-ительно с пинка-а-а, — продолжал Эвард менторским тоном, пока я делала еще один нервный глоток. — Лю-ю-юди, которые сами не зна-а-ают, чего хотят от жи-и-изни!

Если бы они зна-а-али, чего хотя-я-ят, если бы у них бы-ы-ыл настоящий ли-и-идер, то они бы никогда не ушли-и-и!

— Ты хочешь сказать, — я снова сделала глоток, пытаюсь растворить ком в горле. — Что я — не лидер?

— Настоя-я-ящий ли-и-идер не покупа-а-ает людей обеща-а-аниями! Та-а-ак делают только неуда-а-ачники.

У меня сейчас такое чувство, что вино отравлено, иначе почему так кружится голова, причем настолько быстро, что перед глазами мелькают воспоминания. Если бы мою жизнь характеризовал автомеханик, то он бы назвал ее не иначе как «развал — схождение».

Структуры разрушались, фирмы менялись, я начинала все с самого начала, терпеливо рекрутируя с двадцати — тридцати страниц. И вот, казалось бы, успех, но нет! Снова все рушится в одно мгновение. Такое чувство, словно меня прокляли!

— Пока ты — не та-а-а, к тебе иду-у-ут не те-е-е, — негромко произнес Эвхард, обводя пальцем ободок своего бокала. — У тебя нет це-е-ели — у них нет це-е-ели, у тебя нет хра-а-абрости — у них нет хра-а-абрости и так далее... Все-е-е, что ты де-е-елаешь, обречено на неуда-а-ачу... Твои-и-им планам не суждено сбы-ы-иться, пока ты мыслишь, как хрони-и-ическая неуда-а-ачница...

И в этот момент мир вместе с моей самооценкой рухнул в пропасть. Никогда не думала, что воздушные замки могут падать с таким грохотом, который до сих пор стоял в ушах.

— А если моя мечта не продается? — мои губы снова прикоснулись к вину. По щеке скатилась холодная слеза.

— Все в ми-и-и-ре прода-а-ается. Гла-а-авное — сойтись в цене-е-е. Если ты о любви, то она всегда прода-а-ажная, — меня взяли за подбородок и развернули лицом к себе. — Она прода-а-ается за ла-а-аску, не-е-ежность, внима-а-ание, сочу-у-увствие, забо-о-оту...

— Вот поэтому она многим не по карману? — моя слеза застыла на щеке, пока я смотрела куда-то в стену. — Слишком дорого?

— Я же, — прошептал Эвхард, склоняясь к моему лицу, — суме-е-ел...

Голос был близко-близко.

— Ее...

Невидимая точка отсчета чего-то необратимого, волнующего и тревожного магнитила взгляд.

— Купи-и-ить... — вдохнули мне на ухо, заставив инстинктивно свести колени вместе и сжаться в клубочек.

К моей щеке прикоснулись теплые губы, осторожно осушая ту самую холодную слезу. Я сумела закрыть глаза, чувствуя, как прохладная и ласковая рука плавно скользит по моей талии, словно змея обвивая ее. Слова, которые я слышала на своих губах, на своих щеках, на своей шее, были подобны яду, который медленно растекается в крови. «Ты самая лучшая... — шептали мне, нежно и отрывисто целуя в губы. — Ни в чем никогда не сомневайся...» С моей шеи резко и больно рванули украшения.

— Ну что ты, де-е-етка, — задыхаясь, целовали мои губы, нежно поглаживая мою шею, сжимая в руке нитку крупных бус. — Где боли-и-ит? Дай поцелу-у-ую...

Я покачнулась вперед, чувствуя, как то место, где только что оставила след нитка драгоценностей, нежно покрывают поцелуями и шепотом просят прощения. Долго и мучительно нежно, заставляя меня задыхаться и вздрагивать после каждого: «Как же сла-а-адко ты па-а-ахнешь, ма-а-аленькая...»

Бокал выпал у меня из рук в тот момент, когда я попыталась поставить его на стол и случайно промахнулась.

Резкое движение его руки, и в мою спину больно впился корсет. Еще один грубый рывок, и мое платье безвольно повисло на бедрах.

— Тише-тише-тише-е-е, — шептали мне, глядя по щекам и нежно целуя в поджатые от внезапной боли губы. — Тише-е-е, де-е-етка... Тише-е-е, ма-а-аленькая! Я сдела-а-ал тебе бо-о-ольно? Не може-е-ет бы-ы-ить... Как я мо-о-ог...

Нежная и прохладная рука гладила мою спину, прося прощения за внезапную боль. Эвхард заглянул в глаза, медленно-медленно и сладко-сладко прикасаясь губами к моим губам.

Внезапно меня дернули за заколку, которая держала прическу. Рука больно потянула за волосы, а потом впелась в них пальцами, даря им всю нежность. Он наклонился к ним и вдыхал их запах.

— Ну что такое, ма-а-аленькая? — на меня смотрели виноватым взглядом. — Что тако-о-ое?.. Я снова сде-е-елал тебе бо-о-ольно... Я неча-а-аянно...

Я взяла его лицо в свои руки и впервые погладила пальцами, чтобы потом приблизиться и поцеловать...

— Соблазня-я-яешь, Цвето-о-очек? — я закрыла глаза, чтобы почувствовать на своих губах его дыхание. — Бессо-о-овестный Цвето-о-очек...

Я чувствовала себя кроликом в объятиях удава, когда наивного маленького кролика душат, а он радостно улыбается: «Уря! Обнима-а-ашки!» А в тот момент, когда его пытаются проглотить, пушистик радуется: «Целова-а-ашки!» А пока изумленный удав понимает, что придется изменить гастрономические предпочтения, глядя на этот комочек меха, кролик тает... Через минут пять выяснилось, что кролик — это не только ценный мех, но и три-четыре поцелуя в секунду.

Покачиваясь на коленях и чувствуя, как прохладная рука меня слегка придушивает, чтобы тут же превратиться в самую нежную руку на свете, как губы то мучают и издеваются, то жалеют и нежат.

Эвхард встал со мной на руках, отбрасывая в сторону ногой мое платье. Через мгновение стол, стоящий на его пути, был перевернут и отлетел к стене. Звон разбитого стекла и упавшего на пол бронзового канделябра.

— Какой у меня не-е-ежный Цвето-о-очек, — шептали мне, укладывая на ковер. — Не-е-ежный и оче-е-ень соблазни-и-ительный...

— Может, не надо? — прошептала я, понимая, что так лучше не делать. — Отпусти меня...

Пожалуйста... Это неправильно... Я не...

— Ах та-а-ак? — спросили меня, нежно целуя в ухо. — Я к тебе и па-а-альцем не прикосну-у-усь, пока ты сама не попро-о-осишь...

По моим губам и шее скользили прохладные бусы, которые держали свой нежный и трепетный путь к моей вздымающейся от волнения груди. Обогнув по очереди каждую, бусы снова вернулись на мою шею, слегка придушивая меня, а потом лаская... Подлое украшение змеёй обвивало мою шею, мои запястья и ноги, оно скользило по животу, заставляя нервничать и переживать. Через мгновенье я поняла, что очень люблю украшения, а еще через пару мгновений я почувствовала, что любовь у нас взаимная, и отнюдь не платоническая...

— Прошу... — прошептала я, впиваясь пальцами в ворс ковра.

— Я не расслы-ы-ышал, Цвето-о-очек, — Эвхард склонился ко мне, криво улыбаясь. —

Повтори-и-и...

— Прошу, — я закрыла глаза и закусил губу, чувствуя дыхание на своих губах.

— Я не расслы-ы-ышал, — прошептали мне, дразня, но не целуя.

— Прошу, — вздрогнула я, обнимая его за шею и принимая с содроганием самый желанный поцелуй-улыбку в моей жизни.

* * *

Я долго не могла уснуть, лежа на его груди. Потом я задремала. В мутном, тревожном сне вертелись слова: «Любовь продается и покупается!» Почему-то представлялся грязный переулок, в котором торгуют любовью из-под юбки. Я застонала, пытаюсь отмахнуться от этой грязи, а потом почувствовала, как меня крепко обнимают и шепотом успокаивают.

— Что же сни-и-ится Цвето-о-очку? — шептали мне в волосы, поглаживая по спине. —

Наверное, рекру-у-утинг? Цвето-о-очка на костре из каталогов жгу-у-ут?

— Что? — встрепенулась я, открывая глаза и сонно глядя на умиротворенную комнату.

— Спи давай, — заметили мне, укладывая мою голову себе на плечо. — Я кому-у-у сказа-а-ал...

— Любовь покупается и продается, — прошептала я, тяжело вздыхая. — Ты хочешь сказать, что я — продажная?

— Не-е-ет, Цвето-о-очек, ты просто аттракцио-о-он невиданной ще-е-едрости, благотвори-и-ительный фо-о-онд по защите приро-о-оды! — усмехнулся Эвхард, зевнув.

— Не поняла? — я тоже зевнула в ответ, а меня завернули в одеяло. Я никогда не отличалась любовью к дикой и домашней природе, беспощадно уничтожая комаров, тараканов и случайно залетевших мух.

— Ко-о-озлов лю-ю-юбишь и защища-а-аешь. Так ма-а-ало того, спаса-а-аешь их от вымира-а-ания. Как, собственно, делает большинство же-е-енщин, — с моего лица скинули прядь

волос. — Е-е-если бы не вы-ы-ы, то они-и-и вымерли бы-ы-ы. А тут вы-ы-ы, сердобольенькие, нахо-о-одите их, обогрева-а-аете, обсти-и-ирываете, ко-о-ормите, рабо-о-отаете на двух рабо-о-отах, чтобы козлы не вымерли с голоду. А козлы вас не лю-ю-юбят. Они умеют бле-е-еять три сло-о-ова: «Я тебя люблю», любя-я-ят капу-у-усту, которую вы им прино-о-осите, и вести себя как будто ве-е-есть мир им до-о-олжен. А сегодня-я-я ты наста-а-авила ему рога-а-а... И все встало на свои места-а-а. Можешь сме-е-ело называть его козло-о-ом. Разреша-а-аю.

— Прекрати, — настроение испортилось, а совесть, которая пыталась меня укубить в этот момент, сплонула и подавилась, пытаясь счистить с языка плесневелый налет настроения.

— Ты подари-и-ила одному козлу-у-у любо-о-овь беспла-а-атно, по акции-и-и. Продала за три-и-и слова-моне-е-етки, — вздохнул Эврард, обнимая так, словно я вот-вот сбегу. — Я понимаю-а-аю, что тебе не нра-а-авится слово-о-о «цена-а-а», но за любовь либо пла-а-атят, либо распла-а-ачиваются. Лю-ю-юбовь — это иллюзия, игра, в которой постоянно поднима-а-аются ставки. И, как в любо-о-ой игре, находится тот, кто умеет блефова-а-ать.

Пока мне это рассказывали, поглаживая по спине, я лежала и думала о том, что нашла в муже кроме трех вовремя сказанных слов: «Я тебя люблю!» Я заботилась о нем, относилась с пониманием к его неудачам и безответственности, дарила нежность, внимание, участие. Но ни разу не получила ничего взамен кроме трех слов, которые со временем превратились в затгычку в любой проблеме. Стоило мне только повысить на него голос, как раздавалось волшебное заклинание: «Я тебя люблю! Ну чего ты злишься?» Стоило мне попытаться в порыве здравого смысла вышвырнуть его из дома, как снова слышалось: «Я тебя люблю! Я без тебя пропаду!» И теперь я понимаю, что, если вытащить эти слова-затгычку из ванны любви, которую я бережно наполняла долгие годы, не останется ничего.

— Ты то-о-оже купи-и-ила меня-я-я, — послышался голос, пока я заглядывала в зловонную канализацию обид и проблем. — Это сде-е-елка. Поэтому я сейчас лежу и выбира-а-аю три слова, которые собира-а-аюсь сказа-а-ать тебе у-у-утром...

— Может, подбираешь? — мрачно заметила я, понимая, что, скорее всего, это будет что-то далекое от оптимизма.

— Подбира-а-ают с по-о-ола, — усмехнулся Эврард. — Обычно подбира-а-ают с пола слова типа: «Я тебя люблю-ю-ю!» Но ты их не услы-ы-ышишь.

Ну все, приехали. А нам еще вместе работать. Какой кошмар. Я попыталась отвернуться и отползти по мере возможностей дивана.

— Иди ты на?.. — предположила я, понимая, что утро, которое началось с этих слов, никто не назовет добрым.

— Я поду-у-умаю. Куда-а-а ползе-е-ет мой Цвето-о-очек? — оживился Эврард, когда я пыталась отодвинуться.

— Эврард, ты... Как бы тебе так помягче сказать? Хм... редкостное удобрение, — шмыгнула носом я.

— Если челове-е-ека постоянно хвалить, ничего хоро-о-ошего не выйдет, — меня поймали и снова прижали к себе, несмотря на мои вялые протесты. Он накрыл нас одеялом.

— Во-о-от, я о тебе позабо-о-отился, — миролюбиво заметил Эврард.

— Ага, и о себе тоже! — согласилась я, понимая, что это не та ситуация, когда я по-королевски развалилась на кровати, отжав все удобства, включая подушку и одеяло, оставив одного «зяблика» сиротливо ютиться в углу.

— Согла-а-асен, — усмехнулся Эврард. — Никто же меня не укро-о-оет...

— Разве что только ма-а-атом, — передразнила я, потершись о его грудь. — Знаешь, Эврард, несчастными людьми и влюбленными женщинами очень легко управлять...

— Спи-и-и, несчастная влюбленная же-е-енщина, — меня накрыли одеялом с головой. — Что-то не вижу, чтобы ты поддава-а-алась на манипуля-я-яции. Я тут манипули-и-ирую, манипули-и-ирую, а ты не поддае-е-ешься.

— Я тебя слегка недолюбливаю, — надула губы я, снова попытавшись отвернуться. Одеяло приоткрылось, на меня посмотрели нехорошим взглядом.

— Бессо-о-овестный Цвето-о-очек! — меня поцеловали в лоб, снова накрывая одеялом. — Я тебя-я-я то-о-оже...

* * *

Утро наступило на одеяло, поэтому оно сползло, вызывая у меня недовольное бухтение в подушку. В качестве борьбы с возражениями был использован легкий шлепок по выпирающей

сонной части тела. Одеядо мне так и не вернули, оставив прозябать до момента окончательного пробуждения.

— И где мои три слова? — зевнула я, протирая глаза. Солнечные лучи заставляли щуриться, а бессонная ночь — зевать.

— У Цвето-о-очка нет со-о-овести! — услышала я, глядя, как на столе появилась тарелка.

— Неправда, там не три слова. Там есть еще и предлог! — запротестовала я, глядя на завтрак в элитном ресторане «Это я-я-я своими золоты-ы-ыми...».

— Ты права-а-а, это всего лишь предло-о-ог, — сладко улыбнулись мне, когда я неловко натягивала платье. Сначала я его надела шиворот-навыворот, потом запуталась в застегках. — Чтобы не было спле-е-етен, ты пониже-е-ена в до-о-олжности! Поздравля-я-яю!

— Чего? — удивилась я, ничего не понимая. — Что значит понижена?

— Вот такой пердюмонокль! — пожал плечами Эврард, мило улыбаясь. — Чтобы дру-у-угим непова-а-адно бы-ы-ыло! А то как пова-а-адятся, так хоть отбива-а-айся... А Цвето-о-очек ревни-и-ивый...

Что-то я не видела в нашем коллективе желающих повторить мой подвиг, а сама мысль о том, что попытки наладить отношения с руководством уже поступали, меня слегка озадачивала. Понимаю, что коллектив сугубо мужской, поэтому свадьбы у нас бывают редко, а на моей памяти не было еще ни одной, но не настолько же!

— Поверь мне, — ядовито ответила я, даря в ответ на милую улыбку не менее милую улыбку. — Я не ревнива. Так что, если увижу сидящего у тебя на коленях огромного потного мужика, ничуть не обижусь...

— А вдру-у-уг за мной о-о-очередь стро-о-оится? — брови Эврарда взлетели вверх, а взгляд устремился к закрытой двери. Он продолжал коварно улыбаться. — И прямо сейча-а-ас, о неревни-и-ивый Цвето-о-очек, сюда зайдет де-е-евушка мечты-ы-ы...

В дверь постучали, превращая меня в мастера спорта по застегиванию пуговиц и приведению в порядок юбки.

— Эврард! Там... — икнул принц Алан, засовывая голову и даже не догадываясь о том, что он — девушка чьей-то мечты. Хотя если бы он и узнал, то, судя по всему, радостно согласился бы. — Там, на складе, все флаконы... Ни одного не осталось!

Вестник плохих новостей тут же спрятал голову, понимая, что летящий в дверь канделябр — это прямое нарушение вчерашнего договора. Но канделябр не полетел. На лице Эврарда расплзалась кривая улыбка. Взгляд ядовитых сошуренных глаз смотрел куда-то в сторону окна. Улыбка стала еще более мерзкой.

— Ладно, — коротко ответил он, бросая на меня взгляд. — Сейчас разберемся. Сиди здесь. Дверь за Эврардом закрылась, а я осталась наедине с нетронутым нами завтраком. Подойдя к зеркалу, я положила на него руку, вглядываясь в свое растрепанное отражение. Бессонная ночь передавала мне привет слегка одутловатым после сна лицом. Жесткий график работы тоже присоседился синеватыми тенями под глазами. Так что макияж в стиле «Трудоголик» у меня уже есть. Соблазнять начальство можно только таким макияжем. «Когда я говорила, что с проблемой нужно переспать, я имела в виду немного не это!» — странно смотрела на меня моя бабушка, поправляя очки. Ага, держи карму шире! Сейчас в нее очки напихают!

Я ждала угрызений совести, но совесть расплылась в улыбке, от которой стоматолог начинает мысленно выбирать себе новую машину, подсчитывая, сколько будет стоить тридцать два импланта.

— Покажи мне моего мужа, — прошептала я, украдкой оборачиваясь. Зеркало безмолствовало, показывая отражение прикрытой двери и мое лицо, которое вполне можно ставить на заставку фильма про секретных агентов на боевом спецзадании.

— Ну же! — прошептала я, нервно поглаживая холодное стекло. — Покажи мою квартиру! За спиной промелькнула, как мне показалось, чья-то черная тень. Резко обернувшись и холодея от ужаса, я ничего подозрительного не заметила. Стоя в напряжении, я прислушивалась к каждому шороху. Тишина.

Дверь открылась, на пороге появился Эврард, глядя на меня, застывшую перед зеркалом. По его выражению лица я пыталась определить масштабы трагедии, но оно было насмешливым.

— Поня-я-ятно, — усмехнулся он. — Е-е-есть две но-о-овости, Цвето-о-очек. Начну издадека-а-а... Я оши-и-ибся, Цвето-о-очек отлично порабо-о-отала. И нашу компа-а-анию заме-е-етили. Я

бы даже сказал, что результа-а-ат превзошел все ожида-а-ания. И на-а-ас решили поздра-а-авить первым разгро-о-о-мленным складом!

— Совсем все плохо? — уныло поинтересовалась я, понимая, что это был тот самый случай, когда была бы согласна на простую открытку с поздравлениями! Даже на почетную грамоту в рамочке. На худой конец, сойдет и благодарственное письмо с ксерокопией печати.

— Да-а-а... — загадочно усмехнулся Эвард. — Все куда ху-у-уже, чем ты ду-у-умаешь, но куда-а-а лучше, чем я ожида-а-ал...

Я подошла к столу, наколола кусок мяса на вилку и впиалась в него зубами. Мясо было жестковатым, слегка подгоревшим, как шашлык любителей выпить на природе, но вполне сно...

Странная судорога пробежала по моему телу, заставив выронить вилку и схватиться за горло. Неожиданная слабость вынудила меня покачнуться и обвести глазами комнату, пытаясь ухватиться дрожащей рукой хоть за что-нибудь. Мне показалось, что рядом есть стол, но рука ударила по пустоте. Очертания мебели менялись, зубы застучали, пока я пыталась понять, что со мной происходит и почему все плывет, как в аквариуме. Внезапный спазм сдавил горло с новой силой, заставив рухнуть на колени и упереться руками в пол. Воздух... Почему я пытаюсь вдохнуть, а у меня... Ой! Все снова поплыло, оставляя звон в ушах и странное чувство невесомости.

— Бессовестный Цвето-о-очек! — слышала я сквозь ватные подушки знакомый голос. — Ты-ы-ы что наду-у-умала! Та-а-ак! Куда-а-а от меня-я-я нае-е-елилась! В о-о-отпуск? Ага, сейчас! У на-а-ас рабо-о-отают без отпуско-о-ов!

— В кру... из... — выдавила я, чувствуя, как комната поплыла еще сильнее. Мало того что поплыла, так еще и завертелась. — На... га... ле... ре...

— Сейчас ты у ме-е-еня огре-е-ебешь, галерщица! — послышался голос, пока у меня по щеке что-то текло. — Сейчас на ве-е-есла ся-я-ядешь! И бу-у-удешь выгреба-а-ать... За все-е-ех! Пе-е-ей...

Я давилась, плевалась, чувствуя, как затекло уже за шею, но тело, вывернутое судорогой, отказывалось не то что что-то понимать, но и принимать...

— Я кому-у-у сказал... Где заявле-е-ение на отпу-у-уск? Не-е-ет! Зна-а-ачит, и о-о-отпуска нет! — что-то звякнуло об пол, а меня приподняли, снова пытаюсь раздвинуть мои губы чем-то холодным и твердым.

— Отпуск... Грехов... Нужен... — кашляла я, чувствуя, как стучат зубы обо что-то стеклянное. Комната вращалась с бешеной скоростью. Сердце билось так, словно вот-вот остановится, а я не могла даже пошевелить пальцами.

— Не дожде-е-ешся... — категорично ответили мне, а мне удалось сделать большой глоток и подавиться. — У на-а-ас новый марке-е-етинг... В слу-у-учае отравле-е-ения больни-и-ичный не полага-а-ается! Сра-а-азу карье-е-ера в карье-е-ере!

Я всхлинула, чувствуя, как об пол разбилась еще одна склянка, а меня прижали к себе, баюкая, как ребенка, и чихвостя так, что ад выписывал мне пропуск. Вздрагивая и млея от неожиданной слабости, вдыхая успокаивающий и какой-то родной запах сандала, чувствуя, как меня обнимают и не отпускают, согревая от моего внезапно накатившего озноба, я слушала о том, какая я нехорошая, какая бессовестная, что место мне на галере в первом ряду, причем весло выдают только мне, а остальные будут пассажирами. Потом мне объясняли разницу между «погребут с почестями» и «погребут как миленькие», пока моя голова обессиленно лежала на чем-то сгибе локтя.

— Я не зна-а-аю, как это произошло-о-о, но это на-а-адо прекраща-а-ать. Сегодня-я-я в полночь будут переговоры, — меня прижали к себе и потерлись об меня подбородком. — О-о-очень тяже-е-елые...

Глава 13
Вот такой пердюмонокль!

В мире столько людей и возможностей, которыми стоит воспользоваться!

К вечеру я уже оклемалась настолько, что собрала нервную систему в кулачок и пошла ужасаться масштабам разрушений. Остатки расстроенной структуры ревностно собирали флаконы, сетуя на то, что линейка у нас поуменилась. Некоторые особо рьяные вырывали страницы каталога, сокращая наше предложение до пары предложений рукописного текста. Особо предприимчивые сливали все, что находили, в один флакон, а самые креативные собирали уцелевшие склянки и строгали в них бруски мыла с усердием папы Карло. Такое чувство, словно на складе у нас разорвалась приличная граната. Зрелище было душераздирающим.

Когда стрелки стали приближаться к полуночи, я начала заметно нервничать. Еще бы! На официальных переговорах такого уровня я присутствую в первый раз.

— Бу-у-удешь не-е-ервничать и трясти-и-ись, Цвето-о-очек, отда-а-ам жадным дя-я-ядям. Бу-у-у-удешь знать ку-у-урсы чешуи с драконьей по-о-опы и помо-о-о-ев со стола алхи-и-имика, — утешал меня Эвхард, беря за руку.

Спустя одно мгновение мы стояли под мрачными сводами какого-то гулкого зала. Пока мои внутренности пытались вспомнить, где они находились изначально, Эвхард ускорил шаг. Слабый источник света освещал круглый каменный стол, за которым сидел молодой золотоволосый красавец в черном сюртуке с белоснежным жабо, небрежно поигрывая каким-то крупным медальоном. Профиль греческого бога, тягучий и липкий взгляд, приправленный сладкой ноткой ленивой отрешенности, производили неизгладимое впечатление на любую женскую психику. Неподалеку от него сидел одутловатый, улыбочивый, как клоун, тип, возраста тщательно скрываемого, но в целом вполне определенного. Его волосы, как школьники, договорились прикрывать отсутствующих, поэтому длинные пряди на темени честно прикрывали блестящую полянку лысины. Одет он был с таким пафосом, что проезжающий мимо цирк аж присвистнул от зависти.

— Ты подонок! — вскочил красавец, завидев нас и ударив кулаком по столу. — Тварь! Увел сразу один отряд у меня! Да как ты посмел! Я тебя в порошок сотру!

— Мерзавец, — покачал головой клоун, закатывая глаза. — Скотина. Переманил два отряда на свою сторону! Ничего, твои флакончики это не спасет. Намылился потеснить нас с рынка? Нехорошо...

Я не знаю, какую головомойку устроил бы на нашем месте Мойдодыр за такие претензии, но Эвхард широко улыбнулся фирменной улыбкой и сладко заявил:

— Здра-а-авствуйте, очень рад вас ви-и-идеть. А вот слышать не о-о-очень, но приде-е-ется. Все равно ничего у-у-умного не ска-а-ажете, поэтому начну-у-у я.

Я стояла позади гениального, видя, что за каждым из присутствующих стоят такие же темные и молчаливые тени.

— Начне-е-ем с прия-я-ятного! Я пожелал вам крепкого здоро-о-овья, ибо оно пригоди-и-ится вам в ближайшее вре-е-емя. Ну прямо как де-е-ети, честное слово. То я-я-яд, то кинжа-а-ал. Бана-а-ально. Такое чувство, что я вынужден рабо-о-отать с разбо-о-ойниками или придворными интрига-а-анами, — Эвхард уселся в кресло, дав мне знак стоять позади него и не выходить за границу тьмы. — Ита-а-ак, что же мы опуска-а-аемся до таких ме-е-етодов?

— Что? Испугался? — дерзко перебил его красавец, резко и хищно сжимая в руке золотой медальон. Клоун противно улыбнулся, покрутив перстень вокруг толстенького пальца, и нарочито зевнул.

— Не-е-ет, это вы испуга-а-ались, раз реши-и-или упусти-и-ить возможность зарабо-о-отать! — снова улыбнулся Эвхард, положив голову на руки и подаваясь вперед. Приторная улыбка не сходила с его лица. — Или мы и да-а-альше игра-а-аем в разбо-о-ойников, или попробу-у-уем сыграть-а-ать в интере-е-есную игру. Выиграет только о-о-один. Он получит все три компа-а-ании. Как вам такой вари-а-ант? О! Я вижу вам неинте-е-есно, так что... до свида-а-ания...

Мне кажется, что кресло под ним даже не успело нагреться. Никогда я еще не видела таких долгих и мучительных переговоров. Пришел, поздоровался и ушел! Вот это, я понимаю, бизнес!

— И что ты предлагаешь? — сверкнул глазами красавец, снова вскакивая с места.

«Уважаемые, — мысленно улыбнулась я. — Если вы хотите задушить эту подлую и хитрую змейку „Внимание! Я плету интригу“, в очередь! Можете занимать за мной, но, боюсь, что после меня душить уже будет бессмысленно!»

— А вам разве интере-е-есно? Что-то не вижу заинтересо-о-ованности в ва-а-аших глазах! — усмехнулся Эврд, двигаясь в мою сторону.

— Стоять! — рявкнул красавец. Его голос многократно отражался эхом в сводах зала для переговоров.

— Все что ну-у-ужно, у меня прекра-а-асно стоит и без кома-а-анды с ва-а-ашей стороны, — рассмеялся Эврд, задумчиво закусив губу.

— Значит, будем действовать старыми методами, — вздохнул клоун, спокойно разглядывая свои кольца. — Как обычно. Жестко, но эффективно. Тебе склада было мало? Как насчет завтрака? Вкусно получилось?

— Твое предложение! — снова вспылил темпераментный красавец, потрясая золотыми локонами. — Я не собираюсь терять время попусту!

— А я не собира-а-аюсь находить время для пустой болтовни, — снова мило улыбнулся чеширской улыбкой Эврд. — Слу-у-ушайте внима-а-ательно. Говорю один ра-а-аз. Или мы и дальше играем в разбо-о-ойников, или заключим пари-и-и. В случае победы все компании отходя-я-ят победителю. Вместе с ли-и-идерами.

А вот это мне уже не нравится.

— Иди ты! — сплюнул красавец, опускаясь в кресло и усмехаясь клоуну, который развел руками. — Мы и так сожрем твою компанию, как все предыдущие. Где сейчас гномье золото? Нет гномьего золота!

— Я вот ду-у-умаю, куда бы ва-а-ас посла-а-ать в рекру-у-утинг. На языке вертя-я-ятся три направле-е-ения. Там вы то-о-очно не рабо-о-отали, — зевнул Эврд.

— Мы завоевали мир! Мы работаем во всех городах! — покачал головой задетый за живое клоун, нехорошо поглядывая на златокудрое «почти».

— Не во все-е-ех. Напри-и-имер есть три ме-е-еста, где вы не рабо-о-отаете по причинам вполне поня-я-ятым. Но рынок нужно расширя-я-ять. Я предлага-а-аю срок в восемна-а-адцать дне-е-ей.

— То есть ты предлагаешь, — брови красавца поползли вверх, — чтобы каждый выставил своих людей, дать им задание отрекрутировать три эти клоаки, и та команда, которая сумеет отрекрутировать хотя бы две из них, побеждает? А владельцу команды отходят две оставшиеся компании? Маловато.

— Вместе с ли-и-идерами. Полностью вся компа-а-ания. С активами, пассивами и даже с проду-у-уцией. Так что один из нас станет властели-и-ином мира-а-а, — скромно закончил Эврд. — Но только оди-и-ин. Я иду-у-у выбирать себе но-о-овую коро-о-ону. Может, что-то посове-е-еуете, возможно, камни под цвет гла-а-аз?

Оппоненты от такой наглости переглянулись.

— А где гарантии? — спросил клоун, задумчиво шевеля губами, словно что-то подсчитывая в уме. — Нет, предложение интересное, но... маловато. До нас тут донеслись слухи. Я так понимаю, что ее ты нам не отдашь? А без нее нет смысла вообще с тобой работать. Надеюсь, что речь идет о палочке-выручалочке, скатерти-самобранке или еще каком-нибудь древнем артефакте.

— Да! Хотелось бы на нее посмотреть, — усмехнулся красавец, откидываясь на стул. — Или ты ее с собой не брал? Побоялся. Так я и знал, что слухи не врут.

Я насторожилась, понимая, что тут что-то не то.

— Цвето-о-очек, не стесня-я-йся! — улыбнулся Эврд, выводя меня на свет и обнимая. — Познако-о-омься. Это бу-у-удущие нищи-и-ие. Когда будешь проходи-и-ить мимо па-а-аперти, подай кому-нибудь друго-о-ому. Они са-а-ами напросились.

— Мне твоя компания, по сути, не нужна, — усмехнулся красавец, осматривая меня с ног до головы. — А вот она меня интересует. Я не собираюсь бросать золхимы ради твоих флаконов. Но про нее я слышан. Очень заманчивое предложение.

— Согласен, — покивал клоун, внимательно меня рассматривая. — Эй, иди сюда! Это точно она?

Из тьмы на свет шагнул... Проектор. Одет он был респектабельно, держался гордо и высокомерно, мол, я тут, между прочим, уже добился успеха! Не то что некоторые!

— Да, — нагло ответил он, глядя мне прямо в глаза. — Это она. Я узнаю ее. Гостя из другого мира. Лиза или Цвето-о-очек. — Я могу идти, господин?

— Да, — усмехнулся клоун. — Куда хочешь. Ты свою миссию выполнил. Ты мне больше не нужен. Проваливай!

— То есть как? — глаза Проектора округлились. — Мы так не договаривались! Я же... Вы пошутили? Мы же о другом договаривались! Я же показал вам, как проникнуть в замок... Через секунду Проектор вспыхнул зеленым пламенем и пылью осел на пол.

— Кто это сде-е-елал? — удивленно заметил Эврард, поигрывая зловещим зеленым пламенем в руке и гася его, медленно сжимая кулак. — Где этот мерза-а-аец? Где этот подле-е-ец? А потом, потушив пламя окончательно, улыбнулся:

— Ай-ай-ай. Это же я-я-я! Фу-у-у таким бы-ы-ыть...

Через мгновение его лицо стало серьезным. На смерть предателя никто так и не обратил внимания.

— Заключаем сделку? — спросил Эврард отрывисто. — Я свои условия озвучил. Восемнадцать дней на все про все.

— Хорошо, я согласен, — заметил красавец, не сводя с меня пристального взгляда. Его даже не возмутила смерть Проектора. Он просто не обратил внимания.

— Раз такое дело, то пишем договор! — заметил клоун, делая взмах рукой, а над столом вспыхнули буквы. — Все согласны с этими правилами?

— У меня коррективы, — заметил Эврард. Буквы над столом раздвинулись. Я пыталась прочитать что написано, но почему-то не могла. Буквы словно расплывались в одно светлое пятно. Прошло минут пять, и внезапный яркий, режущий глаза свет ударил откуда-то из центра стола, заставив исчезнуть весь светящийся текст.

— Бумага — это ерунда. Магическая клятва — вот это я понимаю, — усмехнулся красавец, разворачиваясь и исчезая.

Клоун еще раз бросил на меня задумчивый и оценивающий взгляд, поцокал языком, а потом тоже испарился.

Меня схватили за руку, и я увидела знакомые очертания комнаты: знакомый диван, скинутое покрывало, перевернутые склянки. До меня постепенно начинало доходить, что на меня сделали ставку. Меня поставили ради того, чтобы заработать.

— Тварь! — я бросила гневный взгляд на Эврарда, который невозмутимо смотрел на меня, словно ничего страшного не произошло. — Рабовладелец! Подонок! Мерзавец! Да я тебя сейчас придушу! Да как ты посмел, гондольер, поставить меня! Не-е-ет! В твоем случае «козел» — это не прозвище! Это национальность!

— Я козел, зато че-е-естный, — развел руками Эврард, удивляясь моей реакции.

— Нет, ты — гад ползучий! — бушевала я, чувствуя, что сейчас сбегаю за табуреткой, а по пути решу, душить его или так забить. — Ты это все заранее спланировал? Да? Ты создал видимость компании, антураж, чтобы потом предложить им эти условия?

— А щито поде-е-елать? — пожал плечами Эврард, горестно вздыхая. — Ты же сама-а-а сказала, что несча-а-астными людьми-и-и и влюбле-е-енными женщинами легко манипули-и-ировать! Да-а-а, не отрица-а-аю, я все проду-у-умал зара-а-анее... Еще до твоего появле-е-ения в этом ми-и-ре.

Я размахнулась, чтобы припечатать его наглухо физиономию смачной пощечиной, но мою руку поймали и поцеловали в знак примирения. Однако у меня была еще одна свободная рука, которая решила стать правопреемницей пленной. Лицо Эврарда изменилось.

— Не драматизируй. Я подарил тебе жизнь и неприкосновенность на восемнадцать дней, — спокойно и в несвойственной ему манере ответил он. — Я знаю их возможности. И то, что случилось с утра, — это только начало. Драконьи сердца ничем не брезгают.

— Мерзость! — сплюнула я, все еще негодуя. — Подлец!

— И вот она вся благодарность? Повторяю. Я подарил тебе восемнадцать дней жизни и неприкосновенности! — заметил Эврард, глядя на мои пойманные при попытке нанесения тяжких телесных повреждений руки. — Мо-о-ожешь называть меня па-а-апой. Мне будет прия-я-ятно.

Он перехватил мои руки одной рукой, а потом с улыбкой целовал побелевшие костяшки моих пальцев, нежно поглаживая их, пока они не расслабились.

— Ты хоть будешь мне помогать? — я заглядывала в его глаза с мольбой. — Я же одна не справлюсь...

— Де-е-етка, ты всегда можешь на меня положи-и-иться. Желательно без оде-е-жды, — Эвхард тоже не отрывал от меня взгляда, поправляя свободной рукой мои волосы. — Но помогать я не имею права. Вот такой пердюмонокль!

Я вырвала руки из нежного плена, одарила коммерсанта уничижительным взглядом и громко хлопнула дверью не без надежды, что на него обвалится потолок. Пройдя по коридору, я свернула в комнату для наших сборищ. Три города на карте были обведены зеленым цветом. Я прищурилась и попыталась разглядеть их сквозь подступившие слезы. Он заранее все просчитал. Теперь я это понимаю, что вдвойне обидно. Все города были разбросаны и находились на отшибе. К ним не вели змейки дорог, не мостились рядом деревеньки. Я внимательно изучала каждый город, украдкой растирая слезы обиды. Один пункт назначения был рядом с дремучей кромкой леса, который простирался серо-зеленой плесенью по карте аж до самых границ. Второй населенный пункт спрятался среди гор в уютной долине, а третий не был ничем особо примечателен. Полуостертые стигами карты названия мне не говорили абсолютно ничего. Города как города. В одном из них я даже собиралась рекрутировать, однако меня пылко отговаривали, округляя глаза так, словно там недавно открылся филиал ада. Боль от предательства превратилась в злость и решимость. Я сопела так, что ежики ставили меня ежатам в пример, сдувала волосы, пытаясь написать список того, что мне нужно для завоеваний.

— Да чтоб тебя ежики унесли под холодильник к своим собратьям! — ругалась я, пытаюсь найти хоть какие-то заметки про будущие места рекрутинга. — Воздушный шарик, возомнивший себя дирижаблем! Клизму тебе с патефонными иголками! Чудо-оборотень! Как у тебя с таким подходом еще звезда не выросла? Звезда с ушами! Нет, я, конечно, понимаю, стране всегда нужны герои, а мать рождает чудачков, но не настолько!

И тут я почувствовала, как по мне ползут руки-змеи, обвивая меня нежно-нежно.

— Мне хо-о-олодно и одино-о-око, — послышался на ухо вкрадчивый, преисполненный скорби голос. — Цвето-о-очек должна мне помо-о-очь...

— Могу укрыть матом. Сразу потеплеет, — процедила я, пытаюсь скинуть его руки с себя.

— Ну почему сразу ма-а-атом. Може-е-ешь укры-ы-ыть меня собо-о-ой, Цвето-о-очек! — снова прошептали мне на ухо, осторожно прихватывая губами ушко и отпуская. Сам навешал лапши, сам и ешь! Могу даже приправу дать! — Или мне приде-е-ется укры-ы-ыть себя други-и-ими цвето-о-очками?

— Но перед этим ты сложишь руки, протянешь ноги, займешь место в коробочке и не будешь подавать признаков жизни! — прорычала я, снова пытаюсь освободиться. — Я тогда тебя сама укурю цветочками. Отстань, работороговец!

— Цвето-о-очек на меня обидела-а-ась? — меня снова слегка шутливо куснули губами за ухо. — Си-и-ильно?

Нет, он явно думает, что у меня между полушариями гуляет пустота. И память у меня как у допотопного компьютера! Нет, я не обиделась! Что вы! Я обрадовалась! Меня тут поставили как казенное имущество, назвав это высоким начальственным доверием, а я как-то не возликовала, не расцвела от радости, ударяя себя кулачком в грудь.

— А ты как думаешь? У меня что? На лбу инвентарный номер написан? — закусил губу я, чувствуя, как меня нежно и отрывисто целуют в шею, играя с локоном моих волос.

— Я не зна-а-аю, — мурлыкнули мне на ухо. — Возмо-о-ожно и оби-и-иделась... Хорошо, я — козе-е-ел, зато че-е-естный. Сколько стоит твое проще-е-ение? В денежно-пода-а-арочном эквивале-е-енте, если мо-о-ожно...

— Знаешь ли! — мне удалось вывернуться и отбросить его руки. — Даже в денежно-подарочном эквиваленте оно бесценно! Или ты все меряешь деньгами? Думаешь, что за деньги можно купить абсолютно все? Прощение, прощание, любовь, верность? Что-то я сомневаюсь! Не мешай, мне нужно работать! Завтра я пойду выполнять свою часть контракта!

— Како-о-ой у меня зло-о-ой Цвето-о-очек! Прямо колю-ю-ючка! Ро-о-оза с шипа-а-ами. Зна-а-аешь, корсе-е-ет — это прокля-я-ятие. И его обяза-а-ательно нужно снима-а-ать, — игриво и нежно заметил Эвхард, глядя на меня так, что большинство девушек уже расколдовались бы до наготы. — Я тако-о-ой, какой е-е-есть. Ну я поста-а-авил на тебя, и... И шито поде-е-елать? А тепе-е-ерь я о-о-очень хочу, чтобы Цвето-о-очек на меня переста-а-ала обижа-а-аться...

Он улыбнулся так сладко, доставая из кармана что-то сверкающее. Цепочка струилась змеей по его пальцам, а зеленое сердце — драгоценный камень поблескивало всеми гранями при свете оплывших свечей.

— Изумите-е-ельный изумру-у-уд, — кротко заметил Эвхард, плавно подползая ко мне и не сводя с меня глаз. Его рука провела по моей шее, пока зеленые болота снова затягивали в свою трясику. — Ты еще раз доказа-а-ала мою тео-о-орию, о том, что де-е-еньги — это са-а-амое ва-а-ажное в жи-и-изни. Де-е-еньги на тебя никогда не обижа-а-аются. Даже когда ты их тра-а-атишь или разме-е-ениваешь...

— Такое чувство, что, когда ты смотришь на людей, у тебя перед глазами ценники! — фыркнула я, отмахиваясь от наваждения. Соблазнительный камень играл гранями, поражал своей красотой и чистотой, но на кону было слишком многое. Я чувствовала, как что-то внутри меня начинает сомневаться. Не каждый день тебе дарят такие дорогие и красивые подарки.

— От чистого се-е-ердца, — шептал Эвхард, а на его губах расцвела улыбка. — Мое-е-ему обидчивому Цвето-о-очку. Многие не уме-е-еют просить проще-е-ения, если оби-и-идели дорогих людей. Я оби-и-идел дорогого челове-е-ека, хотя и не понима-а-аю, что может быть оби-и-идного в том, что я в тебя пове-е-ерил, поэ-э-этому я решил подарить ему дорогой пода-а-арок.

С одной стороны, я понимала, что меня просто пытаются купить подарком. Нет в нем искреннего раскаяния. Мою щеку нежно поглаживали пальцы, а зеленые глаза смотрели так, словно гипнотизировали.

— Решил купить прощение подарком? Вместо того, чтобы раскрыть рот и сказать: «Прости, пожалуйста», ты раскрыл кошелек? — с каждой секундой соблазн согласиться на условия перемирия был все сильнее, но я боролась с искушением изо всех сил.

— Мно-о-огие люди даже не пыта-а-аются, — с улыбкой заметил Эвхард, видя мои колебания и замешательство. — Мно-о-огие оби-и-идели и прошли ми-и-имо. Это я тут стара-а-аюсь... Ра-а-азве твой, как ты говоришь, муж кажды-ы-ый раз дарил тебе что-то краси-и-ивое в качестве скромного знака примире-е-ения? Сомнева-а-аюсь. Он просто обижа-а-ался на тебя-я-я в отве-е-ет, уходил-и-ил в комна-а-ату, хлопал-а-ал дверью и ждал, когда ты сама прибежи-и-ишь мир-и-иться. А потом до-о-олго лома-а-ался, как капризная де-е-евочка. Так что не вре-е-едничай, Цвето-о-очек.

— Нет! — на мне уже пытались застегнуть цепочку, как вдруг я очнулась, понимая, что в этом есть что-то неправильное. — Прекрати! Я не прощаю тебя! Я все еще на тебя зла! И буду злиться долго! Есть за что! Ты — редкостная змея! Так ползи отсюда!

— А вот тепе-е-ерь я на тебя оби-и-ижен! — цепочка вместе с камнем полетела в стену, а Эвхард подарил мне кривую улыбку и вышел за дверь. Мое сердце зарыдало. Ему очень-о-чень хотелось его простить, очень-очень хотелось найти ему оправдание. Я едва сдержала синопический рефлексивный порыв броситься вслед за Эвхардом, вцепиться в него, обнять, всхлипать и вдыхать запах сандала. Но я сдержалась, отворачиваясь от хлопнувшей двери и стиснув зубы.

Всю ночь я ворочалась и не могла уснуть. В комнате валялись скомканные бумаги, на которых я пыталась просчитать схему быстрого завоевания каждого города, опираясь на скудные данные о численности населения. На кого делать ставку? На крестьян, которые хотят обогатиться? Или попробовать убедить торговцев взять товар под реализацию, открыв склад? А может быть, попробовать сразу добраться до местных властей, переговорить с ними и убедить их в том, что наша продукция принесет им барыш? Процент тогда будет ниже, но в таком случае я смогу быстро наладить структуру. Еще было бы неплохо найти несколько лидеров среди местных, готовых помочь мне. Надо их вычислить и тут же взять в оборот.

Бессонная ночь сменилась серым, промозглым утром, которое застигло глаза туманом. Обида медленно откладывалась в пласт ненависти, который и до этого инцидента мог порадовать любого душевного археолога своими открытиями в стиле: «А помнишь, как тебя не поздравили в день рождения?» или «А помнишь, как тебе однажды заявили о том, что ты — никчемная и безработная, раз сидишь дома». Горечь старых обид всколыхнулась мутным осадком, на душе стало гадко, мерзко и отвратительно. Эвхард был ненавидим мной с новой силой.

— Ребята! Собираемся все! — хмуро скомандовала я, глядя, как по моей просьбе принесли целую партию продукции. — Берем каталоги, и вперед! Возьмем с собой магов. Сейчас мы все

быстро завоюем! Начнем с этого города! Пока наши коллеги по цеху продирают глаза, чтобы бежать туда налегке торговать воздухом и камнями с обочины, мы уже будем в дамках! Я воодушевилась, почувствовала себя Жанной д'Арк, одернула платье, взвалила на себя сумку с продукцией и презентациями и показала место на карте.

— Цветочек, — замялся принц Алан, почесывая отросшую щетину. — Ты точно уверена, что хочешь туда? Просто... Слухи разные ходят... Поговаривают, что там люди бесследно пропадают!

— В сетевом люди бесследно пропадают! Особенно те, кто считает себя работником! — фыркнула я, глядя, как по стройным небритым рядам пробежало сомнение. Я уже мысленно заворачивала чей-то труп в ковер, мотивируя издержками производства.

— Я туда не пойду! — возмутился один из магов с клинообразной бородкой, категорично покачав головой. — Я не хочу испытывать судьбу! Это мое решение! И никто меня не заставит! Остальные маги тоже засомневались, переглядываясь и качая головами. Они даже устроили магический консилиум. Принцы мялись, почему-то бросая на меня странные взгляды.

— Ты хоть понимаешь, Цветочек, что туда никто не ездит? Это глухой город. Туда даже тракт зарос! — убеждал меня принц Алан, осматриваясь по сторонам. — Про этот город такое рассказывают, что даже мне, бывалому, страшно! Тебе дело говорят. Люди пропадают...

— Ты не читал криминальную хронику моего города, — фыркнула я, вспоминая сводку новостей. На горизонте нашего «посидим и посеем на дорожку» появилось чуткое и, как выяснилось, обидчивое руководство.

— Эврад! — наехала я танком на окопы генерального. — Скажи им, чтобы они перестали выпендриваться и отправились рекрутировать!

Руководство посмотрело на меня, подняло брови и оправдало свое название, разведя руки в стороны.

— И щито поде-е-елать?

А потом спокойно слиняло, оставив меня наедине с трусливыми героями, не желающими проверять на своей шкуре безопасность каждого нового места для рекрутинга.

— Хорошо! Давайте так! Маги открывают портал, чтобы я могла туда попасть! — решительно заявила я, поправляя на плече сумку. — А потом через час открывают его снова, чтобы я могла вернуться!

В комнате загорелся светящийся шар, который разросся до размеров двери.

— Кто меня любит — за мной! — скомандовала я, шагая в облако света и чувствуя себя Орлеанской девой.

Я очутилась в дремучем лесу, среди огромных замшелых деревьев-исполинов. Справа был просвет и вырисовывались далекие очертания домов. Портал закрылся вместе с моим осознанием того, что на этой фирме меня конкретно недолюбливают! Ничего, вернемся — разберемся!

— И куда это ты собралась, принцесса? — послышался голос, заставивший меня обернуться. Возле дерева стоял тот самый золотоволосый красавец, улыбаясь мне так, словно мы уже подали заявление в загс. — Одна? Хм! Ну ты и смелая. Я о тебе слышал. Знаешь, некрасиво получилось на совете. Я понимаю, насколько это унижительно, когда тебя выставляют на торги, поэтому хочу сделать тебе предложение.

Ага! Сейчас он по традиции упадет на одно колено, достанет свой маркетинг-план, а потом нежно спросит: «Ты согласна?» Скупая слеза человека, который сам занимался перерекрутингом чуть не потекла по моей бесстыжей щеке.

— Принцесса, — красавец двинулся в мою сторону, улыбаясь широко-широко. — Знаешь, у меня очень большой процент. Я уверен, он тебе понравится. Я предлагаю тебе регулярные, как секс, выплаты. Ты сможешь сохранить свое звание, так что фамилию мою брать необязательно. Я достаточно романтично склоняю тебя на свою сторону?

Он даже театрально упал на одно колено, протягивая мне руку с какими-то бумагами.

— Ты согласна, принцесса? — пафосно заметил он, смеясь от самой ситуации.

Я тоже невольно улыбнулась. Только моя улыбка больше напоминала оскал. Всегда мечтала это услышать, поэтому фразу-ответ заготовила заранее!

— Иди ты! — прошипела я гадушкой, отшпатываясь от чужого маркетинга. — Я не собираюсь менять компанию! Ты сам прекрасно это знаешь!

— Мы своих людей, между прочим, не ставим в качестве главного приза, — усмехнулся красавец, поднимаясь с колена.

— Тебя что? — ехидно поинтересовалась я. — Недавно лидер бросил? Ай-ай-ай! Как он мог!

— Ну ты и колючка, принцесса, — вздохнул красавец. — Хочешь, я открою тебе секрет? То, что мы обсуждали, и то, что на самом деле прописано в договоре, — это две совершенно разные вещи. И самое неприятное то, что Эвхард тебе не все рассказал. Ладно, удачи тебе.

Маг исчез, а я прошла между деревьями и вышла на заросшую травой дорогу. Плохо, что не будет презентации и придется объяснять на пальцах. Оглядевшись по сторонам, не увидев ничего подозрительного или пугающего, я двинулась в сторону добротных домов, прикидывая, что мужчины в таких случаях объясняют доходчивей. У них пальцев на один больше. Войдя в черту города, я почувствовала запах костра, навоза и весь тот букет, который вызывает единственную ассоциацию со словом «деревня».

— Я ее первый увидел! — послышался грубый голос откуда-то сбоку. — Она моя!

Такое чувство, что я на сайте знакомств написала, что готова взять на содержание любого мужика.

— Не трогай! Товар испортишь! — снова послышался голос, я обернулась и увидела, как в меня летит шар, раскрываясь на ходу светящейся сетью. А я уже думала, что тут такой ажиотаж вызывает наша скромная продукция, что ее готовы оторвать вместе с моими руками!

Метнувшись в сторону, я почувствовала, как меня накрывает и обездвиживает сверкающая и искрящаяся паутина.

— Попалась! Сама пришла! — усмехнулся голос, а я увидела мужчину средних лет, вполне благообразного и прилично одетого, который потирал руки. — Как думаешь, на сколько потянет?

— Симпатичная. Даже как-то обидно. Я ее первый заметил, — расстроился второй голос, а рядом появился молодой парень, сожалея о том, что не успел. — Если девственница, то ты можешь неплохо на ней заработать.

— Пустите меня! — возмутилась я, пытаясь вывернуться, но заклинание держало меня. — Это что еще происходит?! Я кому сказала! Как вы смеете!

— Трепыхается, смотри-ка! — удивился тот, кто постарше, склоняясь ко мне, чтобы получше рассмотреть. — Хм... Забавно...

— Да вырубите ее! — фыркнул младший, пока вокруг меня собирались люди, обсуждая, что давненько не было идиотов, которые сами забредали на огонек. Топот ног, сеть, прижимающая меня к земле, не давая встать, и полное ощущение беспомощности.

— Сейчас клеймо свое поставлю. А то тут желающих, смотрю, хоть отбавляй! О цене подумают. Не нравится мне, что она непокорная, — послышался голос «охотника». Мое плечо обожгло, но мне так и не удалось рассмотреть, что там. — Ломать придется! Не любят покупатели дерзких! Помнишь ту девку, которую сманили месяц назад? Ну та, которая прачкой работала? Помнишь, что она на аукционе вычудила! В лицо плюнула новому хозяину! Пришлось убить. Брак, что тут скажешь. А ты...

Ко мне наклонились, глядя равнодушными глазами.

— Послушай моего совета. Тише будь. Я предупредил. И тогда я подыщу тебе хорошего хозяина...

Странное чувство слабости, словно клонит в сон, против воли овладело мной. Я пыталась разлепить глаза, боролась со сном, дергала плечами, но темнота наползала, постепенно отключая сознание.

Очнувшись в пустой комнате, где лежал матрас из соломы и стояла мисочка, словно оставшаяся после привередливой кошечки. Серые глухие стены, ни окна, ни двери. Я приподнялась, покачнулась и растерла затекшую руку. На руке красовалась какая-то вязь букв.

— Проснулась? — послышался глухой голос. — Слушай меня внимательно. Отсюда ты выйдешь только на аукцион. Об стены биться не советую. Каждая царапина или синяк снижает твою стоимость. Запомни это. Чем ниже твоя стоимость, тем хуже твой хозяин. Одну дуру до тебя пришлось отдать почти бесплатно, потому что она разбила миску и изуродовала свое лицо. А ведь она могла бы быть наложницей, а сейчас убирает в лаборатории. Кому она сделала хуже? Не повторяй ее ошибок.

— Вы что тут, людьми торгуете? — возмутилась я, сжимая кулаки.

— Люди — этот тот товар, который никогда не кончается, который никогда не падает в цене и на него всегда есть спрос. Если есть спрос, то должно быть и предложение. Кому-то нужны подопытные, кому-то слуги, кому-то девушки для развлечений. Так что успокойся и жди, — усмехнулся голос. — Подходить к стенам не советую. Сиди и просто жди аукциона... Сначала я сидела молча, пожираемая обидой и ненавистью. Когда внутреннее бурление достигло апогея, я встала и стала пытаться выбраться, шаря руками по стене. Стоило мне прикоснуться к сыроватым кирпичам, один из них засветился и на меня со всех сторон бросились чудовища, заставив внутренне съежиться от страха и неожиданности. Настолько страшно мне не было никогда. Чудовища рвали меня на части, я чувствовала адскую боль и пелену животного ужаса, застилавшую глаза. Я очнулась и обнаружила себя лежащей на полу. На руках, где должны были остаться следы от когтей, ничего не было. Я была жива-здоровая, только сердце бешено колотилось, вспоминая скорую расправу над моим тельцем.

— Я смотрю, что ты не усвоила урок. Думаю, что тебя нужно будет дрессировать. На строптивых покупатели находятся редко, — с досадой заметил голос.

Я потеряла счет времени и ощущение пространства. На меня бросались чудовища, давили стены, обрушивался потолок, обнажая острые шипы. Сначала было страшно, а потом страха уже не было. Было какое-то сломанное равнодушие, отупение от призрачной боли, ощущение безнадеги и холодного и липкого ужаса. В редкие моменты я ловила себя на мысли, что так будет всегда. Без просвета, без надежды, без радости и счастья. Жизнь с этого момента вытянулась в длинную серую линию-кардиограмму, на которой рано или поздно попадетя точка небытия. И мне уже все равно, когда она появится. Сегодня или завтра, сейчас или спустя много лет. Мои глаза смотрели в темноту, а темнота присматривалась ко мне, порождая такие ужасы, от которых люди просыпаются седыми. Даже спасительный голос, который я пыталась воспроизвести в голове, передавая непередаваемые интонации и плохо скрываемый сарказм, растворялся. Оставался в памяти лишь запах, который удерживал меня на грани срыва.

— Вставай! — отчетливо приказали мне, и я послушно встала, снова глядя в одну точку. Я пыталась уловить любимый запах, но он был едва различим. Моя одежда пахла чужими духами, и я жадно ловила его, стоя перед какой-то невидимой пропастью.

— Иди вперед! — снова приказали, и я сделала несколько шагов. Звон в ушах, гул и слившиеся в серую массу лица.

— Внимание, господа и дамы! Давненько у нас не было такого поступления, но вы посмотрите! — звучал голос, а я смотрела на незнакомые лица, стоя на каком-то пьедестале. — Покорная, красивая, молодая и здоровая. Для увеселений и утех, для рабского служения, для украшения гарема, для уборки и готовки.

Кто-то кричал, звеня деньгами, кто-то фыркал, кто-то кому-то что-то доказывал. А мне было все равно, кто меня купит. В голове звучали лишь отголоски чужого голоса: «Кажды-ы-ый человек имеет свою це-е-ену!» А ведь Эврард прав. У каждого есть цена. «Любого челове-е-ека можно купи-и-ить!» Да, любого. Ты был прав, Эврард. «Ты принадлежа-а-ала себе и сама была продавцо-о-ом. А сейчас ты принадлежи-и-ишь другому!» Я не знаю, что это за бред сейчас звучит в голове, но раздался крик: «Продано!» — и к моему пьедесталу подошел красивый молодой темноволосый мужчина с грустными серыми глазами.

— Вам ошейник? — учтиво поинтересовался кто-то. — Можем дать веревку! Как вам удобней?

— Мне одеяло, — впервые услышала я голос нового хозяина. — Не бойся, принцесса. Ты в безопасности. Все, принцесса, потерпи немного, скоро будем дома.

Меня бережно сняли, завернули в одеяло, а потом посадили на кровать в совершенно обычной комнате.

— Да, здорово принцессу отделали, — я увидела знакомое лицо, а рядом с кроватью на корточках присел тот самый золотоволосый красавец, пытаюсь поймать мой взгляд. — Бедная принцесса... Так, ты пока с принцессой возись, а я схожу прогуляюсь... Воздухом подышу... Цветочки понюхаю... Парочку тебе принесу...

— Куда?! — заорал темноволосый, бросаясь вдогонку за знакомым трейдером. — Стоять!!! Я тебя знаю. Там не цветочки! Там ягоды! А ну, быстро успокойся! Не хватало, чтобы я снова двенадцать метров за тобой тормозил! За что мне неуправляемый брат? За что меня боги наказали упрямым?

— Слушай, тормоз! — ядовито заметил светловолосый, отбрасывая прядь волос. — Я знаю, что делаю! С дороги!

— Я сейчас кого-то побрею налысо, чтобы на вопрос «Кто здесь самый лысый?» тебе даже отзывать не пришлось! — вздохнул темноволосый, закатывая глаза.

— Сколько? — спросил светлый, выдыхая и присаживаясь рядом на корточки. Идти куда-то он пока передумал.

— Золотом по весу, — с моего лица убрали непослушную прядь. — Конечно, цену за нее заломили огромную, но, видишь, сломали бедную принцессу... Принцесса, ты кушать хочешь? Или пить?

— Пить хочу, — прошептала я, и меня стали поить, как маленькую. В голове слегка прояснилось, но мысль о том, что я проиграла, меня пугала. Эвхард мне не простит поражения... Не простит...

— А этот «здра-а-австуйте» что? — усмехнулся светлый, снова пытаясь поймать мой взгляд. — Был на торгах?

— Не знаю. Ее должны были выставить завтра, но я заплатил за то, чтобы торги были сегодня. Я знаю, что с ними делают в камере... — вздохнул темненький, снова поднося кружку к моим губам. — Там еще две девушки. У них совсем все плохо... Так что давай думать. Торги через четыре дня.

— Кушать хочешь? — ласково спросил у меня светловолосый, расхаживая по комнате так, словно готовит план наступления по всем фронтам.

— Нет, спасибо, — равнодушно ответила я, понимая, что ни работать, ни кушать, ни спать, ни любить мне уже не хочется. Хочется просто сесть и ждать чего-то неизбежного, но уже не такого пугающего, как раньше.

— Посмотри на меня, — я увидела серые глаза перед собой и ощутила тепло ладони, которая держала мою голову. — Я понимаю, что ты не хочешь жить... Понимаю... Вспомни самые светлые моменты в своей жизни... Жизнь — это не бесконечный кошмар и погоня за успехом.

— Какой успех? — слабо усмехнулась я. — Мне никогда не везло... У меня никогда ничего не получалось. Зря вы меня купили... Я невезучая и ничего не стою...

— Хочешь, открою тебе секрет? — светловолосый тряхнул волосами. — Нужно быть не успешным, а счастливым! Эвхард успешен, но несчастлив. Ты когда-нибудь видела, чтобы он улыбался искренне и от всего сердца? Нет. Наш успешный улыбается так, что у меня сразу руки чесаться начинают. Особенно правая. Особенно в непосредственной близости от его улыбки...

— Эвхард... — прошептала я, чувствуя, как по щекам потекли слезы. — Не говорите так о нем! Я уважаю его за то, что он всегда находил в себе силы встать после падения, за то, что сумел выкарабкаться из такой нищеты, за то, что умеет находить выход из любой ситуации.

— Принцесса, — сурово заметил светловолосый, которому разговор про Эвхарда явно не нравился. — Он отдает миру злобу, ненависть, обиду и разочарование, а мир просто платит ему той же монетой. Эвхард объясняет это тем, что все в жизни имеет цену, за все в жизни нужно платить. И за успех тоже. Эвхард не знает любви, поэтому считает, что у нее слишком высокая цена. Любовь ему не по карману. А если ему предлагают что-то бесплатно, он называет это иллюзией, фальшивкой. Никому еще не удавалось убедить упряма в том, что чувства подлинные. Даже его предыдущему гарему...

— Та-а-ак! — я быстренько вышла из состояния фрустрации. Где-то мысленно Эвхард развел руками: «И щито поде-е-елать?» — Вы меня купили, как вещь, и рассуждаете о высоких материях? Нет, ну это замечательно! Вы рождаете спрос на живой товар, а в ответ на него появляется предложение! Какая разница, на кого я буду работать? Сейчас вы со мной посюсюкаетесь, а завтра пинком отправите рекрутировать, мол, зря мы за тебя кучу денег отвалили? Давай отработывай!

На меня смотрели странным взглядом, словно у меня смирительная рубашка развязалась.

— Ра-а-аботай! — сочно добавила я, глядя ребятам в глаза.

— Сломал, — закусил губу темноволосый, поглядывая на брата, который задумчиво смотрел в окно и почесывал правую руку. Да, я тоже вспомнила улыбку Эвхарда: «Вот такой пердюмонокль!» — Принцесса, тебе легко с этим жить? Такое чувство, что ты за собой все дерьмо жизни тащишь...

— Мне это не мешает! — огрызнулась я, приходя в себя. — Давайте рассказывайте свой маркетинг! Что у вас почем, как рекрутируете и так далее... Ближе к делу! Хватит нежных прелюдий!

— Я сейчас его убью, — просто и без каких-либо прелюдий заметил светловолосый. — Без ненависти, злобы и обиды. Поймаю за хвост и придушу эту змейку.

— Наградил Бог братом, — прошептал мне темненький, закатывая глаза. — Кровь горячая, а вот с мозгами... Куда! Отошел от двери!

— Мне руки почесать хочется, — усмехнулся светлый, падая в кресло. — Об пердюмонокль...

— Я тебе предлагал завести котенка. Сидел бы, чесал об него свои руки, — вздохнул темненький. — Назвал бы его Пердюмоноклем и чесал бы.

— Ты только языком чесать умеешь, — фыркнул светлый, злясь неимоверно. — Принцесса, заканчивай брызгаться ядом. Ты абсолютно свободна. Можешь уйти куда захочешь и когда захочешь. Никто тебя не держит.

— Несчастливыми людьми и влюбленными женщинами легко манипулировать, — ядовито ответила я, чувствуя приступ неконтролируемой гадливости.

— А ты не будь несчастной. И не влюбляйся, а люби. Просто люби. Даже если это не взаимно. Битву за этот город ты уже проиграла. Даже не нам. Мы вообще не хотели лезть во все это, если бы не ты. Нам просто стало тебя жаль, — вздохнул темный «жалетель». — Еще одна ученица, еще один горький урок. Я когда-то сам был на твоём месте, пока брат меня не вытащил. Так что я прекрасно знаю, что тебе говорили, говорят и будут говорить. Но помни, что нельзя манипулировать счастливыми людьми и по-настоящему любящими женщинами. В окно влетела зеленая бабочка. Мы внимательно следили за ней взглядами, пока светлый не поймал ее в ручищу.

— Тебя хотят выкупить у нас. Предлагают в два раза больше, чем мы заплатили за твою свободу, — заметил светловолосый, сжимая в руках знакомую бабочку. — Но решение за тобой. С момента рабства твой договор аннулирован. Ты свободна. Можешь идти куда хочешь, делать что хочешь и заниматься тем, чем хочешь. Хочешь, возвращайся к нему...

— А в чем тогда разница? — пожала плечами я, скидывая одеяло и снова делая глоток воды.

— Вот когда ты поймешь, в чем разница, тогда ты будешь иметь шанс на счастье. Ладно, оставим ее в покое. Это ее выбор. Пусть решит для себя, — усмехнулся светлый. — Она свободна, просто не понимает этого.

— Свобода — это иллюзия, — горько покачала головой я. — Так же, как и все остальное.

— Нет, свобода — это настоящее. Есть много настоящих вещей. Просто иногда проще считать их иллюзией, оправдывая тот факт, что их у тебя нет или ты на них не способен. Называй нас Здравый Смысл. — Дверь за Здравым и Смыслом закрылась, оставив меня наедине с моими мыслями, кто есть кто.

Бред какой-то. Выкупить просто так? А потом выпустить на волю? Нет, тут есть подвох... Дверь приоткрылась, в комнату скользнул темненький, проверяя, есть ли кто-то в коридоре или нет.

— Ты сначала разберись, любишь ли ты его или нет, — усмехнулся парень, снова поглядывая в коридор. — Прости, у меня мало времени. Брат сейчас на эмоциях хреновертит пойдет, а в этом деле он заслуженный мастер, так что я хочу тебе сказать одно. Любовь — это комфорт и свобода, принцесса. Никогда не забывай об этом.

Он снова выглянул за дверь, и тут же в коридоре раздался крик: «Стоять!!! Ты куда намылился?! Вдохнул глубоко, выдохнул... Я понимаю, что, если ты вдохнешь, кто-то выдохнет и, возможно, больше ни разу не вдохнет, но я прошу тебя. Давай лучше я поговорю с ними. Дай людям шанс пережить совещание без завещания! Стоять!!! Я кому сказал!!!»

То есть меня вот просто взяли и выкупили, чтобы выпустить на волю? Не-е-ет, здесь есть какой-то подвох! Вот спорим, если я сейчас встану и попытаюсь выйти за дверь, меня остановят? Скажут, что мне нужно еще полежать... Ну-ка, проверим...

Я встала, подошла к открытой двери, выглянула в коридор. Никого. Пустота. Где-то вдалеке раздавался голос: «Я ща кого-то убью!» Что-то мне кажется, что светловолосый поставил задачу спасти мир. А темноволосый уверен, что иногда мир нужно спасать от брата.

Я прошла по коридору, ожидая, что вот-вот на меня бросится охрана, повяжет и потащит в комнату «отдыха». Но вот он, выход, возле которого лежали горстка денег и карта. Я осмотрелась по сторонам, а потом сгребла себе и то и другое.

Сначала я шла по длинной пыльной дороге, покидая обычный, правда, достаточно вместительный дом, стоящий на отшибе. Приду — задушу! Убью, поймаю змейку за хвост и

раскручу над головой на извинения! Я засопела и сжала кулаки. Совести нет совсем! Просто вот с налета брошусь, и все... У нас вакансия генерального директора!

Я вошла в лес по широкой дороге, чувствуя столько обиды и злости, что если на меня сейчас бросится медведь, то все узнают, что ел медведь на обед. Птицы раздражали своим пением, лес нервировал шелестом листвы. Я перевернула карту и увидела надпись, которая заставила меня остановиться. Полный соблазнительный расчет маркетинга со всеми плюсами, от которых у меня даже слюна капнула. И приписочка: «Братiku ни слова. Я и так снимаю побои от его тяжелого характера!» И такой милый цветочек нарисован. Чувствуется рука мастера. Да-а-а... Я прошла еще немного, жалея, что не воспользовалась гостеприимством и не поела на дорожку. Желудок урчал, а ближайшей деревней и не пахло. Это был как раз тот случай, когда деньги были, а купить на них еду не получалось. На меня с придорожных кустов смотрели соблазнительные ягодки, заставив подойти поближе и сорвать парочку для дальнейшей идентификации. Вроде съедобные... По крайней мере, похожи на съедобные... Я осмотрелась по сторонам и поднесла ладонь ко рту...

— Цвето-о-очек! — перед глазами мелькнула бабочка, заставив меня подавиться слюной. — Что ж ты, как су-у-услик, все в ро-о-от тя-я-янешь!

— Они что? — сглотнула я, глядя на перепачканную соком ладонь. — Ядовитые?

— Ку-у-ушай, ку-у-ушай... Мне то-о-оже интере-е-есно! — послышался знакомый коварный голос.

— Дава-а-ай расскажи про гаре-е-ем! — ехидно заметила я, выбрасывая ягоды и брезгливо вытирая руку об листья. — Как они водили хороводы вокруг тебя с песней: «Вставай, страна огромная!»

— Я ста-а-ар уже для таких поле-е-етов, — обиженно заметила бабочка, порхая надо мной. — Та-а-ак, мне это надое-е-ело!

Ярко-зеленый свет озарил тропу, а передо мной стояло его ядовитое величество собственной немаленькой персоной.

— Иди сю-ю-юда, бессо-о-овестный Цвето-о-очек! — меня сгребли в охапку, несмотря на мои протесты. — Та-а-ак, а что у нас в ладо-о-ошке? Чужо-о-ой марке-е-етинг? Фу! Выбрось ка-а-аку! Дома руки помо-о-оешь!

— Я сама решаю, куда мне идти! — усмехнулась я, сопротивляясь. Но не так сильно, как могла бы.

— О! Ви-и-ижу, что пресве-е-етлые ры-ы-ыцари уже с тобой поговори-и-или... А ничего, что они по договору на на-а-ашей стороне? — Эврард смотрел на меня, подняв брови. — А што то хотела? Вот такой пердюмонокль!

Глава 14

Я не сдамся без воя!

Здра-а-авствуйте!

В коридоре меня встретила целая делегация один другого мрачнее. Увидев меня, все опустили головы, всем видом демонстрируя покаяние. Некоторые украдкой поднимали на меня взгляд, мол, бить будете, товарищ лидер? Первое желание было проломить головы канделябром, ибо свежи были воспоминания о маленькой камере с чудовищами, но я посмотрела на лидеров, подтвердивших свои бейджики еще разочек, и усмехнулась:

— Каждый день дает возможности. И ваша беда заключается в том, что вы боитесь ими пользоваться. С таким подходом вы никогда не сможете нигде работать. А потом не бегайте и не спра-а-ашивайте, мол, а почему у меня не получается... Не пошли — не заработали! Не попробовали — не узнали! А те, кто струсил, никогда не заработают себе ничего, кроме репутации труса!

Не удержалась. Бывает. Я хотела еще что-то сказать умное, доброе, вечное, напутственное, замахнулась даже на целую конференцию!

— Используйте в жизни каждую возмо... — продолжала я, чувствуя, как меня закинули на плечо, лицом к поникшей структуре, и тащат в направлении, мне известном. — Пусти, я тут еще не все сказала! Вы понимаете, что каждый имеет право на выбор... Мы вместе! Мы — одна команда! И скоро у нас Ассамблея!

— А сам блеет... — икнул принц Эрик, а Эвард даже замедлился. — Пошадите! Не надо больше Ассамблей! Я вас умоляю! Только не Третья Ассамблея! У меня здоровья не хватит на новую Ассамблею!

— А когда была Третья Ассамблея? — подозрительно заметила я, глядя на свежие кровоподтеки своей первой линии обороны. — Я что-то не поняла!

— Буква-а-ально на дня-я-ях, — сладко заметил Эвард. — Мы ее приуро-о-очили и кое-что раскуро-о-очили.

— То есть Третья Ассамблея прошла без меня? — задохнулась я от негодования. — Я тут, значит, стараюсь изо всех сил, а они без меня Ассамблею проводят?

— Счастливая, — наконец-то подал хриплый голос принц Фердинанд. — Пропустила. Я бы и сам пропустил, но в меня попали... А ведь обещал промахнуться...

— Я не уточнял, когда и-и-именно промахну-у-усь! — усмехнулся Эвард, одаривая структуру фирменной улыбкой. — Мы тут провели ма-а-аленькую Ассамблею...

Впервые вижу, чтобы при слове «Ассамблея» у сотрудников компании начинался нервный тик и неконтролируемые приступы паники. По вискам у многих заструился холодный пот.

— Мы нача-а-али с це-е-еремонии награжде-е-ения. Вот, со-о-обственно, все лауреа-а-аты... Хотя не-е-ет, один на ра-а-адостях сконча-а-ался прямо на сце-е-ене... Гра-а-амоты я раздал сра-а-азу всем шибко гра-а-амотным, — меня даже спустили с рук, обнимая, словно кубок чемпионов. — Пото-о-ом были но-о-овые зва-а-ания... Вот у нас тут но-о-овый сапфи-и-ировый дире-е-ектор! В него полетела новая сапфи-и-ировая черни-и-ильница. А вот у нас золотой дире-е-ектор. Он был награжде-е-ен прямо в лоб золоты-ы-ым изда-а-анием «Волшебные продажи». Всеми четырьмя то-о-омами... А это у нас позоло-о-оченный дире-е-ектор... Он был награжде-е-ен позоло-о-оченным канделябром. Три ра-а-аза. Награ-а-ад и зва-а-аний хватило на все-е-ех. Никто не ушел с пусты-ы-ыми и це-е-елыми рука-а-ами на своих двоих и це-е-елых ногах...

— Ты что? — у меня глаза округлились. — Это же должно было быть радостным событием! Его целый год ждут!

— Дождали-и-ись, — коварно улыбнулся гениальный директор. — А насче-е-ет ра-а-адости... Я пора-а-адовался. Лиде-е-еры ползко-о-ом выполза-а-али в рамках автопрогра-а-аммы. Был са-а-алют из того, что попа-а-алось под руку дире-е-ектору. А пото-о-ом был золотой до-о-ождь... В этот момент я слегка напряглась, вспоминая несколько извращений отнюдь не делового характера, поглядывая в сторону структуры, которая все еще морально обтекала.

— Не на-а-адо так на меня смотре-е-еть. Не все-е-е, но большинство-о-о. Не будем показывать па-а-альцем. Они уже за собой вы-ы-ытерли, — скромно заметил генеральный директор. — Это было в рамках ко-о-онкурса «Ручеек», если что-о-о.

— А толку? — вздохнула я, понимая, что последнее время потеряла связь с реальностью. — Город-то мы не сумели завоевать...

— Беда-а-а! — пожал плечами Эвард. — Ребя-я-ята так наста-а-аивали, чтобы Ассамбле-е-ея была поча-а-аще, что я не мо-о-о-огу не пойти на усту-у-упки. У нас тут по-о-олностью поменялся марке-е-етинг. С этого дня у нас рабо-о-отаает жилищная програ-а-амма.

— Дома даете? — удивилась я, понимая, что что-то тут не то. — И сколько баллов нужно набрать?

— Да-а-а, — улыбнулся Эвард, тиская меня, как котенка. — Даете-е-ем. Небольши-и-ие, но щито поде-е-елать? Окно — е-е-есть, решетка — е-е-есть. Скро-о-омненько, но со вку-у-усом тюремной баланды. Набери косяки-и-и и получи по ба-а-аллу. Та-а-ак что мы тут ра-а-адовались, как могли-и-и...

Я посмотрела на следы радости, осознавая, что в последнее время не понимаю, что происходит. Моя логика с размаху убилась об «Здра-а-авствуйте!» и теперь валяется полудохлой, пытаюсь хоть как-то прийти в себя.

— Ла-а-адно, пообща-а-айся с ма-а-альчиками, — меня великодушно отпустили. — А не то я прямо сейча-а-ас Четверту-у-ую Ассамбле-е-ею начну.

Эвхард исчез, а я осталась наедине со структурой, которая смотрела на меня так, словно втайне завидовала моему исчезновению на время столь значимого события.

— Ребята, мы проиграли город, — вздохнула я, чувствуя невероятную усталость. — Осталось два города. Приводите себя в порядок, а завтра будем штурмовать следующий. У нас еще есть две попытки. Интересно, кто взял город?

— Мы не знаем, кто его взял, но брат там уже нечего, — всхлипнул принц Эрик, трогая огромную шишку. — Особенно после: «Здра-а-авствуйте!» Прости нас, мы не могли по-другому...

— Вы о чем? Что-то я не поняла! Давайте по порядку! Что произошло? — я смотрела на структуру и понимала, что, если меня пригласят на следующую Ассамблею, я тихонько заболую.

— Эвхард заключил временный договор. При мне заключали! С белобрысым и темным. Нам сказали держать рот на замке. Они обсуждали какую-то пакость, мол, третий соперник слишком силен, поэтому... Дальше я не понял. И Эвхард захотел тебя спрятать на время. Он запретил нам идти с тобой.

— Пателефонные иголки ему вместе с клизмой!!! — заорала я так, что где-то в кабинете должна заплотить под плинтус одна хитрая змейка. — Безопасное место!!! Да я ему сейчас хвост оторву!!! Все девятнадцать сантиметров хвоста!

— Мы хотели пойти с тобой, но у нас был приказ. Потом Эвхард исчез после слов: «Внимание! Я плету интри-и-игу!» и через час вернулся, довольно потирая руки, сразу поинтересовавшись, где его Цвето-о-очек. Узнав, что тебе открыли портал не туда, куда нужно, у нас началась Ассамблея. И двое получили новые дома. Два метра в глубину. А потом, когда Эвхард, узнал, где ты, он лично отправился туда «просто ве-е-ежливо поздоро-о-оваться». Короче, рекрутировать там больше некого... — закончил свой рассказ принц Эрик. — Другой такой Ассамблеи я не переживу.

— И не говори! — потрогал кровоподтек на лбу принц Алан. — И бонусы нам не нужны... Лучше галера!

— Вы хотите сказать, что он отрекрутировал в покойники весь город? — ужаснулась я. — В одиночку? Вы с ума сошли! Такого не может быть!

Я направилась в кабинет, где невозмутимо сидел главный интриган, перебирая бумаги и что-то отмечая.

— Соску-у-училась, Цвето-о-очек? Не стесня-я-яйся! — встретили меня сладкой улыбкой. — Скуча-а-ала, бе-е-едненькая... Гру-у-устно без меня бы-ы-ыло? Еще-е-е бы, ничего без меня сде-е-елать не мо-о-ожешь! Вот и оста-а-авь тебя одну-у-у! Бессо-о-овестная!

— Ты что, весь город?.. — осторожно спросила я, все еще не веря своим ушам.

Эвхард сложил руки и положил на них голову, улыбаясь так, что Чеширский Кот смутился бы и расстроился от осознания того, что кто-то умеет улыбаться шире.

— Непра-а-авда! — заметил Эвхард, слегка нахмурившись. — Не ве-е-есь. А што поде-е-елать?

— То есть ты за моей спиной тут интриги плетешь против конкурентов, заключаешь какие-то союзы? — возмутилась я, глядя на взгляд «да-да, детка, я тебя внима-а-ательно слушаю. Продолжа-а-ай».

— Ну ты же отказа-а-алась от по-о-омощи. Вот я и решил тебе немно-о-ого помочь! — на меня посмотрели таким ангельским взглядом, что в горле пересохло от возмущения. — Но видишь как, Цвето-о-очек вредничал, и мы проигра-а-али один город. Но я не обижа-а-аюсь. Цветочек стара-а-ался...

Он встал с кресла, обнял меня и потащил к себе.

— Вот что ты де-е-елаешь, Цвето-о-очек. Я ста-а-ар, я даже гаре-е-ем не тяну... — мурчали мне на ухо, продолжая одновременно работать и удерживать меня на коленях. — Цветочек злится, потому что проголода-а-ался? Уста-а-ал?

Я уже подчищала тарелку, сползая на диван и не зная, обижаться или нет на эту бессовестную змею, которая умудрялась одной рукой что-то писать и вычеркивать, а другой обвивать меня.

— А то что ж ты как ма-а-аленькая, в рот вся-я-якую га-а-адость тащишь! — заметил Эвхард, когда я звякнула тарелкой об стол, сыто отдуваясь.

— Я тебе это еще припомню! — закивала я, подозрительно шурясь в его сторону. — Поверь, когда я тебе это припомню, это будет последнее, о чем ты будешь думать!

— А что-о-о? — оживился Эврард. — Намечается по-о-овод? Хотя не-е-ет! Ка-а-ажется, он наме-е-етился! Сама-а-а винова-а-ата!

— Я на тебя зла! Убери руки! — возмутилась я, понимая, что за моей спиной крутятся такие интриги, что где-то сморкается в занавеску Версаль. Меня хотели спрятать в безопасное место, пока два участника турнира сговорились слегка опустить третьего, дабы уравнять шансы в дележе власти. Отлично, просто замечательно! Приятно узнавать об этом самой последней! «Гюльчатая! Открой личку! Я сейчас тебе такое расскажу!» Срочно дайте мне крючок, чтобы я сидела и распутывала интриги, как вязаные носки, и сматывала их в клубочек!

— Цвето-о-очек зо-о-ол, потому что я козе-е-ел? — Эврард поднял брови, внимательно глядя на меня, мол, продолжай, продолжай, я с удовольствием послушаю еще парочку комплиментов в свой адрес. — Я предупрежда-а-ал!

Я надулась, понимая, что завтра будет трудный день, а мои мысли уже бегали с каталогом по незнакомому городу, приставая к незнакомым людям. Я уже мысленно отлавливала каждого, оглядывалась по сторонам, затаскивала в глухой уголок, чтоб никто из конкурентов не уволок, и душила, душила, душила нашими непередаваемыми и непереносимыми ароматами. И тут я принялась. Не сандал, а что-то другое... Я еще раз принялась, подозрительно поглядывая вокруг. Теперь я знаю, чем пахнет фирменный патриотизм.

— Ты что? — я сощурила глаза. — Душился нашими духами? Вон теми, которые я открываю после глубокого вдоха и стараюсь задержать дыхание по максимуму? Теми самими, от которых комары дохнут на подлете?

— А почему бы и не-е-ет? И во-о-обще, я тебя сейчас руга-а-ать буду! — на меня посмотрели сурово-сурово. — Никогда-а-а, Цветочек, не говори пло-о-охо о своей проду-у-укции. Ду-у-умай что хочешь, но молча! Люди чувствуют, когда ты не любишь сво-о-ой продукт, и начинают тебе не доверя-я-ять. Так что научись люби-и-ить, или в компа-а-ании тебе делать нечего!

— Я хочу посмотреть на то, как ты меня увольняешь, — ехидно заметила я, понимая, что он прав.

— Еще одно тако-о-ое слово, и пре-е-емию не полу-у-учишь! — заметил Эврард, повергнув меня в когнитивный диссонанс. У нас тут что? Премии бывают?

— А ничего, что я премию в руках не держала? — возмутилась я, понимая, что деньги мне еще ни разу на руки не выдавали.

— А как же я-я-я? Меня-то ты в рука-а-ах держа-а-ала? — сладко улыбнулся гениальный директор, пока я осознала факт, что премия у нас внушительная и приятная.

— И давно у нас тут премия имени тебя выдается? Уточни, пожалуйста, ее всем выдают? — гаденько усмехнулась я, глядя на свои двухметровые премиальные. — В одинаковом эквиваленте?

— Ка-а-ак и просила, лю-ю-юбовью и ла-а-аской, — сладенько заметил Эврард, отложив документы и прижимая меня к себе. — Я не понима-а-аю, на что ты обижа-а-аешься. Я тебя еще ни разу не подводи-и-ил, Цвето-о-очек...

— Почему сразу Цвето-о-очек! Может, я хотела быть Рыжиком или Кроликом, — снова надулась я, отползая подальше и вспоминая все свои клички.

— Хорошо! Объясня-я-яю для альтернати-и-ивно одаре-е-енных с ценным ме-е-ехом! С этого моме-е-ента ты У-у-устрица, — гаденько улыбнулись мне.

— Эволюциони-и-ирую! Ура! — наигранно восхитилась я, вспоминая, как неаппетитно выглядит моллюск. — Почему сразу Устрица? Это же фу!

— Много будешь жра-а-ать, скоро попра-а-авишься, — меня ущипнули поочередно за две расплывшие за полгода сидячего образа жизни створки, которым неприятностей хватило до эпохи дряблостей и дряхлостей. — У-у-устричка! Потому что с мозга-а-ами напряже-е-енка. Де-е-етка, не обижайся. Это би-и-изнес. Я посчита-а-ал, что шансы нужно слегка уравни-я-ять... И уравни-я-ял. Все для моей У-у-устрички! И потом не на-а-адо рассказывать, что я плохо-о-ой, что тебя не люблю-ю-ю!

— Согласна на Цвето-о-очек! — зевнула я, отползая спать, сворачиваясь клубочком и укрываясь одеялом. Поворочавшись и побухтев, чувствуя, как чья-то рука ищет под одеялом мою пятку, находит и щекочет с видом, невозмутимым чуть более, чем всегда, я уснула. Никогда еще я не отбивалась ногами от премии!

Я проснулась оттого, что меня затащили к себе на колени, чуть не потеряв по дороге одеяло. Я что-то буркнула, фыркнула и снова уснула. В следующий раз я проснулась оттого, что на мне что-то пишут, используя в качестве письменного стола. Еще один раз я проснулась оттого, что чуть не упала с дивана, сражаясь всеми конечностями с огромными монстрами, мечтающими меня сожрать и анонсирующими десяток блюд в моем исполнении. Меня удержали, водрузив на место, и стали что-то бухтеть под нос, мол, сто-о-оило отверну-у-уться, как тут вредничает чуть па-а-адшая с дива-а-ана же-е-енщина.

— Что? Взгрустнулось о гареме? — зевнула я, прячась под одеяло.

— Ты мне тре-е-еплешь нервы, как ве-е-есь гарем! — ответили мне, обидевшись и уткнувшись в бумаги.

Проснулась я ранним утром, чувствуя, как рядом кто-то сонно ворочается, оттаскивая меня подальше от края дивана. Мало того что на меня закинули тяжелую руку, но захватчику показалось мало, поэтому на меня водрузили ногу.

— Куда-а-а?! — сонно возмутился Эвард. — Я только пригре-е-елся... Я ста-а-арый, больно-о-ой человек...

— На го-о-олову, — нежно протянула я, лениво выползая из кокона. — Я иду рекрутировать.

— Это куда-а-а, куда я поду-у-умал? — зевнул Эвард, пытаясь поймать меня, но вместо этого схватив одеяло. — Ну хоть одея-я-яльце на па-а-амать оста-а-анется... А мне вообще стра-а-ашный со-о-он приснился. Что ва-а-ас две-е-е... Кошма-а-ар! Прямо в холодном поту-у-у просну-у-улся среди но-о-очи...

Я фыркнула, расправила платье, глядя на руководство, которое все еще руководило по дивану в надежде, что я передумаю.

В комнате для совещаний меня ждала структура, вооружившись каталогами, пузырьками и горячим желанием реабилитироваться в моих глазах. Одиноким маг со скучающим видом листал наш поредевший каталог так, словно чернокнижник — гримуар, зловеще поглядывая по сторонам, словно выискивал заклинание уничтожения мира.

— Открывай портал! — приказала я, взвалив на плечо сумку. — Вперед!

Желудок подскочил к горлу, внутренние органы съежились, а нас дружно выбросило прямо на какой-то площади среди покосившихся избушек. Городом это можно было назвать с большой натяжкой. Несмотря на раннее утро, в округе никого не было. Рассохшиеся крыши, разбитые двери и тишина. Город-призрак, словно обгоревший в огромной пожаре... На одной из деревянных табличек была надпись: «Тишина продлевает жизнь». Вполне оптимистично в свете мрачного антуража. Ни домашних животных, ни людей, никого в окрестностях не было.

Я только открыла рот, чтобы проверить свою догадку, как тут же абсолютно бесшумно ко мне скользнул какой-то мужик, бешено вращая глазами и закрывая одной рукой рот, а второй тыкая в табличку. Отчаянно жестикулируя, он требовал, чтобы мы молчали.

— Что он... — начала я, а мужик зажал рот двумя руками и стал с ужасом оглядываться по сторонам и пригибаться к земле. Если город называется Идеальные Соседи, то я собираю вещи и переезжаю сюда! Вот они! Вот они — те люди, рядом с которыми я хотела бы арендовать квартиру! Вот он — идеальным сосед сверху, который умудряется ходить почти бесшумно! А вот из дома очень тихо, на цыпочках, выползает сосед сбоку. Вы только посмотрите, какой у него дом-развалина! Да у него никогда в жизни не ночевали перфоратор и молоток! А вот и идеальная соседка снизу, которая не будет изображать воздушную тревогу, пытаясь вызвать отпрысков с прогулки, не будет бесконечно и громко пилить непутевого мужа по поводу записок и любовниц и орать, разговаривая с подружкой по телефону так, что подружка слышит ее без трубки на другом конце города. Никаких сверхурочных пылесосов, прибавления семейных фотографий, скрипов кроватей, воплей, топота и визгов последствий кроватных скрипов.

— Мне кажется, — шепотом заметил принц Эрик, поглядывая по сторонам, — что здесь что-то не так...

Нет, ну я тоже предположила, что просто так соседи не бывают такими бесшумными. Разве что рядом живет рецидивист со стажем, привыкший к тишине, а иногда даже к Матросской. Как вариант рассматривался маньяк-психопат с ножом, у которого очень тонкий музыкальный слух. Или буйный алкоголик с непроходящим похмельем, для которого даже тараканы маршируют, как королевская конница! Так или иначе, я готова заочно выразить свое восхищение этому чуткому товарищу, узнать секрет успеха и тихо-тихо слинять.

Мужик тем временем твердо решил сыграть с нами в пантомиму. Он размахивал руками, словно огромный баклан. Никогда еще мне не доводилось чувствовать себя главврачом во главе с санитарями. Пациент, стоя на одной ноге, делал страшные гримасы, бесшумно клацал зубами и тыкал пальцем в сторону близлежащих гор, где явно располагался офис стоматолога с аховыми ценами.

— Между тучами и морем гордо реет буревестник? — шепотом предположила я, глядя на то, как мужик готовится взлететь, раскинув руки-крылья. «Буревестник» замотал головой, а потом опустил руки по швам и пошел вразвалочку, хищно скалясь. — Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах?

На лице местного экскурсовода выразились пятьдесят оттенков отчаяния. Нет, ну если тут главным бедствием является пингвин, то я уже присматриваю местную недвижимость.

— Утка? — шепотом предположила я, глядя на то, как руки превращаются в нечто похожее на челюсти аллигатора. — Зубастая утка? Больничная зубастая утка? Ой, а можно по буквам? Абориген тяжело вздохнул, бросая на нас такой трагичный взгляд, как актер провинциального театра на именитых режиссеров.

— Цветочек, — на ухо выдохнул принц Алан, опасливо поглядывая куда-то в облака. — Мне кажется, что легенды не врут... И где-то здесь поблизости живет... дракон.

— Кто? — удивилась я, тоже переводя взгляд на небо и прикидывая, не летит ли среди пышных облаков ведущий прогноза погоды на завтрак. При слове «дракон» по телу побежали мурашки, стало как-то неудобно и...

Мужик кивал, а к нам подтягивались другие товарищи в режиме стелс, кивая так, словно я тут профсоюзное собрание провожу и гну не только пальцы, но и линию партии.

— Настоящий? — скептически и шепотом поинтересовалась я, снова опасливо поглядывая в небо и ежась, как при первых заморозках. — Правда, что ли?

Мне снова закивали и приложили пальцы ко рту, мол, тише, у него музыкальный слух! Позади меня хрустнула ветка и послышалось сиплое: «Извиняюсь!» Народ тут же пригнулся, как по воздушной тревоге, поглядывая в сторону домов, все еще сохранивших следы пожарищ.

Я достала каталог, ткнула первому попавшемуся крестьянину, который опасливо посмотрел на нашу продукцию. Остальные тоже бесшумно подтянулись, разглядывая страницы и тыкая пальцами в понравившиеся пузырьки, беззвучно обсуждая товар на языке жестов. Послышался чей-то горестный вздох. Какая-то женщина грустно покивала и развела грязными руками, показывая в сторону гор. Крестьянин вывернул карманы и опустил взгляд. Остальные тоже как бы намекали, что денег нет, но они тут держатся изо всех сил.

После сбивчивых пантомим удалось предположить, что где-то в горах находится филиал местного банка «Дракон», с которым местные вкладчики кровью подписали договор на тысячелетний депозит. Не знаю, сколько у них там набежало по процентам, но есть подозрение, что много. Нет, конечно, были желающие сходить в банк или хотя бы дойти до терминала, но у «Дракона» в этот момент сразу начинался обеденный перерыв.

Нам всеми силами стали намекать, что приобретут у нас все подчистую, вступят в любую партию, вляпаются в любую субстанцию, пойдут по миру проповедовать, поставят памятник в золоте в центре деревни, снабдят нашей рекламой каждую поверхность, если только их избавят от этой многовековой напасти. Нас горячо, а главное, молча уверяли, что, как только мы проведем кардинальную банковскую реформу, вся деревня дружно вступит в наши ряды. Мольба в глазах будущих адептов сетевого намекала на то, что сетевой — это их последняя надежда.

— Что-то мне не очень хочется сражаться с драконом, — прошептал мне на ухо принц Алан, опасливо оглядываясь. Остальные дружно поддержали идею дезертировать и оставить дракона любителям драконьих сердец.

— А если просто пойдём и просто посмотрим? — я пыталась поддержать боевой дух как могла. — Дракон? А я его не боюсь! Ну и что, что дракон? Нас много — он один.

Судя по взглядам, одинокого дракона было не жалко никому. Что-то я смотрю, что жизнь хочет честного поединка один на одну, ибо принцы оглядываются по сторонам и прикидывают, куда бы смотаться. Перед глазами промелькнула зеленая бабочка, осыпая нас волшебными искрами.

— Эврард! — взмолилась структура, бросаясь к бабочке. Я-то думала, у меня тут терминаторы, а тут самотерминацией пахнет. — Цветочек сбрендил! С ума сошла! Она на дракона собралась!!!

— Я на драко-о-она ее не посыла-а-ал. На другие места посыла-а-ал, а на драко-о-она нет. Так что пусть не ерунди-и-ит. Возвраща-а-айтесь. Сейчас откро-о-ою порта-а-ал... — заявил знакомый голос, пока бабочка полетела ко мне разбираться.

— А-а-а! — заорал принц Эрик, танцую первобытный танец «По мне что-то ползет».

— Тихо! — прошептали мы, глядя на эту истерическую хореографию.

— Это же паук! — задышался принц, вертясь как волчок. Ему быстро заткнули рот все любители спасительной тишины. Мы сглатывали, переглядывались, прерывисто и встревоженно дышали, уставившись в небо и считая секунды.

— Пронесло, — выдохнул принц Алан, награждая смачной оплеухой «любителя» насекомых. Нет, ну нам определенно повезло.

— Это была «черная вдова»! — задышался Эрик, пытаясь оправдать приступ малодушия. Тут раздался громкий хлопок, заставивший нас вздрогнуть, и в небо взмыла... иллюзия!

— Драконьи сердца — это золотая жила! — послышался громоподобный голос, а в облаке появился рыцарь с мечом, подпирающий ногой поверженного дракона. — Драконьи сердца сделают вас богаче королей! Охота за драконьими сердцами — наша основная задача.

Рыцаря уже торжественно короновали, и тут же к нему стали липнуть принцессы, пытаясь облобызать забрало шлема.

— Покупай драконьи сердца и вкладывай деньги в будущее! Драконьи сердца завоевывают мир! Драконьи сердца — золото будущего! — пафосно распинался голос, пока на небе демонстрировали горы золота, в которых купался тот самый счастливый рыцарь. — Драконьи сердца. Живите будущим!

Народ, который уже бесшумно бросился к укрытиям, внезапно застыл, глядя на картинку как зачарованный.

— Господа и дамы! — группа магов уверенно двигалась к изумленной толпе. — Мы избавим вас от дракона в два счета, но нам нужно снарядить экспедицию в горы. Мы уничтожили уже целую уйму драконов, чтобы получить драконьи сердца. Но сейчас нам нужны ресурсы, чтобы отправить в бой лучших бойцов. Победа над вашим драконом — вопрос времени.

И тут же над головами расцвела презентация мирного неба, счастливых, смеющихся детей, радостных взрослых, танцующих вокруг огромного дохлого ящера. Аккуратные домики, цветущие сады, поля пшеницы...

Люди стояли, задрав головы, и плакали. Женщины прижимались к своим мужьям, обнимали детей. На глазах стариков застыли слезы. «Я думал, что не доживу», — шептали они, глядя на маленьких внучат, раскрывших рты от изумления и молча тыкающих пальцами в сказочную жизнь, которую сулили маркетологи драконьих сердец.

— Сколько... — прошептал женский голос, на колени перед магами упала седая женщина, цепляясь за мантию одного из них. Все руки у нее были в шрамах от ожогов. — Вот, возьмите кольцо... Все, что осталось...

Она снимала старое, потускневшее кольцо с изувеченных пальцев, утирая слезы косынкой и рассказывая о том, как разбирала горящие завалы, чтобы вытащить младшего сына.

— А говори-и-или, что не-е-ет денег. Если что-о-о, это ка-а-амень в твой огоро-о-од, Цвето-о-очек. Уме-е-еть надо по лево-о-ой ката-а-аться, — прожужжала бабочка, оборачиваясь мухой, пока я дар речи потеряла от такого цинизма продаж. — А ты даже не зна-а-аешь, из чего состои-и-ит наша проду-у-укия. Тебе это было не интере-е-есно.

— А зачем мне знать? — фыркнула я, негодуя от откровенной лжи. Люди уже несли все самое ценное, жаловались и плакали, показывая руками на пепелище.

— Люди! — возмутилась я, пытаясь привлечь к себе внимание. — Это обман! Они другие сердца имеют в виду! Никто на дракона охотиться не будет! А мы можем помочь вам отстроить ваши дома! У нас есть специальная программа!

На меня смотрели такими глазами, словно я отбираю последнюю надежду.

— Не слушайте ее. Конечно, с пузырьками никто на дракона не пойдет. Мы знаем, что делаем! Дома — это хорошо, но их снова сожжет кровожадный и ужасный дракон! Мы — специалисты по драконьим сердцам. Вы думаете, дракон у нас просто так на эмблеме? — насмешливо вмешался маг, принимая из рук крестьянина медную брошку и давая ему в руки маленькое сердечко-стекляшку, которое блестело магическим сиянием. — Это символ того, что скоро мы его победим!

— Спасибо вам, — всхлипывал мужик — косая сажень в плечах, растирая глаза рукой. — У меня жена сгорела, детки малые сгорели... Все погибли... Один я выжил, потому что зима холодная была, а я в лесу хворост собирал... Все... Моя маленькая... Смеялась, как солнышко радовалась... Пять годков было...

— Вот, вот... Все что есть, — молилась старуха, падая на колени перед магами, которые с довольными лицами подсчитывали выручку. — Убейте окаянного... Всех потеряла... Одна внучка осталась... Никого больше... Сиротинушка... Бедная девочка... Забилась в погреб, сидела, как воробышек, пока окаянный бушевал.

— Погиб... погиб... вытащить пытался, — тихо-тихо плакала молодая женщина со следами ожогов на лице. — Меня вытащил, бросился за братом и сыночком... И все... Погребло их... Никогда никого так не любила... Отомстите за него.

В руку мага опустилась цепочка с медальоном, а в руку женщины перекечвало сердечко, которое она поцеловала, оплакивая любимого. Люди целовали сердечки, вешали их на шею, обнимались и плакали.

— Я бы никогда не опустилась до такого, — процедила я, сжимая кулаки от накрывающего меня негодования. — Наживаться на чужом горе... Это мерзко, низко, ужасно. Это противоречит всем правилам!

— И щито поделатъ? Гла-а-авное, результа-а-ат, — заметила муха, оставляя зеленый след. — Разочарова-а-ал меня Цвето-о-очек. Фисе! Ухожу в тре-е-ейдеры! Вон как ребята стара-а-аются. Драко-о-оньи сердца-а-а — вот бу-у-удущее... Ура-а-а!

Муха вспыхнула зеленым светом, и передо мной появился Эврард.

— Разочарова-а-ала... А я так наде-е-еялся... Зна-а-аешь, почему ты такая бе-е-едная? Потому что мозго-о-ов не-е-ет! Не смотри на меня та-а-ак. Чере-е-ез глаза черепо-о-ок ви-и-идно, — ядовито заметил Эврард, снисходительно глядя на меня. — Хотя не-е-ет... Постоите-е-е... Там что-то е-е-есть... Я ошибся! Как я мог! Это же паути-и-ина!

— А ничего, что мы не одни? — мрачно спросила я, прикидывая, как душу его двумя руками. Вы не смотрите, что у меня ручки маленькие и слабенькие. Если не справлюсь, то буду душить не руками, а нашими новыми духами.

— Ты так говори-и-ишь, как будто паучо-о-ок убежа-а-ал, — меня погладили по голове. — Но я тебя все равно люблю-ю-ю...

К этому надо просто привыкнуть. Убить и привыкнуть.

— Ребя-я-ята, — нежно заметил Эврард, поворачиваясь к магам. — Возьми-и-ите меня к себе-е-е. Меня Цвето-о-очек не лю-ю-юбит... Говорит, что я плохо-о-ой. А я уме-е-ею продава-а-ать. Могу даже с су-у-умкой... Насы-ы-ыште мне побольше-е-е драконьих серде-е-ец... Сейчас ли-и-ично рекрути-и-ировать бу-у-уду... Готов начать с нуля-я-я... Буду стучать в ка-а-аждый дом и к руково-о-одству.

В этот момент у меня перед глазами пронеслась картинка. Обычная семья крестьян, ничто не предвещает еды и беды, стук в дверь, стандартный тревожный вопрос «кто там?», а на пороге сладкое: «Здра-а-авствуйте!»

— Эврард, — усмехнулся седой маг, глядя на моего генерального директора, решившего быстро сменить ориентацию не только в бизнесе, но и в моих глазах. — Для начала нужно купить драконье сердце, пройти обучение, а потом посмотрим.

— А у меня е-е-есть драконье се-е-ердце, — сладко заметил Эврард, подплывая к конкурентам. — Правда-а-а, одно, но зато како-о-ое! Цве-е-еточка тоже возьме-е-ем. Я ее сра-а-азу приведу, как первого ре-е-екрута. Она всегда подо мной рабо-о-отает!

Зеленая вспышка, вылетевшая из его руки, озарила нехорошую улыбку и приподнятые брови, а страшный удар зеленого огня о землю заставил всех покачнуться. Люди бросились врассыпную, прячась в подвалах.

— Я работаю на сумасшедших, — простонал принц Алан, всхлипывая, как ребенок. — Ребята, они оба спятили...

Грохот, который пронесся по деревне, эхом отозвался ревом где-то в горах. Еще один рев заставил магов переглядываться. Один из них, самый молодой, выставил вперед руку и...

— Он перекрыл порталы! — запаниковал маг, покрываясь испариной. — Все перекрыл! Я уже второе заклинание пробую!

— А кто у нас спо-о-онсор? — поинтересовался Эврард как ни в чем не бывало. — С ке-е-ем я могу расплати-и-иться нату-у-урой?

От гор отделилась такая тень, что у меня затряслись коленки. Тень ревела, полыхала огнем и приближалась к нам со скоростью хорошего истребителя.

— А вот и мо-о-ой вкла-а-ад в драконьи сердца-а-а. Натугу-у-урой, как и обеща-а-ал, — мило улыбнулся Эврард, а над городом уже зависла огромная тварь, накрывая соседнюю улицу непрерывным огнем.

— Цвето-о-очек, меня не берут! Что я не так сде-е-елал? — наигранно-обиженно заметил Эврард. Такого с собой ни в гости, ни на праздник, ни в партию, ни за руку брать нельзя! Я застыла от животного ужаса, глядя, как над городом поднимаются клубы дыма и алые сполохи пожарища. Дракон был действительно огромным, невероятным, черным и страшным, до тихого панического, пригибающего к земле ужаса! Оскаленная пасть выпускала струи огня направо и налево. Если ты не перевариваешь драконов, это еще не значит, что дракон не переварит тебя!

— Эврард, — я схватила за руку своего генерального, пытаюсь утащить его подальше.

— Не меша-а-ай, Цвето-о-очек, — лениво заметил он, мечтательно стоя на фоне пожара. — Я никогда-а-а не ви-и-идел драко-о-она! Краси-и-ивый, не так ли?

Санитары! Экзорцисты! Священник! Кто-нибудь! Помогите мне сдвинуть с места этого двухметрового идиота!

— Цветочек! — кричал мне хриплый голос кого-то из структуры. — Беги! Че встала? Беги!

Кто-то из магов пустил в дракона искрящуюся молнию. Дракон резко развернулся, обдавая огнем все вокруг. Маги бежали в сторону леса, чем тут же заинтересовали крылатую тварь. Заклинания летели во все стороны, некоторые из них выглядели настолько ужасно, что я думала — все, конец дракону, но нет. Они ударились об его панцирь, рассыпались волшебными брызгами, взрывались возле драконьей морды огненными и ледяными шарами, но не причиняли кружившему над соседней улицей дракону никакого вреда. Несколько криков боли, и все... Дракон взмыл вверх, тут же обратив внимание на нас.

— Эврард, — умоляла я, пытаюсь за руку утащить двухметрового бессовестного мужика в сторону. — Я тебя прошу... По-человечески...

Санитары! Экзорцисты! Священник! Гробовщик! Срочно! Несите мелки, будем обводить двухметровый труп!

Дракон приближался, внезапно полыхнув в нашу сторону струей жаркого пламени!

Я вжалась в руку Эврарда, прижимаясь к нему и чувствуя, как он прижимает меня к себе.

Между нами и пламенем стоял полупрозрачный щит, который генеральный директор держал на вытянутой руке.

— Ну что, Цвето-о-очек, — заметил Эврард с улыбкой «Внимание! Я плету интригу». — Сдела-а-ал все, что мог. Да-а-альше как-нибудь сама-а-а...

— Да чтоб тебя дракон сожрал! — плаксиво заметила я, все-таки пытаюсь сдвинуть его с места. — Не бросай меня!

— Прия-я-ятно, когда девушка так дорожи-и-ит отноше-е-ениями, но я на тебя оби-и-иделся... Уца-а-ачи, любо-о-овь всей моей жи-и-изни! — меня поцеловали в лоб, открыли портал и исчезли.

Короткая у тебя любовь! Как и жизнь, если выберусь! Я бросилась в сторону, но меня тут же дернули за руку. Рядом с искрящимся порталом стоял Эврард.

— Я пошутил! — усмехнулся он, обращаясь к принцам. — Идио-о-оты, в портал, быстро! Мы с Цветочком идем последними! Быстро!

Упрашивать долго не пришлось. Принцы один за другим мчались к спасительному portalу. И тут раздался крик.

— Эврард! Тут ребенок! — закричал сильный голос откуда-то сзади, кашляющий от дыма. — Дом горит. Я не могу выбить дверь! Мать — труп! Отец — тоже!

Я попыталась вырваться, но меня держали железной хваткой. Я металась, глядя на загорающийся и покосившийся дом, где принц Эрик пытался выбить окно или дверь.

Я помню только то, что ударила Эврарда под коленку и впилась зубами в руку. Хватка на секунду ослабла, а я метнулась в сторону крика и детского плача.

Принц Эрик уже вытаскивал насмерть перепуганную девочку лет шести из огня, а из подвала соседнего дома уже тянулись руки за ребенком. Я почти добежала до горящей избы, чтобы принять девочку, как вдруг обернулась. На меня смотрели огромные желтые глаза и раскрывалась оскаленная острыми зубами пасть.

— Цветочек! — услышала я, как сквозь вату, разглядывая чудовище. — Цветочек!

Моя рука лихорадочно ощупывала содержимое сумки, пальцы впилась в какой-то флакон, который я в порыве отчаяния бросила в морду дракона. Флакон разбился о чешую, а мутная жидкость разлилась, попав огнедышащему гаду в глаз. Дракон замотал головой, а я нащупала следующий флакон и бросила его в том же направлении.

Стекло хрустнуло на зубах, раздался страшный рев, а из раскрытой пасти повалил черный, густой дым. Я нащупала еще один флакон, но промахнулась, глядя, как дракон мотает головой. Дым валил из пасти, из ноздрей, пугая меня сильнее, чем огонь. Дракон взмахнул крыльями, порывом отбросив меня на землю. Пламя по соседству разгорелось еще сильнее, что-то слева с треском обрушилось, а я не могла прийти в себя, чтобы бежать, глядя на дракона во все глаза.

— Убью! — послышался голос над ухом, а меня взяли на руки.

— Это ты кому? — прошептала я, прижимаясь к груди и иступленно вдыхая успокаивающий запах сандала.

— Все-е-ем! — ответили мне, давая понять, что ждут меня и сандал, и скандал.

Последнее, что я видела, так это черный след в небе, оставленный летящим драконом с задней и передней реактивной тягой.

Сверкающий портал проглотил нас, заставив зажмуриться. Меня бесцеремонно бросили на диван, который спружинил под моим весом.

— Сидеть! — прошипел Эвхард, сметая со стола все, что на нем было: документы, книги, чернильницу. — Очень плохо, что ты выжила. Дракон был бы гуманнее! Легкая, бесполезная и безболезненная смерть!

Ага, расскажи мне. Меня до сих пор колотит, как вспомню эту пасть.

— Нет, ну вы видели! — восхищенно сипел принц Эрик, пытаясь оттереть с белого камзола. — Один на один с драконом! А казалось бы, махонькая... хрупкая... А он огромный! Вы пасть его видели? Одни зубища чего стоят!

— До-о-орого они стоят! По пятьдесят-я-ят золоты-ы-ых за один! — буркнул Эвхард, не сводя с меня ядовитых глаз.

— Заслонила собой! Вот это баба! — восхитился принц Алан, выдыхая и вытирая с лица сажу. — Я б на ней женился!

— Рискни-и-и, — послышался зловеющий шепот, а зеленые глаза нехорошо сузились. — Ита-а-ак. Что было в том флако-о-оне?

— Не помню, — сглотнула я, все еще приходя в себя и пытаясь взять в руки. — Достала не глядя...

— Ты огорча-а-а-лась, что не застала Третью Ассамбле-е-ею? Сейчас Четвертая будет! — усмехнулся Эвхард, послушав палец и пытаясь оттереть мою щеку.

Третий час Четвертой Ассамблеи ознаменовался фразой «Лучше бы нас сожрал дракон!», за которую тут же адресно полетел канделябр.

— Соста-а-ав проду-у-у-кции вы должны знать наизу-у-усть! — орал Эвхард, а передо мной стояли флаконы для опознавания. Пока что ни один флакон не признавался, зато вся стена, возле которой стояли «идио-о-оты, неучи, остоло-о-опы», была разукрашена цветным содержимым. Под ногами принцев хрустели осколки стекла.

— Это писе-е-ец! Кара-у-ул! — бушевал Эвхард, пока я поджимала ноги, гипнотизируя и ощупывая по десятому кругу каждый пузырек, опасно поглядывая на «директоров с новыми зва-а-аниями». Директор для волос закрывал лицо руками, директор для рук сплевывал одноименное средство, а директор для интимной гигиены уже лежал пластом, изредка шевеля пальцами, мол, еще живой, продолжайте в том же духе!

— Мне кажется, вот этот, — робко заметила я, поглаживая пузатую склянку. — Горлышко похоже. Спросите у некроманта! Он-то должен знать, что там на драконов действует!

— А что сразу я? — ожил некромант, который до этого момента прикидывалсядохлым между столом и стулом. — Я по вашему приказу смешал все, что осталось, и разлил по флаконам! Откуда я знаю, что это было? Вы видели, сколько у меня работы!

— Ла-а-адно. Уста-а-ал я что-то. А вам позо-о-ор, — сдул прядь волос Эвхард, падая на диван рядом со мной. — Тебе двойной позо-о-ор, ли-и-идер! Подска-а-азываю...

Все тут же навострили уши.

— Тяже-е-елый слу-у-учай! — на стол был водружен флакон с мутной зеленой жидкостью и этикеткой. — Изуча-а-айте!

Все заметно оживились, сползаясь к заветному флакону.

— Ничего особенного, — скептически заметил некромант, приносясь и морщась. — Это у нас для чего? Для морды? Или для конечностей? Я что-то не помню...

— Ой, а воняют-то как! Фу! — скривилась я, приносясь к флакону и чувствуя, что у меня сейчас глаза вытекут, а в окрестностях сдохнут все тараканы, комары, суслики и ежики. Понимаю, что капля никотина убивает лошадь, но капля этой гадости виновна в смерти моих обонятельных рецепторов. — Пахнет... кхе... как... Просто «как». Даже не «сик», а «как»!

— Да закройте кто-нибудь флакон! — взмолился принц Алан, потирая шишку на лбу. — И окно откройте! Невыносимо же! Смерти моей хотите? Я, между прочим, больше всех отрекрутировал! Меня ценить надо! И беречь!

Эврад молчал, повернувшись к нам спиной, и поглядывал в окно. Иногда он тяжело вздыхал.

— Я сдаюсь! Я не знаю, что это такое! — простонал некромант, отворачиваясь от флакона. — Может, смешали чего?

— Подска-а-азываю, — раздался голос, пока мы смотрели состав. — Это духи-и-и... Эксклюзивные-и-ивные...

— Погоди, погоди, — я стала лихорадочно листать каталог, подозрительно приглядываясь к очертаниям. — Так, «Поки Рубанок»? Нет, не похоже. «Шинель»? Тоже нет... Там флакон другой. «Задор»? Вроде нет, он у нас розовый... «Живовши»? «Шинель второй шанс»?

— Нет! В меня недавно такими попали! Точно не они! — послышался голос принца Филиппа. — Те воняли еще неделю!

— Не угада-а-али. Это но-о-овые духи, — мурлыкнул Эврад, усаживаясь на диван и подтаскивая меня к себе. — Ра-а-адуитесь, что я уста-а-ал. Поубива-а-ал бы... Свою проду-у-укицию нужно люби-и-ить, а не говорить про нее всякие га-а-адости! Еще раз услы-ы-ышу — терминирую канделябром!

— «Оклад»? «Мадам Померкот»? — предположила я, вспоминая слоган, придуманный художником после первой затяжки: «Дохнут кошки, блошки, вошки!» Истинные духи для одинокой женщины! — Так, уберите это от меня! Подальше! На край стола поставьте! Пробку проверьте! Какой дурак их придумал?

— Духи называ-а-аются «Мой Цвето-о-очек». Этот дура-а-ак — я, — сладко мурлыкнули мне на ухо, обнимая, как любимую игрушку.

Дракон? Ты еще голоден? Если что, я помню дорогу!

— За что? — шепотом спросила я, искоса поглядывая на флакон. — За что меня так?

— Чтобы мужчин сража-а-ала напово-а-ал, пока шла рекрути-и-ировать. И контрольный, когда возвраща-а-алась той же доро-о-огой, — расписывали мне мои новые возможности. — Когда ты ими наду-у-ушишься, я буду за тебя споко-о-оен. Убийцы и драконы сдо-о-охнут на подле-е-ете... Все, Цвето-о-очек. Оби-и-идела ста-а-арого, больно-о-ого челове-е-ека...

— Без нюхательных-ы-ых реце-е-епторов, — выдохнула я, снова косясь на подарок.

— Ну мы дракону сейчас наподдадим! — злобно усмехнулся и размял кулачища принц Эрик. — Да, ребята? Ща пойдем, отрекрутируем его как следует! Ща мы ему каталог покажем! Будет знать, на какой странице бальзамы рисуют!

— Вот так и выстраиваются доверительные отношения в структуре. Сначала заступись за партнера, а потом дружно удобри-и-ите нача-а-альство, — ехидно заметила я, отползая от чьей-то «обиженной» руки. Эврад как бы обижался, но рука у него была очень отходчивой и чуть не отходила меня по тому месту, которое сегодня нашло дракона.

— Удобря-я-ягь начальство и зада-а-абривать его — это твоя ли-и-ичная привиле-е-егия, — заметил Эврад, снова таща меня к себе. Я уже не сопротивлялась, удобненько устраиваясь на чужом плече. — И мазать со-о-опли по нача-а-альству тоже...

— Короче, ща мы ему дадим жару! — обрадовалась структура, злорадно усмехаясь. Кто-то сбегал за мечами. — Так, где он у нас тут живет?

— Третья пеще-е-ера сле-е-ева, — Эврад поднял на них зеленые глаза, а потом ядовито улыбнулся. — Вхо-о-од со стороны кака-а-ашки...

— Какой какашки? — удивился принц Алан, приносясь к клинку.

— Ва-а-ашей, идио-о-оты. Коллекти-и-ивной! Ду-у-умайте! Голово-о-ой дума-а-айте! А я рабо-о-отать! — я упала на диван, потому что Эврад растворился в воздухе, шелкнув меня пальцем по носу.

И мы всю ночь думали, и где-то к четырем утра я вспомнила старую легенду. К утру посреди комнаты сидела кукла для тренировок, на которую я нахлобучила парик и свое старое платье.

Внутри куклы звенел бре-е-ендовый парфю-ю-юм, на котором смело можно писать: «Тестировано на драконах».

— Ну что? — вздохнула я, поправляя сумку с духами, которые тиражировал некромант, проклиная все на свете. На плече каждого принца висела такая же сумка, набитая «Моим Цветочком». Это мы придумали для того, чтобы ничья смерть, в случае чего, не была напрасной!

При виде нас в несчастном поселении, которое бесшумными муравьишками разбирало завалы, началась тихая паника. Все мотали головами, скрещивали руки, мол, мы тут как-нибудь сами себя спасем.

Ребята молча вбивали шест на центральной площади. Даже когда Филиппу по пальцу попали молотком, он как бы и высказался, но как бы и промолчал. Через четверть часа все вместе привязывали куклу, поправляя ее разукрашенное лицо и съехавший парик.

— Девственница, — мечтательно заметил принц Эрик, коварно потирая руки. — Ну ничего! Сейчас мы ему устроим! Пусть только явится!

— Все в укрытие! — закричала я, давая сигнал.

Принцы обнажили мечи и застыли, глядя в небо. На крик никто не отреагировал, поэтому я предложила идею:

— А теперь дружно крикните: «У нас хрено-о-овое руководство!»

— Мы точно дракона вызываем? — опасно прошептал мне принц Филипп, стоя наготове. Бабочка пролетела мимо меня, а ядовитый голос анонсировал планы на вечер, которые умещались в одно-единственное слово: «Санда-а-аль».

— Я просто проверила, — ехидно заметила я, провожая взглядом красивое и бессовестное насекомое, которое летало кругами вокруг меня. — Ай!

Я потеряла место болючего укуса, негодуя и пытаюсь прихлопнуть «руководство» каталогом.

— Я просто укуси-и-ил, — раздался сладенький голос возле уха, а мимо лица пролетела муха. — Бз-з-з!

— Ладно! Орем что есть мочи! Создайте как можно больше шума! — командовала я.

Принцы били досками по доскам, стучали мечами по ржавым котлам. Через полчаса в стороне гор раздался рык. На горизонте появилась зловеющая тень, отделяясь от горного хребта.

— Летит, летит! — занервничала я, прячась за куклу. На плече позвякивала сумка. Дракон сделал круг над городом, а потом тяжело упал на центральной площади.

— Как же вы мне надоели, — раздался страшный и хриплый голос. — Как я вас ненавижу, проклятые людишки. Золото мое хотите? Не дождетесь, твари! Знаю я вас!

Он подполз к кукле и хрипло рассмеялся.

— Одно и то же. Ни ума, ни фантазии! — одним ударом лапы он смел куклу, а потом схватил меня. — Не трепыхайся, тварь!

Рывком меня подняло в воздух и сжало до боли. Я чувствовала панику, понимая, что в любой момент меня сбросят вниз, как гуманитарную помощь.

— Цветочек! — кричали принцы, вылезая из убежищ. Сумка оборвалась и упала вниз с высоты, от которой у меня кружилась голова. — Цветочек!

Дракон пошел на снижение, а меня швырнули на землю, заставив кубарем прокатиться по траве. Мы очутились на какой-то поляне среди леса.

— Ты знаешь рецепт той дряни? Кто еще знает рецепт? — прошипела драконья морда, приближаясь ко мне. — Называй имена всех, кто знает этот рецепт!

Я еще не пришла в себя, пытаюсь понять, на земле я или меня все еще телепает в небе. Голова гудела, ушибленный локоть дико болел, а все тело ныло.

— Я спрашиваю тебя! — прохрипел дракон, следя, чтобы я не сбежала. — Если скажешь мне имена, я отпущу тебя. И, возможно, даже награжу. Подумай, человечиска. Если тебе дорога жизнь, советую освежить память.

Нет, я понимаю, что у нас появился жирный партнер. Я бы даже сказала — оптовик, но что-то меня не тянет его рекрутировать. А спонсором завтрака я тоже как-то не планирую быть.

— Думай, мразь, думай. Я не собираюсь торчать здесь вечность, — усмехнулся дракон, а из его ноздрей вырывался черный дым.

— Цвето-о-очек! Ты рекрути-и-ируешь драко-о-она? Молоде-е-ец! Мы еще скла-а-ад сделаем в его пеще-е-ере, — раздался голос.

Дракон метнулся ко мне, схватил лапой, словно булочку, и поднес к пасти.

— Выбирай, маг, либо она, либо золото. Это твоя награда за рецепт, — усмехнулся огнедышащий гад, тяжело дыша. — Я видел тебя в прошлый раз. И жалею, что не достал...
— Не-е-ет, ты меня доста-а-ал, — ядовито заметил Эвхард. — Чисто гипотети-и-ически я склоняюсь к Цвето-о-очку. А вот чисто практи-и-ически понимаю, что торговаться с тобой бессмы-ы-ысленно. Де-е-еньги — это така-а-ая же иллюзия, как и любо-о-овь. Не иллюзия — только смерть. Почему-у-у бы не попыта-а-аться уби-и-ить тебя?
— Ты же знаешь, что магия меня не возьмет, — усмехнулся дракон, отпуская меня. — Хорошо, попробуйся.
— Эвхард! — взвизгнула я, хватаясь за сердце. — Ты что? С ума сошел? Да он же тебя испепелит! Санитары! Экзорцисты!
Дракон полыхнул пламенем в сторону гениального директора, и я услышала крики:
— Ай-ай-ай, как бо-о-ольно!
Там, где должна была лежать горстка пепла, стоял Эвхард и улыбался.
— Ай нет. Показа-а-алось! — ехидно заметила иллюзия, растворяясь и снова материализуясь в воздухе.
Я отползала подальше, пытаюсь спрятаться за деревья.
— Вообще-то я зде-е-есь! — послышался голос, прикрывая мой маневр.
Дракон резко обернулся, а позади него стояла еще одна иллюзия. Десяток иллюзий заставляли дракона метаться по поляне. В итоге гад не выдержал и взлетел, поливая огнем все вокруг.
— Поката-а-ай меня, яще-е-ерка, — раздался голос, а я увидела силуэт, восседающий на драконе.
Дракон пулей бросился к земле, пытаюсь стряхнуть седока.
— Цветочек, ты цела? — задохнулся голос рядом. — Ребята! Она здесь! Еле догнали! Мог бы и портал открыть! Вот гад! Заставил побегать!
Я обернулась, видя, как, задыхаясь после марш-броска, хватаясь за деревья, собиралась моя структура.
— Нет, ну сволочь! — попытался отдышаться принц Эрик, обмахиваясь париком.
— Нача-а-альство тут, зна-а-ачит, с драконом сража-а-ается, — раздался голос неподалеку. — В поте лица-а-а, между про-о-очим, а они критику-у-уют руково-о-одство. Со-о-овесть все-е-ем потеря-я-яли! Страх то-о-оже!
Эвхард стоял со скучающим видом рядом с нами, пока иллюзии развлекались с драконом.
— Что-то мне кажется, — вздохнула я, вспоминая героических братьев-освободителей, — что я знаю как минимум одного человека не из нашей компании, который бы не прятался за иллюзией.
— Ах та-а-ак? — Эвхард посмотрел на меня пристально, а потом молча взял сумку и вытащил из ножен принца Филиппа меч. — Обиде-е-ела старого, больного человека. Ничего сами сделать не мо-о-огут. Бессо-о-овестные. Почему я до-о-олжен? Чем я так провини-и-ился перед ми-и-иром, что он посла-а-ал мне ва-а-ас? Я ведь ста-а-ар... Очень ста-а-ар!
Дракон открыл пасть, поливая огнем очередную иллюзию, и тут ему прилетела прямо в пасть сумка. Гад закашлялся. Послышался звук крошащегося на зубах стекла. Дракон тряс мордой, пытаюсь выплунуть сумку и пуская черные клубы дыма, но ему следом прилетела вторая.
— Я что, зря на ва-а-ас тренирова-а-ался? Бессовестные, никче-е-емные! Безмо-о-озглые! — закатил глаза Эвхард, осматривая лезвие клинка и стоя перед самой драконьей мордой. — Так? Никто не видит? Точно никого не-е-ет? А то я тут усло-о-овия нарушаю со стра-а-ашной силой! Пока дракон метался, Эвхард спокойно подошел к нему, лишь единожды увернувшись от морды, и всадил в голову меч, пригвоздив дракона к земле.
— Позо-о-ор! — на слегка офигевших нас бросили взгляд, полный укора и упреков. — Мозго-о-ов нет, думал, хоть си-и-ила есть!
Резким движением гениальный директор провернул меч, осмотревшись по сторонам, а потом вынул окровавленное лезвие из драконьей головы.
— Заста-а-авили ста-а-арого, больного человека сражаться с драко-о-оном! — Эвхард спокойно вскрыл дракона, а потом подлез в его внутренности рукой и достал окровавленное сердце.
— Зубы мои! — заорал принц Филипп, бросаясь к туше. Пока структура освеживала дракона, я с опаской смотрела в сторону генерального директора, понимая, почему его так опасаются.

— Подвинься! Я себе этот зуб заприметил! — ругались любители трофеев. — Я его на шею повешу!

— Хороший де-е-ень. Завалил драко-о-она, — зевнул Эвхард, глядя на огромную бездыханную тушу. — И это только до обе-е-еда. Не смотри на меня так, Цвето-о-очек. В этой жизни мне уже ничего не стра-а-ашно.

Поскольку мы не бросились к нему за автографами, Эвхард обиделся и исчез, а мне пришлось отгаскивать любителей сувениров от сувенирной туши. Мы медленно возвращались в деревню пешком, чтобы сообщить им радостную новость о падении огнедышащей банковской системы. Когда мы вошли в деревню, то застыли на месте, не понимая, что происходит. Те, кто еще вчера сидел в подвале, жался друг к другу, сейчас стужали с телег мешки золота, делили его, отбивали свою добычу у конкурентов, ругались и проклинали друг друга на чем свет стоит.

— Не трожь! — орала покрасневшая и растрепанная женщина, нагребая себе золото в подол обгоревшими руками и отгоняя какого-то пожилого, тощего мужика. — Руки убрал!

— А ну слезь с повозки! Тут все мое! — бородатый мужик со свирепыми глазами замахнулся кнутом на хрупкую, белобрысую девушку в лохмотьях, которая протянула руки к драгоценному ожерелью. — Убью!

— Дракона больше нет, золото — ваше. Так как насчет нашего договора? — спросила я, а на меня недружелюбно посмотрели десятки глаз. — Мы предлагаем возможность приумножить состояние. Все деньги тратить не обязательно. Одной монетки вполне достаточно, чтобы купить нашу продукцию, а потом заработать еще в сотню раз больше.

— Еще чего! — уперла руки в бока женщина с ожогом на лице, защищая свою кучу. — Мы тут годами страдали, мучались...

Мимо меня шел крепкий, низкорослый и приземистый мужик с усами, неся на спине целый звенящий мешок. Одна монетка выкатилась на землю. К ней бросился чей-то худой и затравленный ребенок, но тут же заплакал, потому что на протянутую к золоту руку наступил старый сапог.

— Куда руки тянешь? — заорал мужик, пока ребенок плакал навзрыд от боли. — Не трогай! Это мое золото!

— Мы тут жили в страхе, — продолжали жители, пересчитывая свои кучи и защищая их. — Страдали годами... Родных теряли, друзей... Скольких схоронили! Да всех и не упомнишь! Так что это наше золото!

— Куда понес! Убью! — раздался крик, а мимо меня пробежал подросток с полной шапкой денег и криками: «Мама, мама! Мы богаты!»

— Я предлагаю вам работу, — настойчиво продолжала я, пока моя структура жадно осматривалась по сторонам и сопела, вспоминая любимые математические действия «деление» и «отнимание».

— Какая работа? — рассмеялся лохматый однорукий обладатель внушительной кучи, перебирая украшения. — Тут даже внукам хватит! Сразу в кабак! Выберусь отсюда — и в кабак! Напьюсь до посинения! Эх!

— А если дракон вернется? — поинтересовалась я, поглядывая в сторону леса.

— Ну не вернулся же? — хрипло рассмеялась девица с короткой стрижкой, в платье, от которого отказалась бы даже Золушка, цепляя на себя золотую корону и обвешиваясь украшениями, как новогодняя елка. — Даже если вернется, нас уже здесь не будет! Ничего-ничего! Я себе таких платьев понакушлю! Дом построю новый!

Нет, ну где-то в списке местных олигархов прибыло. В списке идиотов, которые бездарно прогуляют состояние, тоже ожидается пополнение со дня на день.

И тут внезапно над лесом показалась огромная черная тень, заставившая меня прервать нервный зев на половине. В глазах людей, ее заметивших, застыл такой ужас, которого я никогда не видела в своей жизни. Они закричали, запаниковали: «Дракон, дракон!» Огромная крылатая тень летела напрямик к нам.

— Спасайтесь! — верещали люди, пытаясь сгрести золото и дотащить его до подвалов. Кто-то, задыхаясь от ужаса, тащил целый звенящий мешок, пытаясь затолкать его в убежище, пока его дети рыдали рядом, тыкая пальцами в небо. Дракон сделал круг над городом, заставив даже меня присесть, метнул струю пламени куда-то в сторону и полетел к горам.

— Не может быть! — задыхались жители, провожая его взглядами. — Так вы его не убили?

Мне тоже хотелось бы знать ответ на этот вопрос, ибо дрожащие коленки и трясущиеся руки свидетельствовали о том, что дракон живет всех живых.

— Сколько стоят ваши пузырьки? — ко мне тянулись руки с деньгами. — Все сюда давайте! Все, что есть! Сколько есть — все берем!

Мы молча стали вытаскивать уцелевшие, которые тут же разбирали со скоростью горячих пирожков. Пока моя структура потирала руки и пересчитывала выручку, алчно глядя на внезапно разбогатевших аборигенов, я стояла и смотрела в сторону гор, пытаюсь понять, как же так?

— Никогда-а-а не экономь на рекла-а-а-а, — послышался знакомый смеющийся голос.

Та-а-ак! Ни фига себе ролик! Я тут чуть в штаны не наложила с такого эфира! Да у меня чуть сердце не встало!

— Иллюзия? — вздыхая от облегчения, спросила я, понимая, что все никак не отойду от впечатления. — Счастливыми людьми сложно манипулировать?

— В корне неве-е-ерно. Счастливых нет. Сча-а-астье — это иллюзия. Ты упусти-и-ила момент, когда мо-о-ожно было легко сыг-а-ать на несчастье, — усмехнулся Эврард, поднимая с земли упавшую золотую монету и подбрасывая ее в воздух. — Потре-е-ебность выявила, но боле-е-евой не воспо-о-ользовалась. Ты могла легко открути-и-ировать все-е-ех и сра-а-азу, а сейчас смотри-и-и, как деньги срывают намордники, которые на людей надевает нищета-а-а.

— Для этого пришлось бы обманывать людей! — покачала головой я, глядя, как Эврард задумчиво вертит монетку в руках.

— Не-е-ет, детка. Всего ли-и-ишь нужно было зна-а-ать состав, — вздохнул гениальный директор, положив мне руку на голову и засунув монету, как в копилку, мне между теми полшариями, которые слегка приоткрывал корсет.

— Ста-а-артовый капита-а-ал, — усмехнулся Эврард, глядя, как я пытаюсь ее оттуда вытряхнуть. Нет, он невыносим!

Уставшие, но с победой, мы вернулись в замок. Мои стоматологи пересчитывали драконьи зубы и прикидывали, сколько выручат за каждый. Стоматологические услуги обошлись дракону посмертно в несколько сот золотых.

Пока принцы потирали руки, сравнивая качество клыков, и сетовали на то, что почивший клиент не очень следил за гигиеной полости рта, потеряв в процессе жизни несколько очень ценных экземпляров, в окно влетел красный светлячок, сделал круг вокруг Эврарда и застыл в центре комнаты.

Внезапно огонек разгорелся, вспыхнул, и раздался недовольный голос:

— Ты нарушил условия договора, Эврард! — все подняли головы, шурясь на волшебный свет. — Ты вмешался. Мы ждем объяснений.

— Ну что-о-о, Цвето-о-очек, будешь писать мне объясни-и-ительную? — меня взяли за подбородок и заглянули в глаза.

— Ага, к ней приложу чай, тушенку, сгущенку и пилочку для ногтей, — ядовито ответила я. — Приятно, когда директор сидит.

— Ах ты, бессо-о-овестный Цвето-о-очек! — меня поймали и потащили к себе. — Сейча-а-ас объясня-я-яться будем. Красне-е-еть, так сказа-а-ать. И извиня-я-яться...

— Ты что? Хочешь сказать, что реально пойдем извиняться? — фыркнула я, оценивая перспективы нашего «простите, пожа-а-алуйста».

Меня взяли за руку, и мы тут же оказались в зале для переговоров, в котором нервно расхаживал златокудрый красавец и молча сидел, недовольно сопя, толстяк в дорогом сюртуке.

— Извини-и-ите, пожа-а-алуйста, — сладко заметил Эврард, улыбаясь. — Я не хоте-е-ел, так получи-и-илось... Случа-а-айненько... Ше-е-ел, ше-е-ел, увиде-е-ел дракона. Смотрю — непобежде-е-енный, вот и победи-и-ил. И это только до обе-е-еда. Моего. Драко-о-он тоже-е-е пообе-е-едал. Что ж вы зарпла-а-аты заде-е-ерживаете сотру-у-удникам? Они явно недоеда-а-али. Дракон чуть не подави-и-ился костя-я-ями. Бе-е-едный...

Я не знаю, как другие, но где-то мысленно призывались санитары, экзорцисты и священник уже ко мне.

— Как ты посмел вмешаться! — побагровел толстяк, ударяя пухлой рукой по столу. — Отдавай девку по договору!

— Если бы не идио-о-оты, я был бы ни-и-ищим, — вздохнул Эврард, закатывая глаза и как бы посылая хвалу небесам. — В догово-о-оре напи-и-исано, что можно тренирова-а-ать кома-а-

анду. Вот я и тренирова-а-ал. Показал, как убива-а-ать драко-о-она. Тре-е-енер должен мотиви-и-ировать своим приме-е-ером. Нет, ну мы че-е-естно пытались оказа-а-ать дракону первую по-о-омощь, но он сконча-а-ался. А поскольку драко-о-он был один, а некромант оказался бесси-и-илен, то мои сотру-у-удники все усво-о-оили в тео-о-ории. Они очень сожале-е-еют, что им живого драко-о-она не доста-а-алось.

Я так не очень сожалела. От слова «совсем». Я бросила косой взгляд на тренера местной сборной по забиванию дракона в надежде, что посижу, в случае чего, на лавочке запасных. — Я тут поду-у-умал, — Эвхард щелкнул пальцами, и в его руках, истекая кровью, появилось драконье сердце. — Можно я у ва-а-ас что-то куплю-ю-ю... Что я могу купи-и-ить на одно драко-о-онье сердце?

По рукам Эвхарда стекали струйки крови, а крупные багровые капли летели на пол.

— Фу! — возмутился толстяк, кривясь и отшатываясь. — Убери эту мерзость! Я не переношу вида крови!

Светловолосый заинтересовался новой криптовалютой, которую пожертвовала нам местная крипта. Ой, чувствую, что на следующего дракона пойдет один танк с воинственным кличем: «Эй, дракон! Вылезай и умри!» — и один лыжник с криками: «Может, не надо?!»

— Прошу проще-е-ения от всего... — кротко заметил Эвхард, бросая на стол драконье сердце.

Брызги крови разлетелись по залу, в основном попав на побледневшего толстяка, который затрясся мелкой дрожью, посерел и скривился, пытаясь стереть с дорогого костюма и лица всю кровную ненависть. — Серде-е-ечно благода-а-арен вам за проще-е-ение. И передаю серде-е-ечный приве-е-ет. От чи-и-истого се-е-ердца и по-о-очек... Дарить Свето-о-очка в качестве примире-е-ения не ста-а-ану. Она у меня одна-а-а.

— А как же гарем? — усмехнулся блондин, глядя на меня, как на любимую жену.

— Да что ж тако-о-ое! Меня еще лет де-е-есять гаремом попреха-а-ать будут? Гарем сначала распусти-и-ился, а потом я его распусти-и-ил. И щито поделать? — поднял брови Эвхард и развел руками.

— Ладно, с гаремом понятно, — усмехнулся блондин, улыбаясь самой многообещающей улыбкой, мол, я все про тебя знаю. — А бордель как поживает?

В этот момент я тоже очень заинтересовалась и даже слегка прокашлялась.

— Я ста-а-ар. Я о-о-очень ста-а-ар. Что вы хотите от ста-а-арого, большого челове-е-ека! — возмутился Эвхард, глядя на всех кротким взглядом человека, который поклялся хранить девственность до конца своих дней. — Эти хотя бы де-е-еньги приноси-и-или... Ну да ла-а-адно.

Меня взяли за руку, которую я чуть не выдернула, протестуя против того, чтобы стать родоначальницей гарема — два.

— Иди-и-и сюда, утеше-е-ение безуте-е-ешной ста-а-арости, — ядовито заметил Эвхард, все-таки ловя меня за руку и таща к себе. — Пойде-е-ем отсю-ю-юда. Зде-е-есть бессерде-е-ечная молоде-е-ежь обижа-а-ает ста-а-арых, не-е-е-емощных люде-е-е-ей.

Через мгновение мы снова стояли в его кабинете.

— Эвхард, а сколько тебе лет? — поинтересовалась я, тихо злясь и злобно сопя. На вопрос мне, разумеется, не ответили. Ничего-ничего, я мстительная. — И чего это мы так молчим загадочно?

— Я оби-и-иделся. Тебе не понра-а-авились мои духи, — заметил Эвхард, отворачиваясь. — А я стара-а-ался...

Выйдя из кабинета и зайдя в лабораторию, я взяла прямо с конвейера флакониче духов «Мой Цветочек», которым можно было задушить всю клумбу, открыла пробку, отворачиваясь от запаха и пытаясь понять, что могло натолкнуть парфюмера на такое сочетание. «Мадам Померкот» как-то полегче будет! Однако дорог не подарок, дорого... внимание! Смертельный номер!

— Цветочек! Не вздумай! — взмолился некромант, выпихивая меня в сторону двери. — Я уже один разлил. Два часа в обмороке лежал! Я тебя умоляю! Только не здесь!

Я с огромным удовольствием и флаконом удовольствия вышла в коридор. Подышу-ка я воздухом напоследок, а то «оби-и-иделся, не понра-а-авились». Ничего, будет знать! Рядом жужжала обычная муха, как бы намекая на то, что нельзя обижать старых и больных людей. Я выплеснула на себя весь флакон, затаив дыхание. Муха сделала вялый круг и упала на пол, не подавая признаков жизни. Тем временем я игриво приоткрыла дверь, всеми силами пытаюсь

загладить свою огромную вину. Если то, что за мной тянулось, можно было назвать шлейфом, то можете считать меня королевой.

— Смотрю, ты о-о-очень хочешь извини-и-иться. Вообще-то я на тебя не оби-и-иделся. Просто рабо-о-оты много, — невозмутимо заметил Эввард, пока я взглядом шарила по окнам, прикидывая, какое можно открыть в случае, когда совсем припечет. — Иди сюда-а-а, Цвето-о-очек.

Нет, я не цвето-о-очек. Я тут поля-я-янка... Я тут за весь гарем пахну, между прочим!

Еще никогда я с такой прытью не пыталась сократить дистанцию между мной и дарителем этого оружия массового поражения. Я даже потерлась об него, лежа на диване и распространяя невыносимые флюиды любви и обожания. Этот парфюм стоило назвать «Одинокая женщина», чтобы любой мужик в радиусе унюхивания падал как подкошенный, а дама хватала его и тащила в загс, угрожая вторым флаконом.

Странно. Я тут стараюсь, благоухаю так, что даже комары умолкли, а Эвварду хоть бы хны! Он преспокойненько работает, положив одну руку мне на плечо.

— Молоде-е-ец, Цвето-о-очек, — сладко улыбнулся Эввард, когда я снова заерзала рядом. —

Пора-а-адовала ста-а-арого челове-е-ека. Пока ты ря-я-ядом, меня ни один кома-а-ар не тронет. Оно того сто-о-оило. Поерзай еще немного, а то я слышал, как оди-и-ин еще лета-а-ает. И спа-а-ать ты буде-е-ешь ря-я-ядом. Всю ночь насеко-о-омых отгонять.

— Я что, фумигатор? — возмутилась я, чувствуя, как одежда и волосы насквозь пропитались неповторимым запахом.

— А щито поделатъ? — развел руками Эввард, поднимая брови и широко улыбаясь. — Вот такой пердумонокль!

— Знаешь, Эввард, — процедила я, понимая, что сопротивляться бесполезно. — Я тебя иногда недолюбливаю!

— Зато я тебя перелю-ю-юбливаю, — усмехнулся гениальный директор. — То на то и выхо-о-одит.

Глава 15

Довести до оргазма

Мир наш велик, красота так прекрасна.

Да здравствует наша богиня оргазма!

Песенка фанатиков

Я проснулась раньше Эвварда, понимая, что меня лишили чего-то очень важного. Если бы это были совесть или девственность, я бы еще поняла! Меня лишили одеяла! Потеря была невосполнима, утрата была настолько осязаемой, что Лига справедливости в моем лице тут же решила восстановить мировой порядок. Но пока Бог велел делиться, кто-то прослушал, зевнул и попользоваться мою грудь в качестве подушки. Причем ее взбивали и долго не могли примоститься.

Я смотрела на эту идиллическую картину, глядя на пепельные волосы, разметавшиеся по мне. Еще бы — так рано поседеть! Тут один мужик не всегда одну бабу содержать может, разве что на подножном корме в спартанских условиях, а этот умудрялся спонсировать целый гарем. Одна чужая прядь решила узнать, что у меня во рту, но я ее выпроводила, сдувая со своего лица.

— Бессо-о-овестный! — пробурчала я, покраснев и вспомнив, почему мое платье валяется в дальнем углу. Мысль о том, как меня нежно вытряхивали из него, ничуть не растопила мое черствое и замерзшее сердце.

— Зарабо-о-отай денег, Цвето-о-очек, — пробурчали мне, протягивая кончик одеяла, которым не могла укрыться даже отошавшая мышь, — и купи-и-и мне со-о-овесть...

— Ага, сейчас пойду снимать мерки! — пробухтела я, пытаясь привстать.

— Пла-а-атье из угла-а-а не приноси-и-ить. Оно нака-а-азано, — снова промурлыкал Эввард, зевая и укладываясь поудобней. — Оно снима-а-аться не хоте-е-ело... Плохое пла-а-атье.

— А трусы, я так понимаю, всегда мечтали о чем-то возвышенном, раз очутились на потолке, — согласилась я, глядя, как на барельефе развевается флагом мое нижнее белье.

— Да-а-а, они то-о-оже нака-а-азаны, — снова заразительно зевнул Эвхард, — за высокоме-е-ерие...

— Я тут амнистию собираюсь объявить! Работать надо! — тяжело вздохнула я, чувствуя, как меня душит жа-а-аба, а еще бессовестно вертится и зевает. — Вставай! Пора вставать!

— Вче-е-ера вста-а-ал — уже побе-е-еда, — засмеялся Эвхард. — Что ты хо-о-очешь от ста-а-арого, больно-о-ого челове-е-ека...

— У которого был целый гарем, — язвительно продолжила я, осторожно пытаюсь вылезти.

— Да что ж тако-о-ое! — возмутился Эвхард, подползая ко мне заспанным лицом.

Нет, я, конечно, понимаю, когда мужик застегивает про бывшую, а у тебя есть ощущение, что она вот-вот придет к тебе выяснять отношения, мол, мой мужик! Но когда «бывшей» считается целый гарем...

— Цвето-о-очек ревну-у-ует, — сладко улыбнулся гаремовладелец.

— Совсе нет! Я интересуюсь из соображений безопасности. Одно дело, когда к тебе приходит бывшая, уставшая рвать волосы на себе и решившая переключиться на тебя, а другое дело — целый гарем! — буркнула я, выбираясь и отбирая одеяло. — У меня здоровья не хватит выяснять отношения с целым гаремом!

— Ма-а-аксимум, что они сде-е-еают, так это пожале-е-еют тебя. Скажу-у-ут: «Бе-е-еденькая, как тебя угора-а-аздило! Крепи-и-ись, ми-и-илая!» — ядовито заметил Эвхард, хватая одеяло за кончик и перетягивая его на себя. Пока мы сражались за одеяло, в дверь отчетливо и громко постучали. Платье и белье тут же получили амнистию, поэтому, когда в дверь просунулась перепуганная голова принца Филиппа, я сидела так, словно всю ночь занималась документами. Я склонилась над столом с умным видом и перекладывала какие-то черновики с расчетами, зато невозмутимый Эвхард валялся на диване, наслаждаясь добычей в виде сброшенного на него одеяла.

— Бери-и-ите приме-е-ер с Цвето-о-очка, — по моей спине провели пальцами. — Всю но-о-очь рабо-о-отала... Это я, бессо-о-овестный, спа-а-ал, а она рабо-о-отала. Не поклада-а-ая ру-у-ук... Я ей говорю, что рабо-о-отать нужно не всю но-о-очь, а голово-о-ой, но она ни в какую! Я прокашлялась, снова с деловым видом шурша чужими бумагами, всматриваясь так, словно понимаю его караули.

— Трудого-о-олик наш Цвето-о-очек, — послышался голос, пока по моему наскоро застегнутому платью скользила рука. — Всю но-о-очь наш но-о-овый марке-е-етинг высчи-и-итывала... А пото-о-ом, после моих до-о-олгих у-у-устных объяснений...

В этот момент я готова была задушить его подушкой на месте. Лишить старого, больного человека последней радости и жизни. Прекратить страдания при помощи перьевой эвтаназии.

— Приняла-а-а его за-а-адним число-о-ом, — коварно закончил Эвхард, пока я прикидывала, что подушка — это слишком мягкая и нежная смерть!

— А! Понятно! — как-то стушевался принц Филипп. — Я в этом плохо соображаю.

В этот момент я уткнулась в какие-то финансовые схемы, закрывая глаза и закусив губу.

— Я просто хотел сказать, что пошел слух о том, что наши конкуренты двинулись брать третий город! — выпалил принц Филипп, признавая мое умственное превосходство в вопросах маркетинга. Дверь закрылась, а я занервничала.

— Благослове-е-енны идиоты! Если бы не они, я был бы бе-е-еден, — сладко потянулся Эвхард, пока я лихорадочно прикидывала, как же так? Времени еще ого-го! Можно не торопиться, но нет же! Побежали! Надо что-то делать! Срочно! Узнать все про город! Собрать всю информацию!

— Тише-е-е, тише-е-е, Цвето-о-очек, — меня поймали на руки и посадили на колени. — Фисе, попа-а-алась. Успоко-о-ойся. За что-о-о мне такое наказа-а-ание на ста-а-арости ле-е-ет.

— Там без нас город берут! — заерзала я, пытаюсь встать.

— На тот свет не унесу-у-ут, — мне уткнулись в волосы, крепко сжимая в объятиях.

— Ты что-то знаешь про последний город? — подозрительно спросила я, шаря глазами по комнате и прикидывая, где можно раскопать про него информацию.

— Возмо-о-ожно, — мурлыкнул Эвхард, коварно улыбаясь и прикусывая мое ухо губами. — Но не скажу-у-у.

— Это почему же? — недружелюбно спросила я, понимая, что обнимают меня не просто так, а с определенной целью, осторожно расстегивая наскоро застегнутые в прошлый раз пуговицы. Стоило мне опустить взгляд, как рука тут же ложилась поверх второй как ни в чем не бывало, но стоило отвлечься, как пальцы продолжали тайком ковырять петельки.

— Потому-у-у что не име-е-ею пра-а-ава тебе это говори-и-ить, — мурлыкнули мне на ухо, успев расстегнуть очередную пуговицу и скрыть следы преступления.

— Хорошо, а если я попробую угадать, ты скажешь? Тепло или холодно? — предложила я. — Там второй дракон?

— Хо-о-олодно! — заметил Эврд, снова продолжая свою подрывную для моего авторитета деятельность.

— Там еще какая-то тварь живет в окрестностях? — поинтересовалась я, шлепая руководство по моей эксплуатации по рукам.

— Хо-о-олодно, — мурлыкнул Эврд, лоя мою руку в свою, а второй продолжая начатое.

— Там работорговцы? Разбойники? — снова спросила я, пытаюсь второй рукой помешать процессу моего раздевания.

— Хо-о-олодно, — снова ответили мне, лоя вторую руку и присоединяя ее к первой.

— Хорошо! Там... там... Ну подскажи!!! — занервничала я, понимая, что пуговиц осталось мало.

— Щито тебе подсказа-а-ать? Хорошо-о-о, — смилостивился Эврд, добравшись до последней пуговицы и стягивая мое платье на пол. — Та-а-ам живу-у-ут люди, которых сло-о-ожно переубеди-и-ить, но на ком мо-о-ожно зарабо-о-отать, если пра-а-авильно себя преподнести-и-и...

— Дураки? Идиоты? — скептически поинтересовалась я, представляя целый город, в котором одна проблема топчет другую. Так сказать, Проблемная Столица!

— Ху-у-уже... — Эврд усмехнулся, нежно целуя меня в оголенное плечо и замирая, словно это был не он, а кто-то другой.

— Хуже-хуже-хуже, — я закусила губу, сощурилась на черные вензеля обоев на противоположной стене кабинета. — Стой! Я поняла! Фанатики?! Эврд! Отвечай! Там живут фанатики?

Я попыталась вскочить, прикидывая, как агитирую толпу зомби. Хм, если правильно подать себя, то...

— Бессовестны-ы-ый Цвето-о-очек соблазнил руково-о-одство, — обреченно вздохнул Эврд, украдкой целуя мою шею и удерживая меня на месте. Я чуть не поскользнулась ногой на упавшем одеяле. — Вы-ы-ыведал у него всю информа-а-ацию...

Задыхаясь и вплетая свои пальцы в чужие волосы, покачиваясь и целуя чужие губы, я поняла, что фанатики могут слегка подождать.

* * *

— Эврд! — возмутилась я, в который раз натягивая на себя платье и закатывая глаза. — Я уйду когда-нибудь отсюда? А? У нас последний город! Решающая битва!

— Фисе, иди-и-и, — коварно заметил Эврд, отворачиваясь. — Я на тебя оби-и-иделся.

Теперь я понимаю, почему гарем будет поочередно жать мне руки, хлопать по плечу и сочувственно заглядывать в глаза. Это не гарем ему нервы трепал, это он гарему нервы трепал. Бессовестный.

На очередную начальственную провокацию я не поддаюсь, шагая в сторону коридора. У меня в голове созрел вполне приличный план. Я не знаю, на что там молятся и кому поклоняются, но сувенирная лавка при любом культовом сооружении приносит доход куда больший, чем весь Голливуд в прокате. Ничего-ничего! Сейчас-сейчас! Святая вода, благовония и свечи из мыла... Все нормально! Сейчас мы все решим!

— Ребята! Собираемся! — скомандовала я, глядя на вялое содержимое комнаты отдыха. — Быстро-быстро!

Я даже похлопала в ладоши, глядя, как принцы лениво поднимаются с тех мест, где их застал контрольный выстрел в печень. Еще бы! Они тут победу отмечали со страшной силой!

— Приведите себя в порядок! — рявкнула я. — Чтобы выглядели как мальчики из церковного хора! Беленькие, пушистенькие...

И тут я вспомнила, почему такие высокие голоса у мальчиков из церковного хора, но решила не расстраивать структуру столь грустными деталями.

— Мы идем туда, где люди во что-то очень сильно верят, — смягчилась я, глядя, как стонут несчастные принцы, пытаясь прийти в себя. — Вы должны выглядеть одухотворенно, возвышенно... Так! Куда бутылку берешь? Эрик! Поставь на место! Никто ее не выпьет!

— Еще бы. Это я отлил, — пробурчал Эрик.

— Себе? — поинтересовалась я, понимая, что с бутылкой в рекрутинг я его не пушу.

— Да нет, сам...

Через двадцать минут адепты с сумками стояли и смотрели на меня, как на лжепророка.

— Эврард, можешь открыть портал? Ну пожа-а-алуйста, — попросила я, глядя на зевающего гениального директора, который критично осмотрел нас и расцвел фирменной гаденькой улыбочкой.

— А кому они хоть поклоняются? — пробасил на ухо принц Алан, запивая выхлоп нашими духами.

— Я Цвето-о-очку ча-а-ас на это наме-е-екал... Я ей намека-а-аю, намека-а-аю, а она намеков не понима-а-ает... Ни у-у-устно, ни за-а-адним число-о-ом! — ядовито заметил Эврард, открывая портал, в который нас подло засосало.

Мы очутились возле огромной, сверкающей золотом статуи обнаженной женщины, с такой фигурой, от вида которой принцы аж присвистнули. Символическая набедренная повязка всеми очертаниями повторяла коварные изгибы. Вокруг золотой богини лежали цветы.

— Великая богиня Оргазма! — прочитал по слогам принц Эрик, раздвигая цветы и подношения.

Пока я хихикала, один из принцев даже снял парик в знак уважения к чужой вере. Остальные тоже прониклись торжественностью момента. Кто-то даже упал на одно колено, пока я ухohатывалась, хватаясь за живот. Это ж надо! Нет, ну я все понимаю!

— Матушка учила, что чужую веру нужно уважать! — осуждающе заметил принц Филипп, для которого бесстыдница тут же превратилась в святыню.

— Богов гневить нельзя! Я вот однажды плохо сказал об одной богине, а потом сломал меч и зуб, — вздохнул принц Эрик, преклоняясь перед статуей. — Боги все видят и все знают. Знают, кто кого...

Я уже не могла. Меня просто разрывало, как хомячка. Я постанывала, всхлипывала и корчилась, пытаюсь представить, как толпы мужиков дружно молятся на это самое... «А я намека-а-ал!» — пронеслось в моей голове, пока по щекам полз румянец. Дань мы ей уже отдали, так что пусть она будет ко мне милосердна. Нет, я не могу! Кому рассказать...

— Боги не любят, когда смеются над ними! Они могут наказать, — твердили набожные принцы, отвешивая поклоны богине, которую видели в первый раз. — Боги знают, кого наградить, а кого наказать...

Я уже выла, опираясь на стацию, и не могла сдерживать истерический смех. Мне кажется, что я даже прихрюкивала, представляя толпы паломников. «За чем ходила в город?» — спрашивает супруг свою жену-паломницу. «За оргазмом!» — отвечает смиренная жена. — Никогда не видела, а тут хоть одним глазком посмотрела!» Вот какая сволочь так поглумилась?

— Богохульница! — послышались возмущенные крики. Ко мне устремлялась одетая в белые простыни толпа, настроенная крайне воинственно. — Отрицает нашу веру! Глумится над ней! А ничего, что вы тут дружно глумитесь над здравым смыслом? Нет? Ничего страшного?

Какой-то небритый фей, размахивая палкой с деревянной звездой на конце, орал, что меня, богохульницу, нужно срочно довести до... Ну вы поняли.

Я понимала, что дело плохо, но остановить свой смех, слушая призывы, не могла.

— Пристыдить ее! — приказал фей в простыне, размахивая палочкой. — А паломников — накормить, приютить... Истинно верующие люди всегда заслуживают уважения!

— Ребята! — крикнула я, глядя, как принцы внимательно слушают то, что ласково говорит им какая-то мадам, показывая на стацию. До меня долетали отдельные слова: «...награждает верующих», «...дарует прощение тем, кто покается», «...прощает все злодеяния и прегрешения». Я смотрю, что принц Алан что-то рассказывает женщине, а она похлопывает его по плечу, словно утешая.

— ...Много зла делал... Очень много... — заросший принц поднял глаза на стацию и тут же пристыженно и смиренно опустил. — Помню глаза той девушки... Забыть не могу... Всю жизнь мучаюсь... Приказ выполнял...

— Главное, что ты раскаялся, — шептала адептка, улыбаясь нежной и материнской улыбкой. — Она простила тебя. И богиня тебя простила... Никто не держит на тебя зла... Ты дома, брат. Здесь тебя все любят... И никто никогда не скажет, что ты был плохим... Тебя простили... — Ребята, что с вами? — занервничала я, понимая, что каяться еще рано. — Эй! Вы что? С ума сошли!

— И тебе она тоже дарует прощение, ибо она милосердна! — утешали моих принцев адепты. — Воздай благодарность ей...

Меня смущало не то, что их уведут, а то, что они сами послушно идут, рассказывая о былых подвигах, по мотивам которых вполне можно снять документалку про серийного маньяка! Толпа шумела и гадела, беря меня в кольцо. Судя по лицам и палкам, доводить меня до... — мой взгляд упал на богиню — будут крайне жестко. Властные герои начищали кованые сапоги, вымачивали розги в воде, проверяли узелки на кнутах и вспоминали «Молот ведьм».

— Нет тебе прощения! — вынесли мне вердикт, скручивая руки за спиной. — Но если ты признаешь, что была не права... Если раскаешься перед богиней в своей насмешке... Хотя нет, не простит.

— Стоять! Вы только что говорили, что она всех прощает!!! — возмутилась я, глядя на статую. Нет, я честно была готова поклясться тем самым, чем тут молятся, что я не со зла. Просто прикольная религия.

— Но не тебя! — сурово вынес вердикт главный адепт сего таинства. — Тебя она не простит. Вот так всегда. Все хорошее на мне заканчивается. Однажды на мне закончилась горячая вода, потом на мне закончились нормальные мужики, а следом и прощение богини, которой я теперь регулярно воздаю дань. Почему на мне заканчивается только хорошее? Почему на мне не могут закончиться плохие дороги, нищета и идиоты?

— В дом неверующих ее! — скомандовал главный по Оргазме.

— Ребята, я верю! Я очень верю! И не просто верю, но и практикую! — отбивалась я, но меня волокли навстречу неприятностям по земле. — Пустите быстро!

Перед моим носом открылась дверь в какое-то странное сооружение, смахивающее на мавзолей. Меня долго волокли по сырým коридорам, а потом остановились.

— Бросайте ее ко второму! — приказал голос. Вынужденная остановка закончилась, потому что следующей станцией была камера, в которую меня втокнули, с ужасающим скрипом и скрежетом закрывая дверь.

Я сплюнула волосы, проверила сумку, которую честные верующие не отобрали впопыхах, ругнулась так, что содрогнулись стены.

— Какая встреча! — раздался мрачный голос из темноты. — Только тебя здесь не хватало для полной богини! Тьфу!

Я присмотрелась и увидела силуэт второго узника. Он встал, луч света, падающий из тщательно зарешеченного окна, осветил золотые волосы и сумрачный взгляд.

— Вот до чего доводит оргазм, — простонала я, разглядывая двухместный номер без санузла. — А где брат? Или его привели к...

— Молчи, думай лучше, как выбираться будем! Магия здесь не действует! Я пробовал! — отрезал красавец, глядя на меня как-то даже обиженно. — Вот если бы ты согласилась работать с нами...

— То сидели бы здесь втроем! А если бы про нас писали книгу, то поставили бы предупреждение: МЖМ! — вздохнула я, присматриваясь к высокой решетке. — Подсади меня! Сейчас посмотрим, вдруг ее удастся выломать?

— Тогда лучше ты меня подсади! — язвительно заметил красавец, расхаживая по камере и явно не веря в мои силы. А потом ведь сплетни пойдут, мол, чем это мы тут на досуге занимались! Ай-ай-ай! — Еще скажи, что мы будем дружно копать туннель.

Мы спорили полчаса. Я уже готова была разукрасить конкурента и задушить, благо было чем. Он обещал, что выведет, а я понимала, что максимум — из себя.

— Смерти моей хочешь? — скривился златокудрый, стараясь не смотреть на наш новый одеколон, который мы еще даже обзвать как следует не успели.

— Я просто прикидываю, вдруг тут есть что-нибудь полезное, — отмахнулась я, капая на пол содержимым очередного флакона. — Ну мало ли!

Дверь открылась, наш герой решительно встал, заставив меня проникнуться к нему уважением. Стоило первому очень верующему шагнуть в камеру, как он после меткого удара в челюсть отправился постигать свою богиню в мечтательных грезах.

— Нам нужна девка! — кричал кто-то, пока ко мне ломанулись несколько человек. Я забилась в угол, но тут же очередной желающий приобщить меня к прекрасному упал в нокаут.

— Сколько вам заплатили? — возмутился златокудрий, вырубая очередного, пока сотоварищи оттащивали раненых с поля боя. — Не подходить к ней. Не позволю.

— Хорошо! Сковать их вместе! — послышался приказ, пока ко мне медленно возвращалась вера в мужиков. Где ты был раньше?

Я бросила первый попавшийся из линейки флаконов, который разбился, распространяя такой запах, что у самой заслезилась глаза.

— Фу-у-у! — закашлялся мой сокамерник, пока адепты сами охреневали от наших благовоний. — Это что за дрянь? Кхе!

— Это мои духи! — гордо заметила я, доставая второй пробничек. — Для меня их разработали. «Мой Цветочек» называются!

Реклама никогда не бывает лишней! Мало ли? А вдруг понравятся и кто-то сделает заказ? Через пять минут возни против силы, превышающей нас многократно, мы с трейдером мрачно сидели рядышком в той же самой камере, подпирая стенку. Может, нам бы и хотелось сидеть в разных углах, но увы...

— А ты не подумала, что они уйдут, а нам здесь сидеть? — ядовито прокашлялся мой сокамерник. — Причем долго. Возможно, даже всю жизнь! И вообще, если бы мне на дороге попался такой цветочек, то я бы отметил на карте крестиком это место и ходил бы в обход! Кхе! Бе!

— А ты здесь как оказался? — перевела тему я, устало откинувшись на сырую стену.

— Не сиди на холодном, — буркнули мне, снимая куртку. Один рукав снять не удалось, поэтому его просто оторвали. Я сгребла куртку под себя, понимая, что не все трейдеры одинаково помпезны. Некоторые из них — вполне полезные ребята. От удушающего запаха у меня чесался нос. Не хватало, чтобы на именные духи у меня образовалась стойкая аллергия.

— Эй! Ты что делаешь! — приглушенно возмутилась я, почесывая нос, готовый чихнуть в любой момент. Чья-то рука как бы поглаживала в такт моим движениям мои же прелести.

— А другой почесаться не могла? — усмехнулся златокудрий, возвращая свою руку на место вместе с моей. Совсем забыла про наручник! — Или давай у меня что-нибудь почешем?

— Бессовестный! — всхлинула я, давась от смеха и пытаюсь избежать расчесывания «чего-нибудь». — Ты так и не ответил на мой вопрос. Тоже проявил неуважение к богине?

— Не я, а брат. Ржал как полоумный, — мрачно заметил златокудрий, сдувая прядь волос с лица. — Прибежали эти идиоты, началась возня. Я успел открыть ему портал...

— То есть у нас на воле кто-то есть? Те, кто будет носить нам передачи? — шмыгнула я, расчесывая нос свободной рукой и усаживаясь на куртку поудобней. — Слушай, ничего себе у тебя тут синяк. Давай что-нибудь приложим!

— Хватит! Один раз уже приложили. Одного раза вполне достаточно! — мрачно ответил мой сокамерник. — Ты понимаешь, что фанатиков купили? Я краем уха слышал, им столько денег отвалили, что хватит целый монастырь отстроить!

— Так нечестно! — возмутилась я, вспоминая недавнюю историю с драконьими сердцами. — Они нарушают правила!

— Мы тоже не святые, — усмехнулся златокудрий, уворачиваясь от куска куртки, пропитанного вполне приличным кремом-кондиционером, который охладил так, что все холодильники ему завидовали белой завистью.

В итоге компромисс был приложен, но легче нам не стало.

— Давай попробуем выкопать туннель? — предложила я, понимая, что трехразовое питание включено. Трехразовое в год. По праздникам. А так никто нас кормить не собирался.

— Тебе заняться нечем, принцесса? — поинтересовался сокамерник, явно не одобряя мою идею. — Ничего, лет через двадцать выберемся...

— А... — я почему-то подумала, что Эвард как-то не останется в стороне. Наверняка не останется. И в долгу тоже.

— Смотри, тут камень крошится, — уныло заметила я, беря осколок камня и расковыривая им дырку в старой кладке.

— Давай, давай, принцесса, — подбодрили меня.

— Какая тварь придумала эту гребаную религию! Ладно, берегли бы тут природу, мать ее, со страшной силой! — бухтела я, откладывая камень и отгребая мусор. — Но ведь пришла же в голову какому-то идиоту мысль! Свет озарил все окрестности, просвечивая сквозь его черепную коробку!

Рядом со мной слышалось тихо подхихикивание, которое почему-то придавало мне силы.

— Какой-то озабоченный, честное слово! Мало того что идиот, так еще и озабоченный! — фыркала я, чувствуя, что камень поддается, но с трудом. Но это же лучше, чем просто сидеть? Не так ли? — Не знаю, что у него там чесалось в этот момент, но он чертов гений! Богиня Оргазма! Ну надо же! Извращенец какой-то!

— Хочешь копать в два раза быстрее? — ехидно поинтересовался златокудрый, подавляя смехок, пока я остервенело долбила камень, чувствуя, как отлетают мелкие осколки. Чем дальше, тем кладка поддавалась все хуже и хуже. Какая-нибудь мышь скажет мне спасибо за эту уютную норку. — Его имя начинается на Э... Однажды он поспорил, что сумеет создать религию. Спорил на большие деньги... Шутка зашла слишком далеко, поэтому он сюда ни ногой!

Мой коэффициент полезного действия возрос в разы, когда я прикидывала, до чего я доведу одного старого и больного человека! Пожалуй, я сделаю его еще слегка больным. Такой пропишу постельный режим, что мало не покажется.

— А что мне будет, если я ему ничего не скажу? Про извращенца? — смеялся над ухом мой сокамерник.

Я повернулась, сдувая волосы с потного лица, прищурилась и как бы взглядом намекнула на то, что свидетелей обычно убирают.

— Не злись, принцесса! — меня дружелюбно потрепали по голове. — Я что-нибудь придумаю. Бросай это гиблое дело. Лучше отдохни. Не трать силы попусту.

Мы сидели, а я чувствовала, как меня начинает медленно пробирать холод. Очевидно, на улице стемнело, температура упала, а изо рта стал вырываться пар. Я молчала, растирая плечи руками и дуя на пальцы. Ничего страшного, Лиза, вспомни, как ты мерзла на остановке. Нужно подумать о чем-то теплом. Пока что мне представлялся седьмой круг ада, куда я тащу одного очень шустрого товарища с невероятным чувством юмора.

— Давай сюда, — послышалось рядом как раз в тот момент, когда в моем воображении раздался знакомый голос: «Ва-а-ау! Цвето-о-очек подготовила мне джаку-у-узи!» Мои руки взяли в свои и стали отогревать. Нормально! Он в одной рубашке — ему тепло, а я тут мерзну, пытаюсь натянуть юбку на ноги.

— Может, не надо? — я попыталась вернуть свои руки обратно, но их сжали еще крепче.

— Принцесса! — усмехнулся мой сокамерник, сгребая меня, усаживая на колени, отряхивая свою куртку с дорогими пуговицами и заворачивая меня в нее. Под конец меня просто обняли. — Попробуй отдохнуть.

Я долго нервничала, ерзала и никак не могла уснуть, но постепенно согрелась, слегка расслабилась и устроилась на чужом плече, вдыхая едва заметный запах, похожий на запах мандаринки. Почему-то сразу вспомнился Новый год, мандарины под елочкой, шкурки на подоконнике, мишура и красивый яркий шарик, который специально вешали пониже, чтобы я могла его рассматривать.

Меня еще сильнее обняли, дыша мне на щеку и положив голову поверх моей. В теплоте чужих рук я чувствовала себя такой маленькой, такой беззащитной, что невольно потерлась носом о чужую рубашку. Никогда не думала, что враги и конкуренты — трейдер и сетевик — однажды будут сидеть в обнимку. Ничто так не объединяет людей, как общая камера и наручник.

Я проснулась окончательно, когда почувствовала, что мое одеяло ворочается.

— Тебе-то хоть не холодно? — сонно спросила я, разлепляя глаза.

— Терпимо, — усмехнулись мне, тяжело вздыхая.

— Как тебя зовут? А то все как-то неловко спросить, — замялась я, чувствуя, как затекла рука.

— Зови меня Дез, — зевнул трейдер. — Принцесса, что у тебя из образцов есть с собой?

— А у тебя? — ехидно спросила я, вспоминая местные криптовалюты. Ладно, в нашем мире что-то слегка подкреплено золотом, но про местные я мало что знаю.

— У меня есть совесть, — парировал златокудрый. — Мы, в отличие от наших., кхе-кхе... друзей, просто так деньги не собираем для вышестоящих. Мы просто продаем возможность

заработать благодаря своей наблюдательности и уму. Кстати, а твои мордovorоты нас вытаскивать не планируют?

И тут я вспомнила, что вчера за двадцать минут потеряла всех лидеров. На душе стало так гадко, так мерзко от внезапного предательства, что я чуть не расплакалась. Я, значит, с ними нянчилась, помогла им заработать, научила их всему, а эти привидения с моторчиками увели у меня всю команду за считанные минуты! «Прощение, милосердие...» Тьфу!

— Не придут они, — буркнула я, стараясь не выдавать истинных чувств. — Они дошли сначала до ручки, а теперь до Оргазмы. Им там прощение обещали, милосердие и все такое...

— А за что им пообещали «и все такое»? — спросил меня Дез, кутая в свою порванную куртку. — Что ж они такого в жизни натворили?

— Ой, там как послушаешь, один другого краше! Палач, мародер, тюремщик, разбойник... — фыркнула я, вспоминая тот день, когда мы с ними только-только познакомились. — Короче, я к ним в душу не лезла, мне как-то плевать на это. Главное, чтобы работа шла.

— Ты понимаешь, что люди просто так ни к вам, ни к нам не приходят. При хорошей жизни никто не хочет рисковать. Каждый вправе выбрать, либо всю жизнь рубить лес, стирать, готовить и работать на хозяина, или попробовать разбогатеть и самому стать хозяином, — заметил златокудрый, дыша мне в волосы и пытаясь отогреть мои озябшие руки в своих. — Мы теряли людей до тех пор, пока не стали знакомиться с ними, узнавать, чем они живут, выслушивать их, советовать и помогать. Принцесса, как звали твоих ребят?

— Нашел что спросить! Рыло, Топор, — начала перечислять я по памяти. — Мм... Мясник, кажется...

— Это клички, принцесса. У этих людей есть имена и прошлое, есть то, что их радует, и то, что терзает. Ты этого не знаешь. Может, они и хотели тебе об этом рассказать, но ты не слушала. А здесь их выслушали, дали правильный совет, подарили утешение и надежду. Они далеко не праведники, и им есть за что каяться.

Каждое слово звучало, как удар молота, вызывая у меня странное чувство стыда и неприязни к моей «грелке».

— Принцесса, не обижайся на правду. Просто учти на будущее, — меня гладили по голове, пока я напряженно сопела. И тут мне в голову закрался гениальный вопрос. Я набралась язвительности, чтобы задать его, слегка припорошила ее нежностью и любопытством.

— А где, прости за прямоту, твои обласканные лидерским вниманием люди? А? — я даже закусила губу, понимая, что только что больно укусила очевидным фактом в ответ на поучительную лекцию о прописных истинах. — Что ж они нас еще не спасли? Где погром? Где крики? Почему твои маги еще не вынесли весь город, чтобы спасти своего духовного наставника?

— Кусаешься, принцесса? — усмехнулся Дез. — Отвечу просто. Они не придут. Потому что я дал приказ не рисковать. Моя жизнь стоит столько же, сколько их жизнь. Она бесценна только для меня. Не хочу, чтобы ценой моего освобождения был десяток жизней моих людей. Дорогая цена, принцесса. Слишком дорогая.

— Интересно, почему Эврард на тебе еще не зарабатывает? — ехидно заметила я, зевая.

— Потому что где сядет, там и слезет! — парировал златокудрый. — Все, давай думать, как будем выбираться...

— Цветочек... — позвал меня тихий и хриплый голос, заставивший поднять голову. —

Цветочек...

Я прислушалась. Откуда-то сверху слышался шепот.

— Кто это? — напряглась я, видя, как в предутреннем сумраке рядом с высоким зарешеченным окном маячила фигура.

— Протяни руку, — послышался шепот. Меня подсадили, я протянула руку и почувствовала, что мне в нее вкладывают что-то увесистое и металлическое. — Держи, Цветочек... Спасибо, что заслонила от дракона... Все, мы в расчете... Не поминай лихом...

Да, из принца Эрика получился бы хороший бухгалтер, который умеет платить по счетам.

— Я вором раньше был... Если что... В полночь у нас молебен! На него ходит даже охрана! — добавил шепотом спаситель. Я слышала его удаляющиеся шаги.

В свете его бывшей профессии, насчет бухгалтера я погорячилась.

— Представляешь? — задышалась я от счастья, трогая ключ и обнимая сокамерника. — Представляешь? Ключ! Мы будем на свободе! А ты говорил... Черт! К наручнику не подходит... Значит, от двери. Ай-ай-ай! Даже не думала! А тут на тебе!

— Ты понимаешь, что я не смогу сражаться, будучи прикованным к тебе наручником? — с сожалением заметил златокудрый. — Так что доставай свое оружие массового поражения! Будем что-то думать.

Я взяла сумку, открыла ее, звеня флаконами, и...

— Предлагаю вашему вниманию уникальную органическую продукцию! — бодро начала я, доставая первый флакон. — У нас есть линейка для мужчин, линейка для женщин и линейка унисекс.

— Мне сейчас доставать то, к чему будем прикладывать, или позже? — простонал от смеха Дез, пока я встряхивала первый флакон.

— Лучше расчехли мозги! — парировала я, вскрывая пробку.

— Если что, у меня... — коварно анонсировал Дез, но я его перебила.

— Так! Прекрати! Что это за мода у вас? Генеральный директор ООО «Яд», девятнадцать сантиметров! Я что, девятнадцать сантиметров должна при встрече пожимать? — возмутилась я, принохаясь к содержимому.

— Это что? — простонал златокудрый, глядя на меня, как на чудовище.

— Это хит продаж! Парфюм «Вьюга-нос»! — гордо ответила я. — Могу нанести, чтобы понюхали! Запах очень стойкий. Даже на свежем воздухе!

— А можно я заплачу, чтобы вы на меня этим не брызгали? Плачу столько же, чтобы закрыли пробку, — отвернулся Дез, морщась.

Через полчаса у нас было шесть пузырьков с таким запахом, что операцию впору было назвать «Скунс». Я еще поспала немного, мучаясь от жажды, а потом, когда на улице стемнело, послышалась нестройная и заунывная песня.

— Мир наш велик, красота так прекрасна. Да здравствует наша богиня Оргазма, — пели на улице. Я так понимала, что новобранцам уже раздали слова, и они тоже в общей массе сидят и подвывают.

Мы прислушались к звукам в коридоре, а потом осторожно открыли дверь. Я чуть не сгрызла ногти, кутаясь в накинутую на плечи куртку. Пронзительный скрип едва не заставил меня поседеть. Но Эрик оказался прав. Никого не было. Все восхваляли местную богиню. Мы вышли в коридор. Я сжимала в руке флакон, а златокудрый тащил меня в сторону, откуда веяло свежим воздухом. В ночной темноте на том конце улицы возле статуи горели огни и слышался хор голосов, звучащих в унисон. Распелись, гады!

— Сюда, — прошептал златокудрый, пока я телепалась консервной банкой на его хвосте.

— Вы куда?! — заорал какой-то опоздун на торжественные сборища и тут же получил удар в нос, да так, что простынка слетела. Сначала флаконом, потом кулаком. Кто сказал, что новый аромат не сногшибательный?

— Быстрее! — прошипел Дез, осматриваясь по сторонам. — Здесь с магией беда. Я смог открыть портал через медальон брата. Вручную никто не смог. Левее! Давай через поле! Мы мчались через высокие посевы неведомых культур, ругаясь отнюдь некультурно, а за нами уже слышались крики: «Держите их! Спустите собак!»

— У них есть собачки! — умилилась я, представляя поисково-лизательных шпицев.

— А вот это плохо! Хотя... Давай сюда свою... Ой-е-е-ей! Как же воня... Фу-у-у! Придется потерпеть! — у меня выхватили флакон и тут же вылили содержимое мне на голову, а следом вытащили из сумки второй и облились сами. — Давай-давай-давай, принцесса... Ты этих собак не видела!

Мы летели, не разбирая дороги, а мне все время казалось, что нам вот-вот откусят пятки. Позади раздавались вой и лай погони. Я чувствую, что гадание на одной мухе, как на ромашке, будет не просто увлекательным, но и полезным. Смущало лишь то, что крыла у нее всего два, что говорит о том, что меня слегка недолюбливают!

— Лезем на дерево, принцесса! — меня вывели из состояния мстительной задумчивости, пока я пыталась выплюнуть свои легкие и унять боль в боку. Меня уже изо всех сил тащили по стволу вверх. Колени царапались о кору, руки — о сучки, но я мужественно терпела, придерживая сумку и туфли. Не хочется делать царский подарок преследователям в виде тонкого намека, где спряталась Золушка.

Сидя на суку и прижимаясь друг к другу, как две совы, мы старались перевести дух. Сердце стучало так, что мне казалось, его было слышно за километры. Послышались отдаленные крики, а потом с треском и воем, заставившими меня испуганно поджать ноги и прижаться к златокудрому, пронеслась свора огромных злобных псов породы неизвестной, но, судя по всему, кусачей. Я облизала пересохшие губы, боясь, что кто-то услышит мое все еще сбившееся дыхание. Собаки бегали неподалеку, обнюхивая кусты. Один пес завыл, заметив нас на дереве. — Лей на собаку, — прошептал вместе с порывом ветра мне на ухо Дез. — Все, что есть в сумке. Давай! Быстрее!

Я выплеснула на пса весь флакон. Никогда еще не видела такой животной паники и не слышала таких собачьих криков. С визгами и воплями бедный пес ломанулся через кусты. Еще долго по всему лесу раздавались повизгивание и скулеж.

— Я придумал название, — прошептали мне на ухо. — «Собаччи...» Дальше додумаешь сама.

— А ничего, что нам тут еще сидеть? — прошептала я, принюхиваясь и стараясь разглядеть хоть что-нибудь сквозь листву. — Да сними с нас эти чертовы наручники! Ты же маг!

— А ничего, что они блокируют магию? Тебе-то все равно, а мне — нет, — ответили мне шепотом, а потом резко зажали рот, прошипев на ухо: «Тише!» Мимо нашего дерева в глубь леса устремилась толпа в простынях и с факелами.

— Ловите их! Поймаете — убейте сразу! Нам разрешили! — послышался радостный голос, пока кто-то из погони пытался подсветить наше убежище факелом. Сидели мы достаточно высоко, спрятавшись в густой листве, но фанатик прислушался, очевидно, услышав наше дыхание.

— Здесь кто-то есть! — как-то очень радостно заметил обладатель самой рваной простыни, присматриваясь к нашему убежищу. Видимо, за нас пообещали награду, причем немалую!

— У! У! У! — глухо выдал над ухом златокудрый. Пока один имитировал сову, а любитель богини — оргазм, я округлила глаза, глядя на трейдера. Надо же мне было что-то сделать ради приличия?

Преследователь постоял в растерянности, а потом бросился догонять остальных, раздвигая колючие кусты.

— Сейчас слезаем и бежим направо, — прошептал гордый птыц, стаскивая меня с дерева. — Еще немножечко, принцесса... Потерпи...

С моего лица убрали волосы и заглянули в глаза.

— Потом отдохнем... Обещаю! А сейчас давай, шевели ножками!

И мы снова рванули по лесу, ломая кусты и ветки. Забрались мы в такую непролазную глушь, что у меня появилась куча вопросов к златокудрому Сусанину.

— Здесь остановимся! Попробуем завтра выйти к поселению. Жаль, денег у меня нет с собой, — шептали мне, пока мы затаились и прислушивались.

— А что такое? — ехидным шепотом заметила я, вспоминая, что мы слегка конкуренты. — Мы можем собрать по дороге два мешка золхимов. Если что — я листиков нарву. Сдачу выдавать буду.

— Вот зря ты смеешься. Это куски особой руды, которая добывается в одном-единственном месте. Свойства ее мало изучены, но мы всегда можем проверить подлинность. В руде есть сердцевина, которую можно увидеть при помощи магии, — тоже вспомнил про нашу вражду Дез, профессионально обидевшись. Вот умею я обижать мужчин!

— Киндер-сюприз! — икнула я, понимая, что меня разводят.

— Ладно, тут много силы и ума не надо! Надеюсь, что простенькое заклинание я смогу изобразить, — златокудрый подул на прядь волос и снял с шеи камушек. — Вот неверующая! Смотри сюда!

Он положил руку, но ничего не произошло. Камень так и остался обычным камнем, которых полным-полно валяется на любой обочине.

— Факир был пьян, и фокус не удался! — сехидничала я, ожидая чего-то подобного.

— Ладно, сейчас еще раз попробую, — упрямо заметил любитель спецэффектов. С пятой попытки камень вспыхнул, а внутри показалось сверкающее, как бриллиант на витрине, зернышко.

— Ничего себе! — сглотнула я, мысленно пытаюсь убедить себя в том, что это иллюзия. — Иллюзия? Ой, а подари мне один! Пожа-а-алуйста! Реально классный!

— А я тебе предлагал, — тяжело выдохнул и потряс рукой маг. — Брат тебе даже все расписал, насколько мне известно и насколько ему влетело.

— Погоди, а драконьи сердечки тоже так умеют? — заинтересовалась я тем, что раньше меня вообще не волновало.

— Драконьи сердца — просто стекляшки. Я же тебе говорил, что у нас разные способы работы. Все! Угомонись, принцесса, — Дез повесил камень обратно, несмотря на то, что я взирала на камушек очень жалобными глазами. — Подарить не могу. Это первый камень, который мы нашли с братом. Он много значит для нас.

— Ла-а-адно, — я обиженно поерзала и улеглась поверх конкурента, укрываясь его курткой. Меня смущала только одна вещь! Гиде муха? Еще немного, и Цветочек будет знать все котировки местных криптовалют!

Внезапно послышались тихие и едва различимые в тишине шаги. Словно кто-то осторожно крался. Я вздрогнула, чувствуя, как меня обнимают и прижимают к себе. Судя по звукам, преследователь застыл на месте, засопел и стал шуршать ветками.

— Ветки сломаны... Цветочек, — просипел голос принца Алана. — Плохо вы спрятались. Ну ладно, сидите тут. С рассветом идите вдоль леса. Утром мы приносим дары нашей богине, поэтому к утру ваши поиски прекратятся. Да простит она меня за обман!

— Как ты нас нашел? — удивилась я, глядя, как мне на колени падает фляга с водой и хлеб, завернутый в белую тряпку.

— Я бывший охотник за головами, — вздохнул Алан, маяча возле кустов и бурелома в белой простыне. — Раньше умел выследить кого угодно, даже в лесу. И никакие собаки мне были не нужны. Сломанные ветки, следы на мхе... Да ладно, чего я рассказываю! Это в прошлом! Послышались еще чьи-то шаги, и кто-то хрипло спросил, задыхаясь: «Брат, ты их нашел?»

— Нет, а ты? — разочарованно выдохнул Алан, заслоняя нас собой.

— Да тоже нет! Искали аж до оврага! Весь обшарили! А кто это там сопит? И шуршит? — подозрительно поинтересовался любопытный фанатик.

Кто шуршит? Кто сопит? Кто у нас может сопеть в буреломе? Ё-ё-ёзики!

Я зашуршала и зацокала губами так интенсивно, словно пытаюсь в кульминационный момент имитировать любовь к местной богине, понимая, что режиссер попался так себе.

— Ежи! Будь они неладны! Их тут полным-полно! Искать надо на севере! Сам на нее зол!

Найду — задущу стерву! — рыкнул Алан, увводя погоню подальше от двух «ежиков».

«Ежики» поели, напились вдоволь воды, а потом попытались уснуть, ворочаясь и вытаскивая из-под себя колючие ветки. Через час усталость взяла свое, и меня сморил тревожный и чуткий сон.

Проснувшись я от радостного крика, который разбудил не только лес, но и половину окрестностей.

— Брат! Я тебя нашел! Я тебя искал-искал! Все прочесали, как узнали, что сбежал. Один из мордovorотов принцессы дал знать, что вы в лесу. Пока искал, меня курица клонула! Да, клонула...

Беги отсюда, а не то жалеть начну!

— Отлично! — открыл глаза Дез, выдыхая с облегчением и сжимая в руке свой талисман. — Спасены!

— Я тут, значит, вас ищу, а вы тут, — возмутился темноволосый, оглядываясь и негодуя. Что мы тут? Перерекрутингом в кустах занимаемся? Ну-ну! Продолжай! Сейчас я тебя клону так, что мало не покажется.

Я приподняла голову, а потом поняла, что сплю как-то не совсем прилично даже для перерекрутинга, используя вместо подушки то место, какое приличным девушкам использовать не рекомендуется.

— Я бы та-а-ак не говори-и-ил. Цвето-о-очек, — послышался ревнивый голос, — что ж ты как су-у-у... ла-а-адно, в рот всякую гадость тя-я-янешь!

Перед глазами мелькнул толстый, пушистый зеленый шмель, прикидывая, что и кому тут можно увеличить на пару дней без операции в одну инъекцию.

— Вставайте, — обиженно заметил брат, отцепляя дорожную куртку от ветки. — Сейчас мы откроем портал.

— А где эти балбе-е-е-сы? — со вздохом поинтересовался Эврард. — Или постига-а-ают все пре-е-елести умиротворе-е-ения? Выбрали, значит, умиротворе-е-ение, а не умер от канделябра. Все с ва-а-ами поня-я-ятно!

Перед нами открылся портал, в который мы шагнули все вчетвером. Теменький обнимал брата, тот обнимал его, радуясь встрече. И я тоже как-то невольно, по вине наручника, присоседилась к семейной идиллии из родственных обнимашек.

— Прекратите! Иначе будешь со мной Эврарда обнимать! — фыркнула я, понимая, что тоже слегка обнимаю чужого брата, как бы утешая его после встречи с пернатым неизбежным.

— Ничего себе! — заметил темноволосый, осматривая наручник. — Ты гляди, антимагический! Никогда таких не видел! И ведь не откроешь просто так! Ладно, попробую!

— Та-а-ак, свиде-е-етель, отойдите в сто-о-орону, — ядовито заметил Эврард, подарив мне взгляд прищуренных зеленых глаз и беря в руки первую попавшуюся книгу. Он открыл ее на манер папки, снова бросив на нас нехороший взгляд. Мы стояли с Дезом, как идиоты, рука к руке, пока темноволосый пытался расковырять замок наручников пером, присев на корточки. — Уважа-а-аемые брачу-у-ующиеся...

Я подавилась, понимая, что слегка его недолюбиваю. Эврард поднял брови и перевел взгляд на Деза, который, судя по сдвинутым бровям, мысленно пополнял список ректальных кар.

— И брако-о-ованный... В этот де-е-ень злодейка-судьба-а-а свела вас вме-е-есте...

Перо сломалось, послышалось возмущение, а со стола слетела какая-то металлическая штука для срезания кончика пера и тут же легла в руку темноволосого мага, продолжавшего корпеть над нашими оковами.

— Эврард, прекрати! — возмутилась я, слыша как металл противно скребется о металл. — Хватит издеваться!

— Но перед те-е-ем, как перейти к церемо-о-онии, давайте соста-а-авим брачный контра-а-акт на случай разво-о-ода, — ядовито заметил Эврард, наслаждаясь моментом. — Как бу-у-удете разводи-и-иться и делить совме-е-естное иму-у-ущество в виде нару-у-учника? Хорошо, скажу про-о-още. Кому доста-а-анется после разво-о-ода чья рука-а-а?

Что-то звонко сломалось о замок, из которого теперь с руганью вытряхивали осколки.

— Предлагаю руку Цветочка оставить брату! — сдул прядь волос теменький, пытаясь нас разлучить. — Не получается! Хитрый замок! Ничего... Эврард! У тебя есть еще что-нибудь острее?

— У-у-ум, шу-у-утки и пе-е-ерчик, — ехидно заметил Эврард, глядя на меня многообещающим взглядом. — Что из этого тебе пригоди-и-ится? Кста-а-ати, у Цвето-о-очка нет права по-о-одписи! А у Де-е-еза е-е-есть! Тем бо-о-олее, что Цвето-о-очку мужска-а-ая рука пригоди-и-ится в хозяйстве и в рабо-о-оте. Будет держа-а-ать в чужо-о-ом мужском кулаке всю структу-у-уру... И в мо-о-орду дать смо-о-о-ожет всегда...

Теменький махнул рукой, закатил глаза и полез шарить по чужим столам. Нет, я определенно уважаю наших конкурентов!

— Ла-а-адно, думайте пока. А я со всей торже-е-ественностью объявля-я-яю вас, — Эврард сделал коварную паузу, а потом полез в карман, — свобо-о-одными. Кто молодец? Я молодец! Ключ провернулся в замке, тот щелкнул, а я разминала несчастную кисть! Ура! Свобода! На руке остался след, но я была счастлива, что проблему удалось решить. Наручники со звоном упали на каменный пол.

— Итак, что мы имеем? — вздохнул Дез, падая на диван. — У вас сколько городов? Один? У нас ни одного! И последний город у драконьих сердец! По поводу первого города я ничего сказать не могу. Мы его не захватывали.

— В следующий раз, когда будете что-то захва-а-ать, захвати-и-ите мозги! — мурлыкнул Эврард, подгребая меня к себе. — Не смотри на меня так, Цвето-о-очек. Кто знал, что идио-о-оты так буква-а-ально воспри-и-имут мою иде-е-ею? Сам в шо-о-оке!

— Мы ничего не знаем по поводу первого города, — повторил Дез, делая взмах рукой. Перед нами появилась в воздухе карта. Над городом с драконом зависла моя физиономия, а над любителями оргазма — толстая морда конкурента. Третий город был покрыт серой дымкой. — И как это понимать? Там пепелище. Никто не выжил! Но город все еще распознается как возможный для работы, — задумался теменький, сощурившись. — Ладно. По договору, если два победителя, то проигравший имеет право выбирать, кому отдать свою компанию.

— Ты что? Заберешь у них бизнес? — возмутилась я, негодуя. — Это после того, что он сделал? Вы же союзники!

— Друзья-я-я подколо-о... ой! Закады-ы-ычные, — сладко улыбнулся Эврард. — Так и быть. За спасе-е-ение Цвето-о-очка, оставля-я-яю вам вашу фи-и-ирму. Всего хоро-о-ошего! Не пережива-а-айте, у вас ее никто не отбере-е-ет.

Братья успокоились, попросились и исчезли, заявляя, что договоренность с их стороны выполнена в полном объеме.

— Дорога-а-ая ты моя же-е-енщина! Бесце-е-енная, — съязвил Эврард, беря меня за подбородок. — И что мы бу-у-удем де-е-елать?

— Обидно, что я проиграла, — задумчиво вздохнула я. — Извини, что подвела.

— Под же-е-енский монасты-ы-ырь ты меня подве-е-ела, — Эврард поднял брови, а потом театрально и тяжело вздохнул. — Ничего без меня сде-е-елать не мо-о-ожете! Почему сразу я-я-я? Да за что ста-а-арому, больно-о-ому челове-е-еку все э-э-это?

Эврард обиженно встал с дивана, отвернулся и заложил руки за спину.

— Не-е-ет у вас со-о-овести! И не-е-е было! Кошмар какой! Пойде-е-ем, Цвето-о-очек! У-у-угол — это слишком мя-я-ягко. В тюрьму-у-у тебя посажу-у-у! Как ты могла-а-а! Расстро-о-оила меня!

Меня тащили за собой из кабинета. Он что? Серьезно? В тюрьму? Я пыталась сопротивляться, возмущалась, даже предприняла попытку укунить руку, меня иногда кормящую и слегка недосаливающую.

Эврард довел меня не только до отчаяния, но и до знакомого подземелья, положил руку на дверь одной из камер, и она открылась.

— Кто здесь? — перепуганно и затравленно спросил неизвестный узник. — Опять пытаться?

— Да-а-а! Сейчас тебя души-и-ить будут и разукра-а-ашивать! — ехидно заметил Эврард, закрывая дверь. К стене был прикован уже местами разукрашенный... Не может быть! Тот самый рабовладелец, который меня тогда выставил на аукцион!

— Для тебя бере-е-ег, — умилился Эврард, глядя на мою реакцию. — Тебе нра-а-авится пода-а-арок?

— Мм, — замялась я, глядя, в каком состоянии находится «подарок».

— Я на тебя оби-и-иделся. Ты все-е-ем не уме-е-ешь принимать пода-а-арки! Я больше тебе ничего дарить не бу-у-уду! — обиделся Эврард. — Дава-а-ай, Цвето-о-очек, расскажи ему про новый марке-е-етинг, покажи проду-у-укию. Рекрути-и-ируй, а я над душо-о-ой отлетающей постоею.

— Я на все согласен, — задыхался узник, пытаясь вырваться и сплевывая грязные волосы с распухшего после побоев лица.

— Так нече-е-естно, — мне на плечо легли руки. — Цвето-о-очек так гото-о-овилась! Так стара-а-алась, что легкой смерти я тебе не обеща-а-аю. И попробуй только оби-и-идеть Цвето-о-очка! Я сглотнула, понимая, что имею дело с самой хитрой змейкой на свете.

— Здравствуйте, как я могу к вам обращаться? — вежливо заметила я, подходя к несчастному.

— Ты мо-о-ожешь с ним обраща-а-аться как хо-о-очешь, — Эврард обнял меня. — Ла-а-адно, молчу-молчу...

— Мы предлагаем вам не только работу, но и стиль жизни! Вас устраивает ваше нынешнее состояние? — поинтересовалась я, вспоминая основные шаблоны На меня смотрела угрюмая, распухшая от побоев морда с заплывшими глазами.

— Подска-а-азываю! Не о-о-очень устра-а-аивает, — меня поцеловали в щеку. — Продолжа-а-ай! Смотри, сколько-о-о у него бо-о-олей. Кака-а-ая прекра-а-асная целева-а-ая!

— Вы заинтересованы в косметическом бизнесе? У нас есть конебонус, отдых за счет фирмы и жилищная программа! — продолжала я, глядя на страдальца. — В ней могут участвовать даже новички!

— Он уже вста-а-ал в очередь на до-о-омик два на два и два в глубину-у-у! — ехидно заметил Эврард, потершись носом о мои волосы. — Набра-а-ал нужное количество баллов, обидев Цвето-о-очка, и скоро его полу-у-учит!

— Мм... — я сглотнула, понимая, что человека надо как-то заинтриговать. — У нас качественная продукция органического происхождения с натуральными компонентами!

— Дерьмо, что ли? — прокашлялся узник, сплевывая кровью из разбитой губы.

— Видишь, Свето-о-очек, клиент возража-а-ет! Бори-и-ись с возраже-е-ениями! — заметил бесспорно гениальный директор, внимательно глядя на меня.

— Вы только попробуйте! — улыбнулась я, доставая из сумки флакон с той самой гремучей смесью. — Отличное качество! Доступная цена! Каталог обновляется каждый раз после взрыва в лаборатории!

— А я тебя выпу-у-ушу, если ты согласишься с нами сотру-у-дничать! — сладко предложил Эврд.

— Я же сказал, что согласен! На все согласен! Что нужно сделать? Купить флакон? Да я все покупаю! Только у меня с собой денег нет! — заныл узник, шурясь заплывшими бойницами глаз и рыдая, как ребенок.

— Держи-и-и за мора-а-альные страда-а-ания, — через секунду вместо кандалов у мага за спиной красовался знакомый наручник. Маг встал, пытаясь сохранить равновесие и освободить руки, скованные за спиной. Эврд засунул монетку ему в рот.

— На фше... — простонал маг, сплевывая ее мне на ладонь. Я посчитала, сколько флаконов, прикинула, что в каталоге новой продукции еще нет, поэтому заявила:

— У меня для вас хорошая новость! У нас акция! Берешь два, пять в подарок! — я повесила сумку на шею магу, который наверняка пожалел о том дне, когда поймал меня. — Все, можно отпускать в поля!

— Ой! У-у-учить тебя не переучи-и-ить! — закатыл глаза Эврд. — А как же катало-о-оги? Что он пока-а-азывает людям бу-у-удет?

Ой! Сто каталогов в жопу я еще не пихала.

— Ты пока катало-о-огами займись, снабди первого че-е-ека всем необходи-и-имым и да-а-ай напутственное сло-о-ово! — заметил Эврд, пока я тащила из соседней кладовки каталоги, пихая их в сумку, висящую на шее нового рекрута. — Запо-о-омни, сете-е-евой — это свобо-о-ода!

Пока наш новый партнер буквой «зю» тащился к выходу, осознавая, что сетевой — это действительно свобода, Эврд исчез.

— Помни, ты продаешь не людей, ты продаешь образ жизни! — напутствовала я, засовывая еще один каталог в и без того неподъемную сумку.

Пока я возилась с новобранцем, открывая ему двери, рядом материализовался Эврд с довольной улыбкой.

— Мне кажется, что он не вернется, — вздохнула я, глядя, как убегал вниз по лестнице наш новый рекрутер. — Я бы не вернулась после такого!

— Там запи-и-исочка лежи-и-ит, что, как только прода-а-ашь все, я откоро-о-ою нару-у-учники.

Ключ у меня-я-я, — сладко заметил Эврд. — Кста-а-ати! Драконьи сердца-а-а только что отписа-а-али мне свою фи-и-ирму.

— Ты завоевал мир? — удивленно спросила я, понимая, что в замке остались мы одни. — Ты счастлив?

— Мы завоева-а-али. Если сча-а-астье измеря-я-яется деньга-а-ами, то мы о-о-очень сча-а-астливы! — меня обняли и повели по коридору.

Эврд открыл одну из комнат со странной дверью, впуская меня первой. Я сначала не поняла, что это лежит, зато потом увидела настоящую гору золота! Внезапная радость почему-то сменилась чем-то странным, неприятным и тревожным.

Я смотрела на все эти сокровища, не веря своим глазам. Нет, это не иллюзия. Деньги настоящие!

— Подпиши зарпла-а-атную ве-е-едомость, — протянули мне бумагу. — Форма-а-альности, чтобы пото-о-ом прете-е-ензий не было.

— Какие претензии? Я? К тебе? Претензии? — удивилась я, глядя на бумагу и обычную шариковую ручку, которую мне протянули следом. Мою, между прочим, вонзлевскую! — Я что-то не понимаю! Ты за кого меня держишь?

Вся радость от победы выветрилась, пока я пробегала глазами документ.

— То есть ты мне не доверяешь? — я посмотрела в глаза человеку, которому доверилась, и который не доверяет мне.

— Де-е-еньги, де-е-етка, снима-а-ают с люде-е-ей намо-о-ордники, — спокойно заметил Эврд. — Даже кре-е-епкие се-е-емьи разруша-а-аются из-за де-е-енег! Не о том ду-у-умаешь. Ты лучше ду-у-умай, что ты смо-о-ожешь на них купи-и-ить!

Я смотрела на золото, которое почему-то казалось мне уже не таким желанным. Среди монет маячили квартиры, машины и даже яхта, но не любовь. «Тебя будут любить за нас!» — звенели монеты, перекатываясь в моих руках. «Ты сможешь купить любого!» — шуршали украшения, когда я их рассматривала. Тысячи мужчин будут добиваться моей благосклонности, глядя на мою роскошную машину, подъезжающую к новому дому. И я никогда не избавлюсь от ощущения, что красивой и желанной делают девушку не водка и макияж, а деньги, которые у нее есть.

— Знаешь, то, что я хочу купить... хотела бы... или купила бы, если бы могла, за деньги не продается, — покачала я головой, снова бросая взгляд на обещанные и, как выяснилось в итоге, реальные горы золота.

— Вот опя-я-ять! Все продаете-е-ется, Цвето-о-очек. Гла-а-авное, сойтись в цене, — закатил глаза Эврард. — Даже любо-о-овь. Допу-у-устим, ты и впра-а-авду меня лю-ю-юбишь... Допу-у-устим. Я знаю только одно-о-о, что если бы мы встре-е-етились с тобой де-е-есять лет назад, то ты бы про-о-осто прошла ми-и-имо, скривившись при виде тако-о-ой нищеты. Я даже е-е-ел три раза в неде-е-елю. У меня не было ничего-о-о. Так что не обма-а-анывайся и не обма-а-анывай. Я прекрасно знаю цену твоей любви-и-и.

Ага, расскажи мне грустную историю о том, как ты заработал себе денег и отработал харизму!

— Я не подпишу. Мне хочется, чтобы ты мне доверял, — категорически покачала головой я. — Не хочу, чтобы пункт: «За прочие услуги» делал меня какой-то...

Я скривилась, отодвигая его руку с ручкой и бумагой.

— Какие мы принципа-а-альные! Хорошо-о-о, я дам тебе ша-а-анс доказать, что любо-о-овь — это не иллюзия! — задумчиво произнес Эврард, глядя мне в глаза. — Выбира-а-ай между деньга-а-ами и мно-о-ой!

— Я выбираю тебя, — усмехнулась я, беря из его рук ведомость, разрывая его на мелкие кусочки и бросая в воздух. Я победила. Я доказала. Это самое железное из всех доказательств. Яхты, квартиры, машины таяли в воздухе. Сказочные острова и виллы растворялись, словно призраки. — Я выбираю тебя. Согласна на съемную квартиру, согласна на две пачки быстрого супа и даже на один пакетик чая на двоих. И тебе я буду заваривать пакетик первым. Как-то так.

— Разочарова-а-ал меня Цвето-о-очек, — почему-то нахмурился Эврард, глядя на меня как-то нехорошо. — Ты же знаешь, что я не смогу быть твоим, как бы не хоте-е-ел!

— Не можешь быть моим, Эврард, просто будь, — негромко ответила я, чувствуя, что он сомневается, бросая на меня странные короткие взгляды. — Мне от тебя ничего не надо...

— Все вы так говори-и-ите, — вздохнул Эврард, шелкая пальцами. В воздухе открылся портал. Сначала в него полетела моя сумка, а следом я.

— Проща-а-ай, Цвето-о-очек! Ты сделала непра-а-авильный выбор, поэтому без выходного посо-о-обия! — послышалось вслед, пока я пыталась понять, что сделала не так. Где я допустила ошибку? Неужели я должна была выбрать деньги?

Ай! Я лежала на клумбе возле моей многоэтажки. Рядом валялась сумка, из которой вылетели телефон и визитки. Время было позднее, вокруг — никого. Не может быть! Он не мог так поступить! Я... Я не верю!

Глава 16 Любовь — состояние

Любовь — это состояние.
Осталось выбрать где — на счету или в душе?

Долго осматриваясь по сторонам, видя знакомые лавочки и даже тот самый мусорный пакет, который забыли под окнами за пару дней до моего исчезновения, я пыталась осознать, что происходит, и прийти в себя.

Мимо проехала машина соседа, заезжая на соседний газон. Где-то неподалеку жалобно мяукала кошка. В небе слышался гул пролетающего самолета. Я встала, проморгалась, подбирая сумку и

полностью разряженный телефон. Где-то в кармане сумки лежал аккумулятор. Подсоединив дрожащими руками провод, я терпеливо ждала, когда загорится экран, молясь, чтобы хватило зарядки. Ладно, ключи хоть на месте. Странное чувство, словно меня обложили ватой. Я не чувствовала земли под ногами, не понимала, что происходит вокруг, сжимая в руке заряжающийся с нуля телефон.

Не знаю, что буду говорить по поводу моего очень длительного отсутствия, но фраза «хлеба в соседнем магазине не было, пришлось идти в дальний», боюсь, не прокатит. Надеюсь, поймет. Хотя сам далеко не святой! Я же ничего не сказала по поводу его внезапного ухода на две недели? Не стала устраивать скандал? А когда он ушел на месяц, чтобы потом вернуться и молча завалиться на диван как ни в чем не бывало? Что мне тогда заявили? Радуйся, что вернулся! О как! Вот и, так скажу! Почему ему можно, а мне нельзя?

Приложив таблетку ключа к домофону, я вслушивалась в знакомый писк. Дверь открылась, а на меня дохнул сыростью подвал. Я поднималась по ступенькам, присматриваясь к соседским дверям. Почему-то мне казалось, что это иллюзия. Да! Скорее всего это иллюзия! Ха, решил меня испытать!

Пахло жареной рыбой, за железной дверью гудел телевизор, и кто-то кому-то что-то доказывал. Ободранный соседский половик, съехавший с места, обнажал залежи серой пыли.

Я подошла к своей двери, провела рукой, понимая, что если это и иллюзия, то очень реалистичная. Сейчас проверим! Я достала из-за наличника ключ от почты. Об этом никто не мог знать. Даже муж! Иначе убил бы меня! Мало ли! Везде враги, везде шпионы и какие-то колонны, марширующие против линии правительства. А я, балбесина, ключ от старого почтового ящика не ношу на шее! Там же конфиденциальная информация в виде рекламных буклетов, визиток и прочего мусора!

Я вставила ключ, повернула его до щелчка, чувствуя, как дверь поддается. Почему-то теплилась надежда, что, как в сказке, в этом мире прошло всего лишь несколько минут с момента моего внезапного исчезновения и никто ничего не заметил.

Запах жареной рыбы усилился, пытаясь задушить меня дешевым домашним уютом. В комнате вещал Виктор Евгеньевич: «... Зло не дремлет, а враги режима... отбирать у простых граждан все кровно нажитое... мировое зло — вот причина инфляции...» На кухне что-то шкворчало и шипело.

— Слушай внимательно, — послышался голос мужа в тот момент, пока я снимала обувь. — Дело говорит! Я тебе что рассказывал? Мировое зло не дремлет! Цены на бензин растут из-за его происков!

— Какой ты умный, — вздохнул женский голос со всей лаской и нежностью. Так! Я что-то не поняла. — Ой, у меня рыба горит! погоди! Поставь на паузу! Я тоже хочу послушать!

— Грядет кризис!!! — театрально заорал Виктор Евгеньевич, а я уже чувствовала, что являюсь его первым предвестником, слушая, как кто-то возится с тапками, и ожидая, когда откроется дверь.

Дверь в комнату наконец-таки открылась, и на меня с ужасом смотрела светленькая девушка в моем халате и в моих тапках. Так мало того! На ней были еще мои серьги и кольцо! Которое, между прочим, мне подарила мама на совершеннолетие!

— Ой! А ты кто? Что ты здесь делаешь? — охнула блондинка, раскрыв глаза и увидев меня. — Слу-у-ушай! Тут какая-то невеста пришла! Грязная, правда...

— Где? Что? Кто? — послышался взволнованный голос благоверного под скрип дивана. — Ты что, Котенька? Какая невеста?

Судя по шорохам и скрипам, гражданский супруг искал тапки.

— Под диваном посмотри! — мрачно заметила я, раздумывая снимать обувь и переобуться. Смотрю, что здесь кто-то уже резво переобулся, а я прямо сейчас готовлюсь снять мерки на макинтош! Нет, я, конечно, все понимаю, но вдруг я пропала без вести? Вдруг меня какой-нибудь маньяк в подвале удерживал? А тут я сбежала, пришла домой, израненная, замученная...

— Э... — обомлел без пяти минут муж, уставившись на меня, как на древнее зло. — Котенька, пойд... рыбку... проверь... Я тут...

— Кто это? — удивленно прошептала блондиночка, ревниво сощурился глаза. Выбирая между подгорающей рыбкой и мной, она, разумеется, выбрала меня. — Сестра? Или та проститутка-

бывшая? Которая бросила тебя ради какого-то мажора? И та, которая кинула тебя на деньги? Вынесла последние деньги из дома? И кредит на тебя повесила? Это она?

— Здра-а-австуйте! — сладко и гадко поздоровалась я, поднимая брови, пока семейная идиллия была согласна на кого угодно, включая приставов, коллекторов и участкового, решивших навестить их в столь поздний час.

— Да-а-а, детка. На целых двести рублей кинула! Просто баскетбольный бросок! Сразу в очко-о-о! Вынесла последние двести рублей, которые сама же заработала! А вот про кредит я вообще в первый раз слышу! А на что кредит брал? — поинтересовалась я, нехорошо улыбаясь. — По потере желания быть трудоустроенным? Под залог трудово-о-ой книжки-и-и?

— Неправда! Он один всю вашу семью тянул, неблагодарная! — возмутилась блондинка. — Хоть бы совесть у тебя была! А то стоило мужику потерять работу, ты сразу слиняла, мол, тебе нищеброд не нужен!

— Куда он тянул семью, я не знаю, но дотянул ее до задницы! — усмехнулась я, глядя на те же потертые штаны. — И где же мы сейчас работаем? А?

— Он ищет работу! — гордо ответила блондинка. — И скоро найдет!

— Терпе-е-ения тебе, де-е-етка, еще на пятиле-е-етку! — гаденько выдала я, глядя на девочку, которая еще не знает, на что подписалась.

— Котенька, тебе нельзя волноваться, — прошептал мой без пяти минут муж своей новой пассии. — Подумай о ребеночке...

Я сейчас прослезюсь... Нет, милая. Сейчас, конечно же, не волнуйся. Волноваться ты будешь, когда узнаешь цену памперсов! А когда поймешь, что твой муж — профессиональный безработный, вот тогда можно бить панику!

— Так, выметайся отсюда, пьянь! Котенька, да она просто пьяная! Катюша! Иди на кухню! Я сам разберусь! — блондинку выпроваживали на кухню, но ей тоже было интересно, где же я шлялась.

— Ноутбук сюда! Какой-какой? Мой! И вещи мои! — заявила я, глядя на умильную семейную сцену, в которой поцелуйчиками обмениваются напоказ.

— Нет здесь твоего ноутбука и твоих вещей! — заявила Котенька, вскинув голову и показав вздернутый носик. — Никакого ноутбука здесь нет! И не было! Ты же все пропила! Ты что? Забыла?

— Отлично! — вздохнула я, чувствуя, как меня выталкивают на лестничную клетку.

— Пошла вон отсюда! Иди туда, откуда пришла! — послышался голос того, кто чуть не стал моим мужем. — И не приходи сюда!

Я спускалась по знакомой лестнице, чувствуя, как не могу проглотить ком в горле. Телефон зарядился на двадцать пять процентов. Я включила его и увидела на календаре, что наступила осень. Кусая губы и пытаясь не плакать, я добрела до скамейки, закрывая лицо руками от редких прохожих. Сегодня я потеряла все. Абсолютно все. У меня больше ничего нет. Мысль о том, чтобы пойти и свести счеты с жизнью, казалась вполне адекватной, но... Ничего, я сильная. Я справлюсь... Я справлюсь... Справлюсь! Куда я денусь?

Глубокий и тяжелый вздох заставил меня взять телефон. Перед глазами расплывалась телефонная книга.

— Алло, Карина... Тут такое дело... Выставил на улицу... Да, — я сглотнула, чувствуя такую сердечную боль, что сложно было передать словами. — Нет денег на гостишку! Хорошо...

Спасибо тебе... Сейчас доберусь...

Посидев немного на скамейке, пытаясь найти хоть какую-то мелочь, завалившуюся под подкладку сумки, я глотала слезы. Эвхард... Да за что ж ты так со мной... Чем я это заслужила? И снова сильно заболело сердце, заставив меня положить руку на грудь. Ничего, не первое в жизни расставание. Переживем. Я сказала, что переживем, значит — переживем!

Я шла пешком шесть остановок, пока мимо меня проезжали красивые машины и горели светом окна квартир. А у меня могла быть квартира в центре... Могла быть... И машина, не хуже этой, которая езжает во двор... За что? Чем я так провинилась? Почему?

Дверь квартиры открылась, на пороге появилась Каринка в плюшевом халате, глядя на меня с ужасом:

— Ниче себе, как тебя, мать, угораздило! Что, все-таки дотащила до загса, а он передумал?

Ладно, проходи...

Запах чужой квартиры, кот, который трется об меня, и чужие тапки, выданные мне на входе. Есть все-таки у меня единственная подруга. Как же я ей благодарна..

— Давай в душ, а я чай сделаю. Держи одежду! — зевнула Карина, пряча в карман свой телефон. — Там твой «Вонэль» еще не кончился! Тот, что ты мне в прошлый раз втюхала! Ну и... прости гадость ваша продукция! У меня чуть волосы не вылезли! Прямо прядями лезли! Я кивала, соглашалась, но ничего не слышала. Ванна набиралась водой, я смотрела на знакомые флаконы и чувствовала, как по щекам текут слезы. Плитка с дельфинчиками, черные швы, старенькое полотенце и засиженное мухами зеркало.

Я захлебывалась рыданиями, проклиная и обожая одно-единственное имя, на которое отзывалось горечью и сладостью мое сердце. Я ненавижу его... Ненавижу... И люблю... Неужели это конец? Неужели он мне не поверил?

Лежа в ванне, я смотрела на потолок, понимая, что еще немного — и сорвусь в истерику.

— Полотенце на сушилке! Только сегодня повесила! Чистое! — послышался голос Каринки с кухни и звук закипающего чайника. — Тебе чай или кофе?

— Без разницы, — ответила я, понимая, что мне уже все равно.

Вытирая волосы, я сидела на кухне и пила травяной чай, глядя, как на поверхность всплывают листья и целые бревна заварки.

— Вот говорила я тебе! — бухтела Карина, наливая мне суп в тарелку. — А ты мне что?

Сетевой! Это свобода! Маркетинг свой таскала! Давай, дескать, бросай обычную работу и к нам! В нашу дружную секту! Будем песенки петь и лапшу на уши вешать людям! Нет чтобы нормальную работу найти! Кассиром, например. Бухгалтером! Нет, свобода!

Я смотрела на то, как играют в кружке чайники, пытаюсь согреть руки и сердце, которое медленно покрывалось коркой льда.

— Каталоги... У нас новый каталог! Я теперь первый чек! В магазине — чек! — бухтела Карина. — И мужик у тебя говно! Нашла себе принца без коня, работы и жилплощади! Любовь! Морковь! Лапша все это! Гнать его надо было после того, как он тогда вернулся!

Я перебирала ложкой лапшу и морковку, глядя на зеленую скатерть-клеенку.

— Ладно, не кисни! Козлов на всех припасено! Да, козел попался! И что? Конец света? — фыркнула Карина, пока у меня перед глазами стояли зеленые глаза и знакомая улыбка. «Да-а-а, я козел. Зато че-е-естный!» — звучал в голове любимый голос. Вот если бы закрыть глаза, а потом их открыть и узнать, что все, что происходит сейчас, это иллюзия... Как хорошо было бы... Я ведь многого не прошу... Просто чтобы это была иллюзия... Испытание... Я закрыла глаза, чувствуя, как по щекам сбегают слезы.

— Ничего, мужик пришел, ушел... Хрен поймешь их! С работой вопрос решим. Пока поживешь у меня. Тут, кстати, в торговую палатку на овощи продавец требуется! Оплата каждый день!

Для начала сойдет! Все ж лучше, чем «Встречайте каждый день с „Вонэль“». Я тебе говорила, не лезь в сетевой! Толку никакого! Но разве ты меня послушала? Нет! А теперь что? Ладно тебе рыдать! Ну козлина он! Мы тебе еще нормального найдем! Хочешь, я тебя со своим двоюродным братом познакомлю? Нормальный парень, слесарем работает!

Я задыхалась от рыданий, вспоминая каждый жест, каждый взгляд, каждую интонацию. В сумке звякнула СМС-ка. Я достала телефон, утерла слезы и прочитала: «Завтра в 10:00 собрание Привилегированного Совета компании „Вонэль“. При себе иметь блокнот и ручку».

— Че? Уже извиняется? — усмехнулась Каринка, ставя на стол дешевое печенье. — Люблю-люблюшечки? Прости-простишечка? Утю-тю! Жить без тебя не могу!

— Что-то типа того, — вздохнула я, глядя, как в недоеденный суп капает слеза.

Я лежала в темноте, стараясь не скрипеть чужим креслом, и чувствовала, что начинаю ненавидеть его. Как хорошо было бы просто ненавидеть... Ночь казалась бесконечно долгой и мучительной. На пару часов я уснула, сворачиваясь в клубочек и понимая, что никого рядом нет. Нет вредины, которая рассказывает, что он «ста-а-арый, большой человек», нет любимого запаха сандала, нет руки, лежащей на мне. Ничего больше нет и не будет никогда!

— Эвард! — тревожно всхлипнула я в полусне, а потом завернулась в одеяло и беззвучно зарыдала.

Утро встретило меня промозглой сыростью и решимостью жить дальше. Ничего, люди как-то выживают... Но я знаю одно. Я возненавижу любого мужика, от которого пахнет сандалом. Я буду ненавидеть этот запах всю жизнь. Никогда у меня не будет духов с похожими нотками.

— Я ненавижу его, — прошептала я, чувствуя, что чужая подушка за ночь промокла от слез. — Он разрушил мою жизнь.

— Не вздумай опять в свой сетевой вляпаться! — заметила Каринка, заправляя кровать и собираясь на работу. — Бери одежду, дуй в палатку и договаривайся с хозяином!

Я напялила чужую дешевую блузку, чужую юбку, которая была мне велика, и чужие туфли, которые оказались мне малы.

— Ну все! Держи вторые ключи! Вечером расскажешь! — махнула Карина, закрывая дверь. — Удачи тебе! Ни пуха ни пера!

Она полетела в свой гипермаркет, а я спускалась по лестнице, мысленно считая ступени новой жизни. На углу дома стояла та самая палатка, о которой мне рассказывали.

— Девушка, не проходите мимо! Виноград сладенький, как ты, малышка! Бери! Не стесняйся! Я тебе скидочку сделаю, красавица! — мне в лицо ткнули гроздь винограда, вокруг которой тучами роилась мошкара.

Я молча отошла, посмотрела на время и встала на остановке. Нет, сетевой я не брошу. Неважно, что происходит в жизни, но мне нравится то, что я делаю. Не бывает хороших работ и плохих. Есть твое и не твое!

Доехав до офиса, я поднималась в конференц-зал, понимая, что опоздала как минимум на полчаса. Ничего, за мной тут и так шлейф тянется после выступлений актера второго плана на вебинарах. Мне не привыкать к косым взглядам.

Дверь зала была приоткрыта, и оттуда доносился мужской голос:

— ...Следующий слайд, пожалуйста. Выплаты на структуру увеличились на пять процентов! Вот сетка от консультанта до...

Я сглотнула, встала на цыпочки и приоткрыла дверь еще немного, проскальзывая хитрой змейкой внутрь. На четвертом ряду за очень большой тетей в розовом платье было пустое место, на которое я приземлилась, осторожно доставая старенький блокнот и ручку.

— ...Лидерские бонусы... С уровня директора и выше вы получаете лидерский бонус... — прокашлялся какой-то квадратный мужик с залысиной, ослабляя галстук, — два процента от оборота... Следующий слайд.

Я записала «2 %», обвела их ручкой, понимая, что давно не рекрутировала. Моя рука старательно выводила любимую каракулю-ромашку, которую я педантично штриховала.

— ...Автобонус с уровня консультанта, вступившего в... — распинался мужик, пока неподалеку кто-то сладко зевал. — Балл на покупку компании теперь равен...

Я уже нарисовала стебелек, обдумывая будущую жизнь. Я еще не скоро захочу отношений. Простить предательство сразу двоих не так-то просто, даже если сама не святая.

— ...Изменение маркетинга в связи с покупкой компании... — распинался лысый, отблескивая капельками пота. Ага, я под его видео отлично засыпала. Судя по сопению, многие тоже практикуют такой акт неуважения к почетному бизнес-тренеру. — Поприветствуйте!

Дверь открылась, а я как раз остервенело заканчивала свою ромашку и просчитывала новый маркетинг, осознавая, что ничего особо не изменилось. И тут в абсолютной подобострастной тишине раздался голос, после которого моя попа-гурман замахнулась на целый ряд стульев.

— Здра-а-авствуйте!

Попа-гурман облизывалась уже на соседние ряды. Большая тетя передо мной нервно заерзала на стуле, пока я свернулась и сжалась, прячась за потной розовой скалой. Нет, я еще успею сбежать! Если что — окно открыто! Двадцатый этаж и полет фантазии вниз... Там в палатку еще не требуется девушка на овощи? А на мясо? «Девушка на мясо» тоже неплохо. Все, я завязываю с сетевым! Раз и навсегда! Уйду в кассиры! Да куда угодно! Я уже недавно отработала три месяца бесплатно по большой-большой любви к руководству!

— Я проанализи-и-ировал рабо-о-оту фирмы...

Так, тетя! Сиди и не ерзай! Не вздумай куда смещаться!

— Когда-а-а же вы нау-у-учитесь рабо-о-отать, де-е-евочки? В ва-а-ашей стране пенсия — это недостижи-и-имое удово-о-ольствие. Хотя для не-е-екоторых из вас это не что-то призра-а-ачное, что дышит в спину, а неоспори-и-имый фа-а-акт! — мурлыкал знакомый голос, а по залу распространялся запах дорогих и знакомых духов, который я жадно потянула носом. Сердце нервничало и бешено колотилось. Сандал.

Если я прямо сейчас брошусь на него со стулом, мне трудно будет объяснить этот неловкий момент обезглавливания компании. С колен у меня упал блокнот, когда я пыталась одним

глазком выглянуть из-за чужой спины и посмотреть на самую бессовестную тварь сразу в двух мирах!

— Рабо-о-отайте, де-е-евочки, — закончил свою речь Эввард. Я все-таки осмелела и выглянула. Ничего себе! Подстригся! В деловом костюме! Хоспади! — Мне ну-у-ужен замести-и-итель. И та-а-ак...

Нет, пожалуйста... Я подняла одной рукой блокнот и тут же уронила ручку, которая закатилась под соседний ряд. Девочки, не соглашайтесь! Ни в коем случае! Я не ревную! Что вы! Себя пожалейте! Если я прямо сейчас с криком: «Спасайся кто может!» выбегаю за дверь, это не будет слишком невежливо по отношению к новому руководству?

— Не зна-а-аю, кого вы-ы-ыбрать из этого цветника-а-а... Где мой цвето-о-очек... — мурлыкал Эввард, пока девушки, женщины и даже бабушки заметно оживились, тая от восторга при виде этой обаятельной заразы.

— Кактус тебе в какус, — цедила я сквозь зубы, пытаюсь ногой нашарить ручку и подтянуть ее поближе.

— Все свобо-о-одны... А очарова-а-ательная девушка в четвертом ряду-у-у, которая изо всех сил тяне-е-ет ножку, остае-е-ется. Елизавета? Да? Отлично!

Нет, спасибо, не надо! Я не согласна! Большая тетя с кряхтением встала, отлепила от потной попы юбку и поплелась к двери, трамбуя фирменный блокнот в огромную сумку.

Я спряталась за ней и попыталась покинуть конференц-зал.

— Де-е-евушку в идио-о-отской блу-у-узке в горо-о-ошек, на кото-о-орый у меня майоне-е-еза не хва-а-атит, не выпуска-а-ать! Охрана! — послышался голос, пока я пыталась смешаться с толпой.

Дорогу мне перегородили, а я обреченно обернулась, дожидаясь, когда последние чеки покинут зал.

— Иди сюда, бессо-о-овестный Цвето-о-очек! — послышался голос. Не-а, фигурки! Два раза в одно и то же болото... Спасибо, лучше я терминируюсь!

— Что ж ты так разне-е-ервничалась, не могу поня-я-ять, — Эввард подошел ко мне, а я смотрела на непривычно аккуратную стрижку, костюм и часы. — Отдохну-у-ула от ста-а-арого, большого челове-е-ека?

И тут у него в кармане зазвонил телефон. Где-то перекрестились все учителя иностранных языков, стараясь забыть перевод песни.

— Да-а-а... Не-е-ет... Не да-а-ам, — сладко заметил Эввард, не сводя с меня взгляда. — Размечта-а-ались... Переда-а-ам.

Он сбросил вызов, пряча телефон в карман.

— Цвето-о-очек, тут тебе приве-е-ет передают! И сразу двойно-о-ой. Но я твой номе-е-ер не да-а-ам! — игриво заметил Эввард, а у меня в сумке пришла эсэмэска с незнакомого номера: «А мы тебя вычислили, принцесса! У нас маркетинг лучше! Пройди по ссылке!» Ага, сразу в карьер или на галеру!

— Что-о-о? Как он может быть лу-у-учше? У меня для Цвето-о-очка персона-а-альный маркетинг! — обиделся Эввард, читая мое сообщение.

— Ага! По большой любви, в которую ты не веришь! — кивнула я, стараясь не смотреть ему в глаза. На экране завис слайд, на котором были расписаны все звания, проценты и выплаты.

— Оби-и-идела ста-а-арого, больно-о-ого челове-е-ека! — обиделся еще сильнее Эввард, пока я стояла и думала, что сейчас самое время тихонько забить его стулом. Мне на телефон упала еще одна эсэмэска. Перечисление денег. Ничего себе! Сколько? Ой-ой-ой! Мм...

— У всех после-е-еднее зва-а-ание — дире-е-ектор, а у тебя — супру-у-уга. Если поднимешь компанию за три ме-е-есяца! — сладко улыбнулись мне, когда я подняла глаза на Эвварда. Отлично! Супруга! Поднять компанию за три месяца, которые медовыми не назовешь!

— А если я не согласна? — возразила я. — Думаешь, я тут в одиночку костями лягу? Да ты продукцию видел? Животным повезло, что на них ее не испытывали!

Меня взяли за подбородок и кивнули: «Да-а-а что ты говори-и-ишь!»

— Да тут работы... — сдавалась я, чувствуя, как меня обнимают.

— А я буду помога-а-ать, — сладко анонсировали мне, обнимая двумя руками.

— Ага, знаю я твою помощь! — занервничала я, чувствуя, как опьяняет знакомый запах сандала и как я уже трусь о дорогой пиджак.

— Куда я с совме-е-естного дива-а-ана де-е-енусь? — сладко продолжало это чудовище, отрезая мне все пути к отступлению.
— Ну... если так... то хорошо, — засопела я, нервничая все сильнее и кусая губы.
— Я горжу-у-усь тобой, де-е-етка, — прошептал Эврард, наклоняясь для поцелуя. — И все-е-егда горди-и-ился...

Эпилог

«Нет, не полечу. Смы-ы-ысла нет. Еще немно-о-ого, и они компанию за бесценюк будут отдавать. Мы это организу-у-уем». Я зевнул и снял гарнитуру. Договор пока отложим.
— Ах ты, змей подколотый! — послышался голос, а я тихонечко притаился в предвкушении. Какой нервный у меня Цветочек! Неужели заметила? — Да я тебя сейчас задушу! Обожаю, когда она злится. В дверях стояла моя маленькая фурия с каталогом. Какие мы грозные. Ну-ну...
— И щито тако-о-ое? — улыбаюсь я, прекрасно зная, что на шестой странице красуются новые духи «Мон Флер» и ее фотография. Да-да, та самая, которую я бережно стащил и отдал дизайнерам.
Мне в лицо ткнули раскрытой страницей, на которой самой красивой улыбкой на свете улыбался мой Цветочек в летнем платье.
— А щито поделатъ? — горестно вздыхаю я. Нет, все-таки я — молодец. Мало того что утащил, так еще и присутствовал на обработке. Такой нежный и милый цветочек по имени Ли-и-иза. Да-а-а. Ну-ну, детка, чего ты так нервничаешь? Да, те самые... Да, хит продаж... И?
Каталог полетел на диван, а моя колючка засопела.
— Эврард! Ты бессовестный! — возмутилась она, а я видел, что Свето-о-очек уже почти не злится. — Как ты мог? Я же сказала, что против! Нет, надо было все сделать по-своему! Внимание! Я плету интригу!
Сейчас в меня полетит еще один каталог для дистрибьюторов, где мой Цветочек рассказывает о продажах. А вот и он! Ловлю! Ура, пойма-а-ал!
— Ой! — я снова люблюсь ее фотографией. — Мо-о-ожно почитать? Ту-у-ут Свето-о-очек расска-а-азывает о прода-а-ажах? Ничего-о-о себе! Какой у меня Свето-о-очек молодец! Кто молодец? Я молодец! Кто правил интервью, кто запятые проставля-я-ял? Та-а-ак, детка, полегче... Не надо в реда-а-актора бросать поду-у-ушкой! Научил на свою ста-а-арую, седу-у-ую и несчастную голову! Цветочек! Так, ловим Цветочка, заворачиваем в одеяло и... Кто тут куса-а-ается? Все, моя маленькая. Да все я прекрасно понима-а-аю. Не хотят к тебе в структуру. Не хотят к Цветочку, зато хотят в круиз. Сопит мой Цветочек, как все ежики, из-за того, что я приколся с гале-е-ерой! Все, успокаивайся. Все получится. Я и так тобой горжусь. Надо будет завтра пересмотреть договор с... Цветочек! Ну вот не может полежать минут пять со старым, большим человеком! Уже ноутбук тащит.
— Эврард, я видео через час писать буду! — вздохнула она, отвечая на письма. — Времени мало, уже два месяца прошло! Ты сегодня никуда не летишь?
Ну кто? Вот кто меня за язык тянул? Нет чтобы просто сказать: «Выходи за меня!» Нет! За три месяца поднимешь компанию... Вот и выгребай! Ай-ай-ай. Куда пошла?
— Здравствуйте, меня зовут Елизавета. Я — первый чек компании... Да что с микрофоном! Ты будешь работать, гадина, или нет? — послышалось из соседней комнаты. Два часа но-о-очи! Это писец! Караул!
Она прокашлялась, и снова послышалось жизнерадостное:
— Здравствуйте! Я — Елиза... Нет, ну что за фигня? Отходит, что ли? — всхлипывает мой Цветочек, который очень хочет замуж.
Не могу. Встаю и иду в соседнюю комнату, где сопят все ежики мира, разглядывая штекер на фоне брендированной стенки.
— Де-е-етка, — я осторожно вытащил шнур из теплых и нервных ладошек, которые не хотели с ним расставаться. — Ну что-о-о такое? Ложись спа-а-атеньки... А? Завтра-а-а всегда можно сломать то, что не успе-е-ела слома-а-ать сегодня! Я кому сказал!

— Эврард, — на меня посмотрел самый хитрый Цветочек на свете, доставая ноутбук, когда мне удалось дотащить ее до дивана.

«Девочки! — надиктовывала она, лежа на диване. — Ну нет у нас круиза. В следующем году обещает к руко...!»

— Эврард, ну что ты...

Да, детка, да... А что, я не могу погладить то, что мне тут подставля-я-яют? Вот и гла-а-ажу! Цветочек вздохнула, пока я остороженько интриговал себя кружевом, приподнимая юбочку. Ай-ай-ай, ну вот как тут устоять? Блмыс! Ой, это не я! И это тоже не я. Нет, я ничего не делаю. Я контрактом занимаюсь. Кстати, надо будет пересмотреть условия слияния компаний. Не нравятся мне. От слова «совсем». Прия-я-ятно, когда чьи-то юристы идиоты! Ладно вот здесь себя обманули, но вот это...

— Девочки, вы вообще работаете на фирме ради круиза? Мы тоже хотим в круиз! Все туда хотят! — нервничал Цветочек, беря меня за руку. Да-а-а, я здесь, ма-а-аленькая.

— А Цвето-о-очек туда уже пла-а-авал, — нет, ну могу же я повредничать? Хочу и вредничаю! — Приде-е-ется собира-а-ать новый гаре-е-ем! Так! Я пошутил с гаре-е-емом! Я тут посчита-а-ал оставшиеся нервные клетки и понял, что семейно-нервны-ы-ый бюджете-е-ет его не потянет!

Нет, ну могла бы и поревновать ради приличия! Я так не игра-а-аю!

— Я уже показывала вам маркетинг! Какая информация, кроме круиза, нужна для принятия решения? — сдавалась Цветочек. Молодец! Горжусь!

Ла-а-адно, сейчас пойду покурю, а то она бушевать будет. Главное, дверь на балкон плотно прикрыть и охрану предупредить. Так, и гиде у нас тут... Нашел. Звоним.

— Бы-ы-ыстро вводите круиз на следующий го-о-од. Так и быть, раскошелюсь. Презентацию переделать! Пять минут даю! Заливайте на са-а-айт! Завтра скину расче-е-еты по круизу. Сопит моя девочка, нервничает. Та-а-ак, залили или нет? Ра-а-аз, два-а-а... Что это они очень медленные? Я сейчас улыба-а-аться буду. Нехорошо улыбаться. Успели, ла-а-адно, а теперь плетем интригу...

— Эврард, — устало выдохнул мой Цветочек, глядя на меня сонными глазками, когда я решил погладить ее теплую спинку. — Я их сегодня дождю. Обещаю, дождю. Круиз им нужен? Они что, ради круиза работают? Не могу понять! У нас выплаты в сеть больше! У нас бонусы лидерам!

— Круи-и-из? — Я достаточно удивился? Достаточно. — У нас есть круи-и-из!

— То, куда ты посылаешь людей, круизом не считается! — зевает моя детка. — Это галера!

— Ай-ай-ай! Цветочек не знает про круи-и-из? Не может бы-ы-ыть! Позо-о-ор! — нет, ну вы посмотрите, как меняется ее лицо. Да-а-а, детка, да-а-а! — На сайте все е-е-есть, включая усло-о-овия уча-а-астия!

Занервничала. Ну-ну. Вкладочка открывается, ежики сопят, я тихонечко отползаю. Так, не улыбаемся, а то заподозрит. Да она и так все поняла.

— Что?! — заорал мой Цветочек, присматриваясь к фотографиям. — Откуда-а-а?! Ах ты...

— Подска-а-азываю: люби-и-имый, — нет, ну надо же помочь бедному Цветочку. Вот зря я тогда сказал ей про компанию, зря!

— Готово! — выдыхает Цветочек, кидая ссылку на регистрацию кому-то в сообщении. — Завтра с утра регистрируются. Фух! Кто молодец? Мы молодцы!

— А гиде мое спаси-и-ибо? — Нет, надо обижаться. Приятно, что есть тепленькие части тела Цвето-о-очка, которые на меня не обижа-а-аются. Ай-ай-ай, что ж ты меня интригуешь! Я случайно, так и было! Да-а-а, кружавчики нака-а-азаны. Они с нами спать не будут, они будут спать на полу-у-у. Вот мой маленький, сладенький Цвето-о-очек. Вре-е-едина моя! Кто меня тут соблазняет маленькой ладошкой? А? Фисе! Попа-а-алась! Поздно, Цве-е-еточек... Ам! Ам! Нет, ну разве она не пре-е-елесть? Да, моя ма-а-аленькая, да...

Я — ста-а-арая разва-а-алина!

Вот что я вижу в зеркале? Кто на меня тут грустно смотрит утром? Откуда это утро китайского пчеловода? Я се-е-едой! Может, покрасить волосы? Хотя... Эх... Вот в мо-о-олодости я бы идио-о-отом! Не всегда, конечно, но бы-ы-ыл! Гиде моя молодость?

— И кто это у нас тут страдает? — ядовито и нежно заметил мой нехороший Цветочек, вставая на цыпочки и кутаясь в полотенце. — Бе-е-едненький, ста-а-аренький, больно-о-ой челове-е-ечек...

Все! Я обиделся! Теперь точно обиделся! Не буду разговаривать! Переписываться будем, а разговаривать нет! Будет сопеть мой цветочек, лежа рядом и набирая мне же сообщение: «НЕ ПОВЫШАЙ НА МЕНЯ ШРИФТ!» Это у нас сандали громкие, а скандалы у нас тихие! Их обожа-а-ают сотовые операторы! На одном нашем сканда-а-але кто-то из местных операторов купил себе маши-и-ину!

— Да ладно тебе, — меня тут по спинке гладят бессовестной ладошкой. — Ну чего ты, я пошутила.

А я обиделся. И фисе.

— Ну сколько тебе лет? Не нужно тыкать мне свой паспорт. Там тебе двадцать девять! — фыркает Цветочек. — А на самом деле, мой молодой и энергичный? Давай признавайся! Семьдесят?

— Щито?! — я даже не знаю, как у меня это вырвалось! Я что? На семьдесят выгляжу?

Хоспади!!! Сначала мне просто даю-ю-ют, а потом сразу дают семьдесят! Не-е-ет!

— Эврард, — потерялся об меня мой Цветочек. — Я пошутила. Так сколько?

— Лю-ю-любимая моя вну-у-учка! Любимым де-е-едушкам халат не развя-я-язывают! — протягиваю я, глядя на свое отражение. Нет, ну вы на нее посмотрите! Вот только что обидела, а уже... Молчу!

— Шестьдеся-я-ят? — ядовито протянул мой Цветочек, играя пояском моего халата. Добей меня, любимая, добей! — Пятьдеся-я-ят?

Хоспади! За щито мне все это? Чем я так провини-и-ился? А?

— Со-о-орок? — поинтересовался Цветочек, снимая свое полотенце.

— Где-то та-а-ак, — соглашаюсь я. Как же меня интригует то, что я вижу, а вот то, что я гла-а-ажу, меня интригует еще сильнее. Иди ко мне, ма-а-аленький, бессо-о-овестный Цвето-о-очек! Сама напросилась! Думала что? Соблазнила и упорхнула! Не-е-ет! Вот глаза у нее бессовестные. Красивые, но бессо-о-овестные! И губы-ы-ы сладкие, но бессо-о-овестные. И ножки бессовестные! Все тут бессовестное! Фисе мое!

* * *

Цвето-о-очек, у меня через четыре часа самолете-е-ет! Тебя там драко-о-он сожрал? Де-е-етка, я жду-у-у! — как же здесь фисе скучно. Может, охрану за водичкой посла-а-ать?

— Ваш кофе! — с приторной улыбкой замечает девушка-администратор на выданье, ставя на столик ча-а-шечку. А Цвето-о-очек красивее! Бе!

— Себе-е-е оставь! Я это пи-и-ить не буду! — возмущаюсь я, глядя на кружечку. — Иди рабо-о-отай! У тебя что-о-о? Работа — ко-о-офе подава-а-ать?

И ведь стоит, улыбается, чай предлагает. Терпеть не могу! Фу! Гиде мой Цвето-о-очек! Она не мо-о-ожет там чу-у-уточку быстрее-е-е?

— Цветочек! Меня сейча-а-ас уведу-у-ут! — громко произношу я, глядя, как девочка из салона свадебных платьев поворачивается ко мне самыми выгодными ра-а-акурсами! — Меня тут уже перекрути-и-ируют, пока ты вы-ы-ыберешь!

Ра-а-аз, два-а-а...

— Кто?! — из примерочной вылетел мой Цветочек в очень милом пла-а-атье. Нет ну сла-а-авненько, сла-а-авненько смо-о-отрится! О-о-очень! Интере-е-есно, как его снима-а-ать потом?

— Кто посмел?! — Цветочек уже увидела кофе и дебильную улыбочку администраторши. Нет, надо было ей тогда сказать, что дракон — это де-е-евочка и она меня перекрути-и-ировать хочет. А потом отойти в сторо-о-онку, чтобы кровушкой не забрызгало. Жа-а-алко ящерку..

— Девушка, — взяла себя в руки Цветочек, нехорошим взглядом глядя на преувеличенное декольте администраторши. — Застегните пуговицы и отойдите в сторону.

Пря-я-ятно, когда меня защища-а-ают. Администратор исчезла, а Цветочку уже несли следующее платье.

— Напомина-а-аю. У меня через три часа сорок мину-у-ут самолете-е-ет! — ради приличия напомнил я, понимая, что уже никуда не полечу.

— А как же муха? — ехидно заметил Цветочек, чем-то шурша в примерочной. — Или бабочка? Взял бы и долетел на своих двоих с радостным жужжанием. Давай вспоминай полет шмеля!

— А документы ко мне привя-я-язывать будут? Предста-а-авь муху с диплома-а-атом! — Я не могу. Обожаю ее чувство юмора. — Тем бо-о-олее, что здесь это не срабо-о-отает.

— Бз-з-здра-а-аствуйте! — веселился Цветочек, снова шурша в примерочной. — Ты его всеми лапками держи свой дипломат!

Прозвенел колокольчик, появилась та бесстыдница и бросилась к двери. «Проходите, чем могу вам помочь?» Помочь она мо-о-ожет! Ничего она не мо-о-ожет! Мы тут с Цвето-о-очком сами себе помога-а-аем!

Ух ты! Какая пре-е-елесь маячит на пороге! Какие люди без охраны, на которую еще не заработали! Как же так! Смотрите, чтобы це-е-ены вас не искусали! Они здесь куса-а-ачие!
— А есть че-нить попроче? — спросил этот хмы-ы-ырь. Я что, не узнаю его? Коне-е-ечно, узна-а-аю. Гла-а-авное, чтобы цвето-о-очек своего бы-ы-ывшего не увидела. Отечественное? А то тут все импортное...

— Пройдемте в соседний зал, — вежливо предложила администратор, косясь в сторону моего шурашащего Цвето-о-очка. Я знаю, почему она так долго! Она там еще рекрути-и-ирует параллельно! Моя де-е-евочка. Ну-ну, я тоже про гуля-я-яюсь.

— Цвето-о-очек, — я заносу пять нарядов в примерочную, где Цветочек, высунув язык, что-то набирает на телефоне, а вокруг нее снует персонал, что-то подгибает, поправляет... — Мне эти пла-а-агья понра-а-авились... О-о-очень...

— А как же самолет? — прищурился мой Цветочек, похожий на сладкий-сладкий тортик.

— Перенесе-е-ем! — отвечаю в надежде, что успею. Нет, ну упустить такую возможность я просто не могу. Я же не усну.

Хоспади! И это соседний зал? И што это? Это платье? Спасите мои глаза-а-а! Покружился бы я тут мухой. Нет, Цвето-о-очек сюда даже заходить не бу-у-удет. А вот и наши друзья-я-я!

— Заюшка, если твоя бывшая-проститутка нам заплатит, то можем взять это! — блондиночка с пизиком тыкала пальчиком на «ой-ой-ой». — Ничего, у меня дядя в полиции работает, а твоей проститутке скандал не нужен! Пятое заявление ему подадим!

— Я же говорил тебе, Катюша! Прогнила система. Виктор Евгеньевич говорит, что это — дело рук мирового зла! Они хотят завалить нашу страну экономически! — бухтел этот идиот. Вот и что она в нем нашла? Куда ее глаза смотрели? Страшен, как моя жизнь! Беден, как церковная мышь! Нет, ну что-то же нашла... Хм... Вот не надо об этом думать, а то расстраиваться начинаю! Комплексова-а-ать.

— Не, ну она по-любому заплатит. Она своей этой сетевухой так дорожит, что капец! Так что меряй, Котенька! — расщедрился этот диванный олигарх. Куда мне до него! Вот скажите!

— Не, ну зай, — причитала эта Ка-а-атенька. — Ты один всю семью тянул! Почти детей и внуков обеспечил!

Сло-о-он, сдохший возле мураве-е-ейника, детей и вну-у-уков обеспе-е-ечил!

— Что-то ж ты раньше не сказал, что она у тебя столько вещей вывезла к своему хахалю? Чайник электрический...

Я сейчас умру-у-у. У меня есть ча-а-айник! Рублей за пятьсо-о-от! Не больше! Де-е-етка, почему ты мне не сказа-а-ала, что ты мне ча-а-айник притарака-а-анила? Зло любит пече-е-еньки, поэтому ему нужен ча-а-айник, чтобы запива-а-ать их!

— Не, ну как-то неловко было, — пожал плечами ее бы-ы-ывший, рассматривая ценники и хмурясь. — Про стиралку вообще заикаться не хотел. Расстраивать тебя не хотел, милая.

А-а-а! У меня есть стира-а-алка! Хоспади! Это из серии: отвернулся в режиме отжима, а маши-и-инка уже в Пари-и-иже вместе с твоим бельем? Если вы про нее, то она у нас вокруг дома-а-а ска-а-ачет. Отжима-а-ает и отжима-а-ается. Охраня-я-яет. Охрана не справляется, а стира-а-алка — молодец! Ну-ну... Хоспади! Обожаю идиотов!

— И видак забрала! Почти новый! Главное, кассеты оставила, а видак утащила! — жаловался бе-е-еднежный.

Я сейчас распла-а-ачусь. Я сплю-ю-ю в обнимку с этим видако-о-ом, и с микроволно-о-овкой, и с холодильником «Снежи-и-инка», которые вы указали в заявлении. Вот неугомонные. Тут мои юри-и-исты улыба-а-аются местным правоохранителям, охрана проверяет почту на предмет вызова на допрос моего Цвето-о-очка, которая об этом не знает и знать не должна. Я уже в лицо-о-о знаю всех модера-а-аторов соцсете-е-ей, которые удаля-я-яют рассказы о том, как известная бизнес-ле-е-еди обу-у-ула несча-а-астного мужика на ча-а-айник.

— Молодой челове-е-ек, — я достаточно сдерживаюсь? О! Обернулся! — Я протира-а-аю вашу «Снежинку» ка-а-аждый де-е-ень. Тря-я-япочкой!

Смотрите, как напрягся! Прямо сейчас с кула-а-аками бросится! Ай-ай-ай.

— Ты кто такой? — хмуро интересуется потерпевший от нашего с Цвето-о-очком произво-о-ола.

